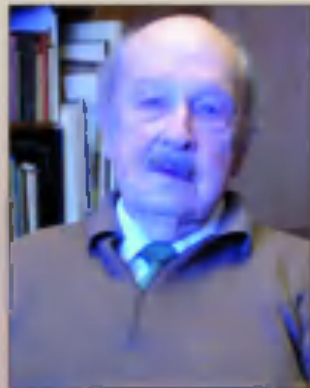

Памяти
Г. С. Кнабе

ПАМ'ЯТИ
Г. С. КНАБЕ

•

Книга 1

Харьков
ПРАВА ЛЮДИНИ
2014

УДК 821.161.1(477)-94
ББК 84(4Укр=Рос)6-44
П 15

Художник-оформитель
Б. Е. Захаров

Под общей редакцией
Н. И. Немцовой, М. А. Блюменкранца

Сборник издан по инициативе и на средства
Л. А. Федоровой

Памяти Г. С. Кнабе. Книга 1 / под общ. ред. Н. И. Немцовой,
П 15 М. А. Блюменкранца. — Х. : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА», 2014. — 420 с., фотоилл.

ISBN 978-617-7266-06-7.

УДК 821.161.1(477)-94
ББК 84(4Укр=Рос)6-44

- © Г. С. Кнабе, наследники, 2014
- © Н. И. Немцова, М. А. Блюменкранц, составление, 2014
- © Б. Е. Захаров, художественное оформление, 2014

ISBN 978-617-7266-06-7

*Сборник посвящается
памяти выдающегося ученого
Георгия Степановича Кнабе
(20.08.1920 — 30.11.2011)*

Вступление

Георгий Степанович Кнабе — крупнейший отечественный культуролог, историк, филолог, философ. Автор многочисленных трудов по античной литературе, переводчик античной литературы, он не только выдающийся ученый, но и незаурядный человек. Каждый текст его и каждое выступление светятся талантом и остроумием. Он принадлежит кругу блестящих российских ученых, среди которых: Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров, Л. М. Баткин, М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревич, С. С. Аверинцев, А. М. Пятигорский, Вяч. Вс. Иванов...

Г. С. Кнабе родился 20 августа 1920 г. в г. Коканде, возле Ферганы, в тогдашнем Туркестане, нынешнем Узбекистане, в семье преподавателей местной гимназии. Его мать была француженкой, и первый язык, на котором он заговорил, был французский, а по отцовской линии далеко из 18 века (как он предполагал, из переселенцев из Швеции) тянулась немецкая составляющая его рода. По самосознанию, по культурной принадлежности, по образу мыслей и образу жизни он был рафинированным русским интеллигентом и блестящим интеллектуалом.

В 1922 г. семья переезжает в Москву и с 1924 года поселяется в районе Арбата. В арбатских переулках прошло его детство. В публикуемой здесь незавершенной его последней книге он рассказывает о своих детских впечатлениях арбатской жизни, где он наблюдал столкновение уходящей дворянской составляющей культуры с наступающим новым пролетарским обществом.

До войны Георгий Степанович учился (1938–1941) в ИФЛИ, в октябре 1941 ушел добровольцем на фронт (рядовой 1-го стрелкового полка 1-ой дивизии 3-ей Ударной армии). Тяжелое ранение в голову в бою за город Осташков на Северо-Западном фронте оставило его инвалидом

(мало кто догадывался, что он после этого видел только одним глазом, а в голове до конца жизни носил осколок). После госпиталя был комиссован и закончил в 1943-м МГУ по специальности «Иностранные языки и зарубежная литература». В 1956-м — кандидат филологических наук (темой диссертации был «Племянник Рамо» Дидро). В 1983 — доктор исторических наук (тема диссертации: «Корнелий Тацит и социально-политические противоречия раннего принципата в Риме»). С 1985 г. профессор, действительный член Российской академии гуманитарных исследований. Вице-президент Российской ассоциации антиковедов, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Член редакционно-издательского совета международного журнала по классической традиции (*International Journal of the Classical Tradition*). Член бюро международного издания «Корпус античных ваз» (*Corpus Vasorum antiquorum*).

Наряду с преподавательской деятельностью в различных ВУЗах (дольше всего во ВГИКе, на кафедре иностранных языков, где он выпустил двухтомный учебник английского языка для вузов искусств (*English for Art Students*. — М., Высшая школа, 1981), затем — в РГГУ, а также МГУ и ряде зарубежных университетов: Париж, Берлин, Саутгемптон) Георгий Степанович активно занимался научно-исследовательской деятельностью и публикацией своих трудов. Он — автор более 150 научных работ.

Г. С. Кнабе — свидетель и современник трудного 20-ого века со всеми его катаклизмами и трагедиями, с мрачными периодами российской истории. Тем не менее, сам он говорил, что его судьба миловала. Да, несколько неприятных эпизодов (о них рассказано в книге дружившей с ним Л. Лунгиной, и здесь, в сборнике, в воспоминаниях Марка Харитоновна) научили осторожности на всю жизнь. (Обстановка в стране создала не одно поколение, у которого осторожность была в крови.) Эту его сдержанность в высказывании мнений многие воспринимали как замкнутость. Но Георгий Степанович всегда сторонился политики,

зато был открыт всем явлениям, происходящим в культуре. Он был внимательным наблюдателем, чутко улавливал малейшие признаки перемен. Анализировал их и систематизировал картину мира. И эта его наблюдательность делала его взгляд прозорливым.

Вот как он сам обозначил зарождение своих интересов: «Первая встреча с Гегелем. С нее начиная, ряд встреч, определивших ключевые точки личного духовного пространства: 1949 — Томас Манн, 1952 — Корнелий Тацит, 1956 — А. И. Герцен, 1962 — Булат Окуджава, 1969 — Эдмунд Гуссерль».

Научная биография Г. С. Кнабе отражает и разделяет судьбу самой науки культурологии в 20-м веке. Его философско-эстетическое мировоззрение формировалось в прекрасном окружении. В юности он был близок к кружку Михаила Лифшица-Лукача, возникшему вокруг журнала «Литературный критик», в который в одно время входил и великий русский писатель Андрей Платонов. Затем, в 70-е годы, духовную обстановку думающей научной интеллигенции в Москве определяли неофициальные домашние теоретические семинары. Их вели выдающиеся ученые и мыслители: А. А. Реформатский (1900–1978), Е. М. Мелетинский (1918–2005), В. Н. Топоров (1928–2005), В. С. Библер (1918–2000), И. Д. Рожанский (1913–1994), Вяч. Вс. Иванов (1929), В. А. Успенский (1930), Р. М. Фрумкина (1931), А. К. Жолковский (1937) и И. А. Мельчук (1932) и др. Только от одного перечисления имен захватывает дух. Слушатели выбирали интересующие дисциплины: математика, физика, лингвистика, литературоведение, философия. Впрочем, участники семинаров были в обязательном порядке не только слушателями, но и докладчиками. То есть это были своего рода университеты. Здесь происходило знакомство с московско-тартуской семиотической школой.

Близкими друзьями Георгия Степановича были Шимон Маркиш, Сергей Аверинцев, Владимир Бахмутский, переводчик Сергей Гиждеу, археолог Леонид Алексеев, Мэри Абрамсон, а еще супруги Ярхо, братья

Вейнберги, Ирина Свенцицкая и Георгий Годер, Инна Алексеевна Барсова и Сергей Александрович Ошеров...

В 80-х годах Кнабе стал сам вести семинар по античному быту и культуре повседневности. Создал несколько собственных курсов лекций: «История мировой культуры (незападные культуры, европейские культуры)», «Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России», «Введение в семиотику культуры», «Культура Древнего Рима: введение в историю и культуру Европы».

Он разработал теорию семиотики культуры, концепцию аналитического подхода к историческому исследованию посредством семиотических инструментов. В этой теории все дошедшие до нас сведения и артефакты — литература, фрески, предметы быта — рассматриваются как семиотический знак.

Изучая вещный мир и искусство Древнего Рима в семиотическом аспекте, Георгий Степанович сумел по крупницам восстановить обстановку бесконечно далекого мира, одухотворить античность, приблизить ее, из холодного музейного мрамора превратить в ожившую, почти осязаемую ткань, заполнить живыми персонажами, имеющими свои характеры, эмоции, страсти, воссоздать воздух эпохи.

Но и современность тоже очень занимала и волновала ум Г. С. Кнабе. Независимо от возраста, он никогда не терял связь с современностью. Переключка Древнего Рима с современностью занимала его, и отражена во многих его книгах и статьях: ««Русская античность» в русском классицизме», «Европа с римским наследием и без него», статья о русской интеллигенция и ее судьбе. Он очень остро воспринимал происходящие процессы в современной культуре, меняющие европейский мир. Он придавал очень большое значение проблеме самоидентификации. Написав замечательную небольшую, но очень емкую брошюру «Жажда тождества», показал признаки изменения общественно-философской атмосферы и утраты самоидентификации европейской культурой. Разговоры с Георгием Степановичем часто за-

вершались повторяемой им как рефрен фразой: «Все происходит оттого, что сегодня не читают Гегеля».

В этом сборнике собраны воспоминания нескольких друзей Георгия Степановича, с которыми он общался в последнее время. Во второй раздел вошла его переписка.

В последнем разделе представлены неопубликованные тексты из научного наследия Г. С. Кнабе, в том числе начало незаконченной последней книги. Георгий Степанович говорил о своем намерении исследовать разрушительные тенденции и роль маргинальных неформальных анархо-движений, бурлящих где-то снизу под оформленными структурами нормально функционирующего общества.

Сюда же вошли и его неопубликованные заметки, сделанные для себя: мысли о прочитанном, о фильмах, раздумья, наброски к лекциям.

Н. Немцова

Часть 1

ВОСПОМИНАНИЯ

Инна Алексеевна БАРСОВА

Оглядываясь назад и всматриваясь в будущее

В один из дней накануне отъезда в Рим зимой 2013 года, я получила от Нинели Израилевны Немцовой предложение написать воспоминания о Георгии Степановиче Кнабе. Собираясь с мыслями, я взяла с полки его последнюю, подаренную мне книгу. Она называется «Европа с римским наследием и без него».

Дарственная надпись в этот раз поразила меня:

«Инночке на память через меня от Ревекки Борисовны, вместе с которой мы вчетвером так много, так часто и так интересно встречались и гуляли.

Г. Кнабе.

28 марта 2011 г.».

Четвертым был не названный Юрием Степановичем (Юрой) Кнабе мой муж — Сергей Александрович Ошеров. И я мысленно добавила:

«...через меня — Инну Барсову — примет эту надпись Сережа Ошеров».

Этот «союз» четырех, со временем ставший почти виртуальным — Сергей Александрович скончался в 1983 году, а Ревекка Борисовна в 2008, — все же существовал. Он странным образом объединял нас всех и после смерти двух собеседников.

За годы нашего знакомства (а состоялось оно в начале шестидесятых годов) мы встречались бесчисленное количество раз и общались

домами, в концертах, на конференциях, в разных местах летом и на зимних каникулах.

50 лет это не только затвердевшая цифра, внушающая ужас детям и молодым людям. Пятьдесят лет это — движение, ход времени: перед тобою «проходит жизнь» твоего друга. Да, она проходила, *свершалась* с ее невзгодами и радостями. Мы помним друг друга молодыми и стареющими, в моменты жизненного пика и в несчастье. Наша память держит и хранит в целостности эту единую неповторимую жизнь.

Но мне кажется, что Юрий Степанович изменился мало. Нечто главное в нем сохранилось нетронутым. Корпулентный, но подвижный, глубокомысленный, пугающе серьезный и одновременно остроумный, он — понимающий собственную неординарность — в непринужденном общении охотно обыгрывал свою внешность, а позже — и свой возраст. К слову, при виде дамы, которой он симпатизировал, он любил молодцевато подкручивать усы и издавать призывные междометия. Нередко в общественных местах Юрий Степанович порой иронично подчеркивал свою независимую позицию. Как-то раз на Випперовских чтениях (в 70-е годы) в Музее изобразительных искусств на Волхонке в зале, где высится Давид, перед самым началом какого-то доклада директор музея Ирина Александровна Антонова предложила удобно усевшимся слушателям покинуть свои места ради какой-то перестановки. «ЩА[с]!!!», — раздался в тишине густой голос Георгия Степановича, после чего никто не двинулся с места. Правда, с тех пор он почему-то перестал получать по почте бесплатные билеты на закрытые «Открытия» интересных выставок в музее.

Данная природой и отточенная ежедневным трудом за письменным столом или в студенческой аудитории *самость*¹ Георгия Степановича отличалась своеобразным сплавом поэтического восприятия мира и рациональности с явным преобладанием последней. Он, по-видимому, рано научился отбирать для своей жизни только то, что счи-

---

¹ Это слово любил употреблять в те годы Сергей Аверинцев.

тал осмысленным и целесообразным (а считал — непререкаемо!). Это свойство наложило отпечаток практически на все его поведение, всю жизненную организацию.

Остановлюсь немного на этом удивительном свойстве его натуры. Оно проявлялось, в частности, в выборе знакомых, а тем более — друзей. Конечно, жаль было бы тратить время на общение с неинтересным человеком, и это исключалось. Но Георгию Степановичу и Ревекке Борисовне было свойственно другое: находить каждому свое место в собственном жизненном «пространстве», т. е. азартно расставлять всех персон «по полочкам» не по их значительности — упаси Боже, — а по их человеческому типу. Я думаю, что и мы с Сергеем, во всяком случае поначалу, заняли в этой своеобразной картотеке свое определенное место.

Круг знаний Юрия Степановича в своей профессии был необъятен. Но он всегда стремился как можно больше знать о Мире. В этом помогала Ревекка Борисовна. Переводчица с испанского, она была в то же время настоящим знатоком русской истории и русской литературы. В семье было поставлено: она читает и рассказывает Юре обо всем интересном, что появлялось в печати. И он всегда «был в курсе».

Георгий Степанович упомянул в своей надписи на книге, как мы *«интересно встречались и гуляли»*. Да, застолья и прогулки памятли не только человеческой радостью встреч, но и беседами. *Кнабе-собеседник* — особая тема. Как уклонялся он от случайных знакомств, так не выносил он и болтовни, «трёпа» во время домашних встреч. Часто он стремился направлять (порой весьма энергично) темы разговоров. Они могли касаться вещей общественно насущных или абстрактных, но никогда не удовлетворялся он поверхностным скольжением, стремясь проникнуть в глубину предмета.

Особый интерес представляли в этом отношении прогулки. Как правило, они происходили летом во время каникул или в выходные дни. Как много троп и дорог было исхожено за эти годы и вместе, и каждой парой порознь! Все началось с ранних шестидесятых, когда мы все

вместе, может быть случайно, оказались в Отепя — крохотном (тогда) эстонском городке южнее Тарту — в озерном крае.

Уже не случайно, а передавая друг другу «хороший» адрес (который нашел Кнабе!), живали мы в отпуске летом в одном и том же доме, в одной и той же комнате (!), но в разное время, в Ильзенбурге на Гарце в Восточной Германии (это было при советской власти²). По возвращении в Москву мы предавались веселым рассказам.

Из зимних совместных вакаций мне памятно пребывание в Академгородке Пушкино (Подмосковье), где однажды — в конце семидесятых годов — собралось в тот момент тесное московское общество: мы, Кнабе, Светлана Савенко, Татьяна Фрумкис. В тот год Натан Эйдельман прочитал в Институте белка в кафе «Желток» интереснейшую лекцию.

Нередко мы с Сережей приглашали супругов Кнабе на пешие прогулки под Москвой. У нас издавна стало традицией хотя бы раз в две недели по воскресеньям или по субботам откладывать работу и отправляться с рюкзаками за город. Так исходили мы едва ли не все Подмосковье. Одним из любимых мест оказалась близкая к дому Калужская дорога, где на сороковом километре напротив научного городка Троицк тогда — в семидесятые годы, — росли большие, еще не тронутые людьми леса. Туда мы пригласили как-то Юру Кнабе и Риту. Беседе не мешало застолье. Перед нами — намеченный маршрут. Ритм шага, усыпанная желтеющими листьями, освещенная солнцем спокойная дорога, неограниченное время для развития мысли, — все это располагало к диалогам. И особенно к монологам. Неторопливая, обдуманная речь Георгия Степановича, его голос, который и сейчас звучит в моей памяти, обнаруживали в нем лектора с хорошо усвоенной риторической традицией; забота о звучании трудно воспринимаемых слов или просто окончаний на согласную букву уже не тревожила его — это бы-

---

² Там же отдыхали в то время (когда Западная Германия оставалась для восточных немцев и для нас — советских — запредельной зоной), наши общие друзья — семья Смириных (античник Виктор, искусствовед Марина Сененко, их дочь Анна), Светлана Савенко (см. о ней в сноске 9 на стр. 18.).

ло, как говорится, в крови. Никогда не слышала я от него неряшливой, прерывистой речи.

Георгий Степанович Кнабе видится мне не только как единственная в своем роде, особая, уникальная личность, один из крупнейших специалистов в своей профессии. Я хочу сказать здесь о контексте его деятельности. Углубившись в прошлое, вспомним, что в последние десятилетия XX века в городе Москве (а я говорю сейчас только о ней) одновременно с ним учились и начинали самостоятельную научную жизнь молодые люди, как и он, решившие посвятить себя иностранным языкам, в том числе, античности — его будущие коллеги. Всему этому поколению досталась отнюдь не простая судьба, о которой мы часто забываем, наблюдая блестящий расцвет русского антиковедения в конце столетия. О состоянии советской классической филологии около 1960 года прозорливо писал Михаил Леонович Гаспаров в статье, посвященной памяти Сергея Александровича Ошерова:

«Она была лишена двух условий, необходимых для развития всякой науки: во-первых, преемственности поколений и, во-вторых, контакта с зарубежной филологией. В 1920–1930-е годы предметы классической филологии в университетах не преподавались: в ее истории оказался перерыв длиной лет пятнадцать, когда она восстановилась и когда ей стал учиться С. А. Ошеров, то его преподавателями были, так сказать, не отцы, а деды от науки: поколения отцов не было. Это были ученые дореволюционного позитивистского склада, они прекрасно знали древние языки, они по-настоящему любили древние литературы, но не знали, что должна делать с этим наука: разве что пересказать содержание, выделить и процитировать красивые места и сделать замечания о художественных особенностях»³.

Продолжая свою мысль, Михаил Леонович заметил: *«Учиться настоящей науке, складывать осмысление текстов в картину целостной*

---

³ Гаспаров М. Л. Предисловие // Сергей Ошеров. «Найти язык эпох. От архаического Рима до русского Серебряного века». Редактор-составитель И. Барсова. М.: Аграф, 2001. С. 5–6.

римской культуры с ее общими и специфическими чертами приходилось самостоятельно, по книгам. У старших это не находило понимания»⁴.

Плодом подобного непонимания стал скандал, разразившийся на защите кандидатской диссертации С. Ошерова (1959 год), когда официальный оппонент, всеми уважаемый Федор Александрович Петровский дал практически отрицательный отзыв на диссертацию⁵. Согласно принятым в то время правилам защиты, положение мог изменить лишь положительный отзыв какого-либо независимого оппонента (его называли «черным оппонентом»). Была приглашена Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек. После ее положительного отзыва Сергей получил, наконец, ученую степень кандидата наук. Однако *«Ошерову пришлось уйти в переводы и редактирование; его сверстник по науке Г. С. Кнабе долго ушел в лингвистику; более младший, С. С. Аверинцев, должен был в первые свои годы работать в Институте искусствознания»⁶.*

Возможность отойти от лингвистики появилась у Георгия Степановича в середине шестидесятых годов; тогда он начал «работу в области античной культуры и древних языков»⁷. В этот момент Симон Маркиш неожиданно передал Кнабе предложенный ему самому ранее перевод на русский язык «Истории» Тацита. Книга в переводе Георгия Степановича вышла в свет в 1969 году, и положила начало его капитальным исследованиям по истории и литературе Древнего Рима. Поначалу внедрению в тему немало способствовали публикации. Их осуществлял журнал «Вестник древней истории», где трудился наш общий друг Виктор Смирин, и серия «Библиотека античной литературы» (издательство

---

⁴ Гаспаров М. Л. Предисловие // Сергей Ошеров. «Найти язык эпох. От архаического Рима до русского Серебряного века». Редактор-составитель И. Барсова. М.: Аграф, 2001. С. 6.

⁵ Тема диссертации С. А. Ошерова: «Римский исторический эпос эпохи Республики и его традиции в «Энеиде» Вергилия». Ф. А. Петровский «категорически заявил, что по таким фрагментам, какие сохранились от Невия и Энния, невозможно делать какие бы то ни было обобщения» (Гаспаров М. Л. Там же).

⁶ Там же.

⁷ Кнабе Г. С. «Старым он не стал никогда...» // Древо познания и древо жизни. М. 2006. С. 699.

«Художественная литература»), редактором которой был Сергей Александрович. Выход из печати каждой книги этой замечательной серии воспринимался в нашей семье как настоящий праздник.

Георгий Степанович находился в созвездии блестящих профессионалов, талантливых и деятельных античников разных поколений, среди которых — С. Аверинцев, С. Апт, М. Гаспаров, М. Грабарь-Пассек, С. Маркиш, С. Ошеров, В. Смирин, С. Шервинский и другие. Одним из свидетельств тому может служить Программа заседания Випперовских чтений в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 1 февраля 1979 года. (См. фото в конце статьи. — *Ред.*)

Среди других интересов Юрия Степановича мне хотелось бы отметить его отношение к *музыке*. Я не знаю, учился ли он в детстве играть на каком-либо инструменте; скорее всего — нет. Но я сразу же отметила, что он ходит на концерты; это продолжалось до тех пор, пока позволяло его здоровье. У меня сложилось впечатление, что больше всего его интересует современная музыка.

Как и мой муж Сережа Ошеров, которого никогда не учили музыке, Кнабе, к счастью, не знал, что аккорд строится (точнее, *должен (!!!)* строиться) по терциям. Такие необученные слушатели воспринимали *диссонанс* как нечто естественное, столь же естественное, как и *консонанс*. Поэтому Юрий Степанович (как и Сергей) не испытывал ужаса перед двенадцатизвучными аккордами и прочими отклонениями музыки XX века от благостного мажора и минора. Будучи вооружен таким «открытым слухом», он мог воспринимать смысловую сторону музыки и давать сочинению и исполнению достаточно адекватную оценку. Так я помню его бурную критическую реакцию на концерт в Гнесинском зале 5-го февраля 1977 года. Сложная программа (она сохранилась в моем концертном Дневнике), в которой особенно выделялись «Реквием» Бориса Тищенко⁸ и «Пять стихотворений» ор. 27 Сергея Прокофьева

---

⁸ Оригинальное название цикла было снято по цензурным соображениям (концертная Программа хранится в архиве И. Барсовой).

(оба цикла на слова Анны Ахматовой), — пострадала от стилистической «нечуткости» исполнителей.

Мне кажется, что музыка интересовала Георгия Степановича как часть культуры современного мира, как концептуальное явление. Но конечно он воспринимал ее в полной мере эмоционально. Отмечу несколько волнующих его в то время пластов или отдельных проявлений музыкальной культуры. Это:

- вокальный цикл композитора Валентина Сильвестрова на слова русских поэтов «Тихие песни»;
- группа «Битлз»;
- Симфония Лучано Берлио.

Юрий Степанович неоднократно посещал исполнения «Тихих песен» Сильвестрова, которые пела Светлана Савенко⁹ сначала в фортепианном сопровождении своей подруги Татьяны Фрумкис. Исполнения музыки Сильвестрова далеко не всегда состоялись в академических концертных залах, но обычно «на разных площадках», как деликатно назвала их Таня, или — «в подворотнях», как энергично выразилась по этому поводу Светлана. Творчество Валентина Сильвестрова конца семидесятых годов вызвало решительное отторжение многих его коллег по авангарду. Что же касается залов, то малоизвестный киевский композитор с сомнительной репутацией бывшего авангардиста получить их просто не мог. Однако же этими «подворотнями» на некоторое время стали такие молчаливые хранилища культуры, как музеи — подмосковное Мураново (дом Тютчева), домик Балакирева в Нижнем Новгороде (тогда — Горьком), музей Музыкальной культуры им. Глинки в Москве, куда сбегались узнавшие о концерте студенты и друзья. Поэтому естественно, что частный дом — квартира Татьяны

---

⁹ *Светлана Ильинична Савенко* — музыковед, исследователь жизни и творчества Игоря Стравинского и музыки современных советских и русских композиторов. С. Савенко — камерная певица (сопрано). В ее репертуар входит музыка композиторов XX века. Среди выпущенных ею позже, совместно с пианистом Юрием Полубеловым, диски: «Арнольд Шенберг», «Антон Веберн», «Альбан Берг», «Валентин Сильвестров» (названия дисков даны условно).

Фрумкис, — стал надежным прибежищем, в котором специально для Юрия Степановича при небольшом стечении близких друзей однажды были исполнены и записаны на магнитофон «Тихие песни» целиком. Думается, в этой привязанности к вокальному циклу Сильвестрова соединились для Кнабе многие дорогие для него вещи. То были стихи гениальных русских поэтов, пропетые не на громкозвучном «государственном уровне», а сбереженные, сохраненные от грубых прикосновений самой тишиной. То была атмосфера и настроение еще не потерянной, живущей в нас культурной традиции. То была красота музыки и что-то еще, пока не нашедшее у меня слов, нечто, родственное описанной Георгием Степановичем «Арбатской цивилизации», но совсем на другом материале.

Помнится, неизгладимое впечатление произвела на Юрия Степановича запись Симфонии итальянского композитора Лучано Берлио (написана в 1968–1969 годах). Диск появился у меня после 1986 года¹⁰. Я принесла его в дом Кнабе, и мы вместе прослушали музыку (он, конечно, сделал копию). Юрий Степанович был поражен, но быстро вошел в этот немислимый ранее звуковой мир, в этот «хаос» несовместимых звучаний. Казалось бы, знакомые краски симфонического оркестра странно сочетались с неповторимым тембром вокального октета «Swingle Singers» (это было то ли пение, то ли вскрики). Рядом — отчужденные жесткие тембры электрогитары, электрооргана и электроклавесина. Но более всего потрясло включение в музыкальное произведение человеческой речи, целых кусков осмысленных фраз, разговоров, криков толпы, записанных на пленку. Альфред Шнитке обратил внимание на мешанину «звуков, которая ежедневно поставляется нам радио, телевидением, рвется из окон на улице и преследует нас в общественном транспорте»¹¹. Юрий Степанович услышал, узнал в этом сочинении тогдашнюю «кар-

---

¹⁰ Sinfonia Берлио была исполнена в апреле 1984 года. Orchestre National de France, New Swingle Singers, дирижер Пьер Булез.

¹¹ Альфред Шнитке. Третья часть симфонии Л. Берлио // Альфред Шнитке. Статьи о музыке. М. «Композитор». 2004. С. 91.

тину мира». Впечатление распада привычных связей, распада формы усугубляется выбором «материала» музыки: вместо авторских музыкальных тем — поток узнаваемых *цитат* из произведений европейских композиторов, поток, обладающий «огромным спектром эмоциональных, стилистических, исторических ассоциаций»¹². Руслом потока композитор сделал музыку Скерцо из Второй симфонии Густава Малера, основанную на его песне «Проповедь Антония Падуанского рыбам».

Трагическая, протестная концепция Симфонии Берлио была воспринята Юрием Степановичем как один из симптомов антибуржуазного бунта молодежи в Париже 1968 года — года, когда сочинялась Симфония. Он говорил мне об этом. Он остро ощущал признаки некоего *конца*, некоего *исчерпания* европейской цивилизации, с которым связывал многие, как концептуальные, так и бытовые проявления антибуржуазности¹³. Этой идеей, этим настроением проникнуты многие страницы его научных исследований, его книг «Древо познания и древо жизни» и «Европа с римским наследием и без него». Круг тем, из которых выстраивались комплексы «Рим — Европа — Россия», «Рим — варвары (скифы)», «Рим — Мир», — занимает все большее место в размышлениях и научных работах не только античников, но и многих мыслящих людей других профессий. Не случайно в последние десятилетия XX века родились такие статьи как «Сенека. От Рима к миру» Сергея Александровича¹⁴, «Европа. Рим. Мир» Георгия Степановича¹⁵.

---

¹² Альфред Шнитке. Третья часть симфонии Л. Берлио // Альфред Шнитке. Статьи о музыке. М. «Композитор». 2004. С. 88.

¹³ В таком свете виделось ему и творчество группы «Битлз», и крайне занимавший его воображение в те годы отказ от «буржуазного» стиля в одежде молодого поколения. Он называл это перевоплощение внешности *маскарадом*.

¹⁴ С. А. Ошеров. «Сенека. От Рима к миру». // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М. 1977. С. 324–353. Перепечатано в книге: Сергей Ошеров. Найти язык эпох: от архаического Рима до русского Серебряного века. М.: «Аграф», 2001. С. 194–227.

¹⁵ Кнабе Г. С. Европа. Рим. Мир // Пушкин: Тонкий журнал читающим по-русски. М., 1998. № 1. С. 33–36. Расширенный вариант опубликован под другим названием: Кнабе Г. С. Европа, Рим и мир // Древо познания и древо жизни. М., 2006. С. 563–582.

Чувство угрозы, ощущение возможного, хотя еще проблематичного *исчерпания Римского Пантеона* постепенно, как кажется, превращается в «болеую точку» европейца XX века. Пространственная подвижность понятий «скифы», «Скифия» делает эту категорию универсальной и потому словно бы неотвратимой. Действительно, для римлянина Овидия то был дикий Север — устье Дуная («...край, куда лишь с трудом доносятся южные ветры»). Для петербуржца Александра Блока — сама Россия, против которой воевала тогда Германия; на нее Блок переложил в данном случае функцию Рима («Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, / С раскосыми и жадными очами!»). Для человека начала XXI века — безразлично, русского или европейца, место обитания «варваров» — на юге.

Что же мог бы ответить на эти вопросы сам Великий Город, Рим XXI века?

Приехав в Рим, — вернемся к начальным строкам моего рассказа, — я, взволнованная предложением Нелли Немцовой, вновь двинулась по римским улицам и холмам, вопрошая его (я не первый раз в этом городе). И ноги привели меня к нужному месту, где я раньше никогда не бывала. Недалеко от площади Венеции я обнаружила городской комплекс, названный «Provincia di Roma» («Управление Рима по делам провинций и префектуры»), расположенный в палатце Palazzo Valentini. Во внутреннем дворике и у входных ворот возвышаются три бронзовых скульптуры. Одна из них — Улисс-воин, другая — Эней, на плечах выносящий из горящей Трои престарелого отца — Анхиса, за руку он держит малолетнего сына Аскания. Третья скульптура — Европа¹⁶. Изображена прекрасная молодая женщина, восседающая на земном шаре.

---

¹⁶ Скульптуры Улисса и Европы выполнены в 2005 году флорентийским художником и скульптором Сандро Киа (Sandro Chia, род. в 1946 году), одним из ведущих представителей итальянского поставангарда.

Архитекторы проекта не захотели воспользоваться для своего замысла ни античными, ни барочными историческими скульптурами. Черный металл в белокаменном Риме, современная, но не авангардная стилистика, все это — создания нового, XXI столетия. Но дело не только в скульптуре. Для каждого итальянца, каждого европейца и, быть может, других жителей Земли Одиссей, Эней, Европа — не просто слова из книг. С детства это наши спутники, обладающие редчайшей способностью — раздвинуть пространство отчего дома и увести нас в бескрайние просторы Мира.

ВИПЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-79

Культура и искусство античного мира
(к экспонированию выставки «Античное искусство
из Музея Метрополитен в Нью-Йорке»)

1 февраля

**Дневное заседание
Утреннего заседания нет**

1. Г. С. Кнабе	Теснота как историческая особенность римской гражданской общины
2. С. А. Ошеров	О географическом пространстве в римской эпосе
3. В. М. Смирин	Об одном парадоксе римского рабства
4. И. С. Свенцицкая	Культ императоров в греческих полисах Малой Азии
5. М. Л. Гаспаров	«Мозелла» Авсония

Программа Випперовских чтений — 79

Улисс-воин

Эней, на плечах выносящий из горячей Трои престарелого отца – Анхиса; за руку он держит малолетнего сына Аскания

Европа. Изображена прекрасная молодая женщина, восседающая на земном шаре

Наум Исаакович БАСОВСКИЙ

Георгий Степанович Кнабе: поэзия и вокруг неё

Получив приглашение принять участие в этом сборнике, я оказался перед достаточно сложной дилеммой. С одной стороны, мне не хотелось бы упустить возможность публично вспомнить дорогого для меня человека — Георгия Степановича Кнабе. С другой стороны, странно писать воспоминания об эпистолярном собеседнике, о человеке, которого никогда в жизни не видел, разве что на фотографиях. Его письма и параллельно прочитанные некоторые его работы позволили мне войти в его научный мир (в определённой степени, конечно), но не дают почвы для собственно воспоминаний.

И тут я подумал: письма! Обладая таким богатством, я могу поделиться им с потенциальными читателями сборника. Мы общались по переписке (изредка по телефону) достаточно долго — не менее десяти лет, сначала по обычной почте, потом по электронной. Не могу сказать, что наша переписка была очень интенсивной — обычно несколько писем в год. Но зато качественный аспект этой переписки настолько превосходил количественный (по крайней мере, для меня), что некоторые фрагменты наших писем могут в чём-то дополнить представление о широте его кругозора и глубине анализа весьма специальных моментов сегодняшней культуры.

Но это решение ставит меня перед необходимостью обширно цитировать и свои письма и тем самым вынуждать читателя посвятить своё внимание и моей персоне.

Пишу об этом потому, что общий «грех» многих вспоминателей — переключать внимание на себя любимого — нередко вызывал у меня нарекания. И вот я сам оказался в чём-то сходной позиции. Но поскольку наше общение возникло и выстраивалось вокруг моих поэтических книг, я должен очень кратко дать некий автобиографический фон и тут же попросить прощения за вынужденную саморекламу.

По своему образованию я физик-акустик, этим всю жизнь зарабатывал на хлеб, до 1992 года в Москве, а затем в Израиле. Но всю жизнь, параллельно с этим, писал стихи, и к настоящему времени в моём «послужном списке» 10 стихотворных сборников и немалое количество разнообразных журнальных и прочих публикаций. Практически вся существенная часть этого «багажа» представлена на моём персональном сайте <http://n-basovsky.narod.ru>.

Моя первая в Израиле книга «Свободный стих» была издана в Иерусалиме в 1997 году и в 1999 году удостоена премии Союза писателей Израиля как лучшая книга года на русском языке. Одному из первых я послал эту книгу в Москву моему старшему другу и наставнику, замечательному поэту и переводчику поэзии Александру Михайловичу Ревичу. Он высоко оценил её и попросил прислать ещё несколько экземпляров для передачи тем, кто особо заинтересуется.

В апреле 2000 года я получил письмо. На конверте я прочитал совершенно мне неизвестное имя: Г. С. Кнабе. В письме говорилось:

Многоуважаемый Наум Басовский, —

А. М. Ревич некоторое время назад передал мне любезно Вами присланный «Свободный стих». Я специально просил его об этом — мне очень хотелось иметь эту книгу дома и время от времени ее перечитывать. Впервые я прочел Ваши стихи в альманахе «Диалог» за 1996 год и долго находился под сильнейшим их впечатлением; до этого я Вашего имени не слышал. Мне казалось, что эра поэзии для России миновала — отчасти в силу общей атмосферы иронии и поверхностности той эпохи,

в которой мы живем и которую за неимением лучшего слова называем постмодерном, отчасти в силу обрыва традиции после всех перепадов, новых восстановлений и новых обрывов. Главное доказательство того, что это не так, что нить длится и поэзия жива, — Ваши стихи, в первую очередь восьмидесятых годов (и самые последние). Главное в них (для меня) — поэтическое ощущение страны, ее природы и ее истории, человека, ей принадлежащего, как живой и простой, непосредственно данной и непосредственно прочувствованной субстанции. И в то же время, при всей простоте и непосредственности, — субстанции, пережитой остро и глубоко, на срыве и изломе, человеком своего времени и своего поколения. Первое роднит Ваши стихи (опять же для меня) больше всего с КРом, второе углубляет их до горизонтов, великому князю неведомых...

Естественно, что я тут же ответил благодарственным письмом, в котором, в частности, писал:

06.05.2000

...Воистину праздником стало для меня получение Вашего письма. И дело даже не в тех высоких похвалах, которыми Вы удостоили мои стихи, — хотя, не скрою, они были мне весьма лестны и приятны. Самым существенным для меня было признание Вами места моей поэзии в русской культурной традиции — а от Александра Михайловича я узнал о том, какого класса Вы специалист в этих вопросах. Я вообще очень дорожу мнением читателей, которые это видят и понимают, потому что моя осознанная позиция состоит в том, что без опоры на прошлое нет будущего. Замечательно сказал об этом в свое время Ходасевич: «Дух литературы есть дух вечного взрыва и вечного обновления. В этих условиях сохранение литературной традиции есть не что иное, как наблюдение за тем, чтобы самые взрывы (...) не разрушали бы механизма». И далее: «Литературный консерватор есть хранитель

огня, а не его угаситель». Если мне что-то удалось сделать в попытках сохранения огня, значит, всё было не зря. И единственная Ваша похвала, которую я не смог оценить, это сопоставление моих стихов со стихами КР, которого я почти не знаю — довелось читать всего 4 стихотворения...

Вскоре пришел ответ Георгия Степановича, после чего переписка наша стала достаточно регулярной. Поэтому далее я опушу предполагавшиеся мной комментарии (кроме крайне необходимых) и буду просто указывать инициалы отправителя, дату письма и приводить важные, на мой взгляд, фрагменты. Итак:

Г. К. 05.06.2000

Dear Наум Басовский, —

припомните свое стихотворение 1981 года «Богом брошенная во-лость...». Потом найдите томик стихов КР (если в Израиле это невозможно, напишите — я постараюсь прислать), откройте цикл 80-х годов «Времена года», среди прочих ненадолго задержитесь хотя бы на таких стихах, как «Летом» («Давно черемуха завяла...»), «После грозы» («Гром затих. Умчались тучи...») или «Как жаль, что розы отцветают...». Затем сделайте главное: вычитите из опыта своего (и своего поколения) сто лет, и Вы увидите в остатке ту субстанцию духовно пережитой природы своей страны (и своей в той мере, в какой духовно пережитой), которая пунктиром живет в русской поэзии — Фет, в чем-то существенном Пастернак, в какой-то мере Самойлов. Разве КР и Вы — не крайние точки этого единого движения?

Традиция, преемственность, серебряная цепь и сохранение огня в этом движении воплощены и сохранены. Дело лишь в том, продолжается ли само это движение в то будущее, которого, по Вашим словам, «нет без опоры на прошлое», или перед нами их полный разрыв, смена галактик. Эта последняя перспектива дана нам многооб-

разно — в смене научных парадигм, в информационной революции, в архитектуре, в фильмах Гринауэя или фон Трира, но ощутимее всего — в том, что происходит с так называемой человеческой идентификацией, т. е. с ощущением себя каждым из нас в некотором «**МЫ**», куда входят и при наличии которого только и реализуются и цепь, и огонь, и преемственность. Дано ли оно Вам и как в окружающей Вас действительности?..

Н. Б. 09.07.2000

...Сердечное спасибо за краткое, но очень густое письмо, которое я читал и перечитывал много раз. Вы прочертили в нём очень лестную для меня линию КР — Фет — Пастернак — Самойлов, в крайней точке которой поставили меня. Такая оценка очень помогает жить в наше непростое время и в наших непростых обстоятельствах (впрочем, когда это время и обстоятельства были простыми?) — и не только жить, но и стоять на своей позиции вопреки всем энтропийным влияниям. К сожалению, я снова был не в состоянии оценить полностью Вашу мысль, поскольку ни у кого из людей моего круга в Израиле стихов КР не оказалось, а в антологии «Русская поэзия XX века» (Москва, 1999), которая есть у меня, представлены, как я уже писал Вам, лишь 4 стихотворения КР: «Когда креста нести нет мочи...», «Зарумянились клен и рябина...», «Последней стаи журавлей...» и «Из Крыма». Конечно, они дают некоторое представление, но не более того.

Что же касается моего собственного представления о том, в какой цепочке я нахожусь, то я составляю ее по тем фундаментальным влияниям, которые испытывал в разные периоды своей жизни. И выглядит эта линия так: Блок — Ахматова — Ходасевич — Луговской — Вл. Соколов — Тарковский. Отдельно называю как самых главных моих учителей — уже не по книгам, а в жизни — Анисима Максимовича Кронгауза и Александра Михайловича Ревича. <...>

Значительно труднее обстоит дело с ответом на вопрос ... — дано ли мне ощущение некоторого **Мы**, к которому себя причисляю, и есть ли такое ощущение в окружающей меня действительности.

Попробую всё-таки в этом разобраться и честно Вам ответить. Я родился и сформировался как личность в Советском Союзе, то есть в среде русской культуры, русской литературы, русского языка. Вне этой среды не мыслил себя ни ранее, ни сейчас. Возможно, что это и есть вышеупомянутое **Мы** — но только частично. Ибо примерно с начала 80-х годов я все сильнее и сильнее стал ощущать себя частью великой исторической общности — еврейского народа. В силу вполне ясных Вам обстоятельств я не владел ни языком, ни знанием традиций, ни даже знанием истории и культуры (отдельные обрывочные сведения — не в счет), — и, тем не менее, ощущение общности существовало, возможно, даже, на уровне генной памяти. И обе эти принадлежности вполне хорошо, как мне кажется, уживались в моих стихах. Во всяком случае, я не ощущал никакого душевного дискомфорта, когда писал такие вещи, как упомянутая Вами «Богом брошенная волость...» (и десятки стихотворений, наполненных сходными мотивами и просодией), и рядом с ними — такие тексты, как «Концерт варшавский», «Анфилада» и, наконец, «Экклезиаст». И после переезда в Израиль это двуединство сохранилось, разве что усилилась его еврейская составляющая. То есть, моё **Мы** сейчас — это сообщество людей, евреев по крови, по традиции, по религии и теперь уже по стране обитания, разделяющих ответственность за эту страну, но по-прежнему думающих, читающих и пишущих по-русски и ощущающих себя неотъемлемой частью русской культуры.

Не в моих силах предугадать, как долго сохранится такое сообщество в мире и, в частности, в Израиле. В любом случае уверен, что дольше сроков жизни людей моего поколения и, скажем, следующего. В историческом процессе это немного, но все же достаточно, по моему разумению, для того, чтобы попытаться внести свою лепту в великую русскую литературу. Некоторое количество знакомых мне людей не

оставляют таких попыток (и я сам в их числе), это и дает нам ощущение перспективы и бессмысленности бытия; все остальное — в руках Всевышнего...

Г. К. 31.08.2000

...Когда Вячеслав Иванов эмигрировал, поселился в Риме и стал библиотекарем Ватикана, он сказал: «Я впервые начинаю дышать двумя легкими». Эти «два легких» — аналог «двуединства», о котором пишете Вы; у него — православное и католическое, у Вас — русское и еврейское. Вопрос о возможности принадлежать чему-то своему, в этом смысле единственному, и в то же время быть открытым иному, иной ценности и переживать ее именно как ценность — центральный вопрос современной не только культуры, но и цивилизации. Есть смысл поэтому подвергнуть его более глубокому анализу. Если Вы такого смысла не видите и все нижеследующее покажется Вам слишком многословным и тяжеловесным, бросьте это письмо, не дочитывая. Мне важно попытаться разобраться в проблеме с опорой именно на «Свободный стих» — книгу во многих отношениях вообще замечательную и прямо связанную с обсуждаемой контроверзой, конечный же смысл такой попытки важен прежде всего для меня самого.

Есть, по-видимому, два уровня переживания своей культурной принадлежности. Один — экзистенциальный, при всей последующей рефлексии исходно досознательный, заданный первичным формированием личности; другой — обретенный, основанный на способности, на желании и готовности, услышав голос культуры, от первого уровня изначально отличный, пережить его как тебе открывшийся и близкий, и в этом смысле как свой. Формула первого — «Нам весь мир чужбина. — Отечество нам Царское Село» (Пушкин); формула второго — «Нам внятно всё — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений» (Блок). «Весь мир» отнюдь не был для Пушкина «чужбиной» — от

английского, байроновски-шекспировского фона ранних поэм и «Бориса Годунова», через маленькие трагедии, к восточно-иудейским опытам 30-х годов, мир этот постоянно тут. Но плоть и кровь культуры, постоянно и глубинно живущей в поэте и образующей его неповторимое духовное «Я», замешаны на чем-то ином — на античных тенях Царскосельских садов, на римски-палладианском классицизме дворцов, на «урне разбитой», изливаясь из которой «не сякнет вода», как не сякла она в нимфеях древнего Рима, и когда этого мира не стало, антично-екатерининский классицизм исчерпал себя, исчерпало себя всё живое, насыщенное античными обертонами наследие XVIII века, то дышать стало нечем, и осталось только встать под пистолет Дантеса. Точно так же у Блока. Германский гений и галльский смысл «внятны» на уровне итальянских стихов 1910 года, «Розы и креста», на уровне собственно культуры. А в глубине поэтического ощущения всю жизнь живет нечто, к ней не сводящееся (хотя от нее и неотделимое) — женственная основа мира в ее переливах от Прекрасной Дамы к Фаине, от Фаины к Кармен, от Кармен к России стихов 1915 года, от нее к Революции, и когда в этом последнем своем звене оборвалась (может быть точнее: обесмыслилась, если не опоганилась — смотри «Ни сон, ни явь» и наброски весны 1919 г., «Поп идет по солее» и др.) вся цепь, неожиданно пошли инфаркты. Никакие натуралистические объяснения не годятся — человеку 40 лет, и он наконец-то живет в установившемся нэповском благополучии.

Вы склонны эту дихотомию не слышать и исходить, как Вячеслав Иванов, из дыхания двумя легкими: «мое «Мы» сейчас — это сообщество людей, евреев по крови, <...>, пишущих по-русски и ощущающих себя неотъемлемой частью русской культуры», и оба начала «вполне хорошо уживаются» в Ваших стихах. Поэт — или, скажем скромнее, человек, пишущий стихи — переживает действительность опять-таки на двух уровнях, интеллектуальном, концептуальном, мировоззренческом, и — ритмическом, на уровне «первого «та-та-та», суриковской вороны на снегу, и только что Вами сказанное соответствует лишь первому из

этих уровней; второй его опровергает или, во всяком случае, ему сопротивляется.

Доказать это аналитически нельзя, можно только апеллировать к слуху. «А в молчании том всё года и года \\\ и слеза, и гудок, и речная вода...»; «...Какая-то птица хохочет, \\\ невнятно бормочет капель, \\\ и визги рождаются в заборе, \\\ а следом пронзительно так \\\ от ветра, а может от боли \\\ протяжно застонет чердак...»; «Богом брошенная волость...» — целиком, «Водою талой напоит...» — целиком, и многое другое из тех же лет. А теперь вслушайтесь в стихи из того же сборника «В российском городе N...», «Памяти Б. А. Слуцкого», «Чашка крепкого кофе с утра...», «Третий раз на этой земле...», особенно стихотворение про хамсин — «Пройти от остановки по жаре...», в стихах, все подряд, из цикла «Городские прогулки». И там, и тут прекрасные стихи. Но можно ли не слышать, что там — звук, коренящийся в нераздельности плоти жизни, непреложно своей, и плоти природы, столь же непреложно своей, а здесь — раздумья, нравственный выбор, воспоминания.

Тот факт, что Ваши стихи 80-х годов слиты с первым из этих регистров, стихи 90-х со вторым, что текст выражает их различие, а автор, тем не менее, чувствует, что они «вполне хорошо уживаются», делает книгу иллюстрацией одной из самых капитальных контроверз времени.

Убеждение в том, что органическая принадлежность, с одной стороны, и культурная идентификация с другой «вполне хорошо уживаются» — отзвук гуманистической интеллигентской традиции, которая еще живет в «Свободном стихе» и в его заинтересованных читателях. В том, что эти два начала совместимы и связаны, что их связь имманентна культуре, не сомневались четыре поколения интеллигенции, начиная с Тургенева и Вл. Соловьева и кончая нами грешными. Но ритмы и интонации, «звук», неслучайно уже выдают в каждой из двух живущих в книге стихий свой голос, чуть отличный от голоса другой. Они, ритмы и интонации, более чутки к воздуху времени, чем авторское

или читательское сознание, и они ощущают, что обе стихии, которые в книге еще, действительно, вполне хорошо уживаются, за ее пределами радикально разошлись, что в этом расхождении суть цивилизации, в которой мы оказались.

За последние годы я шесть раз выезжал в страны Западной Европы с лекциями или для научной работы. К встречавшему меня лицу, ответственному за программу пребывания, я каждый раз обращался с одной и той же просьбой: «познакомьте меня, пожалуйста, с человеком, который нес бы в себе данную национальную культурную традицию именно как традицию, не становясь при этом, разумеется, националистом, упрямым консерватором или шовинистом, нес бы ее как традицию собственно и широко культурную, гуманистическую». Из этого ни разу, за исключением одного анекдотического случая, ничего не вышло. Встречавшие меня неизменно отвечали, что таких людей не существует, что все достойные люди сегодня не ощущают себя частью какого-либо традиционного, культурного и потому корневого, относительно замкнутого сообщества, будь то сообщество европейское, немецкое или испанское, бюргерское, шестидесятническое маргинальное и т. д., а принадлежат миру в целом, открыты всем его ветрам и рассматривают любое ценностное и очерченное «мы» как снобизм, консерватизм, расизм, словом как что-то неприличное, если и существующее, то не долженствующее существовать. В определенной мере чтение и личные впечатления подтверждают сказанное. Оно верно в том смысле, что принадлежность к традиции и культуре, действительно, перестала сегодня основываться на двух легких, на открытости иному голосу, на «двуединстве», на «мы» как субстанции гуманизма и культуры, и тяготеют к фундаментализму, радикальной замкнутости и т. д. Примеры бесчисленны, не хочется их приводить, Вы без труда почерпнете их в любой действительности.

Та же неприязнь к дыханию двумя легкими обнаруживается и на противоположном полюсе, там, где речь идет о концептуальном осмыслении современности, пост-модерне, о критериях поведения в рамках

текущей и непрестанно меняющейся общественно-политической, публицистической действительности. Вопреки своим посланкам эти критерии столь же закрыты, если не враждебны, «второму легкому» — всему, что укоренено, органично, традиционно. Американские студенты, требующие убрать из программ Шекспира как *white, male and racist*, английские писатели, публикующие открытые письма с требованием не принимать во внимание при оценке школьных сочинений соблюдение языковых норм как отклоняющихся от уличного *usage*'а и значит искусственных, шведское общественное мнение, настаивающее на регистрации однополых браков наряду с двуполоыми и т. д. так же закрыты Вашему (= нашему) двуединству как их консервативные counterparts. Они тоже не верят, что «мы» может быть человеческим, культурным и ценным. Много ли в этой атмосфере людей, способных пережить «Богом брошенную волюсь...»?

Повторюсь и подытожу. «Свободный стих» фиксирует crucial для современной цивилизации положение. Чтобы воспринять, пережить и радоваться стихам, вошедшим в раздел «Звук», надо быть до мозга костей человеком русской культуры — той русской культуры, что способна, как всякая до сих пор существовавшая культура, «дышать двумя (или многими) легкими». Кое-что из «второго легкого», вольного и открытого, нашло себе отражение в стихах заключительных разделов книги. Вы как человек той самой открытой русской культуры противоречия здесь не видите. Интонация и ритм, Ваше поэтическое подсолнечие, это противоречие тоже не видят, но его, как сказали бы немцы, *vorahnen*, «предчают». Это делает книгу столь важной не только в силу ее поэтических достоинств, но и в силу ее редкой чуткости к сейсмическим колебаниям времени.

В связи со сказанным несколько вопросов. Насколько Вы согласны со всем изложенным выше? В какой мере ситуация с деполяризацией культуры, прежде двуединой и, следовательно, основанной на сознательно выбранном «мы», ныне распадающейся на вожделение органики и мертвоватый консерватизм с одной стороны, и на легкую, модную,

общественно-политическую нивелировку корневых традиций с другой, характерна для Израиля?..

Н. Б. 08.12.2000

...никогда до этого не думал я, грешный, что мои опусы могут способствовать таким фундаментальным размышлениям, где действующие лица — Пушкин и Блок, Вяч. Иванов и Вл. Соловьёв. Поверьте, то, что я говорю Вам сейчас, — не самоуничужение, а реальное ощущение своего места в русской поэзии: я достаточно хорошо представляю свои возможности, но никогда не был склонен переоценивать их. Поэтому естественно то волнение, с которым я принял Ваш анализ «Свободного стиха», Ваши мысли о корневых составляющих книги и о — цитирую — *её редкой чуткости к сейсмическим колебаниям времени.* <...>

Главный Ваш тезис, касающийся именно **акустики книги** и опровергающий — по Вашему мнению — моё утверждение о том, что русский и еврейский регистры вполне хорошо уживаются в моей душе, состоит в том, что всё-таки в стихах российского периода звук *непреложно свой*, от жизни и от природы, а в израильских стихах — раздумья и воспоминания, но *органичный* этому звук отсутствует.

Что делать, дорогой Георгий Степанович, наверное, это действительно так, коль скоро такой внимательный и искушённый читатель, как Вы, так услышал. Если я правильно Вас понял, Вы говорите о том, что стихи российского периода зарождались на уровне подсознательном (букв. Ваше слово — *досознательном*), в то время как израильские — на уровне сознания, хотя и при полном приятии автором реалий нового бытия. Согласен ли я с этим тезисом? Каюсь, не совсем. Мне представляется, что акустическая разница между стихами российскими и израильскими возникает не из-за корневой неорганичности последних. Просто сами эти новые реалии бытия столь сильно — даже чисто физиологически! — отличаются от прежних, что само дыхание

становится иным. Стало уже общим местом цитировать Окуджаву: *Каждый пишет, как он дышит*. Могу самым искренним образом засвидетельствовать, что моё дыхание здесь стало более сухим и жёстким; лёгким, привыкшим к климату средней полосы России, невозможно без такой перемены выдерживать здешнее девятимесячное лето с его неослабевающей ни на день тридцатиградусной жарой и сорокаградусными *хамсинами* — и без единого дождя в течение всех девяти месяцев! Из-за этого даже стихи-воспоминания получаются другими, в первую очередь, по ритму и *воздуху между словами*. Я всегда немножко гордился этим самым *воздухом* и считал его (мне кажется, не без оснований) в числе главных достоинств своего стихотворчества. И вот за годы жизни в Израиле с удивлением увидел, как его становится всё меньше — или можно сказать иначе: он (воздух) становится плотнее, — хотя *умение* просторно ставить слова в стихотворной строчке никуда не девалось; но воздух стал другим. Из-за этого здесь, в Израиле, я стал несравненно чаще пользоваться акцентным стихом, которого почти не признавал для себя в России. Его *сбивчивое дыхание* точнее передаёт моё внутреннее состояние. Хотя мне по-прежнему милее классические стихотворные стопы, но и эти последние здесь почему-то пишутся так, что нередко нужна цезура внутри строки — см., например, стихотворение «Здесь осень другая...» и ряд других.

Тем не менее, Ваши суждения по этому поводу уже стали — и ещё будут — предметом моих серьёзных размышлений. Очень осознанно допускаю, что **в самой глубине** правы Вы, а не я. Я просто никогда раньше *так глубоко не копал*, вернее говоря, никто не задавал тех вопросов, что задали Вы; но коль скоро вопрос задан, нужно честно на него отвечать. Вы вполне резонно можете повторить суждение из своего же письма: *никакие натуралистические объяснения не годятся*, — и я не смогу его оспорить...

В 2000 году в Иерусалиме вышла моя третья книга стихов (и вторая в Израиле), которую я назвал «Полнозвучие». Естественно, экземпляр кни-

ги был послан Георгию Степановичу с соответствующей дарственной надписью. Через некоторое время от него пришло письмо:

Г. К. 06.06.2001

...Не писал я Вам так долго потому, что опрометчиво погрузился на четыре с лишним месяца в некое сочинение под названием «Перевернутая страница». Позавчера кончил. Внешний повод состоял в заказе одного московского журнала, настоящая причина — в потребности уяснить самому себе, куда и почему исчезла русская интеллигенция. Интеллигенты, разумеется, есть, хотя ужасно мало, да и вымирают они с каждым днем; не стало интеллигенции как одной из исторически необходимых структур российского общества. Не стану докучать Вам тем, какое я нашел объяснение случившемуся. Стоит обратить внимание на — как сказали бы у нас в Древнем Риме: *omen accipiendus*, или сказали бы где-нибудь в Америке: *inspiring* — параллелизм между ходом моей мысли в этой статье и движением Вашей образной интуиции в «Полнозвучии». Интеллигенция — всегда в створе между властью и народом, соотношенная и с тем и с другим, тому и другому служившая и полезная, тому и другому неприятная и подозрительная. В этом полутора столетнем соотношении — ее нравственный тонус, обаяние, глубина и важность, и в нем же, разумеется, ее несамостоятельность, ущербность, двусмысленность, греховность. Ее конец есть конец самого створа, а следовательно, — выход за его пределы, во вне его лежащее, новое, от створок свободное пространство. Уж светлое оно или темное — другой вопрос. Во всяком случае, оно открыто вперед, а не назад, т. е. в будущее, какое никакое.

Я Вам писал, по-моему, о том, какой слышится мне перелив тональности от Ваших российских стихов к израильским — перелив от непосредственного переживания к философскому раздумью, от поэзии *as such*, поэзии как образной ткани воспоминаний, к выраженной в образах рефлексии. Это — тот же, что в моем случае створ, то же ощущение

ние магнитных полюсов, определяющих амплитуду живущей между ними духовной субстанции. Всё это виделось мне — да и объективно есть — не только в «Свободном стихе», но и в «Полнозвучии». Возьмите хотя стихотворения «С какого бы края ни шел...», «По раскаленной улице идешь...», «Авторский фильм...», «Когда ты приобщился по судьбе...», «Колыбельная», «Ежедневно вырастаю...», «Жена зажигает субботние свечи...», «Январь», «Отрывок». Но при последнем перечитывании поразило меня и нечто новое — тот же выход за пределы створа, та же свобода от ностальгии с одной стороны и от самоинкорпорирования с другой, вернее и главнее — свобода *tout court*. Сюда относятся стихи «Коричневый человек...», «В который раз всё тот же сон...», «Ты однажды возьмёшь и приедешь...», «Воспоминание о 49-м», «Стали на склоне судьбы двуязыки...», «Цветущий цитрусовый сад...».

Мне всегда казалось, что люди употребляют слова «гений» и «гениальный» неправильно, придавая им какой-то суперлативный смысл. Вот есть, дескать, способные люди, если кто уж очень способен, тот талантлив, а когда таланта особенно много, то это гений. В жизни и в истории дело обстоит не так. Гораздо ближе к истине были молодые люди из поколения Гете и Шиллера, употреблявшие эти слова не оценочно, а как термины. Гениальность — не комплимент, а конкретное и ясно определяемое свойство: обостренная способность чужать глубинные движения времени, ощущать, как сгущаются из музыкального тумана бытия реальности истории, как складываются единомыслие и единочувствие тех, кто эту музыку слышит, чувствовать на свою радость или на свою беду векторы, обращенные в будущее, и — предельно концентрированно и точно вкладывать их в мазок, в секвенцию, в слово. В «Полнозвучии» есть стихи, где услышан только-только возникающий диктат времени: омертвление былых антагонизмов и открывающееся впереди иное пространство, нащупана равноудаленность от пережитых полюсов и выход на свободу — не в смысле обретения новых ценностей, а в смысле освобождения от старых. Вот эти-то стихи в собственном, техническом, смысле слова гениальны. Мы, действительно,

наверное «не ответственны уже за весь позор, что там творится», хотя еще вчера никто из нас вне этой ответственности себя не мыслил. И, наверное, вчера еще была уверенность, что субботние свечи «уводят в такие глубины», где «жизнь, всем построениям вопреки, мучительна, загадочна, прекрасна», и не подозревалось, что уже не уводят сами, не получается, а если может быть и уведут, то только когда «что-то сломаем, а что-то придется стесать», когда «ключ подберем, а не ключ, так сгодится отмычка». И — самое пронзительное — цена, которую приходится платить за неответственность и за отмычки: куда бы ты ни уехал, ни спрятался, «время покоя и сна опять возникает на фоне беззвучного крика» и «задохнешься от стыда Бог знает почему».

И все это на фоне стихов, может быть и не лежащих на стрелке, а просто прекрасных, прекрасных *per se*, таких как «Я живу — это значит...», «Осенний дождик затяжной...», «На кухне по старинке посидим...», «О верных приметах...».

Спасибо.

Н. Б. 12.08.2001

...Вновь задали Вы мне нелёгкую задачу, Георгий Степанович! Ваше письмо столь насыщено глубокими и очень непривычными (для меня) мыслями, что требуется немалое время и немалое интеллектуальное усилие, чтобы с этими мыслями свыкнуться и, в конце концов, принять их. Рассуждение о том, что интеллигенция всегда находится в створе между властью и народом, тому и другому служит и, тем не менее, тем и другим воспринимается как враждебная, — это рассуждение дорогого стоит. Вроде бы интуитивно и сам так ощущал; но одно дело — ощущать, неясно и невнятно, и другое дело — сформулировать это на уровне отточенной мысли. Но и по сей день не могу додумать до конца Ваше следующее положение: *«Её (интеллигенции) конец есть конец самого створа...»*. Означает ли оно, что власть и народ в России отныне ничем не разделены? Вряд ли — тогда что же заменило интел-

лигенцию? Посему от этих размышлений я перехожу к просьбе: нельзя ли ознакомиться с Вашей «Перевернутой страницей» в журнале (если она уже опубликована) или в рукописи — конечно, при условии, что эта просьба не доставит Вам чрезмерных хлопот.

Возвращаясь к Вашему письму, хочу от сердца поблагодарить Вас за внимательное, глубинное прочтение моей новой книги. Меня очень порадовало, что Вы обратили внимание на присущую многим недавно написанным стихам свободу от ностальгии, равно как и от любых других видов эмоциональной зависимости (то, что Вы в письме назвали *свобода tout court*). Для меня необычайно важна именно эта сторона моего стихотворчества, ибо прежде всего я стараюсь быть верным той внутренней мелодии, с которой у меня всегда — или почти всегда — начинаются стихи. И никакие внешние обстоятельства не имеют для меня значения, когда мелодия эта услышана и претворяется в слова. А мелодия — тут Вы совершенно правы — может быть реакцией на диктат времени, хотя может быть реакцией и на другие подспудные впечатления. Это уж от меня никак не зависит. Не стану скромничать и скрывать от Вас: мне, конечно, было очень лестно услышать из Ваших уст слово «гениальное» по отношению к тем или иным моим стихотворениям, и именно в том смысле, который Вы в него вложили и объяснили очень веско. Если Вы обнаружили в моей книге хотя бы несколько таких стихотворений, в которых мне удалось передать глубинные движения времени, — это великая похвала для меня. Но дальше я обязан сказать, что моей личной заслуги в этом нет. А есть две существенные вещи: полная и ненасильственная честность перед самим собой и постоянное стремление работать со словом так, чтобы достигать максимального эффекта минимальными средствами. Всё остальное — от Всевышнего...

В конце 2001 года Георгий Степанович с оказией передал мне дискету со своей статьёй «Перевернутая страница». Вот фрагмент моего ответа на эту присылку:

Н. Б. 18.12.2001

...огромное спасибо за присланную дискету и, соответственно, за возможность прочитать Вашу статью о судьбах русской интеллигенции. <...> Признаюсь честно — я оказался не очень готов к чтению и восприятию таких глубоких и подробно аргументированных текстов, как Ваша статья. Почему? Ну, хотя бы потому, что русскую историю раннего (допетровского) периода мне никогда раньше серьёзно изучать не приходилось, и те духовные и культурные движения, о которых Вы пишете, равно как и персоналии, с ними связанные, были для меня во многом в новинку. Поэтому если 19-й век в Вашей статье я ещё более или менее воспринимал адекватно, то более ранние времена пришлось разбирать с карандашом в руках и с экскурсами в справочные издания, которые оказались под рукой. Вот 20-й век, особенно вторая половина его — тут всё было мне понятно без справочников, а *испытания коммуналкой* (как и прочие испытания интеллигенции) и вообще знакомы не понаслышке: жил в разные времена и с 4-я соседями, и с 5-ю, и с 6-ю...

Тем не менее, при всех этих причинах, «Перевёрнутую страницу» я прочитал внимательно и с размышлениями, и у меня нет оснований оспаривать её выводы или даже сомневаться в них (если вообще я имею на это право). Более того, ощущение, что необратимо изменились идеалы общества, которые раньше всегда и формулировала, и защищала интеллигенция, и потому её историческая роль закончилась, — это ощущение было во мне и до чтения, хотя и не на вербальном уровне. Действительно, преимущества духовных ценностей над материальными уже не выглядят сегодня аксиоматичными, скорей наоборот. Образованность тоже не рассматривается как самый надёжный путь к познанию истины, коль скоро сам поиск истины стал сомнительным занятием (это как раз то, что меня наиболее раздражает в писаниях разного рода *поставангардистов*). Но вопрос, который я задал Вам в предыдущем письме, так и остался для меня открытым; поспею себе повторить его снова (цитирую из письма):

«...не могу додумать до конца Ваше следующее положение: *«Её (интеллигенции) конец есть конец самого створа...»*. Означает ли оно, что власть и народ в России отныне ничем не разделены? Вряд ли — тогда что же заменило интеллигенцию?».

Я был бы очень Вам признателен, Георгий Степанович, если бы Вы нашли время написать мне хотя бы несколько слов по этому поводу.

Г.К. 12.01.2002

...Есть ли новые стихи? Может, и Вы поделитесь? Ревич говорил мне, что Ваши книжки дошли до русской провинции и оттуда есть хорошая и проницательная реакция. Если так, это очень хорошо.

<...> Я состою пациентом поликлиники Литфонда, где, наверное, бывали и Вы. Года два-три назад она была куплена у Литфонда и преобразована (при сохранении названия) в частное предприятие. За эти годы семиотический ее облик изменился полностью. Старенькие врачи, подолгу беседовавшие с маститыми писателями, которых они знали смолоду, были уволены и заменены либо молодыми людьми спортивного облика от 26 до 35 лет, либо 50-летними пергидратными блондинками — разительно похожими на бывших инструкторов горкома. Пациенты ныне — не писатели, маститые или нет, которых вы узнавали в ожидании очереди и беседовали о состоянии литературы и об отъездах, а семьи «новых русских» — по-современному и модному небрежная и очень дорогая одежда, туфли с квадратными носками, много золотых бижу, «молчаливы, ко всему готовы», как сказал классик. Много рабочих и техников, занимающихся аппаратурой, в кожаных куртках, головы стрижены под машинку, с районными лицами и отрывочной (но без площадной брани) речью. Выписываемые врачами лекарства и процедуры оплачиваются по астрономическим ценам, от которых немногие здесь сохранившиеся писатели (в большинстве — инвалиды Отечественной войны), молча отшатываются, юные дочери новых русских столь же молча оплачивают беспрекословно и не задавая вопросов.

Ситуация эта типична. Вы сталкиваетесь с нею в приемных комиссиях вузов, в поезде, в редакциях журналов с глянцевыми обложками, в учреждениях самого разного уровня. Она характеризует облик даже уже не складывающегося, а сложившегося общества. Оно устойчиво и, по всему судя, экономически эффективно. В поликлинике лечат неплохо, пожалуй, лучше, чем раньше. На днях я был в очень большом магазине площадью не меньше 400–500 кв. метров, где продаются шубы, самые дешевые от 20 до 40 тысяч рублей, т. е. от 700 до 1500 долларов, составляющих примерно мою профессорскую зарплату за полгода или почти год. Народ — семиотически нейтральный, вполне обычный — здесь не толпится, но и не редок, многие женщины смотрят и примеряют шубы, но многие и покупают. Это социальный массив, если и не основа общества, то, во всяком случае, его сердцевина. Деление на власть, народ и интеллигенцию к ней не приложимо. Эти люди не участвуют в производительном, тем более — производственном — труде, не продолжают никаких рабочих или крестьянских традиций, на былых ответственных чиновников, составлявших власть, не похожи, а если и похожи, то переместились в иную, не государственную, а финансово-деловую сферу; об интеллигенции — по образу и уровню жизни, по привычкам и кругу, говорить не приходится. Вот что я имел в виду, говоря об исчезновении не интеллигенции как таковой, а самого ее контрастного контекста («створа»). В решающей фазе, происходящей на 90-е годы XX века, ее никто не уничтожил, никто над ней не восторжествовал, просто процесс завершился — она оказалась упразднена вместе с полюсами системы, ее контрастно составлявшими. Оказавшись сегодня в Москве, Вы попали бы в положение героя Вашей «Посылки», где перед Вами текст «на незнакомом языке». — «Хотите, я переведу?»

Позвольте вопрос и к Вам: в «Иерусалимском журнале» № 6 за 2000 г. напечатана статья С. Маркиша — обратили ли Вы на нее внимание и что Вы думаете не столько даже о самой статье, сколько о проблеме, которой она посвящена?..

Н. Б. 24.03.2002

...оказалось, что статья Шимона Маркиша, по поводу которой Вами был задан мне вопрос, прошла мимо моего внимания, когда читался журнал. Вот и получилось, что сначала надо было прочитать её, обдумать, а затем уж садиться писать.

Начну поэтому прямо со статьи. Она, несомненно, познавательна, недурно написана и весьма определённо сфокусирована на проблеме, никогда не терявшей и ныне не теряющей актуальности. Эта проблема — о выборе пути, как индивидуального, так и общего — для евреев, живущих в гуще другого народа, как правило, значительно более многочисленного. Как я понимаю, только ради осмысления этой проблемы в разных исторических контекстах и стоило вызывать из небытия «социальную личность» Григория Богрова; ибо Маркиш убедительно показал литературную малость оного.

Что я могу сказать по этому поводу? Мне кажется, что указанная проблема относится к числу интеллектуальных задач, которыми в последние годы серьёзно, на философском уровне, занимается Александр Воронель, а именно: жизненные ситуации, вообще не имеющие решения — ни положительного, ни отрицательного. (Одна из самых актуальных задач такого рода — израильско-палестинский конфликт). И в самом деле, путь полной ассимиляции евреев в «иной» среде, равно как и путь полной их обособленности, равно чреватые невосполнимыми потерями во всех сферах жизни. (Я говорю о народе в целом — личные судьбы дают столь широкий спектр потенциальных обретений, что в них можно найти очень сильные доводы и «за», и «против»). А промежуточный путь вряд ли возможен в силу несовместимости этих крайних позиций — так мне представляется.

Возможно, для Вас представит интерес тот путь, который я сам проделал, прежде чем пришёл к своему сегодняшнему отношению к проблеме. Чуть ли не до 40-летнего возраста я, если и задумывался о судьбе еврея в России, то только с точки зрения своей поэтической

судьбы. Если Господь даровал мне некое особое восприятие языка, то это русский язык, и, следовательно, полагал я, моя судьба неотделима от судьбы русского народа. Даже, признаюсь Вам, в течение нескольких лет я всерьёз обдумывал возможность — и посильность для меня — написания поэтической книги под названием «Моя Россия».

Судьбе было угодно свести меня с человеком, которому я многим обязан в осмыслении именно этой проблемы. Поэт Анатолий Преловский, сам, как говорится, абсолютно русский человек, казацко-поповского рода, сибиряк, да ещё и близкий к кругам Вампилова — Распутина (конечно, Вы понимаете, что я имею в виду), оказался первым в моей жизни человеком, сказавшим такие примерно слова: — Наум, вот читаю я ваши стихи, они мне очень по душе; но ведь вы — еврей, почему же в ваших стихах совершенно отсутствует этот мотив? Не может быть, чтобы ваше восприятие действительности не отличалось от восприятия человека другой крови! Не может быть, чтобы вам были неинтересны ваши корни! (Причём сказано это было во время дружеских посиделок у него в доме на улице Усиевича — совсем рядом с местом, где Вы живёте, — когда мы с ним вдвоём пили водку, закусывали сибирским салом и вели распахнутый разговор о поэзии).

Интерес Преловского к моим стихам был не на словах: он, лауреат Государственной премии, то есть имевший «вес» в официальных литературных кругах, в течение ряда лет способствовал моим журнальным публикациям и сыграл совершенно исключительную роль в издании моего первого поэтического сборника. Говорю об этом только для того, чтобы подчеркнуть, что на мои корни обратил внимание человек, глубоко ко мне небезразличный.

И когда, по его прямому совету, я стал задумываться о своём роде, о детстве, прошедшем в очень специфической еврейско-русско-украинской среде, о разнообразных и многочисленных проявлениях бытового и государственного антисемитизма, с которыми пришлось столкнуться в разные периоды жизни и мне, и моим близким, поя-

вились и стихи соответствующие, ибо *стихи — это и есть мой способ осмысления действительности*. А дальше это уже была как бы цепная реакция. В свой срок появился интерес к Библии; я занялся стихотворными переложениями ветхозаветных текстов, а это привело к чтению соответствующей литературы. По времени это совпало с горбачёвской перестройкой, крушением советской идеологии, а затем и всей системы, и, в конце концов, с переездом нашим в Израиль.

И вот за годы жизни в Израиле я пришёл к твёрдому выводу: ассимиляция — путь тупиковый. На этом пути, несомненно, могут возникать отдельные выдающиеся культурные или научные достижения (один лишь пример — Пастернак), но отказ от своих корней для всего народа в целом обязательно «выстрелит» в будущем потерей (чуть ли не генетической) тех вековых качеств, которые и позволили свершиться этим отдельным достижениям. (Известный психолог профессор Вадим Ротенберг считает, например, что выдающиеся достижения учёных-евреев в разных областях познания — физике, кибернетике, психоанализе и т. д. — не в последнюю очередь являются следствием особого «талмудического» способа мышления, который веками и даже тысячелетиями развивался в еврейской религиозной среде).

Мне представляется, что самый естественный путь — это жизнь в среде своего народа, которая даёт истинное ощущение личной свободы и позволяет приобщиться к научным и культурным вершинам всего человечества без насилия над собой и своим прошлым.

Смею надеяться, что мои стихи израильского периода показывают именно естественность и основательность сделанного выбора.

<...> Дорогой Георгий Степанович! Я сердечно Вам признателен за неослабевающий Ваш интерес к моим стихам. С удовольствием откликаюсь на Вашу просьбу и посылаю Вам несколько новых текстов; буду рад услышать о них Ваше мнение. Что касается отклика из русской провинции, то он действительно имел место и несказанно меня порадовал: ещё бы — узнать, что где-то в далёком Сыктывкаре есть человек,

не только знающий мои стихи, но и судящий о них тонко, умно и глубоко. Рискну обременить Вас ещё одним текстом — именно упомянутого человека из Коми республики, которого зовут Владимир Цивунин. Присланную им в мой адрес рецензию я отдал главному редактору журнала «22» А. Воронелю, и он напечатал её немедленно в только что вышедшем номере: видимо, и ему этот текст показался достаточно неординарным...

Г. К. 19.05.2002

...Ваше письмо от 24 марта касается вопроса самого главного не только применительно к непосредственно обсуждаемой теме, но и к сегодняшней ситуации вообще. Чтобы высказаться о ней по возможности кратко, надо, по-видимому, исходить из нескольких предварительных констатаций.

Первое. «Знать» и «пережить» — равно означают видеть мир, но это разные вещи. Я знаю, что на Марсе есть каналы и где находится остров Пасхи, но это не конституирует мое «Я». Оно — функция не узнанного, а пережитого. Второе. Важнейшее среди переживаемых нами свойств — непреложность идентификации. Жить значит принадлежать. Каждое «Я» существует только между «мы» и «они» и становится тем или другим в зависимости от того «мы», к которому принадлежим, с которым, другими словами, идентифицируемся. Третье. «Я» может идентифицировать себя с «Мы» так, как последнее задано ему извне — происхождением, коллективом, окружающей атмосферой, традицией; и может идентифицировать себя с «Мы» как мною избранным, избранным исходя из меня самого, из моего переживания моего опыта, поверх условий, заданных мне извне.

Мой опыт вел меня от первого из этих путей ко второму, Вас, судя по письму, — скорее от второго и скорее к первому. На уровне общественно-исторического бытия Ваша траектория оправдана, естественна и понятна. Вы выбрали то, что содействует спасению народа, и так

бесконечно пострадавшего, и выбрали то, что противодействует силам, разрушающим всякое духовное самостояние, всякое автономное «Я» — будь то народа, будь то человека. Но только общественно-историческое бытие не исчерпывает мир, в котором человеку дано быть и прожить. Кроме общественно-исторического бытия (и от него неотделимый), есть мир духовной ответственности перед опытом культуры и на ее основании экзистенциально пережитой истиной. Этот мир заставил меня предпочесть то, что я предпочел, и мне надо это «то, что» кратко сформулировать, не только для Вас и некоторых друзей (среди которых и Маркиш), но и для самого себя.

Два пути, ведущие к идентификации с «мы», только на первых порах выглядят как альтернативные и свободно избираемые; рано или поздно второй из указанных путей ведет к первому — к растворению в заданном «мы», к принесению трудной истины в жертву отрадной идентификации. *Utinam ex vobis unus*. Неужели не вызвали у Вас тягостного чувства *deja vu* обращенные к Вам (и приведенные в Вашем письме) слова Преловского: «Не может быть, чтобы ваше восприятие действительности не отличалось от восприятия человека другой крови. Не может быть, чтобы вам были неинтересны ваши корни». Он же читал Ваши стихи, он не мог не видеть, как Вам «интересны ваши корни» и, главное, где они — в забытой Богом волости, в пыли на брошенной подмосковной даче, на шестидесятнической кухне, которые оживают в Ваших стихах несравненно ярче, глубже, главное, органичнее, чем в стихах Преловского. Причем тут его казачье происхождение? Мог ли он не знать, что корни питаются живыми соками, идущими из сознания и из всего, что в нем скопилось из прочитанного, виденного и пережитого, ставшего опытом души, а не из генетически детерминированного (если такая детерминация существует) соотношения эритроцитов и лейкоцитов в кровяной плазме? Он что, действительно полагает, что Вы есть Вы независимо от ставшей Вашим вторым «Я» поглощенной и пережитой мировой культуры, что все это «тьфу-с», а суть Ваша из турецких сефардов,

о которых Вы никогда и ничего не слышали, или из Менделе Мойхер Сфорима, которого, наверное, никогда не читали. Или и того лучше — из прапамяти, из иррационально до-сознательного, из архетипов — которые, о чем он наверное не подозревает, не имеют никакого касательства к национальности. Если он к Вам хорошо относится, то ему, очевидно, хочется, чтобы Вы тоже обрели отраду идентификации — но не с мировой культурой, с которой Вы и так были идентифицированы, а с Blut und Boden?

Весь этот ход мысли бесстыден, противоестественен, авторитарен и актуален.

Бесстыден, потому что он повторяет строй мыслей и чувств, лежащих в основе всякой национальной исключительности, в том числе национал-фашизма. Мы сидим за столом на окраине Кёльна в доме одного коллеги, эмигрировавшего в свое время по еврейской визе. Он объясняет мне, что, если во французской, немецкой или русской культуре XX века так много лиц, у которых может быть обнаружено еврейское происхождение, вроде Бергсона, Фрейда, Гуссерля, Пастернака и т. д., то совершенно неважно, что они считают себя французами, немцами или русскими, ибо главный смысл их деятельности — служить бесспорным свидетельством всемирно-исторического значения еврейской духа. Бедняга не знал (или не хотел знать), что он просто цитирует доктора Геббельса: «Нам совершенно не важно, какой Эйнштейн физик. Нам важно, что он еврей».

Противоестественен этот ход мыслей и чувств потому, что, живя две тысячи лет в диаспоре, думающие, образованные, самостоятельно мыслящие евреи бесконечно убеждались во враждебности себе всякого национализма, в том числе своего внутреннего, кагального, не говоря уже о внешнем, насильственном. За жертвами национал-исключительности всех стран, времен и народов, а не в меньшей мере — за Уриэлем Акостой, за Спинозой, Зюссом, выстраиваются полки им подобных. Не противоестественно ли думать, что действительно стоит начинать все сначала?

Авторитарность — это нежелание уважать чужой выбор и тогда, когда он результат решений обдуманных, пережитых и искренних. Переживание ассимиляции, притяжения атмосферы и культуры, в которой ты вырос и с которой сроднился, как своего, единственно естественного пути, и безразличие к культуре и атмосфере, которая с тобой сопряжена теоретически, но непосредственно тобой не пережита, представлено таким количеством достойных и значительных людей, на его стороне такая значительная часть русской интеллигенции вообще и нашего поколения в частности, что просто констатировать: «ассимиляция — путь тупиковый», верно лишь в одном смысле. Она могла этим путем стать по причинам, очевидным и Вами перечисленным, но не сделалась от этого менее естественной, не сделалась чуждой сути Европы и принципу культуры, не сделалась «хуже». «Если бы на земле не осталось ни одного добродетельного человека, — заметил где-то Сенека, — добродетель не исчезла бы и не стала другой». Идущее из еврейской среды нарастающее ожесточенное разоблачение таких людей, как Исайя Вейнберг, Рубинштейн, Мандельштам, Пастернак, Самойлов, Бродский, за «предание корней», которых в душе и в голове у них никогда не было, мне не может быть ни понятно, ни близко. Неужели оно может быть близко и понятно Вам?

Наконец, об актуальности. Универсальный кризис рациональности, который мы пережили и переживаем, который составляет универсальную атмосферу нашего времени и сегодняшней науки, выразился в частности в отказе от научного объяснения феноменов культуры исходя из их реального и в них представленного общественно-исторического контекста, их породившего, и в предпочтении такому объяснению иного — основанного на архетипах, на генетической памяти, на «способе мышления, который развивался веками и тысячелетиями». Этот подход рождается из атмосферы постмодерна в порядке свободного и субъективного размышления без опоры на непосредственно пережитой опыт и научную традицию. Какие есть основания думать, что Ваши стихи в целом по духу своему, на цвет и на ощупь, выросли не из

спрессованного в Вас пережитого опыта второй половины XX века, а из «вековых качеств народа в целом»? Не из ночных мокрых московских мостовых, где «синий троллейбус вершит по бульварам кружение», а из духа Иоава, Бар-Кохбы или Бен Галеви, либо и вовсе из мира Бабеля, Свирского и Бергельсона?

Не сердитесь, дорогой Наум Басовский, на столько возражений. Мне важно было найти достойного собеседника, дабы обсудить вещи, крайне для меня существенные, и проверить насколько моя аргументация *valable*...

Н. Б. 20.09.2002

...Вы задали мне непростую задачу. Трудно возражать, когда суждения, скажем, Анатолия Преловского о моих национальных корнях *формально* доводятся до их (суждений) логического завершения, совпадающего с «мнением» доктора Геббельса. И всё же попробую возразить Вам не формально, а по существу. Вы, дорогой Георгий Степанович, судите обо мне по стихам, Вами внимательно и тонко прочитанным, и делаете небезосновательный вывод о том, что мои корни — в забытой Богом волости, в пыли подмосковного дачного чердака и т. д. Это так и не так. Это так, потому что мой родной язык — русский; благодаря ему и Богом дарованному чувству слова я действительно воспринимаю как родные те пейзажи и предметы, которые Вас в моих стихах впечатлили.

Но это и не так, потому что всё детство и вся юность мои прошли в еврейской провинциальной среде — пусть и не в местечке, но среди городских жителей, которые были выходцами из местечка в первом поколении. Я понимаю идиш, хотя и не говорю на нём, я впитал в себя еврейские песенные мелодии, манеру речи, неподражаемый юмор этих людей, знал и понимал их заботы и устремления. Кстати говоря, Менделе Мойхер Сфорима я читал, равно как и Шолом-Алейхема, Ицхака Лейбуша Переца и некоторых других еврейских авторов, ко-

которые изредка были доступны в СССР, и читал их, представьте себе, ещё в школьные годы. Следовательно, Преловский, которому я кое-что рассказывал из детских воспоминаний, говорил всё-таки не о генетической предрасположенности (об этом я ещё попробую порассуждать чуть дальше), а именно о корнях — о том, что формирует личность человека в раннем детском возрасте. Думаю, что в таком ракурсе экстраполяция к Геббельсу неправомерна.

Но есть и другая сторона этой медали. Жизнь в условиях коммунистического — лживого по самой сути своей — режима, в условиях так называемой *дружбы народов* не давала человеку забыть о своих еврейских корнях, даже если он сам этого хотел. Об этом, к сожалению, постоянно «заботились» как на бытовом уровне, так и на государственном. Вот тут-то и была та самая авторитарность (неважно, сознательная или неосознанная), которая, как Вы справедливо пишете, не желает уважать чужой выбор. Следовательно, при любых теоретических построениях, самых чистых, честных и благородных, за пределами рассмотрения остаётся не естественный и свободный выбор — ибо он превращается в некую абстракцию, — а выбор, сделанный в условиях насилия над личностью; согласитесь, что это разные вещи.

Вот почему моя идентификация в условиях СССР никогда не могла пойти по тому пути, который Вы называете «вторым». Я выбрал «первый» и никогда не сомневался в своём выборе. Ибо он — не из *Blut und Boden*, как Вы его назвали, а из ощущения и осознания *общности судьбы* — с еврейским народом.

При этом я никогда ни на йоту не осуждал тех деятелей науки и культуры, евреев по крови, которые для себя выбрали путь ассимиляции, и согласен с Вами в том, что такой ход мысли действительно бесстыден. Вопросы национальной самоидентификации, как и вопросы веры, являются исключительной прерогативой данной личности, и никогда мне в голову не приходило осуждать, например, Пастернака за его христианство. Боюсь только, что сами эти люди рано или поздно упирались в неразрешимые противоречия того тол-

ка, о которых сказано — позвольте мне тут сослаться на самого себя — в главе «1985. Пярун» из моего сочинения «Городские прогулки» (в сборнике «Свободный стих»). И когда в предыдущем письме к Вам я написал «ассимиляция — путь тупиковый», то имел в виду именно очевидное и не кончающееся «выталкивание» евреев из других национальных сред, нередко абсолютно вопреки их (евреев) собственному желанию.

Да разве отношение сегодняшней Европы к палестино-израильскому конфликту в массе не подтверждает этого?

Что же касается генетической детерминированности... Это, конечно, не моя сфера — в том смысле, что, не будучи специалистом по генетике, не имею права судить о специальных проблемах. Ничего не могу сказать Вам о том, откуда «родом» мои стихи — из *ночных мокрых московских мостовых* или из мира еврейского *штетла*, описанного А. Свирским; вероятнее всего, и оттуда, и отсюда. Сам я никогда не знаю, о чём буду писать завтра и послезавтра — а главное, никогда не знаю, *почему*. Но было бы мне чрезвычайно интересно получить профессиональное толкование того факта, почему евреи по крови (граждане различных стран) составляют более 20% в списке лауреатов Нобелевской премии, в то время как в населении планеты евреев всего 0,025%. И такие примеры можно приводить без конца...

Остаётся ко всему изложенному добавить одно совершенно личное ощущение. Прожив 54 года в ином национальном окружении, я никогда, ни на один день не переставал чувствовать какую-то свою чужеродность — вначале неосознанно, а затем и вполне сознательно. 10 лет в Израиле, при всех многочисленных факторах несхожести — от языка и традиций до ментальности израильтян — выходцев из разных стран мира, всё же позволяют мне твёрдо сказать, что только здесь я почувствовал себя **своим** среди прочих жителей. И сформулировал тезис, который никому не навязываю, но для себя считаю важным: лучше всего, если народы мира будут жить *каждый в своём доме* и ходить друг к другу в гости. С цветами и вином...

Г. К. 04.04.2003

Dear Наум Басовский, —

Не писал Вам без малого год. Сначала я долго не мог раскрыть Вашу дискету, потом долго не мог собраться с мыслями, которых заслуживало ее содержание, а главное — духовный подъем и внутреннее спокойствие, необходимые для серьезного письма являются всё реже: духовный подъем, наверное, от возраста, внутреннее спокойствие — от причин более планетарных. Сейчас, как ни странно, вроде что-то забрезжило. Отчасти от лекционных поездок, в частности, в город Иваново, отчасти от посещения московских лицеев. И там, и тут просвечивает кое-что загадочно хорошее. «Если есть надежда, — говорил покойный академик Лихачев, — она в малых городах России». Может быть так.

В октябре я сел было за большое письмо к Вам. Оно получилось слишком теоретическим, и возвращаться к тогдашним идеям не хочется. Кроме одной. У физико-химиков, насколько я знаю, есть понятие диссипативной структуры. Это структура, возникающая после того, как ее исходная, прежняя форма была смыта хаосом. Теперь она возрождается. Она не повторяет ту, прежнюю, она новая, но несет в себе ядро ранее существовавшего смысла. Посвященная диссипативным структурам книга Ильи Пригожина (Nobel Prize 1977) так и называется «Порядок из хаоса». Основная тема Ваших стихов и лучшие среди них — диссипативные структуры.

Мы пережили и прожили то, что в английском языке называется identity, т. е. принадлежность, переживание целого. Уж сколько мы этой identity нахлебались, сказать страшно. Мое поколение — как известно из истории, Ваше — из той же истории и из стихотворения про посещение дома, где Вы некогда жили («В который раз всё тот же сон...»). Чтобы избавиться от этой identity, дети и внуки придумали свой мир и назвали его постмодерном: деление на своих и чужих объявлено постыдным, все всем если не чужды, то безразличны, а эталоном контактности признан chat в интернете. Но человек устроен так, что свою

индивидуальность, неповторимую особость он реализует только через принадлежность, через связь с целым реальным как у нас в Древнем Риме, достроенным идеологически как у русских славянофилов, духовным как в Davidsbund'e Шумана. Вот это целое, которое вроде уже себя изжило, но вроде уже и рождается снова, но не снова, а наново, рождается не от идей, а от культурной памяти подсознания — главное, что делает Вас, простите, лучшим современным русским поэтом. Если в русских стихах конца 80-х годов эта память подсознания рождается из воздуха, которым Вы столько лет дышали, то открытие, состоявшееся в начале 2000–2002 — из внутренней культурной принадлежности к западному корню, который всегда жил и живет в русском интеллигенте. Таких стихов пока немного — «В Европе уютно...», «Здесь просторны проспекты...». Они замечательны; в меньшей степени «Я слишком долго собирался...»...

Н. Б. 15.05.2003

Здравствуйтесь, дорогой Георгий Степанович!

Если бы Вы знали, сколько радости принесло в мой дом Ваше письмо! Порадовал, во-первых, сам факт возобновления переписки после такого долгого перерыва; во-вторых, упоминающиеся в нём (в письме) Ваши, пусть и осторожные, надежды на новый духовный подъём и внутреннее спокойствие. И, конечно же, та высокая оценка, которую Вы дали моей работе в поэзии (я сказал бы, сверхвысокая), назвав лучшим современным русским поэтом, не могла не порадовать до глубины души. Более того; так совпало, что письмо Ваше пришло ровно за два дня до моего дня рождения, и, прочитав его, я сказал Вале: такого подарка я ещё в жизни не получал...

Конечно, я понимаю: чтобы иметь право даже приблизиться к уровню, на который Вы меня поставили, нужно ещё долго и основательно трудиться. Да, есть, наверное, дар от Всевышнего (или от природы, можно принять любой взгляд), но только ежедневное, еже-

часное серьёзное отношение к делу и неудовлетворение сделанным дают надежды на полноту реализации этого дара. Я это понимаю настолько отчётливо, что, кажется мне, надёжно застрахован от головокружения.

Как всегда, Ваше письмо подарило мне новый простор для познания и размышления. Понятно, что невозможно человеку знать всё на свете; поэтому я не стану извиняться за то, что ничего не знал о трудах Ильи Пригожина, хотя и знал это имя — просто оно фигурировало в списке нобелевских лауреатов, попавшем как-то мне на глаза. То, о чём Вы написали, так меня заинтересовало, что я немедленно залез в Интернет, нашёл там «Порядок из хаоса» и несколько статей Пригожина, прочитал эти статьи; намерен и книгу прочитать, но это, конечно, требует времени. В самом деле, то, что говорит автор по поводу диссипативных структур и их роли в природе и в обществе, необычайно интересно и во многом перекликается с моими какими-то, безусловно, разрозненными и не до конца сформулированными размышлениями, которые я выстраивал преимущественно на базе поэзии или вообще искусства. Пишу об этом не для того, чтобы «примазаться» к большому учёному и сказать, что, мол, и мы не лыком шиты. Просто, по-видимому, новые идеи вызревают постепенно, и большой учёный тем и отличается, что первым улавливает то их состояние, когда можно о них внятно сказать. Но чтобы не быть голословным, могу вспомнить о том, что ещё 5 или 6 лет назад, во время встречи в Лондоне с поэтом Юрием Колкером, мы с ним подробно обсуждали тему энтропии и гармонии в приложении к стихотворным текстам.

Так или иначе, спасибо Вам и за конкретную «наводку» на Пригожина, и за интереснейшие мысли по поводу основной темы моих стихов. Как бы ни складывался мой путь в поэзии, основной его вектор состоит, действительно, в поиске своей принадлежности: в русской языковой стихии, в еврейской истории и в еврейском же национальном характере, в общеевропейской культуре — тут Вы правы, это можно назвать культурной памятью подсознания. И когда мне удаётся найти ещё

одну ниточку, связывающую меня то с псалмами Давида, то с допушкинскими поэтическими системами, то с музыкой Шнитке, я убеждаюсь, что всем попыткам постмодерна деструктурировать культурное наследие человечества противостоять можно и нужно. Противостояние — в сохранении гармонических структур или в их воссоздании на новом жизненном материале. Это и держит меня на земле вопреки всем трудностям бытия и быта...

Г. К. 27.06.2003

...Ваши стихи — одна из тем наших семейных разговоров с женой. В самом начале нашей переписки, когда мы с Вами только представлялись друг другу, я, кажется, Вам о ней писал. Ее зовут Ревекка Борисовна (Р. Сашина), испанист по образованию и переводчик художественной прозы (с испанского же) по опыту работы. Между 1960 и 1990 она опубликовала около сотни переводов, но все это время постоянно думала о русской литературе, прошлой и текущей. Кое-что опубликовала и много говорила и говорит со мной, в частности, о Ваших стихах. Поэтому статья о Ваших стихах, если она сложится, будет плодом наших совместных размышлений. Надеемся, что это не вызовет Ваших возражений...

Г. К. 24.11.2003

...рассчитываю вот-вот кончить статью и переслать ее Вам, но дело идет медленно. Во-первых, пытаться сказать что-либо связанное о столь значительной поэзии само по себе дело нелегкое, а во-вторых и главных, мне хочется рассмотреть Ваши стихи на фоне некоторых глобальных процессов современной культуры, а это еще более увеличивает объем. Работа увлекла и Ревекку, и меня, так что задерживаться и тем более отказываться не хочется, а соблюдать намеченные сроки не получается. Поэтому настоящее письмо продиктовано лишь желанием не

оставлять Вас надолго без известий — более содержательных амбиций оно не содержит...

И вот в самом начале 2004 года я получаю из Москвы большую статью под названием «Поэзия и культура (о стихах Наума Басовского)», авторы — Ревекка Сашина и Георгий Кнабе. Моя реакция на неё ясна из следующего далее письма, и сегодняшний комментарий к нему может быть дан буквально в одной фразе: я старался тогда сдерживать себя в выражении восторга и благодарности, чтобы не ставить интеллигентных авторов в неловкое положение. Разумеется, нет возможности привести её здесь целиком, а давать цитаты — значит нарушить логику серьезного научного анализа и упустить культурологический охват анализируемых явлений. Поэтому я просто даю ссылку на сайт израильского журнала «22», где статья вскоре была опубликована: http://www.sunround.com/club/22/137_sashina_knabe.htm. Есть эта статья и на упомянутом выше моём персональном сайте: <http://n-basovsky.narod.ru/06/kritika/knabe.html>. А вот фрагмент моего письма:

Н. Б. 09.02.2004

...Уже несколько дней собираюсь с духом и с мыслями, пытаюсь найти достойные слова, чтобы передать своё состояние, вызванное присланной вами статьёй. И дело не только (и даже не столько) в тех высоких оценках, которые вы дали моей поэзии, хотя кому же из пишущих людей не хочется услышать о себе похвальные суждения? Но в данном случае самое потрясающее — это то, как глубоко и подробно вы *вчитались* в мои стихи, какая огромная работа проделана вами по анализу и сопоставлению этих текстов, какие существенные и часто неожиданные даже для их автора выводы вы сделали. Не будет преувеличением с моей стороны сказать, что вы вдвоём воплотили наяву тот желанный каждому автору образ *идеального читателя*, о котором говорит, например, Умберто Эко в своём послесловии к роману «Имя розы». Я тут, ко-

нечно, имею в виду второй вариант, упомянутый Эко, а именно того идеального читателя, который *придёт и сможет оценить*.

Поэтому я начну с того, что кланяюсь вам до земли и говорю сердечное спасибо.

Статья превосходна — и по тщательности анализа, и по выбору примеров, а главное — по тому невероятно широкому контексту, в который вы вписали моё творчество. Тут я должен обязательно оговориться. Я ни разу в жизни до сих пор не применял слово *творчество* по отношению к самому себе: мне всегда казалось это стыдным. Я всегда говорил только о своей *работе*. Но в данном случае приходится говорить *творчество* просто для того, чтобы определить круг сделанного мной в отличие от всего того, что сделано другими. Уверен, что вы понимаете мои чувства по этому конкретному поводу, ибо вы поняли — и ещё как поняли! — те чувства и мысли, которые в течение всей своей сознательной жизни я пытался передать единственным *моим* способом, данным мне от Бога, или от природы, — это уж как кто полагает для себя более верным.

Мой способ осмысления действительности — это стихи. Через стихи я пытаюсь понять, что происходит во мне, и в мире вокруг меня, и каково моё место в этом мире. И вы, мой дорогой идеальный читатель, разобрались в этом, как никто другой. Не для похвальбы скажу, что многие люди говорили добрые слова о том, что мною написано, а ими прочитано. Были среди них и профессиональные специалисты, находившие довольно точно те или иные *мои* специфические отличия от других авторов. Но никто и никогда не увязывал мою поэзию с глобальными процессами современного мироустройства — это первое, что меня, не побоюсь сказать, потрясло. Потому что в глубине души я всегда знал, что стараюсь писать просто (даже сформулировал своё кредо примерно так: добиваться максимального эффекта минимальными средствами), но стихи мои всё-таки не простенькие.

А второе, не менее значимое, — это ваше видение той личности моих стихов, которая словесно воплотилась в цитируемой вами строч-

ке «полнозвучье твоё и моё». Нужно действительно очень внимательно прочитать и обдумать весь корпус моих текстов, чтобы почувствовать и в явном виде зафиксировать тот факт, что хотя стихи в нашем с Валею союзе пишу я один, но истинное авторство у них — двойное. За это вам отдельное и самое сердечное спасибо...

Я опускаю большой период нашей переписки — почти два года, — поскольку она в это время была не столь интенсивной: по обе стороны были проблемы со здоровьем. Но в феврале 2006 года я написал маленькую поэму «Чужие» и посвятил её Ревекке Борисовне и Георгию Степановичу. Почему? Мне кажется, после прочтения вопрос отпадёт сам собой. Рискну поместить поэму здесь целиком: она невелика по объёму, а последующий ответ Г. С. не будет нуждаться в дополнительных пояснениях.

ЧУЖИЕ

Маленькая поэма

*Ревекке Сашиной
Георгию Кнабе*

*Все улицы сбегают к берегу,
к одной-единственной площадке,
и городок подобен вееру,
на нём дома играют в прятки.*

*И если дом надумал спрятаться,
к его услугам всюду кроны —
зелёно-белые акации,
зелёно-огненные клёны.*

*Площадку называют площадью;
на ней собор, умильно лаков,
и ратуша — уж так положено,
и рынок в дюжину прилавков.*

А берег — с пристанью;
строители
в скале пробили выход к морю,
недальней островной обители
дав сообщение прямое.

Когда вершилось это действие,
никто не мог подумать даже,
что станут базой благоденствия
заботы купли и продажи.

Но вышло так: монахи — городу,
а он — монахам, шаг за шагом,
и предпочтение не золоту,
а чекам и другим бумагам.

Тут и пришлось по делу странники —
решать проблемы островные:
семья, испанские изгнанники —
моя семья, мои родные.

Я жил когда-то в этой местности,
давным-давно, в иной отчизне,
и знаю город и окрестности,
хоть там и не был в этой жизни.

Глава семьи в почтенном возрасте
служил в казне у Фердинанда,
знал, что вывозится, что ввозится,
и прибыль шла при нём что надо.

Меня он счёт заставил выучить,
а я придумал счёт машинный,
но не успел зубчатки выточить,
как превратился лад в руины.

Мы долго мыкались, мытарились,
покуда в городке осели.

Г. К. 21.02.2006

Dear Наум, —

спасибо за стихи, а за посвящение вдвое. Мы с Вами когда-то, кажется, уже однажды говорили о гениальности как особом типе отражающей способности. Есть внешний, объективный мир и в нем предмет. Он входит в ваше сознание и преобразуется в нем. Но Ваше сознание есть часть нашего, общего, где загадочным образом сплетены нити времени, истории, культуры, жизненного опыта, но сплетены так, что они подчинены прорастающей — нашей общей, но в то же время неповторимо личной индивидуальности. Способность сохранить предмет как предмет в его объективности и его преобразенный воспринятый облик, и ощутить в нем что-то мое, которое в то же время и наше, не переставая быть и только моим, так что на уровне интеллектуально-го сознания увиденное Вами — не то же самое, что увиденное мной, а в глубине художественной отзывчивости они друг в друга проникают, создавая Образ — это, по-видимому, и есть тот особый тип восприятия и выражения, который принято называть гениальностью. Стихотворение, Вами присланное, написано именно так.

Другое дело, что нельзя себе позволять низводить этот сложный, интенсивный и бесконечно очеловеченный тип духовного переживания мира до просторечно обывательской меры качества: хороший поэт, а если очень хороший, то талантливый, ну, а если очень, очень талантливый, то значит гениальный. Поэтому, когда я Вам писал (и пишу), что Ваши стихи часто отмечены этой гениальной способностью, то отсюда не следует, что они всегда такие уж «хорошие», на пятерку. В начале 6-ой строфы, например, мне показалась не совсем понятной языковая форма, призванная передать мысль. Ход мысли требовал плюсквамперфекта, но в языке, на котором Вы пишете, его нет, а выразить, что «мы долго мыкались, мытарились» задолго до того, как «глава семьи в почтенном возрасте служил в казне у Фердинанда» (хотя в тексте упоминание об этом и стоит после) необходимо — и не получается, а это

мешает восприятию. Ну и что? Это же не про то, что составляет принципиальную вышеуказанную природу этой пьесы.

Поэтому обсуждать отмеченные такой природой стихи (картины, музыку и т. д.) в принципе невозможно. Они таковы и живут в вас, или не таковы и поэтому (или по другой причине) в вас не живут. Обсуждать можно и стоит, лишь оставив эту, скажем так, природу в стороне и выйдя за ее пределы на интеллектуальный дискурс, в опыт, теоретически продуманный и образовательно усвоенный, хотя и пережитый, ставший частью вас. Исходя из такого опыта, мне трудно принять сосуществование в едином целом «Я жил когда-то в этой местности, давным-давно, в иной отчизне» и «мы друг без друга обойдемся». Обойдемся друг без друга потому, по-видимому, «что не своею волею нам снова предстоит изгнание». Трудно именно «принять». Понять можно, а принять не получается, хотя описанная особенность стихов требует — принять, «но протестует разум».

Изгнание предстоит, ибо его требуют силы чуждые, посторонние, вне вас живущие, а пережитая иная отчизна — часть Вас, кристаллизованная в Вас ценность. Вы «остались жителям чужими» на уровне повседневного общения, деловых связей, обманутого в этой сфере доверия, но Вы не можете остаться чужими, если в Вас живет «иная отчизна», иная «брошенная Богом волость», как бы по-свински ни вели себя ее жители. И если «жена зажигает субботние свечи», то она их зажигает по-другому, чем жена рядом живущего и сюда переселившегося завхоза из Минска или парторга кожевенной фабрики из-под Саратова. Культура важнее крови, потому что культура внутри Вас и уходит вглубь, истории и сознания, а кровь от Вас не зависит...

Н. Б. 04.03.2006

Здравствуйте, дорогой Георгий Степанович!

Я отвечаю Вам с некоторой задержкой, вызванной тем, что письмо Ваше потребовало серьезного размышления и осмысления. До сих пор

никто из моих корреспондентов не вникал в мои тексты так подробно и на таком, не побоюсь сказать, историко-философском уровне — даже любезный моему сердцу Александр Михайлович Ревич, который о поэзии знает, кажется, всё. В иных откликах были и тонкие эмоциональные наблюдения, и основательные суждения сугубо профессионального (в смысле техники стиха) плана, но Ваши письма стоят в этом смысле совершенно особняком и всегда требуют от меня существенной мыслительной работы.

Начну с того, что мне очень пришлось по душе Ваше понимание гениальности, вне зависимости от того, что Вы и мне дали столь высокую оценку. Скажу сразу же, что никогда не думаю о себе в таких категориях, да и высказанные кем-то такие похвалы никогда не могу реально применить к себе. Но Вы очень внятно и в простых словах сказали о том, что и мне всегда представлялось самым существенным, только я так и не дошёл до словесного определения. И в самом деле, гениальный — это не обязательно самый лучший, да и можно ли творчество оценивать такими «спортивными» показателями? К примеру, у Лермонтова или у Блока много попросту плохих стихотворений. Зато их вершины воистину гениальны — именно в том смысле, как Вы это определили: в смысле созвучия написанного ими внутреннему ощущению многих и многих людей. И поэтому Вы, несомненно, правы — во всяком случае, для меня, — когда говорите, что произведения такого рода невозможно обсуждать в принципе: они или живут в нас, и тогда они для нас гениальны, или не живут, и тут ничего не поделаешь. Вспоминаю, к слову, сколь безуспешно пытались мы с одним здешним литературным критиком достичь взаимопонимания в оценке Набокова-прозаика и Набокова-поэта. Он высказывал мнение, что Набоков как поэт гениален, а как прозаик всего лишь изыскано-холоден, а я утверждал прямо противоположное. Так мы ни до чего и не дошли...

Что же касается Ваших соображений непосредственно по поводу моей поэмы («Чужие»), то я согласился с ними почти полностью. Поч-

ти — это значит, что нахожу расхождение лишь в одном-единственном пункте и потому о нём попробую написать подробнее.

Вы пишете, что *протестует разум* (тут я очень оценил цитирование Самойлова!), когда читатель доходит до «мы друг без друга обойдёмся». Я отчётливо понимаю, что любые мои дополнения к этой строчке будут выглядеть нестоящими, раз уж не удалось внятно сказать об этом в поэме. И, тем не менее, мне хочется сказать о том, что есть принципиально разное прочтение этой строки человеком, у которого есть опыт Исхода и вrastания в новую почву, и тем, у кого такого опыта нет. Упаси Боже, я не пожелаю никому без крайней надобности такой опыт приобретать! Но вот моё личное и выстраданное ощущение. Когда человек начинает жизнь в новой стране с нуля, ему — просто для того, чтобы устоять на ногах, пока «корни не примутся», — необходимо мыслями и чувствами оторваться от прежней жизни, даже ценой отказа от того, что во многом составляло смысл жизни «там». Потому-то в другом стихотворении я написал: *«Я помню всё — до трещинки на камне! — / и всё забыл. Как видно, навсегда»*. Понятно же, что на самом деле ничто не забыто. Но нужно, чтобы прежняя жизнь не висела на тебе грузом. Иначе не востанешь.

Вот и тут, в «Чужих», мой, так сказать, лирический герой становится в позу полного отрицания: «мы друг без друга обойдёмся». Но ведь понятно, что в этих словах звучит только обида: «Ах, вы без меня обойдётесь — так и я без вас обойдусь!». На самом деле, если Вы ещё раз пройдётесь по тексту, то не сможете не обратить внимания на весьма подробную, возможно, даже затянутую экспозицию: три строфы — только описание местности. Это сделано сознательно, это означает, что все эти милые подробности живы в человеке и никуда, конечно, не уйдут из его памяти, из его сердца. Но — мы друг без друга обойдёмся! Обойдёмся на то время, когда новая жизнь требует полной отдачи, *через не могу*, а потом — потом всё существенное, то есть то, что вошло в *существо* человека, оживёт снова и будет питать его чувства, и мысли, и творчество.

А что культура важнее крови, я полностью принимаю. Бесчисленно количество ситуаций, когда человек находит общий язык с человеком иной крови и, равно, не находит общего языка с человеком своей крови — и всё оттого, что культуры их созвучны или не созвучны. При самом сильном желании невозможно объяснить что-то существенное тому, в чьей культурной парадигме это существенное попросту отсутствует...

Наша переписка продолжалась ещё некоторое время и затем постепенно сошла на нет. Были на то существенные причины. Сначала у меня изменился адрес электронной почты, а Георгий Степанович на моё сообщение об этом почему-то не обратил внимания. Недоразумение, конечно, но из-за него образовалась лакуна, которую оказалось не очень просто закрыть (всё-таки приходится учитывать его более чем почтенный возраст!). Затем ушла из жизни Ревекка Борисовна, а у самого Г. С. обострились болезни.

Теперь нет в живых и его, и А. М. Ревича, и я всё время ощущаю пустоту там, где ещё недавно у меня были такие мудрые, талантливые и сердечные собеседники. Замены им нет и, конечно, никогда не будет.

Эллен БЕККЕР

МОЙ ДРУГ ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ

Мы с моим мужем познакомились с Кнабе в доме Георгия Годера и Ирины Свенцицкой. С Годерами мы познакомились в 1979 в Германии у наших друзей. После воссоединения Германии они много ездили, и иногда и я ездила с ними. Ирина хотела непременно посмотреть в Кракове «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи, а в Мюнхене «Пьяную старуху» в Глиптотеке. Мне вспомнились тогда англичане из рассказов Дюма, которые во времена, когда в Петербург можно было добраться только пароходом, ездили туда специально, чтобы увидеть знаменитую ограду Летнего сада, а затем тем же пароходом плыли обратно.

У Годеров в Москве в 1980 году мы и встретились с Г. С. Кнабе. Конечно, не обошлось тогда и без того, чтобы Кнабе пригласил нас к себе. И с тех пор наши дружеские отношения продолжались до конца его жизни.

Тогда Кнабе спросил Годера: «Что интересно немецким гостям?». Годер предложил: «Покажите им старую архитектуру Москвы». И мы совершили чудесные прогулки по старым улицам Москвы, а Кнабе очень интересно обо всем рассказывал. И постоянно внимательно следил за тем, чтобы все перевести на русский, чтобы понимала его жена, Рита.

Рита была чудесной, умной и сердечной женщиной. Вскорости и она стала понимать по-немецки, а через какое-то время научилась

и говорить. Георгий Степанович очень следил за правильной грамматикой ее речи.

Мы приезжали в Москву почти каждые два года, и супруги Кнабе почти с таким же интервалом посещали Германию, где они были также нашими гостями. Таким образом, мы виделись достаточно часто. Мой муж был лесоводом, очень близким к природе, но несколько замкнутым человеком. Он редко оставался в Москве так долго, как я...

Незабываемо впечатление от нашего визита в музей Александра Герцена. Кнабе был знаком с руководителем музея. После закрытия мы прошли по всем комнатам музея, потом пили чай у директора музея и долго разговаривали.

Если есть что-то, что связано в моей памяти с Георгием Степановичем, это в первую очередь РАЗГОВОРЫ. Он не умел «говорить просто ни о чем».

Наши встречи в Москве почти сразу начинались его предложением: «Ну, что, поговорим?». Если всерьез задуматься и вспомнить, пожалуй, мало есть людей на свете, беседа с которыми заставляла настолько напрягать мои мыслительные способности.

Тема наших бесед от самого начала и всегда была: **Германия**. Георгий Степанович владел немецким в совершенстве. И всегда задавал вопросы о Германии.

Как могло в Германии произойти то, что произошло, и как могли немцы сделать то, что они сделали?

Я была всего на пару лет моложе Георгия Степановича, поэтому могла им восприниматься как свидетель времени. Проблема только в том, что я сама много лет спрашивала себя об этом, но реагировала много лет гораздо радикальнее, чем он.

Поскольку это МОЯ Родина, очень долго слово «**НЕМЕЦКИЙ**» вызывало у меня почти аллергическую реакцию.

Кнабе любил немецкую философию, поэзию, язык. Он говорил на превосходном немецком, и **ОДНА** тема возникала снова и снова: «Германия в ближайшем будущем не может сохраниться **ТАКОЙ**, она,

возможно, будет становиться все более дисперсной и постепенно «самоуничтожаться». (Я прошу учесть, что сейчас я пытаюсь передать это своими словами, т. к. невозможно в двух словах передать долгие, часами длившиеся разговоры).

Тогда я протестовала. Но сегодня статистика подтверждает его слова.

По поводу темы Кнабе «Германия и немцы» у меня был хороший союзник: ГЕТЕ. Он написал однажды: «немецкий народ столь добропорядочный в отдельности и столь скверный в целом».

У меня всегда были трудности с произнесением отчества, и мне было предложено называть друг друга просто по имени. Однако Кнабе был именно тем русским, с которым мне казалось это невозможным, да и «Степанович» было не слишком трудным. А с моим мужем у них сохранялась такая форма: господин Кнабе и господин Беккер. Но, господин Кнабе очень скоро научил нас, как можно быстро троекратно расцеловаться при встрече и прощании.

У нас, в Магдебурге, Кнабе совершали чаще всего однодневные экскурсии по окрестностям Магдебурга и близлежащим городам: Веймар, Кедлинбург, Вернигороде и т. д.

Вечера, как правило, заканчивались чаепитием, и чай неизменно готовил сам Кнабе.

Георгий Степанович любил Рильке и особенно Томаса Манна, как и я.

В конце 80-х годов вышли первые тома дневников Томаса Манна, и я смогла привезти их Кнабе. (Я нахожу близкое душевное родство Г. С. Кнабе и Т. Манна — двух крупных мыслителей, их роднило также и, в определенной степени, одиночество).

Напоследок расскажу несколько забавных сценок из наших встреч. Однажды, в конце своего пребывания у нас, Кнабе пригласил нас в ресторан. Нас было шестеро: Кнабе с женой, мой муж и наш младший 20-летний сын с подругой. Я заказала столик в погребке к семи часам. Кнабе заказал небольшую закуску и попросил принести ему хлеба.

Официант: Хле-еб???

Кнабе: Да, пару ломтиков! Или это затруднительно?

Официант: Пойду спрошу. Потом он вернулся с хлебом и сказал: но это за отдельную плату.

Кнабе: Ну, разумеется!

Официант: Еще пожелания?

Кнабе: Позже, мы не торопимся.

К девяти часам мы уже отобедали. После этого еще через час нам принесли десерт и выпечку. Кнабе поманил официанта и попросил принести чаю.

Официант: Чаю???

Кнабе: Да, если можно.

Бедный официант был явно растерян. Однако, принес шесть чашек и шесть пакетиков чая. Это были еще времена ГДР.

Георгий Степанович был, как никогда, раскован, он рассказывал истории и анекдоты, и время пролетело незаметно.

Когда мы уже вышли на веранду, подруга моего сына сказала: «я никогда не думала, что можно четыре часа ужинать».

Эллен Беккер. 15.01.2013

Юрий Григорьевич ВЕШНИНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИИ СТЕПАНОВИЧЕ КНАБЕ

Моему знакомству с Г. С. Кнабе предшествовало, как мне помнится, знакомство с его популярной книжкой «Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги», изданной в издательстве «Наука» в 1981 году. Позже я прочитал серию его статей в «Декоративном искусстве» («Язык бытовых вещей». — «Декоративное искусство СССР», № 1, 1985 и др.), посвящённых тесноте в Древнем Риме и её социальному значению, а также его трактовка семиотики и социальной символики воды, одежды, мебели, и вообще культуры повседневности в Древнем Риме. Они перекликались, на мой взгляд, с семиотическими идеями Юрия Михайловича Лотмана, творчеством которого я заинтересовался ещё раньше, и с которым был тогда уже знаком лично. Стоит, кстати, с сожалением отметить, что текст прочитанного на Лотмановских чтениях в РГГУ доклада Г. С. Кнабе «Знак. Истина. Круг (Ю. М. Лотман и проблема постмодерна)», посвящённого памяти Ю. М. Лотмана и опубликованного в Лотмановском сборнике в 1995 году, я прочитал с большим опозданием уже «в этом тысячелетии». Впоследствии содержание статей в «ДИ» было сведено Г. С. Кнабе в замечательной (у меня, пожалуй, самой любимой из его книг) книге очерков «Древний Рим — история и повседневность», вышедшей в издательстве «Искусство» в 1986 году.

Она была ещё и прекрасно иллюстрирована (на нашем тогдашнем, естественно, полиграфическом уровне).

Что касается моего личного знакомства с Г. С. Кнабе, то ему непосредственно предшествовал рассказ моего тогдашнего сослуживца о состоявшемся весной 1986 года выступлении Г. С. Кнабе в возникшем в годы перестройки на базе Некрасовской библиотеки клубе «Москва» «Арбатская цивилизация и арбатский миф». Забавно, что я жил тогда на Тверском бульваре, и Некрасовская библиотека была как бы моей «домашней», но я об этом выступлении вовремя не узнал. А мой сослуживец по ЦНИИЭП жилища, где я тогда работал, живший от «Некрасовки» гораздо дальше меня, на это выступление Г. С. Кнабе попал и в обеденный перерыв довольно подробно мне и ещё кое-кому из наших общих сослуживцев содержание этого выступления пересказал.

Я пошёл в «Некрасовку» и познакомился с тогдашними руководителями клуба «Москва» Алексеем Алексеевичем Клименко и Эсфирью Семёновной Красовской. Они мне дали прочитать в папочке, перевязанной ботиночными тесёмочками, текст доклада Г. С. Кнабе «Арбатская цивилизация и арбатский миф», ходивший ранее в «Самиздате». Я, вероятно, познакомился с машинописным текстом доклада даже в более подробном виде, чем услышал бы его в устном варианте. Доклад Г. С. Кнабе меня очень заинтересовал, и я вскоре постарался познакомиться с Г. С. Кнабе лично. Некоторое время спустя я и сам выступил в клубе «Москва» с докладом «Москва глазами москвичей» и показывал большую оценочную карту Москвы, полученную в ходе моих социологических опросов. Впервые я тогда услышал аплодисменты незнакомых мне людей. Был ли Г. С. Кнабе на моём выступлении, или нет, я сейчас точно не помню. Скорее всего — нет. Возможно, что ему тогда что-то помешало прийти.

Но спустя некоторое время я уже точно виделся с Г. С. Кнабе ещё где-то (кажется, в Доме Архитектора), где я выступал с тем же сюжетом. Я тогда вообще довольно часто выступал с докладами о восприятии и об оценке различных частей территории и различных качеств Моск-

вы москвичами. Мне тогда казалось, что, кроме начавшейся борьбы за власть в стране, кого-то интересует и сама по себе Москва (и не только ради того, чтобы мелькать на её фоне перед телекамерами). Увы! Такие люди, как мне становится всё более ясно, оказались чрезвычайной редкостью.

Среди последствий моего выступления в клубе «Москва» было тогда немало положительных. Так, например, Сигурд Оттович Шмидт даже предлагал мне написать что-нибудь для одного из редактировавшихся им арбатских сборников. Это было очень лестное предложение, но у меня, к сожалению, не было каких-либо особых знаний об Арбате, которые были бы кому-нибудь интересны (тем более, в сравнении с Г. С. Кнабе!). Я лишь в дошкольном возрасте жил с бабушкой года три в «Доме Гинзбурга» в Малом Лёвшинском переулке (в комнате в коммуналке, оставшейся после смерти отца, который был инженером-строителем), но тогда я был ещё совсем мал и об этом мне практически нечего вспомнить.

Ещё раз мы пересеклись с Г. С. Кнабе, когда я в первых двух семестрах в 1994 и 1995 годах на дневном отделении факультета управления в качестве обязательного спецкурса (по линии кафедры оргразвития) и в 1997 году на дневном отделении факультета музеологии в качестве факультативного спецкурса (по линии кафедры истории и теории культуры) преподавал в РГГУ свой авторский курс «Социокультурные проблемы городов». Я решил показать Г. С. Кнабе составленную мной программу этого курса и узнать его мнение об этой программе. Г. С. Кнабе прочитал мою программу и, в целом одобрив её, высказал несколько советов и замечаний. Он, в частности, обратил внимание на то, что в моей программе в конце её сделан переход от истории самой городской культуры к изложению инструментов изучения города и управления им, и, в том числе, к изложению моей методики аксиологической географии как одного из таких инструментов, что действительно соответствовало истине. Программа этого курса была мной опубликована в 2001 году в сборнике «Преподавание краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях» под названием «Социокультурные про-

блемы городов (Программа курса)». Тогда же, кажется, моё внимание привлекли тексты Г. С. Кнабе, посвящённые тому, что он называл энтелихией, как явлению мировой культуры. Было мне также очень интересно то, что Г. С. Кнабе писал о подтексте и глубинном смысле Медного всадника у Фальконе и у Пушкина.

Но наиболее важную роль в моей научной судьбе сыграло предложение Г. С. Кнабе написать статью в сборник «Москва и «московский текст» русской культуры», который намечено было выпустить в 1997 году к 850-летию первого упоминания Москвы в летописи при Юрии Долгоруком под 1147 годом. Эта дата признавалась московскими властями (особенно важно было Ю. М. Лужкову, чтобы юбилей пришёлся на его «мэрство») днём основания Москвы, хотя уже давно известно (в том числе и из результатов археологических раскопок на Боровицком холме), что Москва была основана, как минимум, ещё в X веке (по-видимому, при Вещем Олеге).

Издание сборника опоздало к юбилею почти на год. Вышел он в 1998 году. Моя статья была в сборнике последней (предпоследней была статья самого Г. С. Кнабе «Арбатская цивилизация и арбатский миф») и называлась «Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м». Это до сих пор — самая часто цитируемая и упоминаемая в библиографиях моя публикация. Там было использовано весьма новое тогда словосочетание «география престижа». Г. С. Кнабе, впервые услышав это слово от меня по телефону где-то за год до выхода этой статьи, даже переспросил меня: «биография престижа»? А сейчас это словосочетание в интернете (в риэлтерских и девелоперских изданиях) уже употребляется без указания чьего-либо авторства как «слова народные». Впрочем, может быть это даже хорошо?

Но некоторые мои выражения (а для социологии характерен несколько жёсткий и циничный лексикон) Г. С. Кнабе слегка шокировали. Он, например, просил меня не употреблять в тексте по отношению к высокостатусным и низкостатусным социальным группам слов «белые люди» и «чёрные люди». В нём чувствовался гуманитарий-клас-

сик, тонкий стилист и вообще «человек хорошего старого воспитания»! В окончательном варианте моего текста слова «белые люди» уже сопровождались дополнением «говоря языком городского фольклора», а слов «чёрные люди» не было вообще. И, кроме того, он просил меня не злоупотреблять кавычками, и уважать, таким образом, умственные способности читателей. Вполне ли я научился следовать этому его совету?

Позже я предложил эту статью редактору отдела городских новостей в «Известиях» Виктории Леонидовне Волошиной для сокращённой перепечатки, и она очень умело превратила мою довольно объёмистую статью из сборника в короткую газетную статью «География престижа: диалектика неравенства. Расслоение по классовому принципу началось ещё в СССР. Сегодня этот процесс идёт быстрее». Текст этой статьи, опубликованной в «Известиях» 6 мая 2003 года в № 78 (26395) на стр. 10–11, в отличие от статьи в сборнике под редакцией Г. С. Кнабе, вывешен в интернете и его можно там прочитать. Ссылки на этот газетный вариант статьи тоже довольно многочисленны.

Надо сказать, что меня в публикациях Г. С. Кнабе, посвящённых «арбатской цивилизации» и «арбатскому мифу», особенно поразили (и вызвали, пожалуй, даже некоторое недоверие) его высказывания о том, что «арбатская цивилизация» принадлежит прошлому, которое безвозвратно ушло. Его мысли, полемизировавшие с известными словами из песен Булата Окуджавы, о том, что «арбатство растворённое в крови» «истребимо», что к арбатскому двору всё «не вернулось и не вернётся» казались мне сначала чрезмерно пессимистическими. Я не сразу понял то, что хорошо понял ещё в годы перестройки Г. С. Кнабе, а именно: что в 1980-х годах уже нельзя было повторить памятные мне по годам моей молодости 1960-е годы с их иллюзиями и надеждами. И люди, и вся жизнь стали другими. Годы «застойного» безвременья, «погружения в трясину» и деморализации не прошли даром. Интеллигентность и благородство неуклонно уходили из реальной жизни, всё больше превращаясь в некую красивую мифологию, в сказку, в видимость.

Очень хорошо это было показано, в частности, в фильме В. Ю. Абдрашитова и А. А. Миндадзе «Плюмбум, или опасная игра». Об этом писали и многие писатели уже в конце 1960-х и, особенно, в 1970-е и, ещё больше, в 1980-е годы. Но особенно это проявилось на переходе от 1980-х к 1990-м годам, когда в обстановке беспощадной борьбы за выживание и успех и нараставшего морального одичания нашего общества начался стремительный распад даже внешних форм былой интеллигентности. Думаю, что именно осознанием Г. С. Кнабе необратимости негативных изменений в общественной жизни и объясняется тот факт, что, довольно охотно вступая в беседу о судьбах культуры, он ещё в годы перестройки начинал заметно «скучать», когда я заговаривал с ним о текущей политике. Я тогда ещё не знал, что его любимым афоризмом были слова «Надо жить мимо».

Зимой 2010–2011 годов, после возбудившего у меня несколько преувеличенные надежды снятия Ю. М. Лужкова, я вступил с Г. С. Кнабе в переписку, выслав ему очень понравившееся мне стихотворение Александра Городницкого «Этот город», которое тот прочитал на митинге против Охта-центра. Это моё письмо вызвало у Г. С. Кнабе неожиданную для меня прохладную реакцию и его упрёки в мой адрес в излишнем идеализме и в необоснованном оптимизме. Я тогда только начинал осознавать всю глубину пессимизма Г. С. Кнабе по отношению к тому, что он назвал «антигуманным движением современной цивилизации». В ходе завязавшейся интернет-дискуссии и, главным образом, уже после неё, я стал постепенно понимать глобальный характер тех негативных процессов, которые казались мне связанными почти исключительно с нашими отечественными реалиями. Наиболее полное содержание этой интернет-дискуссии было мной изложено в докладе «Философско-культурологические аспекты интернет-дискуссии автора с ныне покойным Г. С. Кнабе о некоторых проблемах современной цивилизации зимой 2011–2012 годов» на VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений», состоявшемся в Нижнем Новгороде 27–30 июля 2011 года. Тезисы это-

го доклада опубликованы в сборнике материалов конгресса, хотя эти тезисы, на мой взгляд, и малоинформативны. Хотелось бы лишь перечислить здесь то, что Г. С. Кнабе называл в качестве параметров антигуманного движения современной цивилизации в целом. Основные параметры этой цивилизации, по Г. С. Кнабе, для большей чёткости изложения перечисляются мной под номерами:

- 1) Глобализация не только в экономике, но и в менталитете;
- 2) Массовая инфильтрация этнически инородного населения;
- 3) Глобальный характер информационной системы и её воздействующее на сознание проникновение в каждый дом;
- 4) Существование, наряду с уходящими в прошлое культурно-психологическими установками, связанными с сохранением культурно-исторических единств, массовое признание и переживание дисперсии как тональности жизни;
- 5) Архитектура high-tech, утверждающаяся от метро в Гонконге, через библиотеку в Катаре и пирамиду в Лувре до берлинской Rauchtrasse и московского Сити, главный импульс которой — неприятие истории;
- 6) Установка ЕС и нашей только что закончившейся переписи на произвольное установление каждым своей национальности, т. е. и своей культурно-исторической принадлежности.

Особенно сильное впечатление на меня произвело чтение последней вышедшей книги Г. С. Кнабе «Европа с римским наследием и без него», опубликованной издательством «Нестор-история» в Санкт-Петербурге в 2011 году. Думаю, что для полного осмысления содержания этой книги мы все ещё должны созреть. Там его весьма пессимистические воззрения на судьбы европейской цивилизации были выражены, как представляется мне, с наибольшей полнотой. Излагая конечный вывод из предполагаемого исследования, он писал: «На территории Западной Европы размещение этнических групп — а впоследствии и государств, — их лингвистическая группировка, способы организации населения, формы духовного самовыражения и традиции сложились изначально под сильным воздействием Римской империи и на её тер-

ритории. Следы этого воздействия образуют магистральную характеристику культуры Западной Европы как культурно-исторического целого вплоть до середины XX века. С этого момента, в ходе заключительных десятилетий XX столетия, наступают коренные перемены, повлекшие за собой отказ от дотоле устойчивых, унаследованных от Рима слагаемых государственности и культуры. Отказ этот предполагает завершение бытия Европы как культурно-исторического целого, каким оно было нам дано на протяжении последних полутора тысяч лет».

Г. С. Кнабе справедливо отмечал, что европейское общество «действительно становится другим, т. е. утрачивающим *esprit européen* как силу, сплывающую Европу такой, какой она была, т. е. способной к единству движения и сохранения, к преемственности, к тому, чтобы быть и оставаться верной себе и в то же время становиться иной». На утрату современными жителями Европы *esprit européen*, т. е. европейской идентичности и европейского патриотизма, Г. С. Кнабе указывал в своей последней книге неоднократно.

Насколько на самом деле перспективна ситуация для судьбы самой восходящей к античности европейской культурной традиции, в контексте которой развивалась моя интернет-дискуссия с Г. С. Кнабе? Есть ли у неё будущее в современном мире? Не является ли процесс не только утраты европейской идентичности, но и вообще **десапиентации** (так я предлагаю называть этот глобальный процесс) необратимым? Для меня, принадлежащего, по-видимому, к последнему поколению, верившему в прогресс, это далеко не ясно. Похоже на то, что Г. С. Кнабе был не только старше, но и мудрее меня, и его, казавшийся мне два года тому назад избыточным, пессимизм был подкреплён всей его огромной эрудицией и его богатым жизненным опытом. Сейчас стало принято говорить с иронией, завершая почти любой разговор: «Вот на этой оптимистической ноте...». Но не является ли главным уроком Г. С. Кнабе нам всем урок не закачиваемого нам в мозги и души через СМИ дежурного оптимизма, а урок его интеллектуального мужества? Может быть, именно этого нам сегодня не хватает больше всего?

Ирина Владимировна ДАНИЛИНА

О Г. С. КНАБЕ

С Георгием Степановичем Кнабе мы познакомились в 1979 году, когда, окончив школу, я поступила на вечернее отделение МГПИИЯ им. М. Тореца. Все студенты-вечерники должны были работать, и я пришла во ВГИК устраиваться на должность секретаря кафедры иностранных языков, которой заведовал Георгий Степанович. Хорошо помню свое первое впечатление: сидел очень серьёзный, грозный, важный человек, и первое, что он у меня спросил: «Как вы окончили школу?». Узнав, что с двумя четвёрками в аттестате, сказал: «Ну, хорошо — это слова, принесите, пожалуйста, копию аттестата». Поскольку я устраивалась на должность секретаря, а не доцента, меня это удивило, я вообще не представляла, что кого-то, кроме приемной комиссии ВУЗа, будет интересовать моя учёба. Дальше мне был дан диктант, на русском языке, после чего он проверил навыки машинописи, которые, честно говоря, были малоудовлетворительны. Через несколько дней он мне позвонил: «Приезжайте, мы вас берём. Только привезите копию аттестата!».

Хорошо помню свой первый рабочий день. В 9 часов утра появился Георгий Степанович с альбомом репродукций в руках, положил его мне на стол, раскрыл на произвольной странице и спросил:

— Узнаёте?

— Нет.

— Серость! Как таких только в ВУЗы берут? Впрочем, для вашего поколения вполне характерно, — сказал Георгий Степанович, забрал альбом и, тяжело вздохнув, сел за свой стол напротив.

Такая манера общения меня, в принципе, удивила, но я не подозревала, что это будет ежедневная экзекуция. То есть каждый рабочий день начинался с того, что я получала альбом с репродукциями, и если я узнавала картину, то она немедленно заменялась следующей. В другие дни Георгий Степанович начинал читать наизусть фрагмент какого-нибудь стихотворного произведения, а я должна была узнать цитату. Если я не узнавала, то слышала тираду о том, какое образование нынче получает молодёжь. Если же узнавала (я человек эмоциональный, и ментально садилась на краешек стула, демонстрируя готовность ответить), то Георгий Степанович говорил:

— Ирэн, я вижу, вы узнали. Продолжайте цитировать.

Если цитировать с произвольного места у меня не получалось, то немедленно следовала тирада об убогости современного образования.

Опоздать на работу было нельзя, прийти вовремя тоже было невозможно, потому что Георгий Степанович всегда приходил раньше. Моя норма была — пять печатных страниц в день. Как только Георгий Степанович садился за стол, он говорил:

— Ну, где ваши обещанные пять страниц?

Печатала я издаваемый тогда «Практикум по чтению кинолитературы на английском языке», там были, соответственно, совмещены русский и английский тексты. Невозможно было допустить ни единой ошибки, поскольку Георгий Степанович тут же объяснял, что не он является моим секретарём, всё обстоит в точности наоборот, и он не обязан вычитывать мои материалы и проверять за мной ошибки...

Через три недели я поняла, что дальше так работать не могу, всё происходящее я воспринимала как унижение. Пришла и сказала, что подаю заявление об уходе. Георгий Степанович очень удивился и ответил:

— А что, собственно, Вас не устраивает? Великолепное рабочее место, великолепные условия!

— Меня не устраивает тот факт, что я здесь не чувствую себя человеком.

В ответ немедленно получила: «Человек — это тот, кто постоянно учится и совершенствуется. А если учиться и совершенствоваться Вы не хотите, то это является серьёзным препятствием на пути становления Вас как личности и развития человечества в целом». Всё это было произнесено мне, девочке-отличнице, с лёгким подтруниванием и скептической улыбкой. Я помню, что расплакалась и сказала:

— Когда мне будет шестьдесят, я буду столько же знать!

Георгию Степановичу тогда было пятьдесят девять.

Он ответил:

— Это было бы здорово, только жаль, что до этого времени я не доживу. Ну ладно, посмотрим.

Уже позже, когда мне исполнилось лет двадцать пять, я поняла, что время набора знаний — конечно, и что когда мне стукнет шестьдесят, я не буду знать и половины того, что знал он.

Ну а тогда Георгий Степанович пообещал быть мягче. Я стала получать альбомы репродукций и поэтические отрывки не каждый рабочий день, а раз в неделю.

Второй шок я испытала, когда присутствовала при их разговорах с Владимиром Яковлевичем Бахмутским. Приходили на кафедру два солидных человека, садились и начинали беседовать. Каждое слово в отдельности было абсолютно понятным, но, взятые вместе, они для меня не складывались в смысл. Это были люди, которые могли общаться полужвуками, междометиями, оба прекрасно понимая, о чем говорят, но для сидящих рядом людей содержание беседы оставалось загадкой.

Закончился мой первый год работы во ВГИКе тем, что летом я поехала отдыхать с трехтомником истории изобразительных искусств, который выучила практически наизусть. Каково же было моё удивление, когда все дальнейшие вопросы Георгия Степановича за все последующие годы совместной работы ни разу не пересеклись с содержанием того трехтомника.

Ещё была смешная история. В неприсутственные дни Георгий Степанович часто приглашал меня работать к себе домой, чтобы его не от-

влекали постоянно входящие на кафедру посетители. Однажды, перед летней сессией первого курса, мне был задан вопрос: «Какие предметы вы сдаёте?». Перечисленные предметы его мало интересовали. Кроме одного — латыни. Латынь у нас в ВУЗе преподавал Георгий Петрович Чистяков, впоследствии отец Георгий Чистяков, священник Храма Косьмы и Дамиана в Шубине, ныне покойный. Отец Георгий был человеком очень увлекающимся, мог часами рассказывать о Древнем Риме, поэтому наша задача была спровоцировать его на эти рассказы и, тем самым, уйти от заданий по грамматике, которые мы регулярно не выполняли. В результате к экзамену мы пришли с хорошими знаниями о Древнем Риме и нулевыми по латыни. Услышав о том, что мы изучаем латынь, Георгий Степанович сказал: «О, это интересно!», встал, взял с полки томик писем Цицерона к жене, и, открыв на первой попавшейся странице, сказал:

— Переводите.

— Ну что вы, я так не могу, мы же со словарём переводим.

— Нет проблем. Я буду работать Вашим словарем.

Увидев, как я плыву — а плыла я, действительно, со свистом! — он предложил:

— Тогда извольте мне ответить хотя бы, какая это часть речи.

— Наверное, существительное.

— Правильно — глагол. А это?

— Прилагательное.

— Правильно — существительное.

Так он выдержал, наверное, минут пять. Захлопнул томик писем Цицерона, убрал на полку, сообщил, что я латынь никогда не дам и не интересовался, кто будет экзаменатором.

Услышав, что я сдаю латынь его старинной приятельнице Юдифь Матвеевне Каган¹, он пообещал: «Я непременно ей позвоню и скажу, чтобы она вам двойку вкатила».

---

¹ Каган Юдифь Матвеевна (р. 1924, Москва) — литератор, переводчик, канд. филол. наук (1962). Дочь М. И. Кагана. Окончила отд. классич. филологии МПШ им. В. И. Ленина (1949). В 1952–1955 преподавала лат. яз. в ср. школе. В 1956–1980 — преподавала лат. яз.

Не думаю, что он ей звонил, но эта беседа спровоцировала меня на шесть дней занятий, не поднимая головы. На экзамене латинские тексты просто отлетали у меня от зубов, грамматика была выучена абсолютно вся без шпаргалок. Юдифь Матвеевна, поставив мне оценку «отлично», предложила, что если когда-нибудь у меня будут проблемы с трудоустройством, обратиться к ней на кафедру.

После окончания сессии я вернулась во ВГИК. Увидев меня, Георгий Степанович сообщил, что его ничего так не интересует, как моя латынь. Получив ответ, что латынь сдана на пять с плюсом и Юдифь Матвеевна предложила мне трудоустройство, если я не найду работу с английским языком, он помрачнел, побагровел и произнес:

- Этого не может быть никогда. Вы сейчас свободны?
- Я сейчас работаю.
- Поедемте со мной.

Мы вышли из института, он поймал такси, и мы поехали к нему домой. Достал с полки уже знакомый томик писем Цицерона к жене, открыл на первой попавшейся странице и сказал:

- Переводите.

И когда я ему с листа начала переводить, удивлению его не было предела. Я услышала о том, что такое способный лентяй, и что лень не может быть двигателем прогресса, о том, как и для чего надо учиться. Текст был грозен, но его лицо... сияло от счастья. Тогда, наверное, впервые поняла, что все эти экзамены проводились для моего развития и расширения моего образования. Кнабе почему-то было не всё равно, что из меня получится. Просто, грубоватая и резковатая форма «моих университетов» не сразу дала мне это понять.

в Моск. гос. пед. ин-те иностр. яз. им. М. Тореза. Перевела с латинского яз. «Фрагменты» Г. Бебеля (М., 1970); «Утопию» Т. Мора (М., 1978); «Философские произведения» Эразма Роттердамского (М., 1986). Автор кн.: «И. В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность» (М., 1987); «Марина Цветаева в Москве: Путь к гибели» (М., 1992), ряда статей по античной и рус. культуре, в т. ч. «О В. В. Розанове» (Сб. «Ковчег», М. — Иерусалим, МП), «О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой: Опыт толкования нескольких стихотворений» (В жур. «Де визу», № 3, М., 1993) и др. — (Ред.).

Георгий Степанович тогда преподавал, в основном, французский язык в продвинутых группах киноведов. Это были выпускники спецшкол, которые в школе изучали английский, а во ВГИКе начинали учить французский «с нуля». Когда я робко сказала, что тоже хочу учить французский, он тут же пригласил меня в группу.

Группы были маленькие — по четыре-пять человек. Георгий Степанович не терпел халтуры — и не терпел её до такой степени, что действительно часто просто взрывался. Тогда были тетради для записи слов по три копейки. У каждого студента была такая тетрадочка. Кнабе брал такую тетрадочку и делил на две колонки: одна была широкая-преширокая, и туда он записывал ошибки студента. Другая была узенькая-преузенькая, и в неё он записывал все слова и выражения, которые дал нам на предыдущих занятиях, и которые мы свободно вворачивали в свою разговорную речь. Каждый следующий ответ начинался с того, что он открывал эту тетрадочку, и пока он не проверял, как исправлены все предыдущие ошибки, он отказывался слушать дальнейшее. Говорил, что работа требует систематичности, и не имеет никакого смысла лепить одни и те же ошибки...

Его речь была максимально академичной, он говорил очень четко, внятно, разборчиво. Это была скорее речь научных докладов, нежели естественный разговорный французский язык. Как только я пришла в группу французского, в повседневном общении он перешел со мной на этот язык, и иначе, как «Ирэн», ко мне не обращался.

Непростыми были взаимоотношения Георгия Степановича с преподавателями кафедры. С одной стороны, его очень уважали: он ставил исключительно высокую планку научной работы кафедры. Тогда были написаны учебники для ВУЗов — и до сих пор существует его учебник 1989 года издания, лучше которого никто ничего пока не создал. С другой стороны, его страшно боялись. У него был ежедневник для записей, но все, что касалось работы кафедры, он удивительным образом держал в голове. Срок сдачи учебного пособия, дедлайны, касающиеся каждого преподавателя. Преподаватели это знали, и, если что-то было

не доделано, старались на кафедре просто не появляться. То есть норовили тихо прошмыгнуть в аудиторию, просили: «Не говорите, что вы меня видели». Тем не менее, в какой-то момент он неизменно задумывался и произносил:

— Так, кстати, сегодня преподавательница Н. должна сдать мне главу учебника. Попросите её, пожалуйста, ко мне спуститься.

Поразительно, как ему удавалось ничего никогда не забывать.

В каких-то вопросах Георгий Степанович был абсолютно непримирим. Вообще не терпел бытовухи, ни в каких её проявлениях. А поскольку преподавателями кафедры, в основном, были дамы, естественно, у всех были семьи, у всех что-то происходило дома, болели пожилые мамы, выкидывали фортели дети. Ещё семьи надо было кормить. Когда преподаватель приходил на заседание кафедры из ВГИКовского буфета, а из пакета торчали ноги синего цыплёнка из профкомовского заказа, Георгий Степанович просто рвал и метал. С телефона кафедры иностранных языков нельзя было вести разговоры с обсуждением домашних проблем. Можно было позвонить в методкабинет или узнать, когда придёт письмо, но совершенно невозможно было позвонить домой и узнать, вернулись ли дети из школы. И в какой-то момент дамы меня попросили:

— Георгий Степанович хорошо к тебе относится, попроси его хотя бы зеркало здесь повесить и чайник купить...

Но Георгий Степанович резко ответил, что не будет ни того, ни другого: «Вы что-то перепутали, это высшее учебное заведение, это кафедра, а кафедра является научным подразделением».

Я спросила:

— А что плохого в зеркале и чайнике?

— Вам разреши, так вы еще здесь пеленки повесите!

— Чьи пелёнки?

— Собственного ребёнка.

— Но я не замужем, и у меня нет детей.

И тут он, мрачно усмехнувшись, сказал:

- Будут. И дети будут, и муж, и кормить вы их будете сосисками.
- Почему сосисками? — спросила я.
- Потому что это — квинтэссенция пошлости.

До сих пор, когда я вижу сосиски, это первая ассоциация, которая у меня возникает.

А тогда ни зеркала, ни чайника на кафедре так и не появилось.

Я проработала на кафедре три года. На исходе второго года я увлеклась театром, режиссурой Анатолия Эфроса, и поняла, что не хочу сидеть с утра до вечера во ВГИКе, а хочу ежедневно ходить на репетиции к Эфросу. Георгий Степанович к тому моменту предложил мне преподавательские часы, чтобы немного поднять зарплату. Тогда об этом и мечтать было нельзя. Но я, занятая только мыслями о театре, ответила:

— Нет, Георгий Степанович, я всё решила, я уйду. Совсем.

Он долго пытался понять, кто меня переманил, и, будучи человеком педантичным, никак не мог поверить, что я просто бросаю всё, чтобы ходить на репетиции.

— На какие репетиции? А чем Вы будете заниматься в жизни? Как Вы планируете жить дальше?

Он долго пытался объяснить, что я ломаю себе жизнь, что я отказываюсь от всего того, чего добилась собственными усилиями, в том числе от преподавательских часов, что раньше студентке третьего курса подобное и сниться не могло. Позвонил моим родителям и долго выяснял, что они думают по этому поводу.

Я ушла из ВГИКа в 1981 году. Занималась театром, открыла свою студию. С Георгием Степановичем мы не встречались. В 1986 году, летом, раздался телефонный звонок: Георгий Степанович предложил мне вернуться уже в качестве преподавателя. С тех пор я так и работаю на этой кафедре.

Георгий Степанович посещал занятия всех преподавателей, и, особенно, молодых. Заранее предупреждал, что придет, садился на последнюю парту, доставал пухлый блокнот. Во время моего занятия,

которое он решил посетить, сразу стало понятно, что всё происходящее в аудитории его просто ужасает. Он непрерывно писал, багровел, надувал щеки. Сопел так, очень характерно, когда злился, и я чувствовала, что происходит катастрофа, только не могла уразуметь, что вызывает такую реакцию. Группа студентов выполняла задание, а он непрерывно листал учебник и пытался понять, что мы делаем. В общем, полуторачасовое занятие вылилось в пятичасовой разбор полётов. Это был разгром. «Почему Вы позволяете себе разговаривать в аудитории, как у стойки бара?» — возмущался Георгий Степанович. — Почему позволяете себе жаргонные обороты в речи? Как студенты должны понимать всю эту смазанную речевую невнятицу?».

— Ну, они-то понимают, — отбивалась я. — Они же делают упражнения.

— Но даже я не могу найти в таком темпе в учебнике необходимую страницу! Они несчастные, потому что у них нет возможности никуда от вас деться! Извольте, чтобы всё соответствовало академической норме! Это слово вы произносите неверно, и это неверно, и это неверно.

Он выдал мне бумажку со словами. Пришлось доказывать ему, что все слова я произнесла правильно, подтверждая это указанием словарных статей из произносительного словаря Джонса. Георгий Степанович был очень удивлен, и спросил:

— Вы хотите сказать, что вообще не делаете ошибок?

— Нет, отчего же, наверное, делаю, но другие.

— Это интересно, — сказал Г. С. — верните мне бумажку, я проанализирую этот вопрос.

Дальше он признал:

— Ну, надо же, чему-то Вас научили. Вы были правы.

Тогда, в 1986 году, я пыталась найти способ ухода от академизма. Язык Георгия Степановича был абсолютно правильным, но это был язык, которым не пользуются в повседневном общении. Случайно узнала, что существует методика интенсивного обучения иностранным языкам Галины Александровны Китайгородской. Это была прямая

противоположность тому, что исповедовал Г. С., — всевозможные песенки, хлопки, танцы, непрерывные диалоги, ярко выраженная коммуникативная направленность. Я спросила у Г. С., могу ли пойти на стажировку, он посопротивлялся, но в результате разрешил, без отрыва от производства.

Тогда была чёткая система письменных отчётов по итогам стажировки: доклад на заседании кафедры, с полным разбором, с освещением всех вопросов. Заседания проходили очень интересно, на высоком научном уровне. По результатам стажировки Г. С. предложил сделать во ВГИКе одну интенсивную группу по методу Китайгородской. Решили собрать ее из сильных выпускников спецшкол, давать им в течение двух лет по 8-10 учебных часов английского в неделю. А дальше начинать изучение второго языка — немецкого или французского.

Мы с Г. С. сразу договорились, что я веду эту интенсивную группу, а он ни во что не вмешивается, не смотрит, что происходит на занятиях. Только тестирует группу на входе, и затем на выходе. К сожалению, группу на выходе мы протестировали уже без Г. С.

В 1987 или 88-м году произошло знаковое заседание кафедры иностранных языков. Пришел ректор Александр Васильевич Новиков и сказал, что у Г. С. закончился пятилетний трудовой договор и что он больше не может заведовать кафедрой, так как преодолел возрастной рубеж в 65 лет. Сказать, что это было трагедией, значит, не сказать ничего. На все наши уговоры, на все слова о масштабе личности Кнабе, о том, что Г. С. бодр и полон сил, ректор отвечал: мы найдём ему место в институте. И, действительно, Георгий Степанович ушел профессором-консультантом на кафедру эстетики, которая находилась за стенкой от нашей. И к нам он больше, к сожалению, отношения не имел.

Не знаю, был ли он рад такому повороту событий. С одной стороны, этот перевод дал ему возможность заниматься тем, что ему действительно было интересно. С другой, слишком уж неожиданно все произошло. Для него был важен вопрос преемственности. Мы предложили тогда в ректорате, чтобы кафедру возглавила Нелли Станиславов-

на Креленштейн, которая хорошо знала Георгия Степановича. Ей, правда, на тот момент тоже исполнилось 63 года, но мы надеялись, что ей всё же дадут проработать пять лет. Несмотря на то, что мы сидели в соседних кабинетах, с Г. С. мы уже почти не виделись.

В это время я пошла в аспирантуру. Нас было два преподавателя во ВГИКе до 25-ти лет, причем моя коллега числилась в аспирантуре, а я нет. Проректором по научной работе был тогда Игорь Иванович Садчиков, который при встрече говорил мне: Представляешь, вот я во всех отчетах пишу «повышение квалификации в аспирантуре 50%», а если ты пойдешь, я смогу написать «100%». Я отвечала, что не хочу дальше учиться. А он убеждал меня, что придется. Решила, что пойду в дневную аспирантуру. Позвонила Кнабе, но он сказал, что аспирантура может быть только заочной. Хватит учиться, пора работать, надо не только брать, но и отдавать. И вообще «душа обязана трудиться и день, и ночь». «Какая ночь?» — говорю. А он: «Это и есть норма. Вспомните, как я писал диссертацию о Таците».

Докторскую диссертацию Георгия Степановича «Корнелий Тацит и социально-политические противоречия раннего принципата в Риме» печатала я. В то время, когда я ещё работала у Г. С. секретарём, я понятия не имела, что кроме иностранных языков, он занимается ещё чем-то. Это была та сфера его жизни, которая для меня оставалась абсолютно закрытой. В какой-то момент он сказал: Вы не могли бы оставаться после работы и за деньги набирать мою диссертацию? Я ответила, что могу делать это совершенно бесплатно. Он возразил:

— Нет, любой труд должен быть оплачен.

Его диссертацию я читала запоем. Там, где что-то не понимала, задавала вопросы. Часть из них были сложными, часть — дурацкими, но отвечал он на все. Именно тогда, в 1983-м году, я и узнала, что у Г. С. есть другая научная жизнь. Возвращаясь к аспирантуре, мне удалось тогда, несмотря на все возражения Кнабе, уйти на три года, поступить в дневную целевую аспирантуру, а когда я вернулась, Георгия Степановича уже во ВГИКе не было.

В начале 1990-х годов произошла еще одна интересная история. Надо было зарабатывать деньги, и мы с коллегами организовали первые выездные группы по интенсивному обучению иностранным языкам. Группы с погружением. Выезжали куда-нибудь в подмосковный пансионат на 25 дней и по 12 часов в день работали. Результаты были очень интересные. Хотя потом возник целый ряд психологических проблем, которые я в своей диссертации и исследовала. И вот однажды, идя по коридору гостиницы в Пушкино, я с удивлением увидела Георгия Степановича. Он объяснил, что приезжает в Пушкино в Дом Ученых и читает там курс лекций, проводит круглые столы. К сожалению, его лекции тогда уже подошли к концу. Стояла красивейшая золотая осень, мы Г. С. много гуляли, и он мне рассказывал о том, как ландшафтные дизайнеры высаживают различные виды деревьев, чтобы часть их была зелёными, а часть — жёлтыми. А потом попросил: «Не позволите ли Вы мне сейчас, когда я уже не являюсь Вашим непосредственным начальником, прийти на ваш интенсивный курс и посмотреть, что это такое? Я буду просто зрителем!». На занятии он хохотал как маленький ребёнок! Я такого Г. С. , пожалуй, увидела впервые в жизни. Он пытался хлопать и топать вместе с нами. При этом он потом сказал, что все это было сродни цирку. Ну, это же надо, говорит, как всё здорово запоминается. Я никогда, в принципе, не думал, что это возможно. А вы знаете, стоило когда-то взять молодого специалиста на кафедру, чтобы потом узнать что-то новое! По крайней мере, я теперь знаю, что это весело.

Вообще с годами Г. С. стал более чувствительным, удивительно теплым, лояльным, сопереживающим, заинтересованным. И я поняла: либо я этого человека просто не знала, либо к старости он очень изменился, хотя педантичность и сохранилась.

А дальше у нас были телефонные разговоры. Хорошо помню, как однажды я ему позвонила, и он мне сообщил, что тяжело болен. Было ощущение в этот момент, что в нём что-то изменилось. Весь этот быт в его повседневности и рутине, который он считал банальным и не

хотел признавать, вдруг стал для него существовать. Это был первый момент, когда Г. С. при мне заговорил о быте.

Он тогда уже преподавал в РГГУ, какое-то время читал там лекции. Жаловался на студентов: «Я не могу понять, это я старею, или это студенты так поменялись? Я не понимаю, кто эти люди, зачем они пришли, зачем я им говорю о сложных вещах, когда они не в курсе самых элементарных?». Он очень переживал, воспринимал это как личную трагедию. Мы с вами сегодня прекрасно понимаем, что студенты РГГУ — не самые слабые, это уже отобранные люди, с приличным гуманитарным уровнем. И в какой-то момент он мне сказал: «Наверное, мне надо просто перестать преподавать, наверное, моё время преподавания ушло, надо приходиться в университет только на заседания, круглые столы, дискуссии... потихонечку от студентов отходить». Для него это было очень болезненно, он пытался найти причину в себе.

А дальше сильнейшее потрясение — смерть его жены Ревекки Борисовны. Он всегда казался огромным — человек-скала, и вдруг он как-то сжался, и выяснилось, что он уже не такой огромный, и голос у него не такой грозный. И больше всего на свете он боялся, что с ним произойдет то же самое — больше смерти он боялся немощи.

В последние два года он страдал от атеросклероза, собирался ехать за границу, делать там операцию на сосудах головного мозга. Узнав об этом его желании и понимая, что исход подобной операции в не столь юном возрасте непредсказуем, мы с коллегой Асей Ефимовной Уткиной приехали к нему домой. На тот момент мы с ним не виделись, наверное, лет десять, и я очень тревожилась, в каком состоянии его застаю. Но я увидела бодрого, подтянутого и абсолютно прежнего Георгия Степановича. Его очень волновала судьба кафедры, он всё время спрашивал, кто там остался из «наших». Для него вообще существовало это понятие «наши», хотя мне трудно сказать, по какому принципу он «наших» отбирал. Кроме того, он забыл, что с момента нашего с ним знакомства прошло 32 года, и тем «нашим», которым было тогда лет по 45, сейчас уже было глубоко под восемьдесят, и никто из них не работал.

Узнав, что я стала заведовать кафедрой, он обрадовался как маленький ребёнок. Всё время повторял: «Теперь я спокоен, теперь всё в надёжных руках». Я смеялась: «Какие надёжные руки? Я ведь разговариваю, как у стойки бара!».

Мы тогда очень хорошо поговорили... Помню, я спросила: «А как Вы ездите в РГГУ?». Он ответил: «Я не езжу, зачем? У меня есть компьютер, и я пересылаю всё по электронной почте». — «Как же вы его освоили?». Он сказал: «Ирэн, если я освоил столько языков, неужели Вы думаете, что я мог не освоить компьютер?».

Кстати, о языках. Когда мне было лет семнадцать, и я узнала, что он знает в разной степени более 20-ти языков, то спросила:

— А как это возможно выучить?

Он задумался и сказал:

— Вы знаете, Ирэн, первые пять — тяжело, а дальше уже элементарно.

Узнав при встрече, что мой муж — врач, Георгий Степанович, жалуясь на какие-то нарушения самочувствия, спросил: «Я могу с ним посоветоваться?». Я ответила: «Конечно». Они встретились, муж приехал к нему домой, после чего Г. С. смог звонить ему и задавать интересные вопросы, по мере их поступления.

Разговор шел так: «У вас медицински структурированное сознание, а у меня философски структурированное сознание. Я набросал целый круг вопросов, на которые хотел бы получить внятные ответы. Первый вопрос: ...». Беседа, наверное, продолжалась часа три. Вопросы были чёткие, и на них нужно было дать столь же четкие, развернутые, аргументированные ответы. Когда муж положил трубку, я его спросила: «Ну что, сдал экзамен?».

Муж коллекционирует старые книги — по истории, психологии, антропологии, философии, часто это прижизненные издания, и Георгий Степанович очень хотел приехать и посмотреть библиотеку, подержать книги в руках. Несколько раз собирался, но так и не доехал. Один раз заболел, другой раз не смог, а потом его не стало...

Мне очень часто вспоминается именно наша последняя встреча, которая, как и много лет назад, тоже закончилась стихами. Мы сидели, пили чай и вдруг неожиданно:

*Осенний дождик затяжной —
хороший фон для разговора.
Вечерний час, и ты со мной,
и в чашке тонкого фарфора
напиток тёмно-золотой —
горячий, вкусный и пахучий,
и вся судьба за той чертой,
где власть утрачивает случай,
и как в сомненьях ни кружись,
и как бы град ростки ни выбил,
а есть осознанная жизнь
и собственный нелёгкий выбор.
Не так уж много этих дней,
распахнутых судьбе и чаю,
и каждый с горечью своей,
и каждый со своей печалью.
Зато и власть его — своя,
когда отыщем вектор верный,
и неподвёмность бытия
уже не кажется безмерной.
С утра густой июльский зной,
но снова к полночи поближе
осенний дождик затяжной
шуршит по стёклам и по крыше.
(Стихи Н. Басовского, ред.)*

Он читал по памяти, с какой-то очень проникновенной интонацией, медленно, вдумчиво и тягуче, а потом без перехода:

*Вот видишь — проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.*

Я впервые увидела, как он плачет... Повисла неловкая пауза. Через несколько секунд Георгий Степанович улыбнулся и сказал: «Продолжать цитировать не надо». Мы рассмеялись. И как тогда в детстве, я постеснялась сказать, что, в отличие от стихов Ольги Берггольц, первое стихотворение я слышу впервые.

Уже когда его не стало, я по каким-то обрывочным кускам, крутящимся в памяти, нашла это стихотворение Наума Басовского и открыла для себя нового поэта. Я прочла все статьи Кнабе, которые он писал в последние годы, когда мы очень редко виделись.

Так что он и сейчас продолжает меня учить.

Георгий Степанович, спасибо за науку!..

Записала Валерия Антонова

Нинель Израилевна НЕМЦОВА

О Г. С. КНАБЕ

*...Всё ниже и ниже тяжёлый расплавленный круг,
всё ярче и ярче созвездия Млечной дороги,
и движется лодка... А выпадут весла из рук —
не надо, не плачь: это просто исполнятся сроки...*

Наум Басовский

Для Георгия Степановича очень важными были понятия знака и означаемого. И если применить эту терминологию для наиболее приближенного определения его личности, то мог бы появиться такой ряд: древний Рим — история и повседневность, Тацит и Цицерон, комьюнити в европейском обществе, «возьмемся за руки друзья», Битлз, Окуджава, Гегель, постмодерн. Георгий Степанович был человеком культуры во всех смыслах. Поразительна широта его научных интересов. Античник, переводчик древнеримских сочинений, исследователь русской интеллигенции, русский европеец, следовавший по пути истории Европы с античным наследием от древнего Рима до сегодняшних мультикультурных дней.

Когда-то он сказал об С. С. Аверинцеве: «Это очень важно: он никогда не жил и не думал на общественно-политической хроникально-повседневной поверхности жизни, он жил и думал на глубинном горизонте времени — на горизонте культуры». Эти слова в полной мере относятся и к нему самому. Г. С. Кнабе живо интересовался состоянием культуры, глубоко чувствовал наступающие перемены, пророчески ви-

дел перспективы грядущего. Когда он написал в 96-м статью «Перевернутая страница» об исчезновении прослойки советской интеллигенции, многие были с ним не согласны. Однако скоро это стало очевидно для всех. Так будет и с другими его выводами. Его взгляды на будущее Европы, тревога по поводу крушения европейской традиции, потери и опасности, привнесенные культурой постмодерна и мультикультурализма, кому-то казавшиеся слишком пессимистичными, получают все больше подтверждений.

Мне не довелось, к сожалению, ни учиться у Георгия Степановича, ни быть его сотрудницей, но мы постоянно общались его последние полтора десятилетия. Георгий Степанович был незаурядным человеком и по неохватности знаний и по образу мышления, и он был очень интересным и обаятельным собеседником. А их дом, Георгия Степановича и Ревекки Борисовны, был воплощением духа старой московской интеллигенции, сами же хозяева дома были истинными носителями той высокой культуры старой Москвы в ее высшем проявлении.

Бесконечно грустно писать о Г. С. Кнабе в прошедшем времени. Хотя прошло уже много времени, очень трудно смириться с опустевшим местом на планете.

Однако, вспоминая и думая о Георгии Степановиче, понимаешь, что он был счастливым человеком и прожил долгую трудовую успешную и счастливую жизнь. Он работал всегда, почти до конца дней, весь свой долгий и почтенный век. Его плодотворность и эффективность работы даже тогда, когда физическая немощ резко сократила его возможности, вызвала восхищение. Ведь Георгий Степанович написал и опубликовал практически все свои замыслы. Уже в возрасте за 80 он издавал почти каждый год новую книгу и несколько статей, несмотря на все усиливавшиеся недомогания. Только последнюю книгу не закончил (здесь публикуем то, что он успел написать). Каждая его книга становилась культурным событием. А ясности ума, четкости мысли, и талантливости литературного изложения могли бы, пожалуй, позавидовать и многие молодые авторы. Последнее свое десятилетие он

очень торопился и много работал. И однажды, в ответ на мой вопрос, сказал: «когда настанет мой час, и меня призовут к ответу, я скажу, что делал все, что мог».

Он прожил почти полвека в счастливом супружестве с Ревеккой Борисовной Иоффе (писатель Рита Сашина). Она была его другом, собеседником и ангелом-хранителем. Георгий Степанович и Ревекка Борисовна обычно любовно подтрунивали друг над другом. У них были легкие ласковые отношения людей, хорошо понимающих друг друга.

Судьба подарила мне дружбу с этими замечательными людьми, общение, беседы, переписку, редкие встречи в Москве и частые разговоры по телефону.

Мы познакомились с Георгием Степановичем случайно. Я должна была взять у него интервью, это было в середине 90-х годов. Время перестройки, город лихорадили рыночные перемены. Москва заполнилась торговыми лотками и вещевыми рынками возле каждого выхода из метро. Символами времени стали обменные пункты валюты на каждом углу, игровые автоматы, завлекая клиентов, агрессивно сверкали красно-желтыми неоновыми рекламами. Повсюду в центре города «выросли» гигантские рекламные щиты, закрывающие почти на всю высоту некоторые многоэтажные здания, а частенько и фасады памятников архитектуры целиком. Тут и там стали появляться по всей Москве новые диковинные здания. В обществе тоже происходили стремительные изменения и эти новшества стали постепенно отражаться и на человеческих отношениях.

В такой момент я пришла к нему в квартиру возле ст. М. Аэропорт. Это был разительный контраст с окружающей действительностью. Здесь, в их доме среди книг и картин и текла их размеренная, наполненная духовностью и упорядоченным трудом жизнь, с укорененным укладом высокой культуры отношений. В доме стояла тишина, это была особая тишина привычной рабочей обстановки. Во всех комнатах стеллажи с книгами, старинный большой рабочий стол, во всем идеальный порядок, на стенах картины, за стеклами стеллажей фотогра-

фии друзей. Георгий Степанович с первой встречи поражал своей манерой говорить, академически обстоятельно, основательно, размеренно. Такая речь бывает у преподавателей, читающих лекции, привыкших доносить свою мысль ясно, четко, впечатляюще.

В этот же день мне довелось наблюдать минисцену трогательных отношений Георгия Степановича с его женой. Пока я записывала его речь на диктофон, Ревекка Борисовна тихонько вышла из дома. Когда она минут через 20 вернулась, Георгий Степанович прервал запись и заторопился в прихожую, чтобы поухаживать за ней, принять пальто и сумку, хотя там был всего один белый батон. Когда мы закончили записывать и за разговорами пили чай, Георгий Степанович читал стихи античных поэтов и Пушкина, целые главы из *Медного всадника* наизусть, иллюстрируя свои высказывания о культуре. А ему тогда уже было сильно за семьдесят! Он был увлечен в эти годы своей книгой «Русская античность», вышедшей через несколько лет в издательстве РГГУ.

У нас сразу же после первой встречи, несмотря на большую разницу не только в положении, но и в возрасте, завязались приятельские отношения, переросшие постепенно в дружеские. Мы охотно обсуждали самые разные вопросы, архитектуру Москвы, вообще современную архитектуру, книги, культуру постмодерна, состояние Европы. А после того, как я уехала из Москвы, он с большой заинтересованностью постоянно расспрашивал о том, что происходит в Европе, как отражается это в культуре. Он хотел удостовериться, что в Германии сохраняется еще та консервативная составляющая общества, что является носителем культурной традиции. Культура Европы, — вот где был постоянный интерес Георгия Степановича. Он, известный и авторитетный античник, в конце XX века переключил свое внимание в научных работах на современность. И почти все его последние книги содержат переключку античного Рима и современной Европы, как отражение европейской культуры и сегодняшних проблем в античном Риме, у истоков рождения Европы, и античный Рим как постоянный фактор европейской Культуры.

В 90-е годы в Москве резко изменилась архитектурная обстановка, появились персональные архитектурные мастерские. Много зданий строили по индивидуальным проектам, отразившим стилистические поиски архитекторов: постмодерн, неоклассика, хай-тек. В доме Георгия Степановича была организована встреча и дискуссия с архитекторами о будущем архитектуры Москвы.

Благодаря этим беседам я получила приглашение пройти по старой Москве, чтобы вместе посмотреть и обсудить современную архитектуру новых зданий, тогда еще только начинавшихся архитектурных экспериментов. И мы втроем с Г. С. и Р. Б. совершили несколько прогулок с фотоаппаратом по разным центральным районам Москвы. Это были замечательные прогулки! Георгий Степанович почти на каждом углу вспоминал какие-то встречи, своих друзей, всякие истории связанные с конкретными зданиями и его знакомыми, особенно когда мы приблизились к Арбату. Рассказывал о родословных некоторых людей из своего прошлого, связанных с историей Москвы. Много позже мне вспомнились тогдашние рассказы, когда вышли DVD-диски с его видеомемуарами о Москве: «Слышать шепот времени» и «Советская повседневность 1920–1960-х гг.: мифология и социальные практики»¹. Обсуждая увиденную архитектуру, Георгий Степанович, как всегда, подходил к оценкам системно, сразу расставляя по местам признаки и знаки и определяя, какое за ними стоит означаемое. По большей части, приходя к выводу, что, утратив ордер и связи с прошлым, такие здания не означают ничего, кроме самих себя, т. к. произошел разрыв традиции.

У нас был еще один общий интерес: Окуджава и вообще бардовская песня. Георгий Степанович не причислял себя к шестидесятни-

---

¹ Видеомемуары о Москве записаны в рамках научно-образовательного проекта ЦВАЭ (Учебно-научного центра визуальной антропологии и эгоистории) при РГГУ «Видеомемуары деятелей науки и культуры» под руководством профессора Натальи Ивановны Басовской. Автор идеи и руководитель проекта д-р ист. наук Н. И. Басовская. Авторский коллектив: В. А. Рошаль (режиссура, съемка, монтаж), д-р ист. наук проф. Т. Ю. Красовицкая, канд. ист. наук В. А. Хохлова (методич. обеспечение), А. Срибнис (комп. дизайн). — (Ред.).

кам. И вообще он неоднократно акцентировал: его интересует не политика, а культура. Тем не менее, он придавал шестидесятым очень большое значение. Да и само направление культурологии повседневности было детищем наших шестидесятых. Он очень интересовался молодежной культурой. Сам был большим поклонником Битлз, ведь эта группа была символом шестидесятых. Он был знаком со многими рокерами, ходил на их концерты, и, исследовав эту среду, написал замечательную статью «Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры», где сделан великолепный обзор со всей академической основательностью не только самого феномена рок-музыки, но и всех прилежащих и вышедших отсюда движений неформальной культуры и культуры XX века вообще.

Беседовать с Георгием Степановичем было всегда необыкновенно интересно. Он задавал много вопросов, а в конце, любой разговор с рассказами о том, что видели и увидели в Германии или в Испании, он подытоживал обобщающими выводами, разделяя смысл обретенного по пунктам и подводя итог, как бы добавляя новые штрихи в общую картину действительности. Таким образом, каждый разговор был небольшим вкладом в «видеть и понимать». Его письма — настоящие философские эссе. Почти всегда, тем не менее, с веселым задорным завершением. Он постоянно внимательно расспрашивал о наших впечатлениях о Германии и, после поездок, и о других странах, о разных аспектах европейской жизни, о людях, о настроениях, об обычаях. Я всегда чувствовала, что мне повезло общаться с великим человеком, и всегда была готова тотчас выполнить его просьбу. Благо это всегда было продолжением интересного разговора. По его просьбе находила и посылала ему статьи, затрагивающие интересующие Г. С. Кнабе вопросы, или отвечающие на них.

К сожалению, переписка сохранилась только частично. За это время сменилось несколько компьютеров, несколько почтовых ящиков. Не только у Георгия Степановича, но и у меня не хватало тогда опыта и понимания, что все письма с сервера надо сохранять у себя в ком-

пьютере. Многое, к великому сожалению, стало недоступно со сменой электронного адреса, что-то кроме того пропало на вышедшем из строя жестком диске. А последние годы Георгий Степанович писем почти не писал, он мог работать всего несколько часов в день, и берег силы для работы. Мы договорились, что я пишу, а с ним обсуждаем все по телефону. То, что удалось сейчас найти из переписки, неполно, отрывочно, но, тем не менее, хорошо характеризует и его образ мыслей, и сферу интересов. И все его письма отражают его живую заинтересованность во всем, что происходит в европейской культуре.

Мы все время вели переговоры о возможностях их приезда в Европу, договаривались о встрече в Италии, собирались вместе посмотреть Виченцу. Я пыталась организовать Георгию Степановичу приглашение-вызов в мюнхенский университет для выступления с докладом на факультете славистики, договаривалась по его просьбе с пансионом или санаторием о желательных для них условиях для лечения и отдыха. Но, к сожалению, ни разу ничего не вышло, все время подводило здоровье Ревекки Борисовны. Мы еще не догадывались, что ее судьба отсчитывала уже последние годы.

Георгий Степанович и Ревекка Борисовна постепенно сиротели, очень многие их друзья уже выбыли из жизни, и потери продолжались. Не стало Шимона Перецовича Маркиша, Ирины Сергеевны Свенцицкой, а затем и ее мужа Георгия Израилевича Годера. В 2003 умер в Брюсселе его любимый ученик, корреспондент НТВ Дмитрий Хавин, умерли Владимир Яковлевич Бахмутский, Сергей Сергеевич Аверинцев. Список рос... И я помню трагическое в своей лаконичности письмо, содержащее только два слова: «Умер Гаспаров». Они оба хворали все больше. И тревога за них стала постоянной нотой в душе. Кроме того, Ревекка Борисовна рассказывала, что ее преследуют подозрительные незнакомые личности (поджидающие в очереди за пенсией в сберкассе), предлагая им «выгодный» обмен их квартиры. Было беспокойно за них. И все же жизнь и работа продолжались.

А в 2008 не стало Ревекки Борисовны. Мне кажется, именно эта потеря нанесла здоровью Георгия Степановича непоправимый удар. Под Новый Год мы получили сообщение:

Дорогие друзья, —

Ревекка скончалась в субботу 20-го декабря в 7 часов утра в Москве в больнице № 50. Скончалась во сне <...> Мы прожили вместе 48 лет в редком согласии, части и полноте переживания окружающего мира.

Ваш Г. Кнабе

Он очень тяжело перенес ее уход, и хотя, оставшись один, продолжал работать, а в память о Ревекке Борисовне выпустил книгу ее рассказов и эссе, здоровье его стало резко ухудшаться. И еще в 2009 летом, в телефонном разговоре он сказал: «не дай Вам Бог пережить такую боль...». Однако, ни тяжелое душевное состояние, ни болезни не отражались на качестве его литературной работы. Последние годы за ним ухаживала Л. А. Федорова. И мы радовались, что у Г. С. есть надежная и преданная помощница и условия для работы.

Георгий Степанович был выдающимся мыслителем. Блестящая память, пронизательный ум и системное мышление, поразительная работоспособность в сочетании с самодисциплиной и невероятной волей, самоотверженность труда и ясная голова до последних дней — все это черты гения. Сохранилось его деловое письмо профессору Анри Суреновичу Вартанову, написанное за месяц до конца, уже умирающим человеком, когда он даже по телефону говорил с трудом. Но кто мог бы догадаться о его самочувствии по этому деловому, собранному тону:

22.10.2011

Dear Анри Суренович, —

Наши издательские дела настолько запутались, что требуют внятного и «по полочкам» рассмотрения. За три года мы с вами подготовили

три книги. Первая вышла в марте 2011 г. под названием «Европа — с римским наследием и без него» по плану 2011 года под грифом ГИИ и в издательстве «Нестор — История». Она опубликована в СПб и успешно распродается. В подготовке ее участвовали Вы и Н. А. Борисовская. О ней по всему судя — с ней всё.

Позавчера Вы просили реанимировать вторую из рассматриваемых книг. Она проходила Редакционный Совет, если память мне не изменяет, 24 апреля. Ее название «Рубеж тысячелетия etc». Все материалы, в ней названные, много оговаривались у нас с Вами. С ней имела дело Н. А. Борисовская, сообщившая мне не так давно, что изд-во «Прогресс — Традиция» включило эту книгу в план 2012, и получило на нее грант РГНФ. Мне казалось, что с ней тоже дело кончено. Она включает расширенный и переработанный текст брошюры-препринт РГГУ (2010) и три приложения два раза Вам и два раза Борисовской передававшиеся. Мне не до конца ясно, какие еще вопросы, с ней связанные, могут оставаться нерешенными.

Весной 2011 года Вы упоминали о еще третьей книге, отозвавшись о ней как о биографии поколения. Поскольку сейчас октябрь месяц 2011, а расчеты по двум первым упомянутым книгам кончены, т. е. я считаю себя вправе браться за следующую работу, как именно «третью» и планировать ее на 2012 год. Я над ней работаю, смогу во втором квартале 2012 показать Вам результаты.

Как Вы выразились бы, *et c'est tout*. Я готов Вам служить и далее.

Г. Кнабе

Здесь идет речь о последней, незаконченной книге, публикуемой в этом сборнике. Когда Георгий Степанович начинал ее писать, он сказал мне: «...ну вот, теперь я занялся воспоминаниями...». Но успел он написать только начало. И остался еще один неосуществленный замысел: исследовать и написать о разрушительном потенциале для европейской культуры всяких движений, лежащих вне культуры: антиглобалисты, и всякие мелкие дебоширы интернациональной лево-анар-

хистской молодежной среды. Об этом говорил мне Георгий Степанович летом 2011, когда были беспорядки в Лондоне.

Последнее время я пыталась инициировать Георгия Степановича написать или наговорить на диктофон свои воспоминания, и постоянно возвращалась к этой теме, необходимости воспоминаний. Но до этого, к сожалению, так и не дошло. У него всегда был такой плотный режим работы. В 2011-м я даже договорилась с согласия Г. С. с одним известным журналистом, что он возьмет интервью и сделает передачу в своей рубрике. Он очень заинтересовался, но так долго собирался... и опоздал. Сохранился только скупой список запрашиваемых ежегодно ответов Георгия Степановича на вопросы к анкете москвоведа:

«1. Кнабе Георгий Степанович.

2. 20 августа 1920 года.

3. 17 февраля 1943 года вручен диплом с отличием № 699590 в связи с окончанием полного курса Московского Государственного университета по специальности иностранные языки и западная литература.

4. Решением Совета Московского Государственного педагогического института имени В. П. Потемкина 2 июня 1955 года присуждена ученая степень кандидата филологических наук (диплом МФЛ № 001222. Москва 7 апреля 1956 года).

Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 9 декабря 1983 года присуждена ученая степень доктора исторических наук (диплом ИТ № 001162).

Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 1 февраля 1985 года присвоено ученое звание профессора. (Аттестат профессора ПР № 012025).

5. Родился 20 августа 1920 года в городе Коканде (ныне республика Узбекистан) в семье преподавателей местной гимназии. В 1922 году семья возвращается в Москву, где с 1924 г. поселяется в районе Арбата. С 1928 г. по 1938 г. учится в школе № 10 (впоследствии — 110) и в том же году поступает на литературный факультет Института философии, литературы

и истории (ИФЛИ). С 1941 года доброволец в Московской Коммунистической стрелковой дивизии; участвовал в боях под Москвой и на Северо-Западном фронте. 27 февраля 1942 г. тяжело ранен и в июне того же года демобилизован по ранению. Тогда же восстанавливаюсь в числе студентов МГУ, с которым к тому времени слился ИФЛИ. С 1946 по 1986 преподаватель иностранных языков в различных высших учебных заведениях, в том числе с 1960 по 1986 в качестве заведующего кафедрой иностранных языков Всесоюзного Государственного института кинематографии (ВГИК). На протяжении всех этих лет — научная работа в области описательного и сравнительного языкознания (1949 — 1966), истории и культуры Древнего Рима с особым вниманием к Тациту (1968 — 1997), теории и истории культуры (1980 по настоящее время). С 1992 г. по настоящее время главный научный сотрудник Института Высших гуманитарных исследований в составе Российского Государственного гуманитарного университета (РГГУ)».

Но к счастью, благодаря проекту РГГУ сохранилось замечательное наследие — уже упоминавшиеся два DVD-диска с живым рассказом. И у меня несколько наших бесед, записанных с его согласия на диктофон. А о его научном наследии и его новизне и важности напишут, наверное, еще не раз, специалисты.

Меня всегда поражала мысль: каждый человек — это огромный мир. Все, что он знает, что он видел, что он обдумывал и понял — это неповторимое богатство его мира, что может быть только частично, иногда открывалось одной или другой его стороной в беседах с близкими людьми, но полностью известное только ему одному, вдруг исчезает вместе с его уходом. Навсегда. Неповторимо... И только огромная работа, сделанная настоящим тружеником Г. С. Кнабе осталась нам в наследство, как его продолжение. Для чтения, размышления, понимания мира.

Я, к сожалению, не была его ученицей, но относилась к нему как к Учителю... Для меня его уход — был потерей дорогого человека.

Наталья Ивановна ПОСПЕЛОВА

ДЫХАНИЕ ЖИВОЙ КУЛЬТУРЫ

(О Георгии Степановиче Кнабе и Ревекке Борисовне Иоффе)

*Сентябрь. Ночь. Все общество — свеча.
Но тень еще глядит из-за плеча
в мои листы и роется в корнях
оборванных. И призрак твой в сенах...*

И. Бродский

Поэтический образ *сеней* — это моя память. А *призрак* — явление в снах и дневных размышлениях того, кто стал выразителем времени, в котором он жил, в котором мы встречались, которое пытались осмыслить, сберечь, передать новым поколениям. Георгий Степанович Кнабе (и, естественно, рядом, «по умолчанию», его отсвет — жена Ревекка Борисовна Иоффе) был, есть и остается для меня человеком великим. Память о нем — слишком живая, чтобы придать ей законченную форму и жанровую статью. Поэтому последовательного рассказа не получится — только всполохи чувств и воспоминаний, сквозь призму которых проступает *образ* дорогого мне человека.

ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ, ИЛИ КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Когда я познакомилась с Георгием Степановичем? Формально в 1976 году. Это МОЁ знакомство, но никак не моё вхождение в ЕГО мир. Оно произойдет спустя почти двадцать лет. В тот год он читал лекции

в Горьковской консерватории им. М. И. Глинки, где я училась на историко-теоретико-композиторском факультете. Это был период увлечения Г. С. музыкой Beatles, и лекции его про современную западную рок-культуру воспринимались как новое слово об интересующем всю молодежь (и не только) предмете. Его работа «Феномен рока и контркультура», опубликованная в «Вопросах философии» в 1990 году № 8, приняла академические очертания и стала классикой. Сегодня ее знают все, кто изучает контркультуру и субкультуры. Значит, идеи Г. С. оказались не только сиюминутно актуальными, но не утратили своей злободневности и по сей день. Тогда я подошла к профессору, высказала ему свое восхищение, обратила внимание на неожиданно широкий взгляд на музыку, которая не вписывается в привычный контекст искусства, а воспринимается гораздо шире. Он сдержанно поблагодарил (и эта сдержанная учтивость, как я заметила, была стилевой чертой его общения с малознакомыми людьми и выдавала в нем истинного интеллигента), ответил мне, что выбрал культурологический подход, при котором конкретное явление включается в контекст исторической и социальной реальности, становясь феноменом культуры. Я тогда не могла предположить, что мое профессионально-творческое самоопределение в будущем, когда я окажусь в городе Кирове, в Вятском государственном гуманитарном университете, как раз будет связано с новой гуманитарной наукой — культурологией. Именно ей, культурологии, мы с Георгием Степановичем обязаны нашей длительной, искренней, доверительной (и никак иначе!) дружбой. Ну и, безусловно, искренней взаимной симпатией друг к другу, кругом наших общих знакомых, нашими совместными творческими проектами. Существенная разница в возрасте не мешала нам быть откровенными и вести доверительные разговоры, делиться самыми волнующими впечатлениями от людей, музыки, политики, всего происходящего вокруг нас.

Больше всего в общении со мной при наших нечастых встречах Г. С. волновала судьба развития культуры на периферии. Провинцию он любил. Столичные мегаполисы (Москву, Петербург) он изучал.

Но, по его личному самоощущению, о котором он рассказывал, именно русская провинция — Вятка, Нижний Новгород, Иваново — давали ему импульс к вдохновению и побуждали к замыслам новых книг, статей, учебных программ. Так, в конце 1990-х у Г. С. сформировалась крупная научная тема — культура повседневности, которую он изучал не только изнутри (художественно-исторические и культурные тексты), но и улавливал, облакал увиденное в «картины жизни» (а порой, и в чеканные научные формулировки), и это позднее становилось объектом научного исследования.

КНАБЕ В НИЖНЕМ, ИЛИ КАК ВСЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ

Мы снова встретились в Нижнем Новгороде на международной конференции «Искусство XX века — уходящая эпоха?», которая проходила с 28 октября по 1 ноября 1996 года в рамках одноименного научно-художественного проекта, посвященного осмыслению художественной ретроспективы XX столетия, наполненного значимыми историческими и культурными событиями. Г. С. выступил с докладом «Проблема постмодерна и фильм Питера Гринуэя «Брюхо архитектора»». Помню, его выступление, показ фильма и обсуждение проходили в нижегородском Доме архитекторов на Верхне-Волжской набережной при абсолютном аншлаге. В тот визит Г. С. в Нижний его сопровождала жена, Ревекка Борисовна Иоффе. Как-то случайно (хотя в случайности я не верю) мы оказались за одним столом в ресторане, где кормили всех участников конференции, и много беседовали на разные темы. Основой нашего общения стало доверие, эмоциональная и этическая оценка происходящих событий, общие художественные предпочтения. А еще — отклик семейства Кнабе на мое предложение посетить Вятку. Оно было воспринято не просто любезно и вежливо, а как-то по-детски восторженно. Из разговора я поняла, почему. В Вятке (так обычно мы

называли между собой город Киров) у них в то время были знакомые. К тому же, ближайшие прямые родственники Р. Б. Иоффе также были связаны с Вяткой, ее историей и культурой, о чем в 2006 году, отвечая на вопрос Т. К. Николаевой о нитях, связывающих Р. Б. с вятским краем, она дала развернутый ответ. Вот он.

АРОНСОНЫ В ВЯТКЕ И МОСКВЕ, ИЛИ ПРО РЕВЕККУ БОРИСОВНУ ИОФФЕ И ЕЕ ВЯТСКИЕ КОРНИ

Вместо предисловия.

Занимаясь долгие годы биографией врача Николая Ивановича Коробова, я наткнулась в архиве на забавный факт: брат известного московского врача и благотворителя Н. И. Коробова вятский купец Михаил Иванович Коробов повздорил за карточным столом в городском клубе с зубным врачом Доном Львовичем Аронсоном. Об этом было заведено дело, оно послужило предлогом к закрытию городского собрания, хотя, конечно, причины закрытия были гораздо глубже. Неожиданно я узнала, что не так давно в нашем городе побывала внучка Д. Л. Аронсона, Ревекка Борисовна Иоффе. Мне посчастливилось познакомиться с Ревеккой Борисовной. По моей просьбе она написала воспоминания о своих предках.

Тамара Николаева

Пишу по Вашей просьбе, что помню о нашей семье и о вятской жизни из рассказов мамы и тети Ксаны (Ксаны Павловны Красовской).

Дедушка Дон был родом из местечка Креславка, теперь — Краслау. Оттуда же родом и бабушка Зина — Зисля Рувимовна Борок. Отец дедушки Дона был, кажется, владельцем бакалейной лавки. Их было три брата Аронсонов: Лазарь, Наум и Дон. Лазарь стал антикваром и жил, кажется, в Париже. Надо сказать, что эстетическая жилка, в частности,

любовь к антикварным вещам, была у всех трех братьев. Дедушка Дон, несмотря на то, что были они отнюдь не богачами, то и дело покупал разные антикварные вещицы — шкатулки, фигурки, веера, и охотно их дарил и моей маме, и знакомым. О Науме Аронсоне Вы знаете. В шестнадцатилетнем возрасте он отправился (говорят, пешком) в Париж. Там его приютил какой-то скульптор. Он жил у него в мастерской и помогал в работе. Вскоре сам стал известным скульптором, последователем Родена. В Бонне, говорят, до сего дня стоит бюст Бетховена его работы. Я помню копию его: простое лицо под яростно развевающейся шевелюрой. Еще помню фотографии его работ: двух обезьян, обнаженную девочку-подростка под названием «Silense mystique», фонтан в Париже, но это все помню по фотографиям. Третий брат, мой дедушка Дон, после женитьбы (в 1896 г.) приехал в Вятку и жил там с семьей до 1930 г. Все его дети родились в Вятке. Так что его и их можно считать настоящими вятчанами. О самом дедушке я Вам уже рассказывала. Он был дантистом (где учился — не знаю). Человек «общественный», был членом пожарной дружины города и всяких обществ. Еще помню, что был он большой щеголь: золотое кольцо с бриллиантом, длинные холеные ногти, короткое, колоколом, пальто, шляпа набекрень и всегда в руке трость — у него их была целая коллекция: с набалдашниками в виде собачьей головы, в виде шара из слоновой кости, с серебряными инкрустациями. Вместе с тем он ничуть не «аристократничал»: столяр Семен — человек, судя по всему, очень талантливый — делал дедушке шкаф по рисунку, присланному из Парижа (может быть, рисунок Наума Аронсона?). Семен с дочерью Манькой обедал вместе с семьей Аронсонов, а ведь в те времена не всякий, даже и интеллигент, посадил бы с собою за стол простого столяра. Семен приезжал потом в Москву, ночевал у дедушки на Третьей Мещанской, я помню — коренастый, черный, в валенках.

Детей у них с бабушкой было тринадцать человек, но десять умерли в младенчестве. Из трех уцелевших моя мама — старшая. Ее полное имя Груня-Слава. Ее брат Моисей, по-семейному Мока, был художни-

ком, работал в Москве на Межрабпомфильме, участвовал в постановке фильма «Потомок Чингисхана» и ездил с киногруппой в Монголию. Подаренные им картины с изображениями монгольских богов долго висели на стене у нас в Москве. Он тоже отличался семейной склонностью к красивым вещам и дарил моей маме то фарфорового пастушка, то резные шкатулки, то хохломские ладьи, а мне — художественные игрушки (благо, жил он в Дмитровском переулке, что неподалеку от магазина художественных изделий, находившегося тогда в Столешниковом). Его картина «На бульваре» висела у нас в Москве над окном: узкая, длинная, в серо-зеленой гамме; бульвар с круглыми подстриженными деревьями, дама в шляпке и в кринолине ведет собачку, старик со скрипкой, щеголь в цилиндре и с тростью. Еще была его картина-натюрморт — мои детские вещи: игрушечный желтый мишка, мяч и зеленые детские тапочки. Где теперь эти картины, не знаю. И еще он написал на куске фанеры танец: Коломбина, Пьеро и белозубый негр. Фанера эта прибита была на двери в комнату соседа, а потом, при ремонте, заклеена обоями и покрашена. Сейчас у меня осталась его небольшая картина — белые ворота какого-то сада в Вятке. И еще шарж на Вадима Чайкина «Вадим Ламанчский». Я хорошо помню Моку. Он был красивый, веселый и, как все меланхолики, остроумец. Хорошо пел. Помню, жил у нас в Москве несколько дней, так как после армии не мог ходить — стер сапогами ноги; с бритой головой лежал на кровати и пел «Вперед же по солнечным реям». Еще помню, как в зимний холодный день Мока в шляпе и без пальто бешеным галопом мчал меня с подругой на санках по Чистым Прудам, приводя в изумление всех гуляющих. Он покончил с собой в 1934 г. Точно не знаю, но, думаю, лет двадцати восьми — тридцати. Раз уж начала о детях семьи Аронсон, то расскажу о своей маме. Она была красивая и очень способная. Пела (ее приглашали петь в гимназической церкви, несмотря на национальность, и она знала много церковных песнопений), танцевала — на гимназических и клубных вечерах особый успех имела «Русская», которую она исполняла вместе с Гогой Сиверцевым.

Ставила домашние спектакли и сама играла. В любительском спектакле играла Оль-Оль в пьесе Л. Андреева «Дни нашей жизни». В Москве ее не приняли в МХАТ из-за вятского произношения. Приняли в театр Вахтангова, во вспомогательный состав. Потом она перешла в Еврейский, а после моего рождения вообще оставила театр.

О женитьбе дедушки рассказывали так. Он посватался и получил отказ. Тогда он пришел к невесте, вынул из кармана порошок, растворил его в стакане воды и сказал: «Это мышьяк. Если не согласна — сейчас выпью». И бабушка согласилась стать его женой. Она была небольшого роста, стройная. Брюнетка с ярко-синими глазами. Поражала Вятку своими нарядами, их выписывали из Парижа. Любила хороший фарфор, славилась тонким вкусом и деликатностью. За чувствительность сын прозвал ее Бедной Лизой. Прозвище привилось в сокращенной форме — очень многие звали ее Лизочкой, в том числе и Зинаида Дмитриевна Клобукова. Еще бабушка отличалась как кулинарка. Ее шоколадные торты и медовый с орехами пирог (по-еврейски лэех) гости уничтожали мгновенно. Гостей всегда было много. Жили хоть и не слишком богато, но широко и весело. Своего дома не имели, снимали квартиру, сначала у Свинтаржецкого, потом — на Спасской. (Кстати, о Свинтаржецком рассказывали, будто он умер от того, что проглотил сразу все таблетки, которые врач выписал ему на месяц). В квартире было пять комнат, одна из них — проходная, без окон, с большим диваном, там мама, гимназисткой, любила читать. Гостями были местные интеллигенты и политические. Последним дедушка помогал всячески. Беседовали, главным образом, о театре и литературе. Все были театрами, ходили на все гастроли. Приезжал, в частности, Орленев, а позже — Рина Зеленая — с подражанием детской речи. Устраивали балы, благотворительные вечера, любительские спектакли, концерты. Играли в лото, в шарады, пели хором или слушали мою маму — она пела романсы и вятские частушки или играла Шопена и Венявского. Еще играли в литературную игру. Я помню уже в Москве карточки с фамилиями авторов и названиями произ-

ведений. В чем состояла игра, не помню, но по карточкам этим можно судить, что читали: Бунин, Куприн, Гаршин, Гарин-Михайловский, Мережковский, Короленко, Глеб Успенский, Леонид Андреев. Летом снимали дачу в Скопине. И здесь на террасе за самоваром собиралось много народу. В Скопине я однажды потерялась. Было мне, кажется, года три. Целый день меня искали по всей деревне, и не могли найти, а поздно вечером я торжественно въехала в деревню, сидя на высоком возу с сеном — соседские крестьянки взяли меня с собой на сенокос, они смеялись и говорили маме, что я им помощница. Среди друзей дедушки были Андрей Павлович Шестаков, Вадим Чайкин. Абрамовы, кажется, у них не бывали, только одна Зинаида Дмитриевна. Но мама рассказывала, что во время еврейского погрома (кажется в 1907 г.) их прятали Абрамовы. Еще она рассказывала, что Абрамовых было шесть или семь сестер, все красавицы. Женя покончила с собой, а Зинаиду Дмитриевну я помню, она бывала изредка у нас в Москве: серые глаза, нос в одну линию со лбом, большой пучок и кудряшки штопором перед ушами. Мамина гимназическая подруга Екатерина Генриховна Ольдекоп писала мне, что встретила Зинаиду Дмитриевну после войны. Что она была неузнаваема, в ватнике. Андрей Павлович Шестаков, видимо, сын Павла Андреевича, и мы, когда были в Вятке в августе 1990 г., видели его дом. Он жил потом у дедушки и бабушки на Третьей Мещанской в Москве, был, наверное, лишенцем, так как не работал и никуда почти не выходил, все лежал на диване, либо выпивал с дедушкой. Говорил «Я — последний в роде генералов Шестаковых». Вадим Чайкин бывал у нас в Москве, называл мою маму Грунэханум, кажется, потому, что побывал где-то в Средней Азии. Он был рыжий, с острой бородкой, в золотых очках. На спектакле «Дубровский» в Большом театре (или в филиале) я сидела у него на коленях. Пел Евлахов, уже тогда старый, очень плохо. Когда Маша отбежала на другую сторону сцены, Вадим прокомментировал: «Спужалась, бегётъ». Евлахов поет: «О, Маша, я умираю», Вадим: «Туда тебе и дорога». Я помираю со смеху, публика возмущена нашим поведением.

Очень в ходу в кругу вятской интеллигенции была помощь бедным. Дедушка тратил на это немало, об Абрамовых и говорить нечего — они славились добрыми делами и для города в целом, и для отдельных людей, Клобуков тоже известен был своими пожертвованиями. Помощь неимущим была, если можно так выразиться, «в моде». Тут я могу привести такой пример. Когда моей маме исполнилось шестнадцать (или пятнадцать) лет, Вольф Аронович Иоффе, впоследствии мой второй дедушка, подарил ей огромную корзину ландышей. К корзине была приколото квитанция, свидетельствующая о том, что от ее имени внесена в Благотворительный комитет крупная сумма денег...

Р. Б. Иоффе (Сашина)

Эти воспоминания о семействе Аронсонов были опубликованы в альманахе «Сквозь границы» вместе с прозой Р. Сашиной (это псевдоним Иоффе) и мемориальной «подводкой» Г. С. Кнабе к рубрике «Памяти Р. Б. Иоффе (Сашиной)». Поскольку нигде ранее, кроме альманаха, тираж которого не так уж велик, этот текст не публиковался, я его приношу целиком.

В последние полтора — два десятилетия мы переживаем прощание с двадцатым веком — веком, мало имеющим себе равных в истории по трагизму, остроте переживаний, пламенным увлечениям, вере, разочарованиям и крови. Всё это составляет содержание нашей памяти, настолько глубокое, богатое и острое, что в нем не всегда остается место для повседневности, быта, отношениям — всему, что принято называть воздухом времени, его фактурой, непосредственностью, короче — жизни как таковой. Вятский культурологический альманах «Сквозь границы», к чести и репутации его, будет сказано, сделал много, чтобы восполнить этот пробел. Среди таких материалов — публи-

кации Р. Сашиной (Р. Б. Иоффе, 1924–2008 гг.) — человека, пронесшего через почти весь XX век свои мысли, наблюдения, образы, зарисовки, стихи и вместившего в себя его. Прочсть и пережить их сейчас очень важно... Девочки и мальчики 1930-х годов, заполнявшие московские дворы и певшие: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»... Юноши, девочки, молодые люди, вкусившие независимости (не будем произносить величественное слово «свобода», которое они тоже уже недолюбливали) и певшие Окуджаву или Beatles... Поседевшие интеллигенты, помнящие прошлое, открытые впечатлениям глобализованного «сегодня» и никак не могущие научиться компьютерной грамоте... Это наш стремительно уходящий, а во многом уже ушедший, век, Р. Сашина унесла его с собой. Прислушаемся не столько к его лозунгам, сколько к его шепоту.

Мы, простите, люди контраста. Мы помним громогласные лозунги, помним «возьмемся за руки, друзья!..», помним не только слово «файл», но даже слово «хакер». Но, по контрасту с ними, через прозу и стихи Сашиной в них и за ними отдается то, чего нам подчас по контрасту и не хватает. Как выразился однажды так ею любимый Окуджава, «и тихий треп о том, о сем». Хотим мы того или не хотим, для человека *быть* значит *принадлежать*. А уж к чему принадлежать — дело и ответственность каждого. Только важно, чтобы быть честным, видеть весь спектр, в такой принадлежности заложенный.

Почитайте прозу и стихи Р. Сашиной. В том числе, опубликованные в альманахе «Сквозь границы».

Георгий Кнабе

Действительно, проза Сашиной, ее культурологические эссе, рассказы, исполненные тонкой иронии, наблюдательности и психологизма раскрывают литературные грани этой удивительно талантливой, интеллигентной, чувствительной и сердечной женщины.

О ЛЮБВИ, БЕЗ КОТОРОЙ ВСЕ НИЧТО

Г. С. Кнабе любил свою жену. Внешнее наблюдение: любил, прежде всего, как друга, заботливую женщину-мать (материнское в Р. Б. проявлялось очень сильно и нескрываемо). Иначе говоря, он был «человеком мысли», то есть ученым-гуманитарием и философом-наблюдателем в своем отношении к миру. Она — чутким барометром его настроений, увлечений, интересов (ассоциативно я сравниваю ее с образом Папагеены из «Волшебной флейты»). Его забота о ней и нежность (впрочем, как и ее о нем) были не показные и не рафинированные. Однако далеко не все воспринимали этот союз как гармоничный. Одни считали его эталоном творческой семьи, где отношения выстраиваются на равенстве партнеров, другие находили в нем подчинение лидера (беспорно, Кнабе) капризной воле женщины. Я, много лет наблюдавшая взаимоотношения этих дорогих мне людей, пришла к выводу, что их брак носил характер взаимодополняемости, когда один «уравновешивает» другого, не нарушая пространства личной свободы, достоинства и самоопределения. Редкая пара. Она напоминает мне отчасти пару Г. Померанц — З. Миркина (да простит мне читатель столь вольное сравнение): то же духовное сродство душ, тот же подвижнический труд через всю жизнь, та же интеллектуальная наполненность каждого дня, та же трогательная романтичность чувств в возрасте элегантной зрелости... Я далека от мысли дать исчерпывающий портрет известной в московских кругах по-настоящему крепкой и дружной семьи, да и каждого в отдельности, полагая, что есть люди, которые значительно больше и глубже знали этих людей. Но справедливости ради замечу, Р. Б. была достойна Г. С. во всех отношениях. То, что долгое время в тени профессиональной переводческой работы находилось ее собственное творчество (стихи, проза, эссе), многие узнали благодаря альманаху «Сквозь границы», где она публиковалась под псевдонимом Р. Сашина, говорит о ее незаурядной личности. К тому же, на ней полностью лежал быт семьи. Она составляла график жизни Г. С. на ближайшее

время и долгосрочную перспективу. С ней Г. С. согласовывал все важные вопросы, будь то сочинение статьи или книги, приглашение выступить с лекциями в другом городе, участие в публичных дискуссиях и т. д. О включенности в ежедневные и перспективные планы Г. С. его супруги говорит тот факт, что письма мне в «докомпьютерную эпоху» они обычно писали вместе: начинала Р. Б., продолжал и заканчивал Г. С. Было это примерно так.

Из письма Г. С. Кнабе автору этих строк:
25.11.1999 г.

Дорогая Наташенька,

Спасибо Вам за приглашение (которое, очень надеюсь, распространяется и на меня) и телефон Елены Ивановны. Книжка Г. С., как видите, наконец-то вышла. < > Дальше пишет Г. С., но я хочу еще прибавить, что мы рады и не рады: тому, что Вы так хорошо и увлеченно трудитесь; тому, что родители болеют (как, впрочем, и мы).

Р. Б.

Dear Наташа, —

В связи с Вашим приглашением (за которое спасибо) возникает ряд вопросов.

1. Устроит ли Вас 7–14 или 14–21 февраля?

2. Что значит «руководить семинаром»? Вести его мне самому или руководить группой приглашенных Вами — кроме меня — специалистов? Кто должен их подобрать, пригласить и на каких условиях?

3. Если имеется в виду первый из этих вариантов, то я предложил бы общую проблему: Семиотика культуры (лекция плюс семинар) и три конкретных ее расшифровки:

а) Древний Рим: материально-пространственная среда и ее культурно-исторический смысл;

- б) От архитектуры классицизма к архитектуре модерна — эволюция форм и культурных смыслов: Петербург, Москва, Вятка;
- в) «Джинсовая революция» 1957–1964 как феномен истории культуры XX века.

Устраивают ли Вас такие темы? Если найдутся желающие на каждую, то им можно посвятить по одному занятию (семинарскому). Значит, всего получается 1–2 лекции, 1 семинар по их общетеоретическому материалу и 3 семинара по конкретным явлениям истории культуры, т. е. 5–6 занятий — программа на неделю. Опять же устраивает ли Вас такой план?

4. На каких условиях (дорога, гостиница, гонорар, возможность приехать с женой и т. д.)?

Спасибо за письмо — за добрые хорошие слова.

Ваш Г. Кнабе

Из письма видно, что Г. С. всегда продумывал до мелочей свои выступления, начиная с формулировки темы, заканчивая составом аудитории, пришедшей на его лекции. Уже гораздо позднее, в «эпоху ликвидации компьютерной безграмотности», как выражался сам Г. С., осваивавший почтовую и текстовые программы, переписка наша приобрела более личную, романическую окраску.

К моему глубокому сожалению, в 2010 году «полетел» мой старый Windows, а вместе с ним — и вся переписка с Г. С. Кнабе. Навсегда канули в Лету подробности наших вятских и московских встреч, отдельные характеристики наших общих знакомых, наши планы и оценки происходящих событий... Но сохранилась последняя запись подаренной мне Г. С. книги (одной из последних, как я понимаю) — «Древо познания и древо жизни»: «Дорогой Наташе Поспеловой на память о наших разговорах, в которых оказался вынесен диагноз нашего времени. Г. Кнабе. 24.02.2007 г.». Диагностировали мы с Георгием Степановичем постоянно и с увлечением. Площадкой для наших бесед (а, порой, и дискуссий)

были не только личные встречи, переписка, но и культурологический альманах.

**«СКВОЗЬ ГРАНИЦЫ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ»,
ИЛИ О ГЛАВНОМ**

Мы с коллегами-культурологами давно мечтали о реальных результатах коллективной исследовательности. И по случаю 10-летия факультета культурологии, который пришелся на 2002 год, решили сделать себе подарок — издать альманах. Это была моя «интеллектуальная игрушка» (как я выражалась), ставшая спутником новых, демократических веяний в начале 2000-х. Еще одним импульсом к появлению издательского проекта стал приезд в город Киров федеральной (окружной) программы «Культурная столица». В 2002-м Киров как победитель конкурса городов Приволжского Федерального округа выиграл статус «столицы», и это событие отзеркалило появление альманаха.

Как рождалось название альманаха? Мы были убеждены, что культура не нуждается в барьерах. Смыслы человеческой деятельности через фокус отсутствия «границ» предстают масштабнее, линия духовных ориентиров — рельефнее, а прошлое, настоящее и будущее проступают как сквозная анфилада эпох и событий, по которой гуляет ветер истории...

Г. С. Кнабе, безусловно, стоял у истоков зарождения идеи до ее реального воплощения. Ему нравилось наше служение Музе Клио. Он считал (и это безоговорочно мною разделялось): то, что говорится о культуре, всегда неокончательно, и в этой неокончателности — вектор открытости, указующий на «сквозняк истории». Г. С. с самого начала поддержал меня в этом проекте, с воодушевлением принял название, концепцию альманаха и в целом проявил к нему живой интерес.

Скажу больше: без Кнабе не было бы альманаха. Он был его постоянным автором. Добрым ангелом. Его душой. Альманах собирался «под Кнабе», выдерживал паузу, если материал задерживался. Издавался. Притягивал читателей из Стэнфорда и Кембриджа (не говоря уже о русской аудитории). Мы прекрасно понимали, что известность (рискну предположить такую дерзость) альманах получил благодаря именно публикациям Г. С. Кнабе.

В 2002-м Георгий Степанович в честь юбилея и исторического события, связанного с выходом в свет первого выпуска альманаха, написал слова, ставшие, на мой взгляд, программой жизни — и моей, и альманаха, который он искренне любил:

«Дорогие коллеги, десять лет вы успешно делаете важное и трудное дело. От души поздравляю вас, ибо дело это действительно очень важное и трудное. Наши научные отцы и деды работали в уютном мире объективных фактов, четких закономерностей, непреложных выводов, традиционных исследовательских приемов и научных дисциплин. Культура была для них совокупностью выдающихся достижений в области искусства, науки и просвещения. Нас с вами время поставило перед необходимостью, продолжая выполнять ту, их задачу, впервые проникнуть в то переживание истории, в ту зыбкую стихию общественно-исторической жизни во всем ее повседневном многообразии и постоянной изменчивости, которая сегодня и называется культурой. Мы стараемся прочесть язык семиотических кодов, на котором выражают себя быт, привычки, вкусы, ценностные ориентации людей исторического прошлого и сегодняшнего нашего окружения, и в них прочесть, куда и как движется история. Мы стараемся понять, какой смысл вкладывается в местоимение «мы», как группируются люди в определенные множества и через них понять, как соотносятся в человеке сегодня или в ту или иную эпоху прошлого его социальная природа и его неповторимая индивидуальность. Мы стараемся проникнуть в тот культурно-исторический и обще-

ственно-философский смысл, который раскрывается в пережитой нашим поколением электронно-информационной революции, и уловить в ее дальнейшем развитии контуры будущего. До нас это мало кто делал, для нас это стало основной работой, за нее мы ответственны перед поколениями, идущими нам на смену. Пожелаем же успеха — друг другу!».

В альманахе мы для Г. С. Кнабе отвели специальную рубрику — «Книга в книге», чтобы выдающийся ученый чувствовал себя достаточно свободно в объеме публикуемых текстов. В основном, это были статьи или книги, вышедшие в других издательствах, но еще достаточно «свежие» и непременно актуальные, волнующие постановкой острых проблем.

В разное время в альманахе были опубликованы: «Культурно-антропологическая идентификация вчера, сегодня и завтра», «Местимения постмодерна (обзор некоторых событий, фактов и текстов)», «Перевернутая страница», «Булат Окуджава: культурно-историческая мифология и эпоха семидесятых», «Строгость науки и безбрежность жизни», «Проблема контркультуры», «Рождение экзистенциального человека». Последний текст был из последней книги Г. С. Кнабе, вышедшей в 2006 году. Я для публикации в альманахе согласовала его с Г. С. Только один раз Кнабе не дал материал. Выпуск седьмой (2008 год) вышел без статей Кнабе — только с его мемориальным посвящением Р. Б. Иоффе.

Альманах стал фокусом моих личных научно-творческих предпочтений и интересов моих друзей на целые 10 лет. Всего вышло 10 выпусков. И символично, после смерти Г. С. Кнабе мы подготовили два выпуска в одном (9 и 10-й) и замерли: без Кнабе альманах как-то рассыпался, не складывался... Этот «дуальный» выпуск в том виде, в каком его ценил и любил Г. С., стал последним. Возможно, должно пройти какое-то время, чтобы в новом — уже переформатированном виде — он вернулся «к жизни», и, я уверена, это когда-нибудь произойдет.

Параллельно с изданием научно-публицистического журнала мы общались с Г. С. в рамках проводимых в Кирове научных конференций.

Памятным событием стал проезд Кнабе (вместе с Р. Б.) на международную конференцию «Природа и социум в системе культуры» в 1998 году, где всеми уважаемый ученый-культуролог, историк, филолог выступил с докладом «Проблема границ текста». Г. С. Кнабе сделал тогда акцент на трех важных концептуальных моментах, которые он развивал в статьях все последующие годы: 1) культура существует в (само) выражении, то есть для кого-то и в восприятии ее кем-то; 2) культура существует с помощью определенного, только ей присущего языка — языка знаков, объединяемых в каждую эпоху, в каждом социуме в определенные совокупности — знаковые коды или тексты; 3) суть проблемы текста состоит в том, что, насыщаясь все новым и новым содержанием, он тяготеет к самостоятельности, к отделению от «произведения», но сохраняющаяся с ним связь порождает (вернее, может породить) такие толкования «произведения», которые уже вышли за его пределы, навеяны целиком временем исследователя, его идеологией или предрассудками, высказаны не *о* факте истории культуры, *по его* поводу и потому не удовлетворяют требованиям научного анализа документов культуры, не обеспечивают точной и объективной их характеристики. Г. С. виртуозно проиллюстрировал эти позиции на примере анализа трагедии Шекспира «Гамлет» и повести «Вешние воды» И. С. Тургенева, продемонстрировав, как работает включенность литературного текста в разные исторические и интерпретативные контексты.

Сохранилась запись Кнабе в книге отзывов о конференции, которая есть, с одной стороны, факт истории, с другой — его отношение к Вятке, моим коллегам и, что особенно ценно — качеству научных дискуссий и атмосфере, которая неизменно царила на наших научных собраниях и встречах:

Мне довелось участвовать в нескольких десятках конференций — вятская-98 г. едва ли не лучшая из всех — по научному уровню, по сердечной атмосфере, по организации. Спасибо — и с надеждой на новые встречи.

*Г. Кнабе.
24.09.1998 г.*

В других конференциях Кнабе уже не участвовал, но зато приезжал еще раз с целью проведения лекций в рамках действующего семинара для молодых исследователей-культурологов «Культурологические штудии» (об этом речь шла в приведенном выше фрагменте письма Г. С. Кнабе). И опять по моей просьбе Георгий Степанович оставил памятную запись:

На память о культурологических штудиях в ВГПУ в марте 2000 года, подтвердивших, что только в обмене мнениями рождается истина.

*Г. Кнабе
17.03.2000 г.*

Одним из последних «проектов» нашего делового сотрудничества с Г. С. Кнабе стал приезд в Киров в 2010 г. его ученицы Ольги Аксютинной с циклом лекций по молодежным субкультурам. Она только что защитила диссертацию под руководством Г. С. и была полна желания делиться своими знаниями, которые в то время (да и сейчас) были актуальными и востребованными у молодежи. В какой-то степени, исследование О. Аксютинной стало завещанием Г. С. молодым ученым, напутствием внимательно и серьезнейшим образом изучать повседневную ткань культуры, изучать то, что рядом. Он любил цитировать в этом контексте Кристину Вольф: «Противиться ходу времени бессмысленно. Остается одно — попытаться своевременно разгадать, куда оно движется».

Разговаривая с Георгием Степановичем в Москве или Вятке, я понимала, что любой значимый или бытовой предмет разговора, сколь бы данный предмет ни был тривиален, он трактовал как серьезную, пережитую и переживаемую мысль об этом предмете. Это касалось как вещей, идей, так и знакомых нам людей. Характеристики последних были особенно точными и для меня важными в плане определения ориентиров дальнейшей моей жизни, прежде всего, научной. Не скрою, Георгий Степанович и Ревекка Борисовна во многом повлияли и на эмоциональный градус моего общения с уже хорошо знакомыми нам людьми, но в еще большей степени — с выбором интеллектуального и просто человеческого круга коллег.

В Москве Кнабе щедро дарил мне новых друзей — знакомил с глубоко им самим уважаемыми учеными, преподавателями, коллегами, с которыми впоследствии я продуктивно и радостно общалась (особенно ценным было для меня приобретение в виде недолгой, но щедрой дружбы с Г. А. Белой). Я до сих пор не понимаю, как и почему я оказалась среди избранных — тех, для кого дом Кнабе остался открытым и гостеприимным до последних дней жизни их хозяев? Думаю, мне просто повезло. Те, с кем из кировчан эта удивительная семья общалась до меня, уже в 2000-е исчезли с горизонта. Это круг вятских ученых-историков и краеведов, интерес к которым по разным причинам (о которых даже в малой дозе говорить не пришло время) угас до степени одного дежурного вопроса: ну как там у вас поживает N?

НО В СХВАТКЕ ПОБЕЖДАЕТ ЖИЗНЬ...

Г. С. Кнабе чувствовал современность. Он воспринимал культуру как надежду на то, что мир не бессердечен к человеку. В ироничном изложении Дмитрия Александровича Пригова, творчество которого он знал и ценил, эта мысль получила выражение в виде ироничной коннотации известного демокритовского афоризма:

*Жизнь коротка,
Искусство вечно,
Но в схватке побеждает жизнь.*

В последних наших встречах-беседах с ним — уже после смерти Р. Б. — чувствовалась усталость и разочарование от постмодернистского дискурса, проникшего во все сегменты жизни — науку (что особенно болезненно Г. С. переживал), в искусство, политику, экономику, литературу. Он, по обыкновению, старался отшучиваться и говорил: «Времена, Dear Наташа, не выбирают. Им манускрипты посвящают».

Последний раз мы виделись за полгода до смерти Г. С. Это было на его московской квартире. Я понимала, что прощаюсь с моим добрым другом. Мы уже не смели мечтать — загадывать на будущее, как это бывало раньше. Г. С., конечно, сдал после кончины Р. Б. Но, вместе с тем, с появлением новой женщины в доме — Л. А. — на какое-то время воодушевился, приобрел вид благополучно доживающего свой век мудреца с умным и пылким сердцем. Он по-прежнему работал и производил впечатление думающего ученого, несмотря на пережитое горе, обострившиеся болезни.

Георгий Степанович Кнабе для меня был не просто ученым, с которым мне посчастливилось встретиться, но *именем и нозмой* — «содержанием переживания сознания» — в том гуссерлевском смысле, когда многообразие состояний не стирает граней идентичности. Кнабе был многообразен. Кнабе был Человек. Личность — целостная, подвижная, ранимая. И этой своей целостностью, пытливым трудом мысли *seven tventy four*, как говорят на Западе, он отличался от многих из «поколения шестидесятников», с кем свела меня судьба. Работал он с радостью, в удовольствие и с понимаем, что интеллектуальный труд — это то единственное, что нельзя отнять у человека, даже если ему 90 или 91, и голос слабый. Силу духа выдавали огонь любви к жизни и глаза — всегда живые, всегда жаждущие новизны, процесса постижения истины, которая он, как никто, знал, что она постоянно ускользает,

как только к ней приближаешься... Поиск истины был главным мыслительным занятием всей научной и духовной жизни Георгия Степановича. Это что-то в человеке, что, хочет тот или не хочет, пронизывает все его существо, определяет все линии его поведения, выносит его из потока обыденной жизни и возвращает обратно отформованными, чеканными конструктами. По отношению к Кнабе интенция к интеллектуальному процессу под названием «поиск истины» была релевантна его природе, его таланту, его находящейся в постоянном развитии личностной сути. Ассоциативно я сравниваю ее с той *внутренней формой культуры* — им самим введенным научным понятием, но только *по отношению к личности*. Гуманитарий-интеллектуал — это не звание, не список печатных работ, не репутация и не профессия. Это модель жизнелюбия и мыследеятельности. Таким Георгий Степанович Кнабе остался в моей памяти.

Все, что им написано и сказано (или не сказано?) я всегда воспринимала как дыхание живой культуры — культуры того времени, где коллективное чувство превышает индивидуальное теоретизирование, где «совместность порознь» рождает потрясающую по силе притяжения и энергетике интенсивность ума и сердца, да так, что «расступаются города»... В этом акте самотворения проступала «реальность экзистенциальной глубины» (мысль любимого им Августина Блаженного), реальность, которая «требует выражения..., < > и в которой всегда остается нечто слишком интимное и ценное».

Татьяна Исааковна ФРУМКИС

О Г. С. КНАБЕ

Г еоргий Степанович Кнабе...

Вряд ли я могу претендовать на воспоминания об этом весьма дорогом мне человеке, так как не являлась его коллегой по цеху и не принадлежала к его ближайшему окружению. Скорее это попытка воспроизвести «кадры» нескольких подаренных жизнью и навсегда запечатлевшихся в памяти встреч и впечатлений.

Имя Георгия Степановича Кнабе я впервые услышала на рубеже 70-х — 80-х годов, в доме очень дорогих мне многолетних друзей — выдающегося филолога, историка и переводчика Сергея Александровича Ошерова, к великому прискорбию вот уже 30 лет как почившего, и его жены — также выдающегося музыковеда, профессора Московской консерватории Инны Алексеевны Барсовой.

Наряду с довольно редкими встречами — сверхмерная занятость и московские расстояния тому причиной — Ошеровы и Кнабе проводили иногда несколько дней вместе в подмосковном академгородке Пушкино. Я помню, как Сергей Александрович говорил, что особенно ценит эти короткие передышки еще и потому, что они давали ему возможность «долгих бесед и общения с Юрой». Обоих друзей ученых объединяло много общих тем и интересов. Думаю, прежде всего, связанных с античностью, так как и Сергей Александрович, и Георгий Степанович были глубокими знатоками и ярчайшими исследователями этой эпохи. И вот на одном из дней рождения Сергея Александровича «Юра», о котором я поначалу только слышала, воплотился в очень солидного

человека плотного сложения, весьма сдержанного академического вида и со слегка старомодными, я бы сказала, даже аристократическими, манерами. Это впечатление еще более усилилось, когда Георгий Степанович заговорил. Его речь поражала своей отточенностью и поистине литературным блеском. Что называется, «говорит, как пишет». Речь подлинного оратора, которая сразу приковывала внимание, как бы априори рассчитанная на большую аудиторию. Мое первое впечатление потом неоднократно подтверждалось и в тесном кругу, просто в застольной беседе, и в публичных выступлениях Георгия Степановича.

Так врезались в память прочитанные в начале 80-х годов два доклада на темы, которые красной нитью прошли через всю жизнь и творчество — впрочем, то и другое неотделимо — Георгия Степановича. Это «Арбат» и «Рим». Первый был прочитан в небольшом, до отказа заполненном помещении Библиотеки им. Н. А. Некрасова, в то время еще располагавшейся на Большой Бронной. Тогда мне впервые открылся, казалось бы, знакомый, а на самом деле абсолютно неизвестный арбатский космос. Второй — под названием «Городская теснота в Риме» — прозвучал в большом, также переполненном пленарном зале Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Позже это незабываемое выступление вошло в подаренную мне самим автором, чем очень дорожу, замечательную книгу очерков «Древний Рим — история и повседневность», 1986.

В обоих докладах меня, тогда еще незнакомой с публикациями Георгия Степановича, поразил по тем временам достаточно новый культурологический, «вещный», вплоть до описания запахов, подход к предмету. Так во время второго доклада в воздухе буквально ощущался исходивший от (древне)римской толпы «луково-чесночный» сквозняк... Пестрая мозаика бытовых, «повседневных» (эту на русской почве практически им основанную и разработанную ветвь исторической науки Кнабе так и определил: «Культура повседневности») деталей и фактов превращалась волею и блестящим слогом ученого в обетованную картину мира. Мира, хотя и удаленного географически и исторически,

но — вопреки пространству и времени — зримого и осязаемого здесь и сейчас.

Культурологический «азарт» Георгия Степановича распространялся на самые различные эпохи и регионы. Так, в конце 70-х годов его все-таки заинтересовал феномен «авторской песни», прежде всего в лице его любимого арбатского современника, поэта-барда Булата Окуджавы, а также расцветшая в эти годы западная поп-культура на примере ее лидеров — знаменитого квартета «Битлз».

На волне этого интереса возник наш с Георгием Степановичем непосредственный контакт, и на этот раз в лице не поп-, а вполне серьезного киевского композитора, одного из ведущих представителей так называемого «советского авангарда», Валентина Сильвестрова. Автор целого ряда написанных в различных авангардных техниках инструментальных произведений, Сильвестров весьма неожиданно — для коллег и для знавшей его публики это был настоящий шок — обратился к песне. К концу семидесятых годов сложился вокальный цикл Сильвестрова со знаменательным названием «Тихие песни», в котором он разработал совершенно особый тип жанра. С одной стороны здесь продолжены традиции русского доглинкинского романса и шубертовской немецкой Lied, с другой есть нечто родственное той же «авторской песне». Эта родственность сказалась прежде всего в отношении к поэзии, которая, по замыслу композитора, должна «сама себя петь». При этом Сильвестров намеренно обращается к уже «запетой», главным образом, русской классической поэзии, получившей благодаря исключительно мелодическому богатству, особому типу изложения и исполнения совершенно новое звучание.

У «Тихих песен» были ярые противники, особенно среди собратьев по перу, бывших единомышленников по «авангарду», которые считали, что обратившись к «низкому» массовому жанру Сильвестров рисковал перестать быть настоящим композитором. А были и ярые поклонники, которые услышали в этой музыке, при всей ее (мнимой) простоте, нечто необычное, сулящее вновь стать «большим стилем», что и про-

изошло в творчестве Сильвестрова уже в начале 80-годов. В числе поклонников, более того, конкретных исполнителей и пропагандистов «Тихих песен» были моя ближайшая подруга, замечательная камерная певица и музыковед, ныне профессор Московской консерватории Светлана Савенко, а также автор этих строк. Одни из первых мы со Светой неоднократно исполняли «Тихие песни» целиком и на самых разных площадках. И в числе наших благодарных слушателей не раз был Георгий Степанович. Бережно храню подаренную мне сразу после наших московских выступлений книгу Георгия Степановича «Корнелий Тацит», 1981 с памятной надписью: «Тане — ничтожное воздаяние за два прекрасных концерта Г. Кнабе 7/XI 81г.».

Однако для дальнейших размышлений и изысканий Георгию Степановичу, который по-своему отождествил сильвестровскую песню с интересовавшими его современными явлениями культуры, было недостаточно наших «живых» исполнений. Поэтому, чтобы иметь любимую и чрезвычайно взволновавшую его музыку, он приехал ко мне домой с тогда многокилограммовым катушечным магнитофоном, и мы со Светой, в небольшом домашнем кругу, спели цикл еще раз специально для него. Так случилось, что это была единственная и вряд ли сохранившаяся запись нашего исполнения. Пройдет время, и я подарю Георгию Степановичу выпущенный на знаменитой мюнхенской студии звукозаписи ECM (*Edition of Contemporary Music*. Исполнители: Сергей Яковенко и Илья Шепс) «фирменный» диск «Тихих песен» — произведения, ставшего визитной карточкой ныне широко известного композитора. Но это произошло значительно позже, когда я уже не жила, а приезжала в Москву из Германии, где поселилась с 1990 года.

Конечно же, в отношениях со всеми моими московскими друзьями наступила некоторая пауза. Но не надолго. Так или иначе, мы контактировали. Также наладилась связь с Георгием Степановичем. Осенью 1994 года по приглашению DAAD (Deutsche akademische Austausch Dienst) он приехал с Ревеккой Борисовной в Берлин для проведения цикла лекций и семинаров в Гумбольдт-Университете. К сожалению, эта

его программа не была доведена до конца в силу весьма драматических обстоятельств, о которых стоит рассказать отдельно.

Георгий Степанович позвонил мне в декабре, т. е. уже на исходе своего пребывания в Берлине. Я страшно обрадовалась, и мы сразу договорились о встрече. Я тогда жила на окраине города, в типично гэдэровском «спальном районе» Марцан, откуда собиралась через пару дней переезжать и, что называется, уже сидела на упакованных ящиках. И каково же было мое удивление, что они с Ревеккой Борисовной жили в гостинице в том же районе, т. е. весьма далеко от университета, куда Георгий Степанович должен был почти ежедневно ехать на электричке. И это в декабре, когда в Берлине обычно сыро, пасмурно и рано темнеет. Я была весьма поражена, чтобы не сказать возмущена, недальновидностью университетской администрации, поселившей подобным образом европейски известного ученого, профессора РГГУ, и при этом не слишком молодого и не слишком здорового человека. Но Георгий Степанович не жаловался, и я свое возмущение также оставила при себе. Мы чудесно посидели, вопросам и темам не было конца, Георгий Степанович и Ревекка Борисовна интересовались всеми подробностями моей жизни, делились московскими новостями. Мы расстались поздним вечером, условившись, если получится, еще хотя бы об одной встрече. Но уже буквально на следующий или через два дня в телефонной трубке раздался отчаянно-панический голос Ревекки Борисовны: «Таня, у Георгия Степановича инфаркт! Он в больнице Charité, что делать?!». Я, конечно же, сразу помчалась к ней навстречу. Оказалось, что Георгий Степанович с утра себя неважно почувствовал, они поехали к врачу, прождали довольно долгое время в приемной. Но томительное ожидание было вознаграждено весьма квалифицированной, оперативной помощью. Была немедленно вызвана скорая, которая отвезла Георгия Степановича в больницу. Когда я приехала, Георгий Степанович еще был в приемном отделении, и мы ждали выхода врача, вскоре появившегося и прямо объявившего, что положение очень серьезное и что необходима операция. Также без обиняков он сказал, что положитель-

ный исход можно гарантировать только на «фифти-фифти». Поэтому, как это принято в Германии, нужно было письменное согласие больного и его близких. Необходимые бумаги были подписаны, и на следующее утро была назначена операция. Перед уходом мы еще повидались с Георгием Степановичем, которого на коляске повезли в реанимацию. Как сейчас вижу его страшно бледное лицо и ссутулившуюся фигуру, с которой мы мысленно почти что прощались. Ревекка Борисовна была в ужасном смятении, говорила, что если Георгия Степановича не станет, то она наложит на себя руки... Я как могла ее успокаивала. И, конечно, увезла ее ночевать к себе. Помню, по дороге домой в подземном переходе купила в киоске какую-то снедь, за которую расплатилась купюрой в 50 марок. Отмечаю эту весьма незначительную деталь, так как она сыграла свою маленькую роль в дальнейшем. На следующий день, ранним утром, мы уже были в больнице и сидели в вестибюле в мучительном ожидании. Чтобы как-то скоротать время, я пошла в буфет купить для Ревекки Борисовны что-нибудь попить. Открыла кошелек, чтобы заплатить, и... о ужас! — денег не было, хотя от вчерашних 50 марок должна была остаться большая сдача... И тут до меня дошло, что я вчера, по рассеянности, просто забыла ее взять, а продавщица мне об этом не напомнила. Я вернулась к Ревекке Борисовне и с большим удовлетворением поведала ей о случившемся: «Дорогая Ревекка Борисовна, ведь это к счастью. Когда совершается что-то важное, должна обязательно произойти какая-то мелкая неприятность. И вот она произошла, значит, все будет хорошо». И чудо случилось. Операция прошла прекрасно. Георгий Степанович не уставал прославлять молодого врача, столь блестяще справившегося со своей задачей. И уже через несколько дней его не только выписали, но и разрешили вовремя, т. е. по уже давно приобретенным билетам вылететь в Москву! Кнабе, конечно, уже не вернулись в марцанскую гостиницу, а на пару дней остановились в роскошном доме на Софиен-Шарлоттенплатц, в роскошной квартире бывшего студента Георгия Степановича по ВГИКу (к сожалению, не помню его имени), куда тот переехал из восточного Берлина сразу по-

сле объединения Германии, и куда мы с моей подругой Ингрид пришли проститься с Кнабе перед самым отъездом. Помню, как Ингрид, когда мы вышли на улицу, сказала: «Единственный человек, которому этот дворец к лицу, это Георгий Степанович». По горькой иронии судьбы, его радушный хозяин едва успел насладиться «западным» комфортом и через пару лет скоростижно скончался...

А Георгию Степановичу выпал жребий жить! Жить еще многие годы. Годы, наполненные кипучей деятельностью, невероятной творческой продуктивностью, от которой, по счастливой случайности (а может быть закономерности?), перепало и мне. А произошло следующее.

Весной 1997 года супруги Кнабе снова приехали в Берлин. Я встретила их на вокзале Zoo и, помню, просто ахнула, увидев, как из поезда бодрым шагом в светлой легкой куртке выходит абсолютно новый, помолодевший Георгий Степанович! Дело в том, что вышеупомянутый доктор-волшебник из больницы Charité, прощаясь строго посоветовал своему пациенту сбросить вес. Что и произошло великими стараниями Ревекки Борисовны, все это время обеспечивавшей Георгию Степановичу строжайшую, в основном, овощную, диету. И результат был налицо.

На этот раз Кнабе, направлявшиеся через Берлин куда-то дальше по Германии или по Европе, на несколько дней остановились у меня, и мы смогли всласть пообщаться. И вот однажды, просто за ужином, Георгий Степанович рассказал о задуманном им сборнике статей о Москве. «Готова ли я принять участие в этом проекте и, как музыковед, написать что-то связанное с московской темой. Текст должен быть представлен к осени текущего года». Предложение было необычайно лестным, и я немедленно согласилась. Конкретная тема напрашивалась сама собой: Кантата П. И. Чайковского под одноименным названием «Москва». Справедливости ради надо сказать, что случайно брошенное зерно упало на уже отчасти разрыхленную почву. Рассказ об этом слишком долог и вышел бы далеко за рамки данных заметок. Скажу только, что именно в Германии — так сложилась

жизнь — я впервые обратилась к творчеству Чайковского, опубликовала несколько работ, была причастна к созданию в 1993 году Международного общества П. И. Чайковского, кстати, отмечающего в этом году свое двадцатилетие, и пр.

Как и все русские классики, Чайковский очень «пострадал» в советскую эпоху от замалчиваний, текстовых искажений, редакторских «правок» и «улучшений» в духе времени. Одновременно с основанием Международного общества Чайковского была заявлена и начата работа над Новым многотомным собранием сочинений и литературных трудов композитора (запланированы 75(!) томов), реализуемого в издательстве Schott, Mainz. Практически все нужно будет подвергнуть тщательной проверке, т. е. начать с «чистого листа», с привлечением рукописей, первых изданий, документов, сопроводительных исторических, мемуарных и эпистолярных материалов. Процесс, требующий усилий многих поколений музыковедов, текстологов, издателей.

Также и я занялась Чайковским, в частности, кантатой «Москва», что называется, с нуля. Это произведение в числе тех, которые были кардинально изувечены вышеупомянутыми вмешательствами. Ведь «Москва» была заказана и написана по случаю коронации Александра III, что никак не вязалось с советскими представлениями. Поэтому первоначальный текст А. Майкова был полностью переработан неким А. Машистовым, убран подзаголовок «Коронационная кантата» и т. д. и т. п.

В результате образовалось довольно пространное изыскание под названием «Кантата П. И. Чайковского «Москва». (Не)случайный текст в (не)случайном контексте», опубликованное в вышедшем в 1998 году под редакцией Г. С. Кнабе сборнике статей «Москва и московский текст русской культуры». И, чем я несказанно горжусь, моя статья поставлена рядом со статьей самого Георгия Степановича под заглавием «Арбатская цивилизация и арбатский миф». Согласно примечанию, автор опубликовал в ней «расширенный и переработанный текст доклада, который» он «читал во многих научных и общественных учрежде-

ниях Москвы». Как тут было не вспомнить о памятном выступлении Георгия Степановича в московской Библиотеке им. Н. А. Некрасова. Круг замкнулся!

Что касается моего опуса, то он был вскоре переведен на немецкий язык и опубликован в *Tschaikowsky — Mitteilungen* (7 Tübingen, 2000). Последние составляют, наряду с *Tschaikowsky-Studien*, учрежденную в том же 1993 году и продолжающуюся по сей день научную периодику. Итак, благодаря Георгию Степановичу, я внесла свою маленькую лепту в рассчитанную на ближайшие десятилетия новую чайковскиану.

Что еще? Мне осталось упомянуть о посещениях супругов Кнабе во время моих редких приездов в Москву. Ревекка Борисовна всегда трогательно накрывала красивый стол. Мы долго и оживленно — как будто никогда и не расставались — беседовали обо всем на свете. И каждый раз я уносила с собой бесценные дары. Это — «Слышать шепот времени». Видеомемуары Г. С. Кнабе», 2007 — уникальный фильм-документ, запечатлевший «live» одну из арбатских экскурсий Георгия Степановича. Это вышедшие в последнее десятилетие своего рода энциклопедии всего творчества Георгия Степановича Кнабе — «Древо познания и древо жизни», 2006, а также «Георгий Кнабе. Избранные труды. Теория и история культуры», 2006 . И все эти подарки неизменно сопровождаются сердечными надписями автора. Еще одну из них позволю себе в заключение привести: «Дорогой Танечке на память о долгом общении и важных разговорах. Дай Бог, чтобы и впредь. Г. Кнабе. 2/XI 07. г.»

*Т. Фрумкис.
Берлин, февраль 2013*

Марк Сергеевич ХАРИТОНОВ

РАЗГОВОРЫ С ГЕОРГИЕМ КНАБЕ

С Георгием Степановичем Кнабе мы познакомились летом 1977 года в Литве, в тихом поселке Качергине, недалеко от Каунаса, куда приехали отдыхать с семьей. Позвал нас туда Исаак Моисеевич Яглом, профессор математики, для нас просто Изя. Моя жена Галя когда-то училась у него, с тех пор он стал нашим близким другом. Одним из его прекраснейших свойств была способность собирать вокруг себя людей. С его подачи в Качергине вскоре приехал кто-то еще из знакомых, тот позвал своих, образовалась небольшая интеллигентская компания. Так появился Кнабе. Днем мы занимались своими делами, вечерами вместе прогуливались по единственной длинной улице, мимо дачных домов, окруженных соснами, беседовали на разные темы.

Литовские хозяева почтительно называли Кнабе профессором, особое их уважение вызывало то, что Георгий Степанович говорил по-литовски. На самом деле он тогда не был даже доктором наук, ему много лет не давали защитить диссертацию. На обычные в те годы разговоры о политике он не откликался, помалкивал — жизнь научила осторожности.

Со временем я многое о нем узнал. Здесь ограничусь лишь некоторыми дневниковыми записями, которые по привычке вел много лет, пользуясь стенографической скорописью. Сейчас можно лишь посоветовать на их чрезмерную краткость, приходится кое-что комментировать, дополнять, насколько позволяет память. Но они ведь делались не для других, для себя.

Знавшие Кнабе или читавшие его могут сопоставить эти записи со своими впечатлениями, что-то для себя уточнить, дополнить. Сокращения обозначены простыми многоточиями.

17.07.1977. Kacergine

После первых уединенных дней жизни собралось целое общество... Георгий Степанович Кнабе всерьез выпрашивал, нет ли у меня воспоминаний о моих предыдущих воплощениях. Я отшутился, попросил пояснить. Он ответил: я с детства владею, как родным, французским языком, даже раньше, чем русским, но когда пишу по-французски, испытываю затруднения, хотя орфография здесь проще, чем в английском. Английским я овладел много позже и знаю его несравненно хуже французского, но пишу на нем без всяких затруднений. Что это значит? Что-то есть во мне от прошлых воплощений. Другой пример: я знал человека, который совершенно не мог ориентироваться в идеально распланированном современном городе, таком, как Нью-Йорк, но чувствовал себя, как дома, впервые попав на запутанные улочки турецкого города, где европеец даже через два года не может разобраться. Тут я возразил: памяти о современных распланированных городах не может быть ни у кого. Он засмеялся: да, это действительно не доказательство.

В переселении душ был убежден еще Платон. Он говорит в «Пире», что в предыдущем рождении был цветком и девушкой. Последнее объясняет его любовь к юношам.

С Ягломом Кнабе продолжал начатый до меня разговор: можно ли говорить о какой-то общей духовной структуре 20-го века, которая роднит и современную математику, и современную литературу в том же смысле, в каком можно говорить, что герои Расина действовали по тем же законам, на которых строится логика Декарта?

Яглом сейчас читает приватные лекции по геометрии своему сыну Жене и [моему сыну] Алеше... Своими диссидентскими разговорами он приводит в смущение молчащего Кнабе.

16.08.1977. Kacergine

Наша маленькая московская колония две недели назад пополнилась семейством Спириных: Борис Георгиевич, врач-нейрохирург, очень милый скромный человек, его жена, Мэри Лазаревна Абрамсон, профессор-историк, специалист по итальянским средним векам, и ее сестра Дина...

Кнабе заговорил со мной о кино, об Андрее Тарковском, про беглое знакомство с которым я неосторожно и несколько хвастливо упомянул. Он тут же начал умело доить меня, спрашивать подробности (интересовался даже интерьером квартиры). Я запоздало понял, что он высочайшего мнения о нем, особенно о «Солярисе» и «Зеркале». Мои оговорки об этих фильмах и о самом Тарковском на него и на его супругу Ревекку Борисовну произвели, полагаю, неблагоприятное впечатление. Кнабе довольно умно стал излагать мне свое понимание идеи обоих фильмов, на что я ему заметил, что есть явления, дающие основу для толкований более значительных, чем они сами. Кроме того, пересказ идеи «Соляриса» слишком исчерпывается словами. На что он ответил мне «Спасибо» и закончил беседу. Это «спасибо» характеризует его метод общения: использовать, «выдоить» собеседника, самому оставшись не раскрытым...

Досадно сейчас вспоминать, как я в ту пору спешил возражать, спорить, вместо того, чтобы выслушать побольше — мог бы потом побольше записать для себя.

Наше общение продолжилось в Москве, о нем в тот год осталась лишь одна короткая запись.

28.10.1977

Пожалуй, я записываю меньше, чем стоило бы. В прошлую субботу был в гостях у Кнабе. Очень любопытный разговор о его статье (приметы культурного стиля).

О какой статье шел разговор, теперь уже не вспомнить. А следующим летом мы опять оказались в Качергине, возобновились наши интеллектуальные прогулки-беседы. Перипатетики, сказали бы древние греки.

22.07.1978. Качергине

Вчера вечером небольшая прогулка и разговор с Кнабе и Ягломом. Рассказ Кнабе о Пензе. Спрашивал, в какое животное я бы хотел воплотиться. (Он хотел бы воплотиться в белку). Я ответить не смог.

Его мысль о том, что гениальность писателя можно измерить, как отношение достигнутых им вершин ко всему написанному. (Бывает, что человек кроме одной великой вещи и нескольких хороших стихов написал много посредственного; меньше всего это можно сказать о Пушкине). Яглом сослался на критерий математики: есть разные типы ученых; можно оценивать достижения ученого либо по простору площади, которую он покрывает, либо по вершинам. Мне кажется, что о величии художника вообще нельзя судить изолированно от культурного значения его для времени.

Еще один вопрос Кнабе: в какую эпоху я хотел бы жить? Я сказал, что в Европе первой половины 16-го века. До этого беглый разговор с ним о замысле его статьи, не доведенной до печати: об усвоении культуры и идеологии Римской империи в Николаевской России (именно империи, а не республики: архитектурные идеи и пр.)...

23.07.1978. Качергине...

Вечером небольшая прогулка с Кнабе. Его разговор о том, что деятели французской революции при всем своем республиканизме неосознанно ориентировались на римскую империю и цитировали Цицерона. Я вдруг подумал: цитировать и подражать можно было вообще только Риму. Чтобы подражать Греции, надо было обладать крестьян-

ской простотой, которой не могло быть у позднего, то есть подражающего и цитирующего общества...

05.08.1978. Качергине

Вечерняя прогулка с Кнабе. В истории реально действуют поколения (одновременно 5, с разницей в возрасте 10–15 лет), которые отличаются друг от друга не только идеями, но прежде всего чем-то трудно выразимым, бытовым: манерой одеваться, представлением о культуре, отношением к истории — приметам, которые позволяют им понять друг друга, но делают чуждыми людей другого поколения. И т. д. Я возражал, что в каждом поколении есть несколько типов, деревенский и городской сверстники прожили жизнь в разные времена. И т. д. Почему-то осталось возбуждение и чувство недовольства собой.

И снова Москва.

03.09.1981

Вечером разговор по телефону с Кнабе (я попросил его перевести несколько цитат из Плиния). В Качергине, по его словам, было многовато народа, «так что наши вечерние прогулки напоминали марши, только барабанов не хватало». Рекомендовал журнал «Декоративное искусство», в котором, по его словам, исследуется современная история в ее вещных проявлениях: статьи о промыслах, о современном китче. Удивился, узнав, что я не смотрел фильм «Москва слезам не верит»: это, может быть, не интересно с точки зрения искусства, но социологически это очень интересно, в том числе природа его успеха не только у нас, но во всем мире. Он прав, сейчас, когда я работаю над своей книгой, такими вещами надо интересоваться: не только высокими произведениями, но симптоматичными вещами.

*Я стал довольно часто заезжать к Георгию Степановичу. Он как преподаватель ВГИКа получил квартиру в кооперативном доме кинематографистов на Аэропортовской улице. Квартира, помнится, была двухкомнатная, я бывал только в одной, за стеной лежала, насколько я знал, больная мать Ревекки Борисовны, ее я никогда не видел. Почти никакой обстановки, книжные полки, стол. На небольшом пюпитре возле письменного стола обычно лежала книга, раскрытая на иллюстрации. Один раз это была картина какого-то итальянца эпохи Возрождения, другой — к моему удивлению — работа в духе социалистического реализма. Видимо, Кнабе в ту пору что-то писал на связанную с ней тему, разглядывал, наверно, подолгу, вдумывался. Как мог разглядывать рекламу джинсов *Levis*, о чем немного дальше.*

Не обходилось, конечно, и без угощения, обычно с выпивкой. Коньяку Георгий Степанович предпочитал хорошую водку.

25.05.1983

Заглянул к Кнабе. Ревекка опять лежала с ревматизмом. Кнабе сильно похудевший. С большой пользой поговорил с ним.

— Сейчас укрепляется отличное от XIX века понимание истории. Помимо идеологических, политических и других элементов становится ясно, что история осуществляется во взаимодействии конкретных людей друг с другом, в семье, в отношении к вещам, в интерьере, в поведении маленьких групп.

Новый период истории можно датировать примерно 56-м годом. Это год XX съезда — но кроме того, в это примерно время из разных концов страны в Москву для поступления в вузы стало приезжать все больше молодых людей, не связанных с прошлыми традициями и прошлыми ценностями, интеллигенты в первом поколении, которые заявили о своих правах. Старая арбатская интеллигенция оказалась оттеснена. Это совпало с успехами химии, которая смогла создавать дешевые тка-

ни, предметы обихода, доступные молодежи без большого заработка. Этот процесс примерно в те же годы происходил во всем мире. Символом его можно считать рекламу фирмы Levis: молодежь в джинсах на фоне Тюльери. (Показал мне эту рекламу). По бедрам и ногам этой вот молодой особы вполне можно судить о ее простонародном происхождении. Закончился этот период примерно в 68-м году — это год оккупации Чехословакии и распада группы Битлз: события исторически равноценные...

Для истории важно, какие человек носит штаны. Николай I не случайно морщился при виде фраков: в эпоху военной формы фрак был символом свободомыслия, выпадения из системы. И это можно проследить на многих примерах...

Я почему-то почти не оставил записей о том, как Ревекку Борисовну, жену Кнабе, исцелил от радикулита мой младший брат Юра, в ту пору проявивший себя как несомненный экстрасенс. Именно исцелил, врачи годами не могли излечить ее от мучительных приступов, Юра сделал это, кажется, за два сеанса. Причем исцелил окончательно, радикулит больше не возвращался. На Георгия Степановича это произвело впечатление: «Я стал по-новому понимать, что делал Христос», сказал он мне.

29.05.1983

...Юра ездил лечить Ревекку Кнабе, снял приступ. Озадачил Кнабе ответом на вопрос о гонораре: «Во что вы цените здоровье своей жены? Оно бесценно? Значит, и лечение бесплатно». (Я Ревекку об этом предупредил, но она, видно, не передала).

Тут стоит немного добавить. Юра действительно лечил бесплатно (он тогда работал в секретном оборонном институте, зарабатывал другим), я знаю несколько случаев, когда помог. Мне он как-то объяснял: обычно

в мозгу активно работает лишь малый процент его участков (не поручусь сейчас за термины), для целенаправленного эффекта их должно быть задействовано как можно больше. Знаменитая Джуна, по его словам, была от природы действительно сильным экстрасенсом, но мысль о деньгах отвлекла часть ее энергии и со временем лишила ее силы. Сам он от чрезмерного напряжения серьезно заболел и вскоре вынужден был оставить практику. Сейчас он доктор наук, создал фирму «Панацея», «информационно-поисковый портал, позволяющий ориентироваться в рынке медицинских услуг» (цитирую по сайту в интернете.) Кнабе все же отблагодарил его дорогими альбомами по живописи.

26.11.1983

...Неожиданно позвонил Кнабе, пригласил, и вечером я поехал к нему. Довольно интересный разговор: о его больничном опыте, о наблюдениях над типами людей, о стиле модерн, о национальной теме, о русской истории и Западе. Кое-что прямо пригодится для романа.

03.03.1984

Вечером звонил Кнабе, он заканчивает работу о роли вещей в истории культуры.

До чего опять сейчас жаль, что записывал так коротко!

12.12.1984

Читал в библиотеке две любопытные статьи Кнабе: о том общем, что создает стиль и мироощущение эпохи, что объединяет философию и бытовые проявления. Для Рима это было представление о неизменной сущности и меняющейся оболочке, для нашего времени — сущест-

венны не дискретные явления, а поле, энергия, воля и т. п. Многое было мне знакомо по нашим устным разговорам.

16.02.1985

Поехал к Кнабе, привез ему почитать «Меньшутина», он подарил мне журнал со своей статьей о вещах. Разговор на эти и другие темы.

Об «Альгисте Данилове»: как и книга Соловьевой о Немировиче-Данченко, он указывает на перелом в традиции русской литературы, которая полтора века видела свою честь и назначение в противостоянии властям; теперь это себя исчерпало, обсуждается более глубокая возможность жизненного самоосуществления независимо от обстоятельств. (Неожиданный для меня подход).

О том, что 60-е годы (которые он определяет периодом 1955–1968 с небольшим «последствием») сейчас раскрывают себя как «великая эпоха культуры», смысл которой, среди прочего, в поисках более непосредственных, неофициальных возможностей жизни; ее приметы — хиппи, битлы, Франсуаза Саган, дешевые химические материалы, экономический расцвет, политические надежды. Начало этого периода совпало с 20-м съездом, конец — с распадом группы Beatles, оккупацией Чехословакии, парижскими баррикадами. Характерно, что ни один крупный представитель 60-х годов их не пережил (как я понял, творчески: назывались имена Феллини, Антониони).

О Трифонове: он реакционен, его не интересует современная жизнь; оглядываясь в прошлое, он видит идеалистов-революционеров, надежды которых оказались разбиты, а современность — вырождение, упадок нравов и т. п. «Характерно, что никто из его героев не живет на Арбате». Арбат, по его понятиям (это была тема лекции, на которую я не сумел пойти) — цитадель московской интеллигенции, которая воспряла в 30-е годы и восстанавливала, поддерживала культурную традицию, пусть на невысоком уровне (на стенах квартир висели портреты

Чехова и Толстого, не больше), но они определяли культурное лицо эпохи. О путевых заметках Трифонова: что он видел в Италии? Тетушку, бежавшую из Ростова и до сих пор обсуждающую те времена. В Финляндии он находит каких-то старых большевиков, видевших Ленина. Европа, живая, пульсирующая плазма, в которой происходят великие события, его не интересует.

(Я подумал: а что бы он прибавил к описанию Колизея? Я тоже всюду ищу свое, Европа для меня — одна из возможностей отсчета, сравнения, чтобы лучше понять себя, свою страну).

О фильме про Евтушенко, который снимал какой-то югослав, где Евтушенко жалуется на уходящую популярность, пытается понять причины.

01.03.1985

Вечером на лекцию Кнабе (Арбат как культурно-историческое явление)... Кое-что я уже знал из разговоров, но теперь все сложилось для меня в довольно стройную систему взглядов и методов, и эта система выглядит убедительной и интересной, хотя можно спорить по частностям. Например, с утверждением, что в 30-е годы произошло восстановление культурной традиции, прерванной в 20-е годы Пролеткультом, и это позволило «арбатской» интеллигенции вернуться к активной деятельности. 20-е годы скорей продолжали творческую традицию и поиски 10-х годов (в театре, живописи, поэзии) и совпадали с развитием во всей Европе; в 30-е годы именно это развитие было искусственно прервано, провозглашены принципы «социалистического реализма», в живописи произошло возвращение к передвижникам, закрылся театр Мейерхольда и пр., «кончилась поэзия» (по выражению Пастернака) и т. д. Другое дело, что «арбатская» интеллигенция, возможно, увидела в этом возрождение своих вкусов и была «допущена» к культурной жизни; но это доказывает ее невысокий, провинциальный уровень.

Немного раздражало затянувшееся обсуждение, где старые «арбатцы» делились ностальгическими восторгами.

11.06.1986

...Приезжал Кнабе, привез мою рукопись... Изменений в культурной и цензурной политике он не предвидит. Когда какие-то сотрудники экономического института, приняв всерьез разговоры о повороте к новому, попробовали предъявить для публикации свои лежавшие без движения работы, цензор сказал: «У меня инструкции остались неизменными; как закрывал я эти темы раньше, так закрою сейчас»...

Обменялись впечатлениями о вечере Самойлова. Он считает, что выбор «залива» обернулся для его поэзии утратой связи с развивающейся жизнью. Ему не понравилась его манера держаться перед публикой. «Он не заметил, что в зале уже другой народ, более молодой, другой социологический и антропологический тип; он разговаривать с ними не захотел».

Сейчас я, между прочим, удивляюсь тому, как много среди моих близких друзей и знакомых было людей, существенно старше меня. Кнабе, Померанц, Самойлов, Сидур, Апт, Копелев, Вяч. Вс. Иванов, Б. Хазанов, И. Лиснянская и С. И. Липкин, Лиля и Сима Лунгины. Я в ту пору был человеком совершенно никому не известным, меня не печатали, моя первая книга вышла в 1989 году, когда мне было уже 52 года — чем я мог быть интересен этим уже заявившим о себе людям? А ведь не просто охотно со мной общались, звали в гости, приезжали ко мне сами, брали почитать рукописи, передавали другим. Теперь, когда многие из них ушли, я не без грусти обнаруживаю, что вокруг меня почти нет людей младше (если не считать компании моих детей). Причина, должно быть, во мне.

Среди только что названных стоит выделить соучеников Кнабе по знаменитому ИФЛИ: Самойлова, Померанца, Лунгину; я знал еще и других.

Лилиана Лунгина в своем известном «Подстрочнике» рассказывает о Георгии Степановиче много интересного. Среди прочего, как его исключали из партии по инициативе еще одной соученицы, Раисы Орловой, жены Льва Копелева (тогда у нее была другая фамилия). Я эту историю знал, с Копелевым и Орловой тоже дружил. По мнению Лунгиной, Кнабе это исключение, в конечном счете, пошло только на пользу, служебная карьера оказалась для него закрыта, он нашел свое подлинное призвание в науке¹.

14.04.1989

...Вечером к Кнабе... Завел с ним свой разговор о «возможности гения». Он считает, что возможностей для подлинной духовной жизни сейчас нет, потому что не стало народа, чувство связи с которым в России всегда питало художника. (А не в России? — подумал я. Что значит народ для таких любимых его писателей, как У. Эко или М. Юрсенар?).

Обменивались впечатлениями о состоянии западной культуры и учености. Кнабе считает, что там высокий уровень академической учености, но хуже другой уровень, который он назвал «средним» и который может связать ученый или филологический поиск с обществен-

---

¹ В книге у Лунгиной эта история представлена несколько иначе: не исключали из партии, а не приняли в партию: Юра вылетел из ВОКСа по следующим обстоятельствам. Там по ночам дежурили у телефона. ВОКС считался очень важным государственным учреждением, и требовалось по ночам дежурить, хотя, что уж такого могло случиться за ночь в культурных связях, непонятно. «И Юра дежурил с Раей Орловой, нашей ифлийской девочкой, одной из тех активных комсомолок, которые проявили себя во время кампании арестов. Первый ее муж погиб на войне, а второй был крупным советским деятелем. И вот Рая с Юрой дежурили. Разговорчики какие-то, слово за слово, и Юра говорит: «Ты такая безумно партийная стала, что тебе завтра партия скажет: надо брать младенцев и убивать их головами об стенку — ты, не задумываясь, будешь это делать». Ну, сказал и сказал.

А через неделю партийное собрание, на котором Юру должны были принимать в партию. И Рая возьми да выложи — мол, нет, мы не можем принять Георгия Степановича в партию, потому что вот какие он себе разговорчики позволяет.

Надо сказать, что Рая Орлова прошла потом очень большой путь. Она стала женой Льва Копелева, сделалась диссиденткой и была выслана из страны. В своей автобиографической книге, изданной в Германии, она рассказывает историю с Юрой не совсем так, — но было так» (прим. Н. Н.). — (Ред.).

но-политическим (а я бы сказал: экзистенциально-духовным) изменением. Он видит надежду в рок-группах (какие у них славные лица!), ходит на их концерты. (Представляю, как странно он выглядел среди юнцов). Но когда я заговорил с ним о своих конкретных впечатлениях, отнюдь не отрадных, он со мной согласился...

11.06.1989

...Прочел в «Вопросах философии» очень интересную статью Кнабе о современной культурной среде. Сразу возобновились вокруг этого многие собственные давние мысли: я мог бы теперь более четко, чем прежде, изложить свое credo: на темы успеха, счастья, культуры, искусства, духа и жизни и т. п. Позвонил ему...

23.07.1990

...В четверг приезжал Кнабе за книжкой, которую я ему подарил. Долго рассуждал о «нашей способности жить одновременно в реальной жизни и системе мифов. Т. е., упоенные словесными переменами, мы не замечаем, как эта система со своими отрядами в черных рубашках и защитной форме перегруппировывается, чтобы уничтожить нас. Вы думаете, такой генерал Макашов со своим личным самолетом, «Чайкой», дачами, тремя любовницами и т. д. и т. п. добровольно уступит все это? Маркс учит нас, что господствующие классы так просто власти не отдают» — и т. д. в том же духе. Я сказал: «Если мне с вами согласиться, значит, мне просто надо уезжать». — «Конечно, без всякого сомнения. Я в моем возрасте — другое дело, мы тут заложники... Кстати, вы не слышали, говорят, доктор Крелин тоже собрался уезжать?». Я стал отвечать ему, что возможность, о которой он говорит, действительно существует потенциально, но вовсе не обязательно должна реализоваться. Один из доводов в пользу оптимизма — что она не реализовалась до сих пор. И есть примеры другого развития... Мне показалось, он слушал меня не

без удовольствия — всякому (как и мне) хочется услышать хоть какие-то успокаивающие, обнадеживающие доводы. Но что я могу утверждать?

11.07.1991. Карадаг

В поезде, на одной из станций встретил А. К. Он едет в Коктебель в международном купе, как положено писателю, не то, что я. Вспомнился рассказ Кнабе об этикетных требованиях и ревности среди писателей: кто в международном вагоне, кто в простом купе. В Майнце А. К., помнится, убеждал жену, что есть в дешевой закусочной стоя ей не к лицу. Всегдашняя корректировка самочувствия: мне это не нужно.

13.01.1993

...Вечером позвонил Г. С. Кнабе, поздравил с премией, очень умно рассуждал о симптоматичности этого выбора... О новом понимании истории: прежде она концентрировалась или структурировалась революциями, царями и т. п., сейчас как бы растеклась в повседневную жизнь, стала историей быта, костюма, повседневных отношений. Провинция стала действительно очень важным понятием... — нет, всех изящных и сложных ходов его мысли я воспроизвести не могу, но он подтверждал ее ссылками на мою прозу, о которой никогда со мной не говорил, из чего я мог заключить, что он относится к ней весьма всерьез...

08.01.1994

...Вечером говорил по телефону с Кнабе. Он очень доволен работой в Гуманитарном университете, обстановкой, научным уровнем. Хорошо говорил о моих книгах: «Изображение революции в романе много говорит и о современной ситуации. Кроме того, вы поставили, может быть, основной философский вопрос современного знания: о возможности составить целостный образ из отдельных частных». Договорились встретиться, пообщаться.

13.09.1994

...Вечером на презентацию романа в Библиотеку иностранной литературы... Очень интересно говорил Кнабе (о том, что у меня соединяется потребность личности в автономности и необходимость общественной структурированности).

18.07.1998

...Вечером долго говорил по телефону с Г. С. Кнабе на темы постмодернизма, который, по его мнению, еще долго будет определять культурную ситуацию. Скепсис к любой истине, любой положительной ценности, отсутствие общей системы затрудняет даже возможность принимать экзамены у студентов. Они не считают нужным читать те книги, которые рекомендует он. (Больше студентов смотрят фильмы, на видео: визуальная информация воспринимается с большей готовностью). Любые свои суждения считают истиной потому, что они так считают — и т. п. На Западе, кажется ему, система более устойчивая. В то же время, когда я спросил его, кажется ли ему, что уровень его западных коллег-профессоров выше, чем уровень его здешних коллег, ответил: «Конечно, ниже». — «Как же так? — спросил я. — У них не прерывались традиции, как вы только что говорили, не уничтожались школы. На чем выросли вы — и они?». — «Есть такая вещь, как капитализм, — ответил он. — Конкуренция выдвигает вверх не самых лучших». И рассказал о конкурсе на преподавательское место во Франции, где победил не самый достойный кандидат, пользовавшийся поддержкой влиятельных кругов. Я не очень понял, при чем тут постмодернизм; но говорить было интересно.

28.05.2002

Развез несколько своих книжек... Заехал к Кнабе. Говорил с ним три часа, записать содержание разговора трудно. Одна из мыслей: стало невозможно преподавать студентам систему знаний, их не интересует

система, историческое развитие и т. п. Все равноценно, все взаимозаменяемо. Традиционная культура Европы чужда все растущему числу приезжих, африканцев, мусульман. События 11.9. — важный, может быть, переломный момент, люди ощутили угрозу. Протест против глобализации — также протест против ситуации, которую Кнабе называет постмодернистской. На мой вопрос, есть ли аналогия с периодом упадка Римской империи (гедонизм, проникновение варваров, которые не становились римлянами), ответил отрицательно. Там еще действовали традиционные принципы, законы, были те же боги; варвары становились римлянами и получали посты уже в третьем-четвертом поколениях и т. д. Конец Римской империи принесло христианство. (Я подумал: а может быть, ту же роль сыграет теперь ислам?)...

29.5.02. Читал брошюру Кнабе «Перевернутая страница» — о крахе русской интеллигенции. При всех испытаниях советского времени интеллигенция, по его словам, «сохранила веру в разум истории и гуманизм культуры. И только в последние годы XX века на нее надвинулись испытания, которые оказались несовместимыми с самой ее сущностью... То были испытания долларом, утратой самоидентификации, обесцениением научной истины». С первой составляющей сравнительно ясно, вторая почему-то связана с общественным служением, без которого нет интеллигенции. Что касается третьей, тут интересно то, что относится к гуманитарной области. Вот характеристика из справочника по постмодернизму: «Истина основывается на тех искусственно выстроенных аргументах, в которые поверил создатель аргументации, и живет за счет круговой поруки тех, кто согласился эту истину разделить». Я бы тут заменил слово «поверил» — может быть, сконструировал, вера тут ни при чем, но ситуация (в литературе, в критике, филологии, философии) мне знакома. Я начинаю понимать, что такое постмодернизм. Над чем-то подобным я сам продолжаю думать, набрасывая заметки к «Условным играм», но пока не знаю, получится ли. И главное, не уверен, очень ли мне хочется сейчас писать прозу. Какое-то неопределенное состояние.

Кнабе чувствует себя оказавшимся не в своем времени — это неизбежно в определенном возрасте, надо это осмысливать.

31.12.2006

Позвонил, поздравляя с Новым годом, Померанцу, Апту, Баткину, Кнабе. С Кнабе разговор был весьма содержательный, но пересказывать его сейчас не буду. Обменялись электронными адресами, возможно, я ему напишу... Кнабе упомянул поэта Наума Басовского, которого считает самым значительным после Самойлова и Окуджавы. Я нашел его стихи и прозу в «Иерусалимском журнале». Действительно, очень хороший поэт, я прежде прочел его как-то рассеянно. Я в ответ упомянул ему книгу Пирса «Сон Сципиона», он заинтересовался.

06.01.2007

...Послал цикл «Исторические руины» Кнабе.

12.03.2007

...Вечером позвонил Кнабе: «Я созрел для разговора с вами» (по поводу стихов, посланных еще в январе). Дикция затрудненная, мысль, кажется, тоже. Предложил встретиться на неделе. Грустно.

17.03.2007

...Неожиданный звонок от Кнабе, предложил договориться о встрече. Я записал код, собрался прощаться. «Значит, завтра от трех до четырех?» — повторил на прощанье. «Да. Мы договорились созвониться по телефону или встретиться?» — неожиданно уточнил он. «Как по телефону?» — опешил я. «Но ведь надо сначала созвониться, предварительно обговорить». — «По телефону можно обговорить сейчас». — «Ах, так? — согласился он. — Хорошо, давайте поговорим».

И начал получасовую блистательную лекцию на тему моих «Исторических руин». Я пробовал иногда стенографировать на подвешенных листках, но долго за ним не поспевал, и стенографирование отвлекало от смысла. Воспроизведу хотя бы немного, отчасти по записям, отчасти по памяти.

«Ваш текст производит очень сильное впечатление. Он прекрасно написан, передает душевное состояние человека, который видит противоречивость истории. С одной стороны, все предстает как недостойный образ, но с другой стороны, эта история была реально пережитая». Он повторил это несколько раз, приводил пример: «Я помню начало войны, когда мы все кинулись в военкоматы, в искреннем порыве защищать Родину. Потом мы узнали, сколько во всем было фальши, лжи и прочего — но ведь было и то, что мы пережили. Нельзя говорить: это правда, это ложь. Моя память живет во мне — и она живет вне меня, в некоей исторической реальности. Это коллизия всей философии памяти, и она осмыслена вами трагически. Вы замечательно передали эту боль — не хочется говорить отчаяние — боль, трагизм, страдание. Вы знаете то, что знаете, знаете, чем стало событие в ходе вашего развития. Образ не совпадает с тем, что было в прошлом... Мы с вами познакомились в 60-е годы (*на самом деле в 70-е*). Очень значительное, интересно пережитое нашим поколением время. С одной стороны, мы радовались переменам, мы легко открывались друг другу. С другой стороны, прошло 30 лет, и этот образ — не буду говорить потускнел, это индивидуально, но он изменился». И снова: «Вы пережили и передали основу и смысл истории». И еще раз о воспоминаниях начала войны. О Паустовском: это замечательный писатель, и неправильно говорить, что он описывал Колхиду, но не заметил, как «черные Маруси» увозили арестованных. Несколько раз о воспоминаниях А. Я. Гуревича: он все время разоблачает. Каким антисемитом был министр, как его преследовали. Историю не надо разоблачать...

Тут я уже не всегда улавливал ход его мысли, что-то путалось. Ему, кажется, понравилась моя «Апология лжи», но строка о том, что «восста-

новить предварительный вариант было бы, согласитесь, кощунством» вызвала у него возражение. «Какое же кощунство — восстанавливать историческую реальность?». Моих слов, что в этих словах ирония, он не воспринял. Сказал, что сейчас читает лекции на тему исторической памяти, мифа, попросил разрешения сослаться на мои стихи. Я сказал, что был бы восхищен и благодарен, если бы он выстроил свою лекцию, опираясь на цитаты из моих стихов, это была бы для меня честь. Разрешения спрашивать не надо, стихи были напечатаны. А если бы он об этом написал — я же не могу на слух запомнить все его мысли. «Никто не сможет это осмыслить, как вы»... Не знаю, воспринял ли он мой намек. Договорились, что пригласит меня на лекцию, которую посвятит этой теме, где-то в начале апреля. На том и распрощались. «Ну, мы все, кажется, обсудили, — сказал он. — Завтра не надо встречаться».

Чувствуется некоторая спутанность логики (все-таки ему под 90) — но какую блистательную лекцию (монолог) посвятил он моим стихам!

10.08.2007

Во «Второй навигации» интересные материалы о кризисе постмодернистской концепции, которая была особенно влиятельной последние два десятка лет... Георгий Степанович Кнабе пишет о другой стороне проблемы — об идентификации. Человек, неповторимый индивид, личность, вместе с тем всегда ощущает свою принадлежность к социальной и культурной общности, сознательно или подсознательно различает «свое» и «чужое». Для постмодернизма культурная традиция, принимаемая обществом как «своя», кажется чем-то предосудительным, антигуманным, несовместимым со свободным духом. Поощряется «мультикультурность», «политкорректность», отказ от стилей, традиций и пр.

«В этой ситуации инстинкт человечества властно требует того, чего нет, — той идентификации, что утрачена в цивилизации постмодерна», пишет Кнабе. Он цитирует предсказание Умберто Эко: «В сле-

дующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый или, если предпочитаете, в многоцветный континент. Нравится ли вам это или нет, но так будет». В человеке, однако, заложено знание о «своем» и «чужом», напоминает Кнабе. Миллионы «европейцев и американцев — не расисты и не ностальгирующие реакционеры; они просто хотят жить в стране своих дедов и прадедов и идентифицироваться с ней». Когда оказываются подорваны, упразднены какие-то насущные связи, человек культуры «уступает пространство истории чему-то противоположному идентификации и культуре — нетерпимости».

Это мы сейчас и наблюдаем — не всегда осознавая причины.

30.10.2008

Вчера поздно вечером посмотрели по ТВ фильм о Г. С. Кнабе. Я осознал, как давно его не видел: лицо оплыло. Ему около 90. Но выглядел бодро, говорил прекрасно (об атмосфере времени, которая определяется повседневным бытом, частной жизнью, и не совпадает с тем, о чем пишут газеты и говорит радио). Знакомая тема, я недаром много лет пользовался привилегией его частных лекций, когда мы вечерами прогуливались по Качергине, или за столом у него дома, или у меня на лоджии, когда он ко мне однажды заехал из своего ВГИКа. Сегодня я написал ему письмо, но компьютер его не принял, пришлось позвонить. Оказалось, у Г. С. действительно изменился электронный адрес, письмо я ему все-таки отправил.

16.10.2009

...Поехал в Центр русского зарубежья на презентацию альманаха «Вторая Навигация»... Пришли авторы: Померанц (я весь вечер сидел с ним рядом, немного поговорил), Кнабе, Доброхотов, Кантор, Дубин, Ахутин, в таком же порядке Блюменкранц приглашал всех выступить. Говорили весьма интересно, я пожалел, что все это осталось не записа-

но, можно было бы опубликовать, как материалы конференции. Пере- сказать не берусь, разве что наблюдение Кантора о том, что словом «На- ши» — как «бесы» у Достоевского называли членов своей организации (глава «У наших»), наименовали сейчас прикремлевскую молодежную организацию, которая устраивает разные пакостные шабаши. Большо- го для их характеристики не надо, сказал Кантор. (Странно, как другие до сих пор этого не заметили). Да еще рассуждение Кнабе о «четырех словах», которые объединяют собравшихся: «текст» (теперь без цензу- ры), «интеллигенция» (исчезнувшая или исчезающая), «Европа» (кото- рую назвал «растерянной») и — неожиданно для меня — «стиль». Это слово, сказал он, вызывает мысль не только о литературном качестве текстов, но о римском «стилосе», палочке, которой писали, т. е. остав- ляли след, и этот след оставался запечатленным. Тут у меня, грешным делом, возник вопрос: ведь стилосом писали по восковой дощечке, след его потом за ненадобностью как раз затирался. Но спрашивать, конеч- но, не стал. Приятно было видеть, как бодр Георгий Степанович.

Я, выступая, сказал, что мне, литератору, не культурологу и не фи- лософу, участие в альманахе позволило соприкоснуться с кругом идей, формирующих мироощущение, стимулирующих мысль. За несколько лет сложилось ядро более-менее постоянных авторов, среди них нема- ло близких мне лично людей, в советское время мы с ними вели много- часовые беседы на темы, которые теперь обсуждаются печатно, вспо- минал о своих долгих беседах с Померанцем, приватных лекциях Кнабе. Не знаю, велики ли у альманаха тираж — какую роль для культуры может играть деятельность небольшого круга? И помянул зацепившие меня когда-то слова Дубина о том, что культурный прорыв не может быть героизмом горстки людей, он должен сопровождаться структурными устройствами. (Творчество единиц «не порождает ни нового словаря, ни новых принципов, ни системы мысли»). А ваш «Центр Левады» (с ко- торым тоже был когда-то близко знаком), спросил я Дубина, является ли таким «структурным устройством»?..

22.03.2010

...Поздно вечером еще неожиданный звонок: Г. С. Кнабе. Трубку взяла Галя, он говорил с ней. У него проблемы с закупоркой сонных артерий, сознание иногда плывет, надо оперировать, удалить бляшку. Узнал (от кого, интересно?), что у меня была такая операция, спрашивал о моем опыте. Но ему 90 лет, трудно советовать. При всем том работает по утрам, хотя быстро устает. Галя меня к телефону не стала звать, почувствовала, что он под конец разговора устал.

23.03.2010

Позвонил Кнабе: не поделитесь ли вы своими впечатлениями об операции, не со мной, а моим врачом? Я сказал: ну, дайте ему мой телефон, я все расскажу, если ему интересно. Вы хотите, чтобы он вам позвонил? — он немного смутился. Сказал, что даст врачу мой телефон. Тот, конечно, не позвонил. Почему он подумал, что врачу могут быть интересны мои впечатления? Не может решиться на операцию, я в 90 лет тоже бы не решился. Грустно — и как близко! Речь уже немного плывущая.

01.12.2011

...Умер Г. С. Кнабе, на 92-м году жизни. Узнал я об этом случайно, сообщили только на сайте «Свободы». Баткин в некрологе сказал, что как человек Георгий Степанович был значительней того, что он писал. (Хотя и писал прекрасно.) Один из существенных для меня людей.

Фанни Исааковна ХОЛМЯНСКАЯ

О ГЕОРГИИ СТЕПАНОВИЧЕ

Мы познакомились в 1965 году. Дело было так. Друзья мужа, архитекторы Владимир Леонидович Пашковский и его жена Зоя Васильевна Петунина, советовали нам провести отпуск в Ниде, на Куршской косе. Это место стало популярным среди архитекторов из-за уникальной природы, песчаных дюн, богатых грибами лесов, рыбалки. Зоя Васильевна нашла и сняла нам комнату. Перед отъездом нам необходимо было «пристроить в хорошие руки» абонементы на предстоящий Московский фестиваль заграничных фильмов. Мой муж Лев Моисеевич Холмянский (1917–1997) позвонил Сергею Павловичу Гиждеу, и тот с благодарностью согласился взять абонементы. Узнав, что мы едем в Ниду, С. П. попросил нас передать отдохавшей там его жене Ирине Евгеньевне Даниловой (доктор искусствоведения, зам. директора ГМИИ им. А. С. Пушкина) небольшую посылочку. И. Е., как и мой муж, преподавала тогда в Строгановском училище. Наши семьи дружили.

В начале июля вечером я с десятилетним сыном Мишей добралась до снятого нам жилья. Лев должен был присоединиться к нам позднее — его ждала туристическая поездка с группой архитекторов в Бельгию и Голландию. Комната, в которой нам предстояло жить, имела площадь не более 10 метров. В ней была дверь, выходящая на огород, по обе стороны от нее две кровати, справа от двери окошко, перед ним небольшой столик. Помнится, был еще сзади какой-то шкаф. Удобства располагались в конце огорода, водопроводный кран

и газовая плита на кухне у хозяйки тети Паши. Она владела половиной одноэтажного деревянного дома на главной улице напротив магазина. Во второй половине дома жила поня (*литовский вариант «госпожа», как в украинском «пани» — ред.*) Эльвира с мужем-рыбаком, горьким пьяницей.

Наутро по приезде мы вышли из дома, захватив с собой посылку. Дом, где жила И. Е. с 16-летним сыном Никитой, оказался рядом с нашим. Но мы их не застали, они ушли завтракать в столовую, которая находилась недалеко на той же улице. Там в очереди на раздачу мы увидели стоящих с подносами Ирину Евгеньевну и Никиту. Мы подошли, поговорили с ними и передали посылочку, после чего встали в ту же очередь.

Позавтракав, мы с Мишей решили прогуляться. На улице к нам подошли и, извинившись, представились друзья Ирины Евгеньевны, которые стояли в той же очереди, но она их с нами почему-то не признала. Это были Георгий Степанович Кнабе и его жена Ревекка Борисовна. Они предложили показать нам достопримечательности Ниды. Георгий Степанович был в шортах, что было необычным в то время. Р. Б., красивая, темноволосая, похожая на испанку — так почему-то я решила.

В качестве одной из достопримечательностей нам был показан холм, с которого можно было видеть одновременно Балтийское море и залив, отделяющий Куршскую косу от материка.

Любуясь морем, Георгий Степанович произнес какую-то красноречивую фразу о Нептуне, которого можно представить проносащимся на колеснице. И вдруг в разговор вступил Миша, возражая, что, мол, Нептун обитал не на поверхности моря, а в его глубине. Возник диспут. Запомнился сам факт.

Что я еще могу рассказать о встречах с Г. С. в Ниде? Немного. Потому что, во-первых, мое пребывание там ограничилось четырьмя неделями моего отпуска, а у прибывшего после заграничной поездки Льва, Ирины Евгеньевны и Георгия Степановича отпуска как у препода-

давателей были вдвое больше. Во-вторых, в Ниде отдыхало тогда много знакомых, и мы проводили время и с ними: ходили в лес по грибы, катались на лодке, ловили рыбу (главным образом, дети). С семьей Кнабе и Ириной Евгеньевной мы посетили «дачу Томаса Манна» в Юодкранте. Подробиностей в памяти не сохранилось.

Помню такой случай: какой-то литовец (из местных жителей, или, скорее, из отдыхающих), встречая Георгия Степановича, по какому-то недоразумению, видимо, здоровался с ним по-литовски и вступал в светский разговор. Г. С., наряду со многими другими языками, владел и литовским. Кроме того, у него были литовские корни. В описываемое время он занимался сравнительным языкознанием, и литовский язык имел при этом большое значение. Георгия Степановича сложившаяся ситуация забавляла, но как-то раз в разговоре произошла заминка. Он забыл какое-то слово, что на его собеседника произвело очень неприятное впечатление. Георгий Степанович с огорчением рассказал об этом.

После приезда в Москву мы стали довольно часто встречаться. Это были совместные прогулки по Москве, обычно тематические. Г. С. отлично знал Москву и ее историю. В районе Арбата мог много рассказать почти о каждом доме. Лева комментировал как архитектор. Были выходы на природу. Кнабе тогда, по-видимому, недавно поженились и снимали комнату. Мы в ней никогда не бывали, да и у нас в коммуналке в Слесарном переулке я их не помню. Несколько раз после прогулки заходили в какой-нибудь ресторан. Помню какой-то индийский ресторан на Чистопрудном бульваре, рекомендованный Георгием Степановичем. Какой-то ресторан на ВДНХ, где гардеробщиком оказался наш сосед по дому, живший в квартире напротив, бывший тюремный надзиратель.

Раньше нас задумались о вступлении в жилищный кооператив Кнабе. Когда они получили небольшую двухкомнатную квартиру в доме кинематографистов на ул. Черняховского, Лева давал советы по планировке, порекомендовал для изготовления книжного стеллажа Геннадия, столяра из Строгановского училища.

Въехав в мае 1969 г. в кооперативную квартиру на Большой Черкизовской, мы стали регулярно встречаться по вечерам то у нас, то у них. Была заключена конвенция, сформулированная Георгием Степановичем: гостям должен был предлагаться обычный ужин, только рассчитанный на большее число едоков. Насчет количества гостей Г. С. придерживался такой точки зрения: большое шумное застолье не дает возможности поговорить по-настоящему. Поэтому у них в гостях мы никого из их друзей, как правило, не встречали. И сами на дни рождения и другие родственные праздники их не приглашали. Мы, помню, познакомили их с другом Левы, математиком, доктором наук Робертом Эльюкимовичем Виноградом, который потом уехал с семьей в США. Г. С. с Р. Б. и мы несколько раз встречались дома у Виноградов. Помню ожесточенный спор между Робертом и Г. С. Роберт возражал против методов познания путем построения схем, моделей на основании обобщения недостаточного количества фактов. Считал это некорректным, недостоверным. Помню его фразу о том, что не исключено, что самые умные люди не оставили письменных источников — промолчали.

С согласия Георгия Степановича и Р. Б. мы как-то свели их у нас за столом с Валерией Петровной Негруль, заведующей библиотекой на Соколе, и физиком Лидием Григорьевичем Клещельским. После Г. С. охарактеризовал их как людей «центровых» (его выражение), т. е. находящихся в гуще культурных событий.

В 1974 Г. С. и Р. Б. предложили нам провести вместе с ними лето в Отепя, в доме, где у них была уже снята комната и сдавалась другая. Не скрою, мы задумались. Осознавая громадную образованность и ум Георгия Степановича, ставя его очень высоко, мы не раз между собой обсуждали, что он может находить в нашем скромном обществе. И опасались, что такое близкое и длительное соседство его в нас разочарует. Однако согласились.

Отепя — это живописный городок на юге Эстонии, холмы, озера, своеобразные одноэтажные дома, ухоженные улицы. Оказались мы

на его окраине, сразу за домом пастора-женщины. У нас с девятнадцатилетним сыном Мишей и семьей Кнабе был отдельный от хозяйки вход. В нашем общем пользовании имелся чуланчик с рукомойником и электрочайником. В качестве холодильника служили 2 ступени лестницы, ведущей в подвал. Наша хозяйка фрау Йоханна, не говорившая по-русски, называла эти ступеньки «саратофф». Общаться с ней мы могли только по-немецки. Т. к. завтракать и ужинать нам приходилось в чуланчике по очереди и это было очень неудобно, мы слевой сделали там перестановку, в результате все пятеро смогли разместиться за столиком, правда, Миша сидел спиной впритык к рукомойнику. Георгий Степанович регулярно пытался поменяться с ним местами, но безуспешно.

Фрау Йоханна проявляла по отношению к нам доселе нами невиданное внимание и деликатность. Постельное белье менялось регулярно, обычно в наше отсутствие, при этом одеяла и подушки проветривались. Ежедневно, возвращаясь с прогулки, мы заставляли у себя в комнате букет свежих цветов, подобранных с большим вкусом.

Обедали мы в столовой самообслуживания недалеко от дома, иногда предпринимали сорокаминутный поход по лесу до ресторана на берегу живописного озера Пюхаярв. Там можно было совместить обед с купаньем. Но мы из-за многолюдства предпочитали Пюхаярв маленькие озера. Бывало, дойдя до какого-нибудь озерца и увидев, что там кто-то купается, мы отправлялись на поиски другого.

Знакомых у нас в Отепя почти не было. Где-то за озером Пюхаярв снимала дачу библиотечарь Дома архитектора Раиса Леоновна Сагал, посещал нас бывший ученик Г. С. во ВГИКе Ефим Самойлович Левин. Помню специальный поход «по землянику для Фимы Левина». У него была болезнь почек, и была рекомендована земляника.

Тихую жизнь в Отепя омрачало большое количество спортсменов разного толка. Мимо нашего дома с шумом проносились молодцы на роликовых лыжах. Г. С. называл их «ушкуйниками». По вечерам мы обычно совершали прогулку на «траамплинн» (так на местный лад мы

говорили). Дорога пролегла между полями, нас неизменно сопровождал хозяйский песик по имени Пиф. Он любил кататься по верхней части трамплина.

Как-то на этой прогулке Г. С. предложил игру. Он изображал собой какое-нибудь известное произведение искусства, а мы отгадывали. Помнится почему-то княжна Тараканова.

В кирхе давались платные концерты органной музыки, и мы их посещали.

Еще вспоминаю, что как-то Г. С. поведал нам, что он умрет 56 лет от роду, как его отец, и привел убедительные с его точки зрения доказательства (он похож на отца, у него тоже плохое сердце и проч.). Я безоговорочно поверила и очень огорчилась.

Август следующего года мы вдвоем слевой провели в той же комнате, вместо Кнабе там была какая-то пара. На половине фрау Йоханны жила актриса из московского ТЮЗа, вдова композитора Ракова, с которой мы подружились.

В августе 1974 г., когда меня с Мишей уже не было в Отепя, у Ревекки Борисовны случился сильнейший приступ радикулита, она не могла передвигаться. Г. С. и Лева переносили ее на руках. На такси доставили ее в Таллинн, оттуда Кнабе улетели в Москву. А Лев остался один ночью в Таллинне.

Рассказывая мне потом об этой эпопее, он отмечал, что Г. С. вел себя с удивительным мужеством и спокойствием.

Из совместных экскурсий по стране помню две: в Калинин и Торжок с родней Р. Б., двоюродным братом Эриком, его женой Кити Лазаревной и ее родственницей Зорей с мужем, а также поездку в мой родной город Смоленск в начале лета 1975 г.

В 1978 г. мы узнали от Г. С. о замечательном месте отдыха недалеко от Каунаса, где сочетаются прекрасная природа, удобства и небольшое число приезжих. Отдыхавшие там знакомые Георгия Степановича решили для защиты этого поселка от наплыва отдыхающих никому о нем не рассказывать. Так что нам была снята комната в Качергине

с разрешения этих людей, и с нас было взято соответствующее обещание.

Должна признаться, что мне эти меры показались наивными, и то ли поэтому, а скорее просто по забывчивости, когда моя подруга Евгения Григорьевна Спектор попросила меня снять ей комнату, я это сделала.

Не могу забыть реакцию Георгия Степановича на мой проступок. Он отозвал меня в сторону и суровым тоном отчитал.

Качергине действительно оказалось райским местом. Расположенное на берегу Немана, оно состояло из красивых двухэтажных особняков с цветниками и затейливыми оградами. Леса вокруг были полны грибов и ягод. В наличии был даже настоящий ресторан с прекрасной литовской кухней. Походы в лес сменялись поездками по окрестностям и, разумеется, в Каунас.

Кнабе привезли с собой пишущую машинку. Ревекке Борисовне нужно было, помнится, заканчивать какой-то перевод. Поэтому в Каунас мы часто ездили одни. Лева рисовал. Свидетельство этому — работы, подписанные 1978 годом. В условленный час мы с ним встречались и шли обедать.

Наш дом стоял на берегу Немана. Чтобы выкупаться, нужно было пройти огород. Кнабе занимали комнату на втором этаже, мы на первом. Имелись ванная и туалет. Хозяйка Микася была завхозом в школе, ее муж Альбинас — там же истопником. Его официальная работа не требовала больших затрат времени. Основным его занятием была сварка. На участке имелась мастерская со сварочным аппаратом. Электричество оплачивалось школой. Все окрестные ограды были делом рук Альбинаса. На участке имелся и гараж с машиной.

Георгий Степанович делился с нами своими наблюдениями над тем, как местные жители успешно сосуществуют с советской властью, ухитряясь завести какую-нибудь государственную должность, отдавать ей минимум времени и сил, а сосредотачиваться на своем хозяйстве и других способах зарабатывания денег. Например, соседка поня

Оля Коваляускене трудилась уборщицей в клубе. Своим обязанностям она отдавала часа полтора, и то не каждый день. Ее дочери, имевшие каждая по прекрасному двухэтажному дому по соседству, числились одна на почте, другая в сберкассе. Придя, например, на почту, вы могли увидеть на запертой двери записочку, что сотрудник у себя дома, надо его позвать.

Нашей хозяйке завидовали, объясняли ее возможности членством в партии.

Из знакомых Георгия Степановича, отдохавших в Качергине, помню математиков, братьев-близнецов Ягломов Исю и Кику (так их звал Г. С.) с семьями. Был еще молодой писатель Марк Харитонов. Он жил с двумя детьми, мальчиком и девочкой, у дочери пони Оли. Его жена осталась в Москве с новорожденным младенцем.

На другом берегу Немана нас манил город Раудондварис. Автобусы от нас туда не ходили. Георгий Степанович договорился с Марком Харитоновым, чтобы тот попросил у своего хозяина лодку и перевез нас на другой берег. Что и было сделано. Пришел босой Харитонов. Мы вшестером — Кнабе, мы, моя подруга Женя с племянницей Ирой — и Харитонов с детьми сели в лодку и были переправлены. Харитоновы отплыли обратно. Мы же провели целый день в Раудондварисе и через Каунас вернулись автобусом.

Кнабе познакомились в Качергине с местным зубным врачом-женщиной. Они как-то сошлись с ней, бывали у нее в гостях, рассказывали потом о своих впечатлениях.

В 1981 г. мы также провели июль в Качергине. Кнабе по-прежнему жили у Микаси, а мы в соседнем доме у пони Оли. Нам слевой пришло в голову записывать беседы с Г. С. Мы завели для этого тетрадку. Вернувшись к себе, делали в ней записи. Теперь тетрадка вместе с архивом Льва находится в РГАЛИ: личный фонд № 3372 «Холмянский Лев Моисеевич (1917–1997) — архитектор».

Не вспомню, в каком году (в восьмидесятые годы?) Георгий Степанович перенес операцию удаления желчного пузыря. Сделал ее

хирург Юлий Зусманович Крейндли (писатель Юлий Крелин), положив его к себе в больницу. У Ревекки Борисовны в это время был очередной приступ радикулита. Она навещать мужа не могла. Лев приехал после операции, Г. С. лежал не в палате, а в кабинете доктора. Ужаснувшись грязи под ногами, Лев попросил у сестер ведро и тряпку и вымыл пол.

В исторический вечер 3 октября 1993 г. Г. С. и Р. Б. были у нас в гостях. Во время мирного ужина раздался телефонный звонок — Марина, наша невестка, посоветовала включить телевизор. Мы увидели многократно потом показывавшуюся картину — мчавшихся на грузовиках к Останкину разъяренных, матерящихся макашовцев. Мы уговорили Кнабе остаться у нас и всю ночь наблюдали за последующими событиями. Чтобы снять напряжение, Лева показывал нам цветные слайды, снятые им в путешествиях.

Вот и все, что мне вспомнилось о нашей дружбе. После смерти моего мужа Г. С. и Р. Б. активно и заинтересованно помогали в работе по изучению и популяризации его наследия, за что я им безмерно благодарна.

Москва, март 2012

Приложение.

Письмо от Р. Б. и Г. С. от 05.08.1985, сохранившееся в архиве семьи Холмянских. Подлинник в РГАЛИ — фонд № 3372.

05.08.1985

Дорогие друзья!

Сегодня получили Ваше письмо от 29.7. Меня поразило наше с Вами, Лев Моисеевич, «родство душ»: ведь я тоже только что прочла статьи Т. Манна, почти те же, что и Вы. Должна сказать, что статья «Гете и Толстой» мне лично не дала ничего — все, что он пишет о Толстом

(самолюбие, «я в центре», неумение любить, провинциальное оригинальничанье и пр.), было мне известно давно и без Т. Манна, а то, что о Гете — очень все же далеко и потому несколько скучно.

Не то со статьей «Роман одного романа». Ее я прочла с увлечением, в ней — вся Европа, вся бюргерская великая культура. То, что Вы пишете о гравюрах Дюрера, очень меня интересует. Ни одной из тех гравюр, которые упоминаются в «Фаустусе» и в статье, я не видела, тем более той, где «портрет» отца Леверкюна. Сам же роман — бездна, океан, погружаешься и страшно — не выплывешь. В частности, произвело сильное впечатление описание песен на слова Brentano и Китса. Он пишет только на настоящие стихи, истинно национальные, давно ставшие народными; он пишет с ужасающе утонченной, изощреннейшей простотой, и в давно известных стихах раскрываются слушателю неизвестные дотоле и в то же время родные глубины. Так вот — все это — пророчество, потому что сейчас так пишет Сильвестров.

Что у нас? Г. С. вернулся позавчера, сегодня уже сидит за столом — работает. У меня работы нет, это нервнует, но ничего не поделаешь. Вышла книжка Астуриаса, где я кое-что переводила, — переиздание. Г. С. привез мне книгу А. Марченко о Лермонтове — я еще не читала — голова болит, но об этой книжке довольно много шумели. Не помню, писала ли я Вам, что прочла письма Лермонтова (впервые), статью о нем Мережковского и перечла его прозу и драмы. Теперь вот прочту Марченко. Пока что мое впечатление таково: Лермонтов не успел созреть, может быть, он стал бы вторым Пушкиным, так как ум почти Чаадаевский, а слог — почти Пушкинский. Но все это не успело развиваться, так как по молодости заслонялось пустяками — романами, стремлением блистать в обществе, детским самолюбием, детским же желанием «испугать». Подумайте: каков сюжет «Героя нашего времени» или «Маскарада» — ведь это для детей младшего возраста! («Но сам без слез и сожалений две наши жизни разорву» и т. п.). Но ум-то, ум-то каков! («Прощай, немытая Россия» или «невольник чести» — гениальная точность.) Жаль, что не созрел.

Да, что касается пения канонов со скотницей, то, мне кажется, Ваш Дима¹ несколько ошибся — в детстве я с мамой и папой пела такие каноны, т. е. один поет первую строчку, второй начинает с первой (а первый продолжает), третий вступает с первой же (а те продолжают свое). Получается очень красиво, но это нетрудно.

Портреты, Вами подаренные, уже висят на своих местах, что очень меня радует.

Спасибо за вырезку о Никитиных.

В Пущине Г. С. познакомился с художницей, она делала с него наброски, хочет писать портрет. Он привез эти наброски, они не имеют ни малейшего сходства с оригиналом, а главное — в них нет *образа*. То ли дело тот портрет, что Вы рисовали в Отепя! Г. С. рассердился, что я так критически отнеслась к этим штудиям, и разорвал их, зря, конечно, но Вы ведь знаете — он неукротим.

Желаю Вам хорошей погоды, славного купания в море прохладном, а чернику, мне кажется, собирать не стоит, она растет в сырых местах, дышать болотными испарениями, да еще и на кости они садятся — Бог с ней, с черникой. Дальше будет писать Г. С., а я кланяюсь и еще раз шлю наилучшие пожелания Вам обоим.

Ваша Р.

Что же касается Вашего Г. К., то я провел месяц в Пущине, чередуя периоды высококомфортной скуки во время дождей (каковых было 18 дней из 30) и усладительные прогулки в лес в остальное время. Там вообще хорошо, но становится немного суетно. За 11 лет, что мы туда ездим, я оброс кучей знакомых среди туземцев, в гостинице живут Бахмутские и еще одна чета вгиковских преподавателей, рядом с гостиницей Гуревичи, без конца приезжают киногруппы, где каждый третий — бывший вгиковец, т. е. знакомый, и т. д. Это создает несколько чрезмерно светскую атмосферу и не дает вкусить сладкой меланхолии

---

¹ Дмитрий Федорович Терехов, художник. — (Ред.).

одинокости на лоне природы наедине с книгами и мыслями — «Прогулки, чтение, сон глубокий, лесная сень, сверканье струй» и т. д. Насколько я там отдохнул, сказать трудно — год покажет.

Из тамошних книжных впечатлений самое сильное одно — «Кассандра» ГДРовской писательницы Кристи Вольф. Встретимся, постараюсь о ней рассказать. Здесь я включился в дела — никак не разберемся с последствиями ремонта. Пересматриваю библиотеку, отбираю книги для продажи, и они горами валяются на полу, что-то не кончено здесь, что-то там, но в общем мы бодры, довольны и ждем Ваших писем.

Г. Кнабе

проф. Герхард ШАУМАНН

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИИ СТЕПАНОВИЧЕ КНАБЕ

Э то было, пожалуй, летом 1960 года, когда я впервые встретил Георгия Степановича. Я должен был передать привет от моей коллеги ее подруге. Их дружба имела долгую историю. Еще в начале 30-х годов немецкая и русская школьницы учились вместе в московской школе. Удивительным образом они нашли друг друга после войны, в сталинское время, когда вынуждены были прерваться все контакты.

Я представился как славист из ГДР. Частные визиты из-за границы были тогда редкостью. Очевидно, поводом было то, что Китти Букштайн, она, собственно, и была подругой моей коллеги, устроила тогда прием и пригласила много знакомых. Им определенно было интересно что-нибудь услышать о социалистической Германии. Там была душевная, дружелюбная обстановка, ели, пили, и мне вспоминаются разные обсуждения и долгие разговоры.

Я больше всего общался с оказавшимся в этом обществе немцем, немецким евреем, который эмигрировал со своими родителями из гитлеровской Германии в Советский Союз. А после женитьбы там и остался навсегда. Его семья происходила из Геры, у его отца была там своя часовая мастерская. Когда он узнал, что я тоже родом из Геры, стал мне

рассказывать о своем детстве, задавать вопросы. Как выглядит сегодня этот кинотеатр, или торговый дом Тица. Я ему подробно отвечал на подобные вопросы. Радость услышать о знакомых и любимых местах превышала чувства, связанные с изгнанием из тех мест.

50–60-е годы были временем оттепели в Советском Союзе. Тогда Илья Эренбург опубликовал свой роман об изменениях политического климата, и назвал его «Оттепель». После смерти Сталина и прежде всего после 19 съезда КПСС обрушились стена молчания. Однако люди в большинстве своем были еще очень сдержанны в высказывании своих политических взглядов. Открытые политические дискуссии только начинались. Тогда же появился роман Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», где он писал о жестокости войны и ложном романтизировании ее. В журнале «Новый мир» появился рассказ о поездке в США русских интеллектуалов, писателей и художников. Это было новым явлением, до этого представить себе такие поездки на Запад было невозможно. Эти репортажи нашли широкий отклик, так как они содержали переживания, впечатления и размышления, что своей объективностью и наблюдательностью так отличались от распространенного прежде черно-белого восприятия мира и картин Америки и Западного мира.

В этот вечер эти репортажи обсуждали с необычайным интересом. Дискуссия затрагивала, естественно, и актуальные для страны вопросы, и вопросы ее будущего. Кроме хозяев, она врач, он инженер, мне запомнился один человек. Крепкий высокий моложавый человек лет сорока, на которого на протяжении всего вечера то и дело обращались взгляды. Он воспринимался как некий ведущий, независимый и знающий. Он говорил весомо. Его высказывания убеждали последовательностью и логикой. Он заострял вопросы и произносил их с ударением. Это был Георгий Степанович Кнабе.

Я познакомился с ним и его женой Ритой. Мы разговаривали о немецкой литературе. Это было скорее знакомство с литературными ин-

тересами, предпочтениями среди авторов прошлого и современной литературы, чем серьезный обмен мнениями. Мы общались как по-русски, так и по-немецки. Георгий Степанович говорил на превосходном литературном немецком, в некоторых оборотах речи порой узнавалось литературное влияние.

В 90-х годах я написал ему в письме о путешествии по Италии. Он ответил и поблагодарил за «итальянский отчет». Это обозначение перекликалось с парижским отчетом («Pariser Rechenschaft») Томаса Манна. Он заимствовал это (естественно, только слово) не преминув при этом спросить, женского ли рода слово Rechenschaft, ведь по аналогии должно быть «italienischer Rechenschaft». В этом проявилась одна особенность его характера — узнавать точно, смотреть в корень вещей, даже если это касалось мелочей. В этом я мог ему помочь. Он, ставший после войны преподавателем английского, французского и латыни, обрел через языки и литературу понимание национальных культур.

У Георгия Степановича были, как уже свидетельствует его фамилия, немецкие предки. Однажды он сказал, что предположительно они происходили из района Дессау, а оттуда прибыли в XIX веке через Швецию в Россию. Это не было темой разговоров. Но у Георгия Степановича чувствовался особый интерес к Германии и особого рода симпатия. Мне показалось, что он открылся в Германии во всех смыслах всем переживаниям, которых он ожидал прямо-таки со страстным нетерпением, и впечатлениям, что он тут получил.

Он чувствовал себя дома в истории России и ее традициях. Одновременно он был открыт миру. Его жизнь и его творчество охватывали и то, и другое. Он включал их в продуктивное взаимодействие. Прекрасный пример этого — его работа «Русская античность», в которой он представил «содержание, роль, и развитие античного насле-

дия в русской культуре». (Однако вряд ли он бы хотел быть назван патриотом).

Наша переписка, длившаяся четыре десятилетия, основывалась на общих интересах. Это были, прежде всего, литература, театр, кино. Мы рассказывали друг другу о важных новинках, о вышедших книгах. Среди авторов были Гарсиа Маркес, Умберто Эко, книги Генриха Белля и Христы Вольф, стихи Самойлова и, естественно, Булат Окуджава, фильмы Феллини и Тарковского. Мы посылали друг другу книги. Первая книга, что я послал Георгию Степановичу — «Нас было пятеро» Виктора Манна — вышла в ГДР в 1961 году. Георгий Степанович был безмерно рад. Здесь был новый взгляд на всегда интересовавшую его семью Маннов. Книга Виктора Манна была ему важна еще и потому, что в ней обнаруживается повседневность жизни семьи и родственные взаимоотношения. Он читал книгу с точки зрения исследователя и открывателя, как описание «семиотики повседневности». В 1968 году вышла его книга «Древний Рим — история и повседневность». Он прислал мне её с надписью: «Не для чтения, но на память как знак дружеских чувств». Я прочел с удовольствием эту замечательную книгу, восхищаясь тем, как он открывал существо повседневности через строительство, памятники, рельефы и стенную роспись. Георгий Степанович сознательно назвал эту книгу скромно «очерки». Но то, как он распознавал (открывал) по одежде римлян, по тому, как они ее носили, по их прическам социальные и межличностные отношения, это занятно и поучительно.

Георгий Степанович с Ревеккой Борисовной посетили нас несколько раз в ГДР между 1970 и 1990 годами. Здесь он, человек с взглядом историка, знаток еще существующих и исчезающих традиций, нашел многое из того, что подтвердило и углубило его знания о Германии и немцах. Тюрингию и Харц, которые мы посетили вместе, он воспринял как характерный немецкий ландшафт, независимо от идеологии и политического положения. Его интересовали как старинные города,

так и небольшие деревенские поселки. Его очень впечатлила их структура и собственный уклад. Он был в восторге от того, что мы можем из нашей деревни менее чем за час добраться до театра в Гере, чтобы послушать замечательную постановку оперы Гуно «Фауст».

Однажды, когда мы ехали по одной деревне, моя жена заметила вскользь, что здесь живет один из ее учеников. И этот четырнадцатилетний парень сказал ей недавно, что собирается здесь остаться и построить себе дом. Это сообщение очень обрадовало Георгия Степановича. Он расценил такой образ мысли как подтверждение «идентичности», являющейся предпосылкой для сохранения традиций и обязательной для рационального человеческого существования. Был у нас и другой, запомнившийся ему эпизод, когда мы завернули в деревенский трактирчик и заказали пиво, к нам подошли три человека и громко постучали пальцами по столу. На его вопрос об этом я ответил, что у нас существует такой обычай, включать присутствующих гостей в свой круг и таким образом демонстрировать им свое дружелюбие и равенство. Такая форма человеческих взаимоотношений, безусловного доброжелательства, укрепила его надежду на то, что эти традиции сохранятся и в будущем.

Определенно, нельзя упрощенно обобщать эти прекрасные впечатления, полученные Георгием Степановичем от общения с немцами. Однако, как мне показалось, они укрепили его надежду, что существует естественное сопротивление отчуждению, утрате традиций, обращению с культурой как с товаром. Георгий Степанович был знаток и поклонник немецкой культуры, можно было бы его назвать германофилом. В письме от 29 декабря 2001 года он написал, он чувствует себя дома кроме России только в Германии. Как объяснить эту безоговорочную симпатию к Германии? Георгий Степанович хорошо знал историю Германии и ее бездны. В 1996 году у него стали даже появляться мысли об эмиграции в Германию. Мы, к сожалению, никогда

не говорили об этом противоречии между его чувствами и реальной картиной истории немцев, прежде всего недавней истории.

После 1990 года Георгий Степанович познакомился и с другими европейскими странами. Он выступал с лекциями в Италии, Англии и Франции, и также в объединенной Германии. Он увидел своими глазами и почувствовал то, о чем раньше только слышал и читал. Западная Европа открылась ему. Он знакомился с культурными ландшафтами, ощутил темп и лихорадку крупных городов и их мультикультурное многообразие. Но он ездил не только в знаменитые, но и в неизвестные маленькие городки, и беседовал с их жителями. Здесь он нашел подтверждение тому, что считал необходимой предпосылкой как для национальной, так и для межнациональной культуры: социальная межличностная коммуникация, стабильность общин. Он основывался, это было его убеждением, на жажде идентификации и ее реализации. В этом он видел обязательный момент сознания *homo sapiens*. Цельности европейской культуры, считал он, угрожает политическая и экономическая глобализация. Фундаментализм и бесконтрольная миграция. Прогрессирующее нивелирование чувств и мыслей посредством индустрии культуры разрушает различие «свой-чужой». В постмодернизме и провозглашенном им мультикультурализме он обнаруживал роковое крушение европейской культурной традиции, с которым он не мог согласиться. Поэтому, так он написал однажды, это важнейшая проблема современной культуры, ее самооценка как рационально создаваемой и исторически обоснованной традиции.

В последние годы наша переписка сильно сократилась. Состояние его здоровья ухудшалось и затрудняло ему работу. Очень тяжело перенес он утрату жены. Ему не хватало Риты не только как домашней хозяйки, но и как собеседника в его работе. В мае 2010 я получил электронное сообщение: «Дорогой Герхард. Я чувствую себя скверно. Через пару месяцев мне исполнится 90, и я в сомнениях, буду ли я способен

продолжать нашу переписку. Я Вам сердечно благодарен за все, что Вы мне рассказали о Германии, о немцах и Западной Европе. И за теплый прием, что мы с Ритой нашли в Вашем доме. Сердечный привет Карин. Благополучия Вам. Кнабе».

Это было его прощальное письмо, если даже не прощание с миром. Георгий Степанович боролся с болезнью и прожил еще полтора года. Предполагаю, что он до последнего, определенно не без скепсиса, но и не без надежды, обдумывал вопросы европейской культуры и ее будущего, которой он был так увлечен.

*Герхард Шауманн
Таутенбург, 18 ноября 2012 г.*

Кэтрин ЮДЕЛЬСОН

О Г. С. КНАБЕ

Неожиданную мою встречу с учёным Г. С. Кнабе можно считать большим счастьем. В конце 90-х годов мне позвонили из университета нашего города, Саутгемптона, и попросили приютить на две недели историка и культуролога, Георгия Степановича Кнабе. До этого мне никогда не приходилось встречаться с культурологом, а я люблю расширять свои горизонты! Моему мужу, бывшему москвичу, всегда было приятно принимать гостей из любой точки бывшего Союза, а из Москвы тем более. Обычно к нам отправляли археологов, но в тот раз прибыл культуролог. Первое, что меня поразило в нашем госте, это его любознательность по отношению к британцам, не важно, чем бы они ни занимались, и к какому бы слою общества они ни принадлежали, — хотя, этот интерес как раз то, что, пожалуй, можно было ожидать от культуролога!

Он спал в скромной спальне нашего дома на втором этаже и оттуда наблюдал, как протекала жизнь пожилой пары, живущей в доме напротив, и мне потом задавал много вопросов о них и их образе жизни. Пока он жил у нас, Георгий Степанович также очень хотел побеседовать с интеллигентным консерватором. Здесь мне труднее было ему помочь. Без исключения все интеллигентные люди (или даже полуинтеллигентные), которых я знаю и знала, всегда голосуют и голосовали за другие партии, не за консерваторов. Всё то время пока Георгий Степанович был у нас, и я, и представители исторического факультета, искали, но не находили подходящей кандидатуры! После его отъезда

мне удалось познакомить нашего гостя хотя бы с произведениями одного интеллигентного консерватора, теперешнего мэра Лондона, Бориса Джонсона. Он как раз написал сразу после пребывания Георгия Степановича в Англии книгу, в которой он сравнивал римскую империю и Евросоюз. Эту книгу я приобрела для Георгия Степановича, и он её с интересом прочел, несмотря на то, что книга была рассчитана скорее на широкую, чем на учёную публику. Каждый раз, когда я приезжала в Москву, он всегда спрашивал, как поживает лондонский Борис (не Березовский!).

Будучи уже немолодым человеком и долгое время лишённым возможности путешествовать, Георгий Степанович, приезжая в Англию, очень хотел как можно лучше использовать отпущенное ему время. Он приезжал к нам в город Саутгемптон хорошо подготовленным, заранее зная, какие римские памятники находятся недалеко от нас. Мне доставляло большое удовольствие вместе с ним посмотреть, например, руины римского дворца рядом с деревней Фишбурн, куда я его возила два раза. Он был в восторге и от дворца, и от того, как оформили музей вокруг руин и над ними. Он был также хорошо подготовлен к поездке в нашу столицу, куда я его тоже сопровождала. Он мне сообщил: «В Лондоне мне нужно посмотреть три вещи». Речь шла о выставке картин Прерафаэлитов, сверхсовременном здании страховой фирмы Ллойда и храме Митры, где молились в своё время римские солдаты.

Я разработала маршрут, чтобы мы имели возможность побывать в этих трёх местах с минимальными усилиями, так как и тогда Георгий Степанович уже имел проблемы с сердцем. Сначала в галерею, потом в Сити и в конце к храму Митры. После третьей достопримечательности Георгий Степанович тихо, но твёрдо объявил: «Спасибо, но сейчас нужно домой».

Меня очень интриговал акцент Георгия Степановича, когда он говорил на английском. Это была смесь английского и американского акцентов ровно пополам. Он мне потом объяснил, что во время войны,

после того как он был ранен и потерял зрение в одном глазу, он был вынужден долго работать вместе с одним англичанином и одним американцем до конца войны, каждый день, с утра до вечера, когда они записывали и переводили новости радиопередач двух союзников — США и Англии.

Георгий Степанович сочетал в себе глубокий интерес к истории и большую любознательность в отношении современного мира. Данный мир он знал очень хорошо, хотя редко имел возможности по нему путешествовать, и он значительно больше знал о современной музыке, чем я, хотя я, «дитя» шестидесятых годов, была на 30 лет моложе!

После приятного и интересного общения тогда с Георгием Степановичем я всегда навещала его, когда бывала в Москве по работе — один или два раза в год. Для меня всегда было и приятно, и поучительно беседовать за чаем с Георгием Степановичем и с его супругой в Москве. Пока у Георгия Степановича было достаточно сил и здоровья, очень хотелось с ним ещё раз в Англии повидаться и познакомить его непосредственно с нашими римскими памятниками. С этой целью я пригласила и его и Ревекку Борисовну к себе по частному приглашению. Чтобы они чувствовали себя более свободно и независимо, я их разместила в начале визита на несколько дней в бывшем доме моей матери, тогда ещё принадлежавшем моей семье, который находился в очень красивом старинном городе, Чичестере, недалеко от любимого Георгием Степановичем римского дворца в Фишбурне. Там, по-моему, и ему, и его супруге было приятно и интересно гулять и знакомиться с этим городом, являющимся образцом архитектуры второй половины 18-ого века. После этого мне ещё удалось устроить им ночлег в Лондоне и поход в уникальный шекспировский театр Глобус, где они посмотрели спектакль.

К сожалению, сразу после этого, Ревекка Борисовна заболела, и дальнейшие планы наши расстроились. Георгий Степанович так мечтал о посещении стены Адриана на нашем севере... Как всегда, он был галантным и заботливым мужем, и тут же сделал всё возможное,

чтобы они сумели улететь обратно домой как можно быстрее. Родные стены лечат...

Очень жалею, что я не познакомилась с этим замечательным и интереснейшим человеком хотя бы на 10 лет раньше, чтобы была возможность проводить его к римским памятникам, о которых он столько знал и мог бы мне столько рассказать, хотя он, в отличие от меня, их вживую ни разу не видел.

*Кэтрин Юдельсон,
Саутгемптон, май 2013*

Г. С. Кнабе с мамой *)

1936 год *)

Детство на Арбате *)

Г. С. Кнабе на фронте с группой сослуживцев *)

Г. С. Кнабе, 18 лет *)

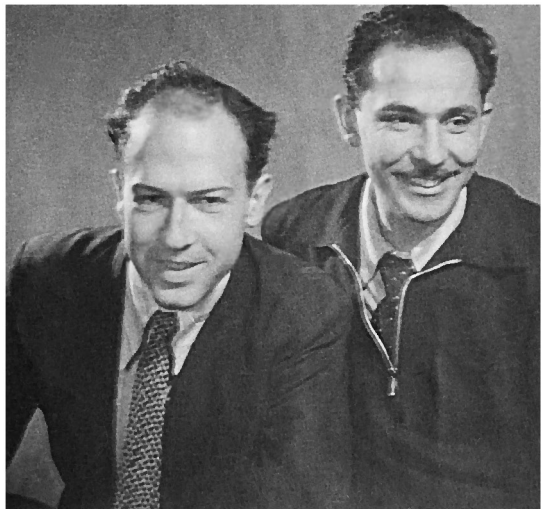
Г. С. Кнабе и Г. С. Померанц на фронте *)

Г. С. Кнабе 1948 г. *)

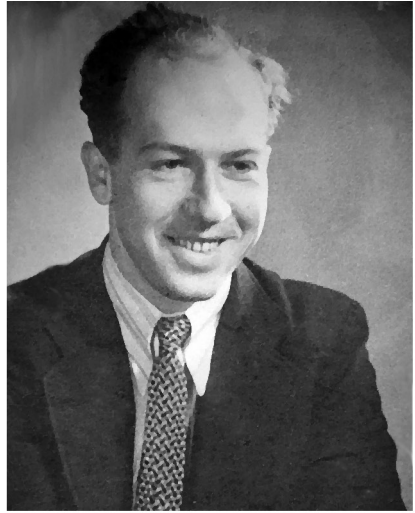
Г. С. Кнабе, 50-е годы *)

Г. С. Кнабе, 50-е годы *)

Г. С. Кнабе, 50-е годы *)

Г. С. Кнабе, 50-е годы *)

Ревекка Борисовна Иоффе, поэт. 60-е годы *)

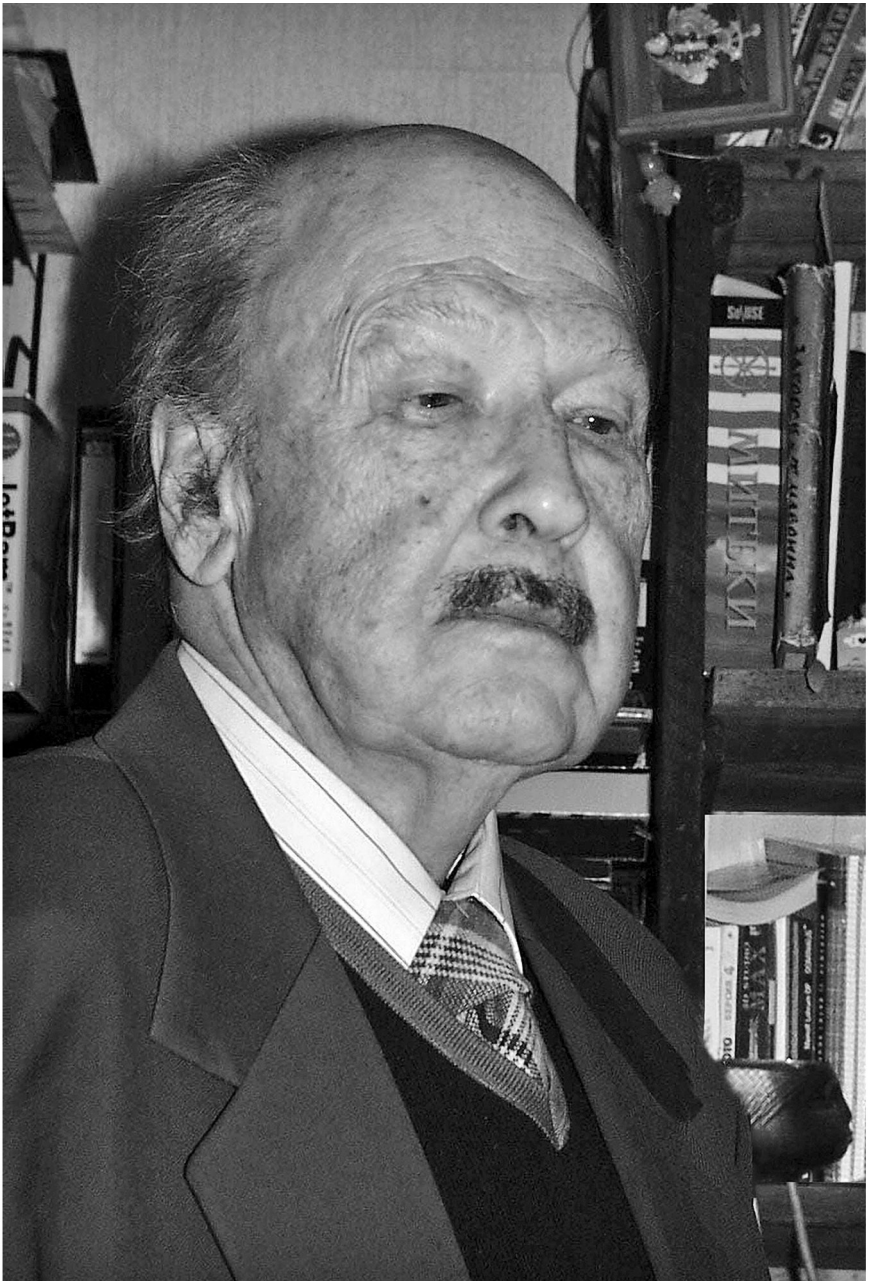
Г. С. Кнабе, 1964 год *)

Г. С. Кнабе, 60-е годы *)

На экзамене, 1983 г. *)

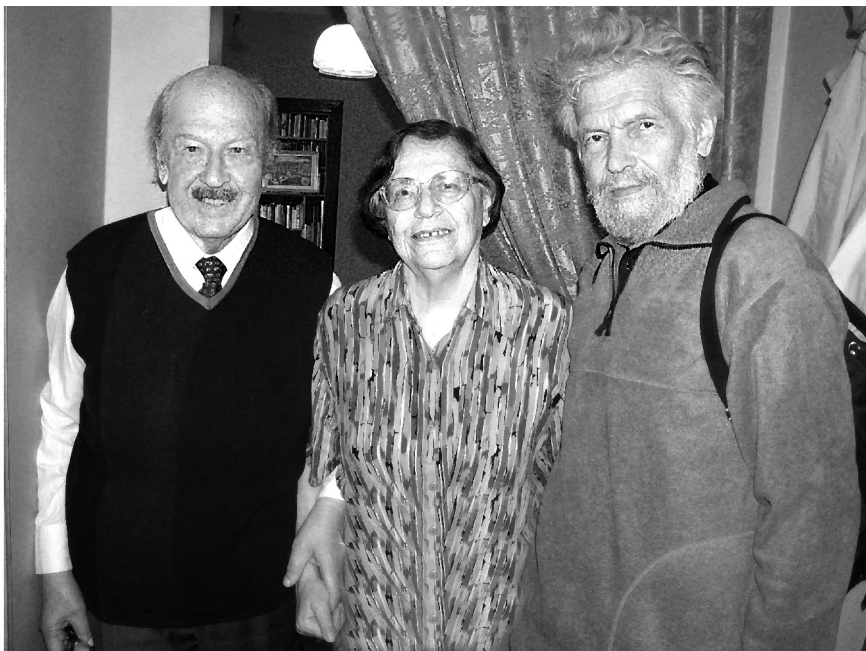
Г. С. Кнабе у Н. Немцовой, 2000 г. **)

Г. С. Кнабе и Р. Б. Иоффе, 2003 г. **)

Г. С. Кнабе с О. Кулаковым, 2003 г. *)

Г. С. Кнабе и Р. Б. Иоффе с А. Н. Леонтьевым, 2003 г. **)

У Г. С. Кнабе, 2005 г. **)

У Г. С. Кнабе, 2005 г. Беседа **)

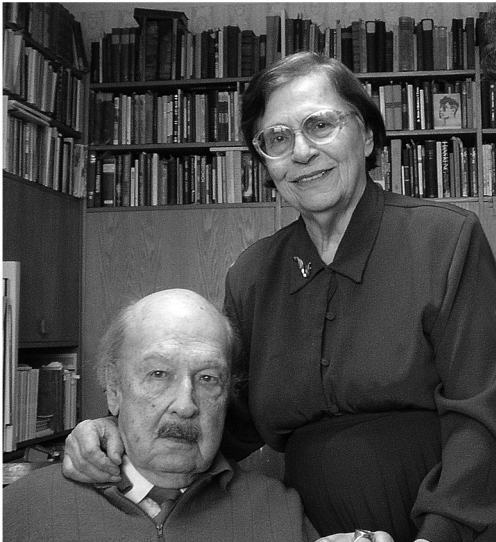

У Г. С. Кнабе, 2005 г. **)

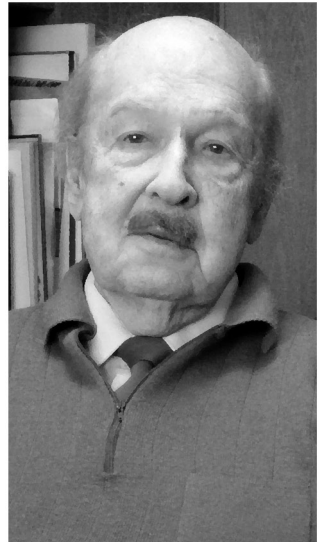

Г. С. Кнабе с Р. Б. Иоффе, 2005 г. **)

У Г. С. Кнабе, 2005 г. **)

Г. С. Кнабе, 2008 г. **)

У Г. С. Кнабе с Н. Немцовой, 2006 г. **)

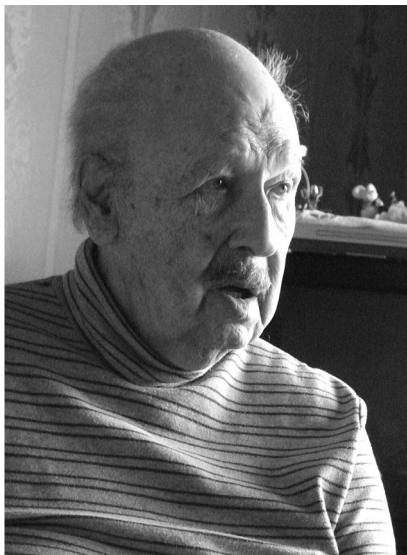
У Г. С. Кнабе, 2008 г. **)

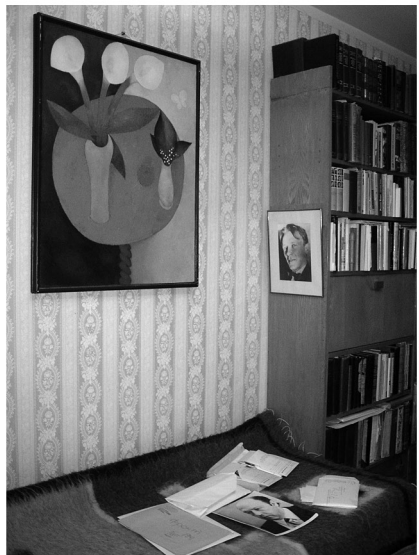
Г. С. Кнабе с Р. Б. Иоффе, 2008 г. **)

Кабинет Г. С. Кнабе, 2008г. **)

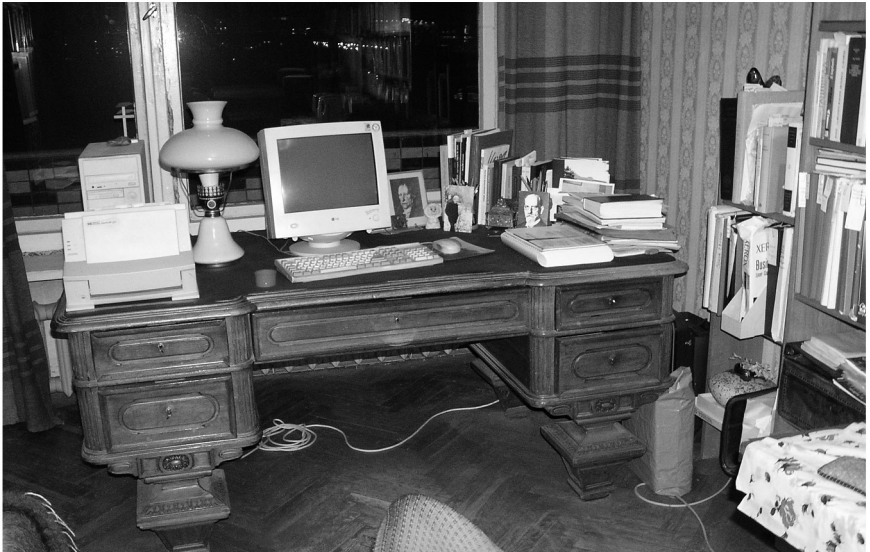
Г. С. Кнабе, 2010 г. **)

Кабинет Г. С. Кнабе, 2009 г. **)

Г. С. Кнабе, юбилей, 90-летие, 2010 г. *)

Кабинет Г. С. Кнабе, 2009 г. **)

Г. С. Кнабе и Н. И. Басовская, 2011 г. *)

Н. И. Поспелова

Дмитрий Хавин *)

Л. А. Федорова

Г. С. Кнабе, 2011 г. *)

*) фотографии из семейного архива Г. С. Кнабе,
**) фотографии Н. Немцовой

Часть 2
ПЕРЕПИСКА

Г. Кнабе — М. фон Альбрехт

Г.К. 29.01.1999

Дорогой Михаил Георгиевич, — большое спасибо за книжку о Тургеневе. Некоторые ее разделы (в частности, об ироническом использовании латинских цитат) я знал из Вашего доклада в ИМЛИ много лет назад, использовал этот материал неоднократно в лекциях и статьях и каждый раз должен был ссылаться на устное выступление. Теперь смогу давать ссылки en forme.

Книга кажется мне исключительно важной потому, что содержит материал, иллюстрирующий два главных сегодня направления гуманитарных исследований — интертекст (Вы об этом упоминаете), т. е. доказательство принадлежности писателя к определенной культурной традиции на основании словесного материала, живущего в его памяти подчас подсознательно, и семиотика культуры, т. е. обретение элементом текста индивидуализирующего значения, исходя из того смысла, который он приобретает на основе личного духовного опыта персонажа.

Прочел уже некоторое время тому назад Вашу рецензию на книгу Веса. Самой важной в ней мне показалась глубокая и очень верная мысль о том, что екатеринински-александровский классицизм и последующие рецепции были не первым обращением русской культуры к античному наследию, что ему предшествовала вся греко-византийская рецепция XIV–XV веков, эпохи Сергия и Андрея — обстоятельство, обычно ускользающее от людей, пишущих в Западной Европе о русской античности.

Еще раз спасибо.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 05.12.1999

Многоуважаемый и дорогой Михаил Георгиевич!

Я надеюсь, что Вы получили мою книжку про русскую античность. Ее отправляла жена, когда я был в отъезде, так что книжка ушла без дарственной надписи. Восполняю это упущение: Micaelo Albrechto, studiorum latino-rossicorum principi, magna cum reverentia. Georgius Puer.

Весной была пушкинская конференция в Румынии. Ваш доклад был объявлен, но не состоялся, т. к. Вы в Бухарест не приехали. Надеюсь, что это связано с делами и занятостью, а не со здоровьем. В ходе пушкинских мероприятий истекающего года была конференция в МГУ. Тезисы ее опубликованы: Московский Государственный университет. Филологический факультет. А. С. Пушкин и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва. 2–4 февраля 1999 года. Из многочисленных докладов 6 были посвящены теме «Пушкин и античность». Среди них сильнейшее впечатление произвел на меня доклад дотоле мне неизвестного М. И. Шапира: Пушкин и Овидий. Новые материалы (Из комментариев к «Евгению Онегину»). Я разыскал автора и получил от него полный текст работы. Она давно лежит в журнале, но до сих пор в свет не вышла. Если Ваше впечатление от опубликованных тезисов (думаю, что организаторы конференции Вам их послали) совпадет с моим, и работа эта также и на Ваш взгляд заслуживает самой высокой оценки, скажите, и я бы Вам выслал ее распечатку.

Получили ли Вы мое письмо с благодарностью за «Античные реминисценции...» у Тургенева? Я Вашей книгой широко пользуюсь в лекциях, так что спасибо еще раз.

Ваш Г. Кнабе, Москва

Г. К. 04.05.2009

Дорогое и многоуважаемое семейство фон Альбрехт, —

Спасибо за Ваше такое хорошее и для меня важное письмо от 3 марта. Извините за задержку ответа: я никак не приду в себя, «дело валится

из рук» и не могу вернуться к обычным делам, как бы они ни были важны. Я до сих пор никогда не мог понять Прометея и других богоборцев; теперь понял: за что и почему мир не просто несправедлив, но как-то прямо направлен против хороших, добрых, умных, понимающих мир, в котором живут, и как с этим можно примириться? За что такое? Как оно может не вызвать внутреннего протеста, примириться, принять случившееся, не только в его ничем не мотивированной жестокости, но и в его глухоте к тому, что обрушилось, и ведь ни за что? Не знаю, могут ли быть ответы на эти вопросы и можно ли жить без них. Да и с ними не очень пока получается.

Я кончаю сочинять большую статью или маленькую книгу, о которой я Вам рассказывал, размером примерно в 8–10 печатных листов (около 200 страниц) под условным названием «Современная Европа и ее антично-римское наследие». Про то, как две тысячи лет Rom был Spiegel Europas, про то, как за последние лет 50 она перестала в него смотреться и что из этого вышло. Или, во всяком случае, выходит. Надо ли добавлять, сколь многим я при этом обязан Вашей книге про то самое Spiegel. И, совсем по другой линии, документу о Вашей семье, приложенному к книге Кати Федоровой. Об этом надо бы поговорить лично, но выберите ли Вы когда-нибудь в обозримом будущем в Москву?

*Ваш
Г. Кнабе*

Г. К. Октябрь 2010 г. Москва

Дорогой и многоуважаемый Михаил Георгиевич!

На днях приходила Катя Федорова и принесла Ваше «Путешествие моей жизни». Спасибо. Буду читать и, если захотите, делиться впечатлениями. Одно уже существует, очень сильное, связанное, правда, не с этой книгой, а с «Rom: Spiegel Europas». На ее страни-

це 650 — абзац, который содержит в себе основную идею: древний Рим и Европа, из него выросшая, образуют Einheit, пронизанную Ausstrahlungen, изначально римскими, но ожившими в культуре Европы и спаявшими их обеих в культурно-историческое единство. Насколько я понял, Вы не склонны акцентировать то обстоятельство, что это двуединое единство, просуществовав две тысячи лет, в наши дни близится к своему завершению и отделяет Европу, в которой мы сложились, выросли и которую несем в себе, от конечного продукта распада, растворяющегося в глобальном мире. Я в последние годы сосредоточен на этом процессе и на этой грани, которые никогда бы не стали мне так ясны и важны без Вашей книги, за что Вам глубокая благодарность. Сейчас я кончил рукопись. Она находится в одном из петербургских издательств, но университет, в котором я работаю, издал в виде препринта ее сокращенный вариант. Если разрешите, я передам его Вам через ту же Катю Федорову и, опять же если разрешите, буду ждать отклика.

Отклик этот мне важен не только по причинам, указанным выше, но и потому, что может мне разъяснить вопросы, без ответа на которые я не могу двигаться дальше. Обстоятельства, которые определяют нашу жизнь сегодня и жизнь Западной Европы в первую очередь, происходят из общего процесса. Он включает

- а) глобализацию не только как экономическую атмосферу, а как атмосферу культурную и ментальную;
- б) фактическое устранение границ между исторически сложившимися национальными государствами и растворение их в общеевропейской и глобальной, пока еще не государственной и военно-политической, но уже информационной и аксиологической целостности;
- в) перемещение значительных масс населения из одной страны в другую в поисках более выгодной работы, фактически означающее упразднение укорененности их в своей культурной традиции и формах жизни;

- г) Постановление Совета Европы 2005 года, устанавливающее свободу определения каждым своей национальной принадлежности, т. е. права на свободу, внешнюю и внутреннюю, от своей культурно-исторической укорененности.
- д) Болонские соглашения 2001 года, рекомендуемые и *in spe* вводящие единство по всей Европе учебных планов и программ, фактически предполагающее свободное перемещение и унификацию студенческого населения университетов во всей Европе и за ее пределами.
- е) Глобальное распространение архитектурного стиля *high tech*, предполагающего и утверждающего от Гонконга через Катар до Лондона и Москвы освобождение материально-пространственной среды человеческого обитания от ее культурно-исторической памяти.

Эти перемены, — а список их может быть значительно продолжен, — влекут за собой, во-первых, переход от культурно-исторического антично-римского самоощущения «быть значит принадлежать» к самоощущению дисперсии как общего и единого принципа существования. Они влекут за собой, во-вторых, ту внутреннюю макро-форму культуры, которая две тысячи лет оставалась единой, римски-европейской, и которая состояла (состоит?) в постоянном и органическом сопричастии и взаимодействии консервативной преемственности и обновляющей новизны от «республиканской монархии» Августа до постоянного контрапункта буржуазного начала и потребности в сохранении корней. В итоге это означает распад того европейско-римского единства, которое нами обоими многократно документировалось и анализировалось, и которое на протяжении двух тысяч лет образовывало суть и основу европейского культурно-исторического опыта вплоть до середины XX и начала XXI века.

А теперь тот вопрос, на который у меня нет ответа. — Как это сочетается с впечатлением, которое оставляют реальные государства и реальная повседневная жизнь людей в Западной Европе? Впечатление это

повторялось и повторяется и у меня, который между 1976 и 2001 годами был там 15 раз (из них в Германии — 8), и у моих знакомых и коллег, которые бывали и бывают там постоянно? Это впечатление состоит в том, что перед нами благополучный, сытый и спокойный континент, который, по сути и en gros, продолжает жить там и так, как жили предыдущие поколения. Соответственно, вся дисперсия, пронизывающая жизнь, существует лишь в телевизионно-газетной хронике да еще в больших городах, где по статистике в Западной Германии живут 2,5% населения, а в Восточной Германии — немного более 20%. Такая преемственность несет в себе, как всегда, изменение и обновление жизни, но не означает никакого слома цивилизаций и не предполагает исчезновения Европы, какой она была от Августа до Черчилля. Как в этих условиях нужно расценивать все процессы, мной выше перечисленные, и массовую иммиграцию, бесспорно меняющую — или не меняющую? — внутреннюю макро-форму культуры опять-таки от Августа до Битлз?

Помогите, если можете.

С искренней приязнью и уважением,

Г. Кнабе

М. фон А. 18.06.2011

Глубокоуважаемый Георгий Степанович,
долго мы не переписывались, надеюсь, что Ваше здоровье удовлетворительно. Пользуюсь случаем и прилагаю рецензию, которая вчера вышла из печати.

Мы с женой часто и сердечно вспоминаем Вас и Вашу незабвенную супругу.

Желаю Вам всего наилучшего.

С глубоким уважением

искренно Ваш

Мих. Георг. Альбрехт

Г. К. 24.07.2011 Москва

Дорогой и многоуважаемый Михаил Георгиевич, —

Спасибо за письмо и рецензию — очень важную своей связью с некоторыми наблюдениями над окружающим и раздумьями над ним, которые в последние годы занимают меня всё больше. Они сосредоточены на нескольких темах. Вот три из них.

Если я правильно воспринял Вашу «*Rom — Spiegel Europas*», главная ее мысль, даже скорее не мысль, а разлитое в ней переживание культуры, состоит в готовности читать рецепции не только и просто как документированные заимствования, а как доказательство непрестанных откликов прошлого в настоящем. Отклики эти живут не только в цитатной памяти эпохи, но также в разлитом в ней гуле и воздухе времени вплоть до их повседневно человеческого переживания слоями, на то способными. Гуссерль когда-то назвал это интенциональной направленностью сознания.

Когда Робеспьер, обвиненный в стремлении к личной власти, построил свое оправдание на речи Цицерона *Pro Sulla*, он не слишком заботился о точности передачи ее содержания. Он и его коллеги нередко допускали в подобных ситуациях неточности и ошибки. Не то, что их подводила память, а рецепции культуры и истории Рима жили в атмосфере революции как растворенные в ней. Еще более разительный пример, на мой взгляд, — английский дендизм. Будущих денди хорошо учили древним языкам с особым вниманием к рецептам организации власти над складывавшейся империей. Но в поле их зрения вряд ли мог не попасть и Алкивиад, вполне дендистски отрубивший хвост любимой собаке ради подчеркивания своей osobости, и уж тем более — всё, что Цицерон назвал *cultus*. Это не рецепции в прямом смысле слова. Это обертонально живущие в подсознании культуры Европы напоминания о некогда вошедших в нее и в ней задержавшихся впечатлениях.

Обо всём этом я говорю в связи с Вашим мнением о том, что «бесспорно, антология носит печать своего времени и относительно выбора текстов и переводчиков. Среди последних было много преследуемых

талантливых поэтов, которым не разрешалось публиковать свои собственные тексты, и которые стали писать переводы! Таким образом, личное несчастье подчас способствовало возрождению античной поэзии на русском языке XX века». Это «личное несчастье» было слагаемым бытия русской интеллигенции в советскую эпоху. Советская интеллигенция была очень отлична от интеллигенции дореволюционной. Последнюю составляли значительные деятели культуры от, скажем, Милюкова до, скажем, Мережковского. Первая же возникала из анкетной классификации советских граждан. В обязательных анкетах всегда был пункт «социальное происхождение», и если выяснялось, что он свидетельствовал о гимназическом образовании самого заполняющего, его детей или даже иногда и внуков, то они и зачислялись в интеллигенцию. Такое зачисление и такая принадлежность не были вплоть до 1980-х годов внешними и формальными. Они предполагали трудно уловимый и еще труднее эксплицируемый *habitus* общественного поведения и содержания памяти и сознания. То, что ими не исчерпывалось, в ретроспекции истории, культуры и слова предстает как бытие русской интеллигенции на завершающем этапе ее существования и, прежде всего, как ее повседневность. Ее проявления в творчестве, которые Вы и имели в виду, в частности, в уходе в перевод как тихую гавань и в античность, как казалось, в гавань еще более тихую, не было главным. Он, этот уход, был одним из слагаемых такой повседневности. Пастернак сказал о ней — «насколько скромней нас самих [по]вседневное наше бессмертье», Бердяев назвал ее «катакомбами духа».

За последние 20 лет люди еще раз вспомнили о пережитом — тюрьмах, лагерном бытии и экономике, геноциде, разрухе, принудительном конформизме и др., но стали ощущать еще полнее, чем раньше, что эпоха и жизнь ими не исчерпывались. За последние полвека общественно-историческое познание переориентировалось в своем объекте и в своих методах от науки как таковой к жизни как таковой в ее непосредственности — к повседневности, привычкам, быту, системе привычных

(или непривычных) ценностей, времяпрепровождению, развлечениям и моде.

Из этого содержания культурной памяти при сохранении его общего характера просвечивало, иногда до академической ясности, воспоминание о греческих и римских реминисценциях. Из этой среды, не теряя с ней внутренней связи, выходили и переводчики, Вами упомянутые (в том числе и сам Голосовкер) — М. Е. Грабарь-Пассек, А. И. Доватур, Ф. А. Петровский, С. И. Радциг. Ваш покорный слуга, сорок лет пропреподававший английский и французский языки, ощутил и обертональную связь, в частности Тацита, с окружающей реальностью и увлекся переводами из Ливия, Цицерона и Тацита. Весь этот массив культуры в ее человеческом движении Вы ощутили и высказали. Это важно и заслуживает искренней благодарности.

Вторая тема связана с первой. Революция в общественно-историческом познании, которую нам довелось пережить в последней трети прошлого века, состояла в перенесении предмета познания из сферы науки в собственном смысле слова в сферу исторической жизни в самом широком смысле слова. См. *Annales de l'Histoire économique et sociale* во Франции. Там же семиотика истории и культуры, прочитанная через быт и повседневность: *L'univers humain est un univers des signes* у Кристевой. В России целый поток книг о быте и повседневности прошлых эпох, в том числе и написанная мной и изданная в 1986 году книжица «Древний Рим. История и повседневность». Всё это было связано не столько «вертикально» — с предшествующими состояниями науки, сколько «горизонтально» — с характером окружившей нас цивилизации, от крайней подвижности населения и неустроенности его на новом месте до Битлз. Движение культурно-исторического познания от проверяемого и доказуемого обнаружения объективных фактов, т. е. от науки в прямом смысле, к перемещению его в тенденции в сферу субъективно переживаемых восприятий, означало снижение роли собственно научной работы при постоянном ощущении, что это недопустимо.

Снять это противоречие было вроде бы и необходимо, но ведь и, в сущности, недопустимо. «Rom — Spiegel Europas» было примером соединения обоих полюсов — эрудиции и доказательности при сохранении импульса, идущего от современной цивилизации. В рецензии впечатляет то же соединение эрудиции и императивов времени, как у рецензента, так и у переводчиков. «Сильвы» Стация упоминаются, в частности, и в связи с тем, как точно и досконально в них отразился быт римских мастеров *cultus*'а со всеми деталями домашних купален. Прежним специалистам, как мне представляется, это в голову вроде бы и не приходило, но Вам-то пришло. На полускрытые греческие реминисценции и интонации в трагедийных хорах в драмах Сенеки прежние переводчики, как мне кажется, внимания не обращали, но Вы-то обратили.

И, наконец, третья тема. «Греческая и латинская лирика, — пишете Вы, — нашли в России самое богатое эхо. Хотелось бы, чтобы этот труд привлек самый обширный круг читателей, побуждая и другие нации к составлению подобных сборников, а молодых писателей всех стран — к живому состязанию с древними лириками. Каждый народ и каждое поколение имеет право, идя по стопам отечественных поэтов, питаться вечно свежими античными источниками и, в поисках точного слова, открывать дремлющие сокровища родного языка». Ваше «хотелось бы» продиктовано надеждой, что в «катакомбах духа» и в «повседневном нашем бессмертии», вопреки постоянному воздействию меняющейся и наступающей обновляющейся цивилизации сохраняется некоторая память. Та самая, в которой мы прожили самое малое полторы тысячи лет. Она может нести в себе переживание всего, в ней накопленного, от хоров в трагедиях Сенеки до поисков мерцающих в них откликов на сегодняшние вопросы.

Вы уверены, что может? Нельзя жить против своего времени, пусть и в катакомбах. А время это и его содержание возникают не из таких откликов.

Его содержание возникает из глобализации, из смешения национально-культурных традиций вплоть до исчерпания каждой из них

в ее отдельности при одобрении такого исчерпания политкорректностью. Возникают из замены памяти, укорененной внутри нас, без труда извлекаемыми безграничными ресурсами Интернета, а тем самым и упраздняющими отрадное научное и художественно-творческое напряжение в обмен на отрадную легкость добываемых результатов. Возникают из деидеологизации и прагматизма, как нормы отношений, международных и межличностных, неизбежно ведущей к дисперсии. Последняя предполагает упразднение ценностей и замену их в качестве единственных деньгами и комфортом, предполагает взаимную свободу как взаимное безразличие.

Цивилизация расслоена. Под только что описанным глобальным ее содержанием худо ли, хорошо ли, длится катакомбное умонастроение. В нем рождаются чудачки, которым всё еще хочется там и сям ввести в безрифменный латинский стих рифму, дабы подчеркнуть полувысказанную эмоцию древнего поэта. Но они не могут долго сопротивляться глобальному движению глобальной цивилизации, а она... — см. выше только что сказанное. Тут нет никакого пессимизма, никакой ностальгии по минувшему, или восторга перед грядущим, или наоборот. Есть императив: видеть то, на что смотришь.

Простите за пространность изложения и докторальность тона. Мне хотелось с Вами поделиться переживаемыми мыслями. Наблюдения же Ваши над поэтическими удачами и неполными удачами переводчиков, старых и новых, вызывают почти на всем протяжении полное согласие.

Я очень Вам благодарен за память о Ревекке Борисовне. Она была человеком интеллигентского склада советской эпохи. От нее, как сказал поэт, «остались броски сочинений», документирующие эту эпоху и бытие интеллигенции в ней. Если нам суждено еще когда-нибудь увидиться, могу показать и обсудить. Ибо, как говорили у нас в Отделе кадров, «это вам касается».

Еще раз спасибо и еще раз, если позволите, буду ожидать Ваших ответов.

М. фон А. 25.08.2011

Дорогой и высокоуважаемый Георгий Степанович,
большое Вам спасибо за столь обстоятельный отзыв на мою книгу «Rom. Spiegel Europas». Вы мне оказали громадную честь. Это тем важнее для меня, что эту книгу в Германии сравнительно мало заметили или поняли. А вот Вы увидели все то, что я хотел ею сказать. Если эта просьба не слишком нескромная: Можно ли попросить Вас послать этот блестяще написанный отзыв в слегка сокращенном виде (без тех замечаний, которые касаются статьи о переводах) в журнал «Аристей», т. е. Александру Васильевичу Подосинову (podossinov mail.ru)? (Я там один из членов редколлегии.) Это была бы для меня громадная честь! Но, разумеется, не хочу утруждать Вас. При случае буду всегда рад узнать больше о Ваших теперешних трудах и о Вашей работе над тем духовным наследием, на которое Вы намекаете в связи с Вашей незабвенной супругой.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями

Ваш

М. Г. Альбрехт с женой

М. фон А. 09.09.2011

Глубокоуважаемый Георгий Степанович,
Большое спасибо за принципиальное согласие с опубликованием Вашего важного письма в «Аристее». Александру Васильевичу Подосинову (podossinov mail.ru) я сообщил о своей высокой оценке Вашего письма и уверен, что он разделит мое мнение и обратится к Вам.

На случай, что у Вас копии письма не осталось, прилагаю снимки. Таким образом, надеюсь, Вам будет легче убрать частные пассажи и либо превратить письмо в отзыв на книгу Rom. Spiegel Europas (Tubingen 1998), либо сохранить характер письма под заглавием «По поводу книги Альбрехта Rom. Spiegel Europas. Письмо к автору»...

Буду в отъезде с 11-го сентября до 18-го октября.

Желаю Вам всего доброго. И моя жена шлет Вам сердечный привет.

Ваш М. А.

Г. Кнабе — Эллен Беккер

Г. К. 07.01.1998

Дорогие Эллен и Ханс!
У нас рождество! Поздравляем Вас! И с Новым Годом тоже. Здоровья, благополучия, надежды, новых хороших впечатлений, и старых друзей (нас в первую очередь) не забывать. Как Вы поживаете? Что Вы читаете, Эллен? Что Вы поете на репетициях, Ханс? Что нового в городе Магдебург и в Германии?

Меня пригласили в Петербург прочесть лекцию в институте Культуры на тему: «Европа, Рим и мир». Рита поедет, естественно, со мной. Я попробую показать, что исторические преимущества европейского образа жизни определялись четырьмя характеристиками: правовой образ мыслей, социальная защита, жизнь в маленьких сообществах и кружках, вежливость, учтивость. Вы оба «много читали, много ездили», и можете мне сказать, действительно ли это так.

В какой мере эти характеристики связаны с жизнью в древнем Риме, это уже мое дело.

В остальном жизнь течет как всегда — лекции, письменный стол, дружеские визиты, будничные заботы, время от времени театр. В последнее время мы предприняли несколько прогулок по городу, чтобы посмотреть многочисленные памятники. Некоторые не удались, как памятник Высоцкому, другие не очень, как памятник Петру Великому, третьи получились прекрасными, как памятник Достоевскому. Если Вы снова выберетесь в Москву, мы должны непременно показать Вам их.

Годеры в отъезде. У Алеши и Светы двадцатилетний (уже!) юбилей свадьбы, по этому поводу Ирину (*Свенцицкая Ирина Сергеевна — прим.*

ред.) и Георгия пригласили в Калифорнию. Пожалуй, это все. Не забывайте нас и пишите время от времени.

Рита передает сердечный привет.

Ваш, как всегда Г. Кнабе

Г. К. 29.04.1999

Милая Эллен! Дорогой Ханс!

Во-первых, о нашей переписке. В течение 1998 мы отправили Вам три письма, если мне не изменяет память, в марте, в августе и в декабре. Первое вернулось назад с перечеркнутым адресом, что могло бы обозначать, что адрес неправильный, хотя он абсолютно правильный. Поскольку подобная история произошла также с нашим берлинским другом, я склонен думать, что такие случаи характеризуют не столько нашу неточность, сколько патриотизм немецких почтальонов. Во втором письме я описал этот эпизод и ответил на Ваше последнее (тогда) письмо. Очевидно, до Вас это письмо не дошло. Жаль. Там я писал о моей статье, посвященной духу европейской цивилизации, о которой я бы хотел знать Ваше мнение. Последнее — была почтовая открытка из Финляндии, которая, слава Богу, как говорят англичане *duly came in hand* (англ. *дошла надлежащим образом* — Н. Н.). Хотелось бы надеяться, что в будущем это наладится. Я буду более старательным, а немецкая почта менее бдительной. И чтобы завершить тему переписки, если я не ошибаюсь, у Вас же есть печатная машинка. Можно было бы Вас просить, милая Эллен, если это для Вас не слишком обременительно, Ваши письма печатать? У Вас такой своеобразный почерк, что мы оба, Рита и я, сидим по полчаса или более того, чтобы его расшифровать. В сведениях, что до нас доходят, самое важное то, что касается Ханса. Как мы с Георгием поняли, опухоль оказалась доброкачественной. Это так? Как он себя чувствует после лечения в санатории? Мы часто вспоминаем его в разговорах с Георгием и также дома с Ритой, и сердечно желаем ему всего самого доброго.

Что касается нас, все весьма банально. Я очень много работаю. В 1998 году я проделал два лекционных турне, в Вятку и в Финляндию, и опубликовал 19 больших и маленьких статей. Не мое дело их оценивать, но в большинстве случаев я писал их с удовольствием. Среди них есть одна, что особенно дорога моему сердцу. Там речь идет об Арбате — арена жизнедеятельности и творчества русской интеллигенции. Возможно, Вы помните, Эллен, как мы гуляли по арбатским переулкам и в завершение в музее Герцена пили чай? Сейчас, когда русская интеллигенция больше не существует, имеет смысл проследить ее жизненный путь. Тем более что это и наш жизненный путь (или был). Георгий Годер также вырос в окружении Арбата, что удивительным образом не впечатляет его, насколько я мог наблюдать. Возможно, играет роль разница в возрасте в 9 лет.

Грипп, который в последнее время не считается настоящей болезнью, свирепствовал последнюю зиму все больше и больше. Настоящая эпидемия начнется примерно в декабре и продлится до марта. Я в середине декабря заболел, а осложнение после гриппа вызвало необходимость лечь 5 января в больницу. Последствия длились до марта. И только последнюю неделю я чувствую себя здоровым. И Рита, и Ирина тоже переболели за исключением больницы. Работать, читать, писать, ходить в магазин — все давалось с трудом и напряжением, с постоянной субфебрильной температурой.

Что новенького в Германии? В Магдебурге? Появлялась ли у вас иногда фрау Шюлер? То, что она пишет о Лене Функ, очень впечатляет, но с этим ничего не поделаешь, она выбрала свой путь. Куда он ее приведет (или уже привел), Бог знает. Как Вы знаете, у меня есть в Йене старый друг, Герхард Шауманн — профессор, а теперь пенсионер. Он живет в деревне Таутенбург в пригороде Йены, и много занимается краеведением. Он мне послал недавно свою книгу — «Таутенбург под Йеной. История культуры тюрингской дачи». Книга и история, что в ней рассказана, так спокойна, так человечна, так дружелюбна...

Я желаю Вам обоим всего наилучшего. Эллен, Вы планируете этой весной приехать в Москву?

Рита передает сердечный привет.

Ваш, как всегда Г. Кнабе

Г. К. 05.12.1999 Москва

Дорогая Эллен, —

Годеры рассказали мне, что у Вас случилось, и что Вы сами собирались мне написать. Но поскольку прошло много времени, а весточки от Вас нет, мы решили больше не ждать. Мы не христиане, по крайней мере, в церковном смысле, однако мы отчетливо чувствуем, как бесконечно важна в сегодняшнем сложном мире простая вера в простых вещах: в благодеянии, в помощи тем, кто в ней срочно нуждается, в преданности, в значимости слов. Ханс нес в себе все это, поэтому контакты и беседы с ним были так живительны. Хотя мы не были никогда с ним дружны в обыденной жизни и провели вместе немного времени, мы остро чувствуем, Рита и я, его отсутствие и часто вспоминаем его в наших разговорах.

О нашей жизни не стоит писать. Что касается повседневной жизни и работы, все течет как обычно. Что же касается общего, Вы знаете из газет и телевидения. Определенные новые впечатления связаны с театром. Обсуждать их в письме, однако, сложно.

Надеемся, это письмо достигнет Вас еще в декабре.

Поздравляем Вас с новым Годом, с новым веком и с новым тысячелетием. И желаем Вам мужества и терпения. Как и нам.

Ваш, как всегда Г. Кнабе

Г. К. 07.12.2000

Это просто безобразие, что мы так долго не отвечали Вам! Это тем более ужасно, что Вы не можете себе представить, как часто всплы-

вают в наших разговорах и воспоминаниях дни, проведенные у Вас в Магдебурге. Ваш дом на улице Гегеля, поездка с Хансом в лес, новая квартира, посещение собора и маленький сквер, откуда так хорошо виден собор и где Вы часто сидели (или сидите?) с книгой. Мы бы хотели знать, как Вы живете, что Вы читаете, кого Вы из общих знакомых встречаете? Как поживают Ваши дети? И внучка Беатрис, она должно быть, уже стала большой? И как дела у бедной Ильзе? Она же так добра и симпатична. Надеемся, что она сможет побороть свою пагубную привычку.

Что касается и нас, и причин столь долгого молчания, все то же — слишком много работы и (к сожалению) достаточно болезней. Не так давно появилось нечто интересное. Говорит ли Вам что-нибудь имя «Андрей Белый»? Это поэт и писатель первого десятилетия XX века. Он был другом Александра Блока, и известен в основном благодаря этому, хотя он автор значительных романов (в первую очередь *Петербург* и *Серебряный голубь*). Несколько месяцев назад на Арбате открыта мемориальная квартира А. Белого, филиал музея А. С. Пушкина. Тогда там состоялось заседание, в котором мы принимали участие. Собрались почти пятьдесят мужчин и женщин. Как Вы знаете, я думаю, историческая роль русской интеллигенции как необходимой части русского общества, пришла к концу в течение 1990-х годов. Поэтому было очень приятно видеть так много интеллигентных лиц — к сожалению, в большинстве состарившихся. Был очень интересный, хотя и немного туманный, доклад о конкретных формах дуализма Блока и Белого и потом дружеское чаепитие с директором музея — юной симпатичной дамой, на вид очень энергичной.

Что касается книг, мы прочли за последнее время очень важные публикации: Вардван Варжапетян *Возвращение Ноя*, В. Маканин *Буква А.*, Б. Акунин *Алтын-Толобас*.

Если что-либо из этого переведено на немецкий, прочтите обязательно. Хотя перечисленные книги очень разные, каждая из них создает точный и важный образ сегодняшней России.

Теперь совсем о другом. Некоторое время назад в Москве была Лена Функ. Мы ее не видели. Она навестила только Годеров. Позже нам позвонила Ирина и подробно рассказала нам о своих впечатлениях. Лена отзывается теперь только на «мать Мария», одета во все черное, даже голова в черном платке. Она намеревается в Германии(?) основать женский русский православный монастырь. Православие, как она уверяет, очень распространено в Германии, но в России имеет много и хорошо организованных врагов. Воспоминания о Бернде и все попытки обратить разговор о нем оставили ее абсолютно холодной. У Годеров она была не одна, а в сопровождении послушницы, врача по профессии, которая, однако, в течение вечера не проронила ни одного слова. Вот так, милая Эллен, на свете есть много чудес.

Через несколько недель я должен делать доклад о так называемой идентификации, т. е. о том, к чему в сегодняшнем мире распространяется все больше стремлений людей — идентифицироваться в единую общность, этническую, культурную, традиционную. Что Вы наблюдаете в этом отношении в Германии? Есть же очень много (азюлянтов) эмигрантов, в Магдебурге тоже. Каким образом склонны они себя идентифицировать — с немцами или с людьми их этнической группы? Что приводит людей в немецкие националистические группы — они чувствуют себя здесь хорошо и «дома» или это только политика? Особенно интересно было бы понять, что происходит в этом отношении в прежних рок-группах, к которым, насколько я помню, принадлежал также Ваш сын Мартин (или принадлежит)? Осталось это сегодня чисто европейской традицией, или здесь тоже царит общая атмосфера мультикультурализма? Возможно, у Вас есть кое-какие наблюдения в этой области? Мне бы это помогло, если у Вас есть что сообщить об этом.

Еще раз простите за неприлично долгое молчание. Ни в коем случае не следуйте нашему примеру.

Ваши Кнабе

Г. К. 04.01.2002

Милая Эллен, —

Я был действительно очень обрадован, когда Вы позвонили и сказали, что у Вас будет возможность иногда звонить. Надо надеяться, что такие телефонные разговоры будут дополнены коротенькими мэйлами, и обе эти возможности не исключат обмен более-менее нормальными письмами по почте.

В последний раз Вы сообщили по телефону немного о Вашей жизни, не сказав, однако, важнейшего, где Вы были (я имею в виду путешествия), что вы читали, какие впечатления у Вас, как меняется город Магдебург? Возможно, Вы можете кое-что сообщить по поводу моих вопросов об идентификации, если это для Вас не слишком скучно.

Что касается нас, мы совершили в ноябре три(!) путешествия: в Констанце, где я был один, без Риты, в Иваново — областной центр почти 400 км на север от Москвы, и в наше старое доброе Переделкино, где состоялась вторая международная конференция, посвященная жизни и творчеству Окуджавы. В Констанце я немного видел город, в основном наблюдал университет. Мало кто отдает себе отчет, насколько радикальна была революция, что изменила университеты всего мира за последнее десятилетие. В Констанце это наблюдается особенно отчетливо. Архитектура, внешний вид студентов, организация и содержание учебного курса несут отпечаток того, что принято называть постмодерном, не имея отчетливого представления, что это в действительности такое. Здесь начинаешь это отчетливо себе представлять.

В Иваново впечатления концентрируются вокруг жизни церкви. Люди нашего с Ритой типа никогда не имели отношения ни к церкви, ни к религии. Впервые мы увидели, какие произошли в стране изменения в этой области, и как значительно они обнаруживаются.

Конференция в Переделкино была не очень интересной. В связи с этим я хотел бы Вас спросить, интересовались ли Вы когда-нибудь фигурой, творчеством и ролью Вольфа Бирмана, и что Вы об этом думаете.

те? Так выглядят впечатления вкратце. Можно было бы об этом больше поговорить, если бы Вы однажды приехали в Москву.

Рита сердечно приветствует Вас. Мы будем с нетерпением ждать телефонных звонков и электронных сообщений.

Ваш, wie immer

Г. Кнабе

Г.К. 23.05.2002

Милая Эллен, —

Большое спасибо за Ваш мэйл от 12 апреля. Вы правы, телефонные звонки и и-мэйлы лучше, чем ничего, но время от времени, и нормальное письмо старого стиля остается чем-то еще лучшим.

Мне тоже очень жаль, что я не могу поговорить с Вашим внуком в Ганновере и его друзьями. У меня есть много вопросов, которые я бы хотел им задать. Во-первых, я бы спросил о людях, с кем бы они хотели себя идентифицировать. Для меня абсолютно непостижимо, как можно себя идентифицировать с кем-то, кто стремится Вас убивать, и уничтожать всю традицию, к которой они принадлежат. Вы правы, когда Вы их ответ на Ваш вопрос оцениваете: «не вполне всерьез», «не вполне» значит все же «да».

Это настроение молодых европейцев и атмосфера, что там неистовствует, остается для меня непостижимой, и в той мере, в которой она мне доступна, глубоко удручает меня. Древние филологи говорили: Рим — колыбель Европы. Начала и нормы этой «колыбели» определены двумя римскими писателями — Ливием и Тацитом. Оба не были коренными римлянами. Именно поэтому они могли ценить Рим, переживать и передавать дальше не столько как место рождения, но как дальнюю родину (*patrie lointaine*), источник и ценность жизни. Русская интеллигенция принадлежит (или, лучше, принадлежала, пока она еще наличествовала) к тому же роду: Европа всегда была для нее и в определенной мере сохранилась как ее *patrie lointaine*, единственная, про-

тивостоящая отечественному свинству. Что мы видим сегодня, с одной стороны: приветствия исламским террористам, приглашение китайцев, вьетнамцев, пакистанцев, сирийцев и т. д. с полным правом наводнить Европу, проклятия правительства, пытающегося это наводнение сдерживать; с другой стороны: силы, стремящиеся защищать национальную идентичность и которые становятся все более похожими на фашистов, идиотское презрение к американцам и т. д. — все это вызывает тоскливые предчувствия. Возможно, Вы или Ваши юные друзья могут мне нечто разъяснить и этим немного обнадежить. В 1992–1994 годах я был на Западе четыре раза с лекциями, и каждый раз, поскольку человек, ответственный за мое пребывание там, спрашивал, с кем бы я хотел встретиться, я отвечал, что хотел бы поговорить с человеком, принадлежащим национальной культуре, — гуманистической, но не националистической — традиции, типа Томаса Манна. Но каждый раз получал ответ, что это невозможно, таких людей нет. Это сегодня действительно так?

Ректорат нашего университета надеется иметь возможность послать меня осенью еще раз в Италию в научную командировку. В этот раз я должен непременно посетить Помпеи. Так как я еду самостоятельно, я должен быть в состоянии найти в Помпеях гостиницу на пару дней, соответствующую моим планам и финансовым возможностям. Поскольку Вы уже гостили в Помпеях, можете ли Вы мне что-нибудь сказать о таких возможностях?

На сегодня оставим в покое Бирмана. Если Вы, — на что мы очень надеемся, — в сентябре приедете в Москву, может быть смогли бы Вы привезти кассету с записью выступлений Бирмана?

Что касается нас, все течет по-прежнему, почти как было. Относительно новая проблема, что в определенной степени интересует нас все больше — это проблема университетского преподавания. Мир становится другим (см. выше), студенты тоже, что требует других методов и целей. Моя последняя командировка в Констанцу дала мне для этого много нового. С другой стороны, я опубликовал небольшую книжку, где предпринял попытку проследить судьбу русской интеллигенции

и выяснить причины ее исчезновения. Жаль, что Вы по-русски не читаете, и не можете прочесть.

Рита очень занята домашним хозяйством, однако, находит время для чтения. Ее последнее увлечение — воспоминания декабристов, особенно немецкого происхождения — Бриген (*Бриген, Александр Федорович — Н. Н.*), Лорер (*Лорер, Николай Иванович — Н. Н.*).

Мы остаемся в Москве до середины июля. Надеюсь, мы имеем шанс успеть получить от Вас ответ на это письмо.

Оба приветствуем Вас сердечно

Г. Кнабе

Г. К. 30.09.2002

Милая Эллен. —

Жизнь — это чередование счастья и несчастья. Несчастье состоит в том, что мы Ваше августовское письмо так и не получили. А счастье в том, что у Вас день рождения. Так как перспектива все поздравления и пожелания высказать Вам лично остается под большим вопросом, мы бы хотели сказать Вам сейчас, как мы счастливы, что встретили Вас однажды, и мы надеемся, что Вы как можно дольше останетесь такой, какая Вы есть.

Письмо потом. Не сразу, к сожалению, — слишком много работы. Под вопросом остается также поездка в Помпеи. Жаль.

Остаемся, милая Эллен, как всегда Ваши

Р. и Г. Кнабе

Г. К. Москва 23 июля 2009

Дорогая Эллен. —

Прошло уже полгода, как нет Риты, но я не в состоянии это полностью осознать. Время от времени я перечитываю Ваше письмо. Спасибо. Меня только преследует одна мысль, что она избрала наилучший путь.

Я не могу себе представить, как бы она смогла жить без меня, что я делаю сейчас без нее. Я пытаюсь жить дальше, и это мне более-менее удается. Мне нашли помощницу, которая взяла на себя полностью все заботы, связанные с бытом. Время от времени мне заказывают что-нибудь написать и опубликовать, иногда меня приглашают в гости, или я зову гостей. С большим трудом и стараниями мне удалось преодолеть многочисленные болезни. Было бы это все возможно для нее одной? Я не могу себе это представить без мучения, как бы она смогла одна все это преодолеть. Если бы она все это делала, было бы это для нее непереносимым?

С другой стороны, жизнь течет тихо, спокойно. Ландшафт, что я наблюдаю из своего окна, монотонный и ужасный, но тоже спокойный. Помощница в определенном смысле отчуждает меня от быта, но делает его удобней. Как может проходить жизнь без НЕЕ так спокойно и удобно? Она была бы этим довольна. Но не является ли это почти непереносимым грехом с моей стороны, воспринимать так спокойно жизнь без нее?

Ваш, wie immer, с благодарностью

Г. Кнабе

Э. Б. 20.08.2009. Все еще Рига.

Дорогой Георгий Ст. —

Я так обрадовалась, когда Иоганн из Ганновера прислал мне Ваш мэйл!

Но с некоторых пор у меня есть собственный электронный адрес, я купила себе осенью компьютер и просто очарована его возможностями, что только можно в компьютере сделать! И это не так уж трудно.

Ваше письмо пришло три недели назад, но у меня одну неделю были гости, русские из Санкт-Петербурга!!

Это друзья, с которыми я еще с 1980 года знакома, через Бернда, но они не говорят по-немецки ни слова! Дорогой Георгий Ст. — это меня так безмерно напрягло — я не могу Вам сказать, КАК СИЛЬНО меня это напрягло!

У меня есть здесь хороший друг, который говорит очень хорошо по-русски, и которого я приглашала каждый день на пару часов, и это сделало ситуацию несколько переносимой. Я упоминаю об этом только потому, что если бы не эта ситуация, я бы давно ответила Вам.

Дорогой Георгий Степ. — я видела также, что Рита без Вас чувствует себя несколько беспомощной, и я всегда старалась, потому что такая моя натура, прийти ей на помощь. Но я думаю, какими интересными могли бы быть у нас с ней разговоры.

Вы знаете, очень часто мужчины умирают раньше женщин. И причина этого в том, что для мужчин, вступающих в пенсионный возраст, ЖИЗНЬ прекращается, в то время как у женщин она продолжается дальше: семья, хозяйство, кухня, дети, внуки и также поддержание дружеских связей.

Но у Вас, как и у Георгия Годера, ваша жизнь — это также работа, как говорится, номер один, и это помогает от падения в пустоту... (Я плаваю, Вы философ!)

Но тем не менее: Вы прожили долгую, почти целую жизнь с Ритой, — доныне — но сейчас у Вас есть все еще жизнь, и это есть новая данность, у Вас, у меня, у Георгия, у всех людей. И если человеку послана катастрофа, он ничего не может сделать против этого, но и не надо, если у него есть интересное дело.

Дорогой Георгий Степ., не смейтесь, пожалуйста, надо мной, — Вы профессионал, а я дилетант, вынужденный понимать несколько витиеватый ход мыслей.

У Георгия несколько схожая ситуация: Ирина без Георгия, — я думаю, она не смогла бы одна жить, или если — только очень печально думать.

Дорогой Георгий, если Вы найдете ошибки в моем письме, я не изобрела нового правописания, это просто опечатки.

Я приветствую Вас много раз!

Ваша Эллен

Э. Б. 21.08.2010

Дорогой Георгий Ст. —

— я знаю, я опоздала на один день. Но вчера, возможно, мой маленький мэйл утонул бы в массе других поздравлений! Это не отговорки, — если бы я могла, я бы сразу в полночь позвонила или написала, пока день рождения был еще «совсем свежий» и только начинался.

Дорогой Георгий Степанович, если задуматься, это заслуживает внимания, что мы, — я думаю — уже 30 лет знакомы, — целую треть Вашей жизни и «почти» моей.

Я не знаю, как Вы себя сейчас лично чувствуете, — в общем, и в особенности, — но я желаю все же, — «по возможности хорошо» («очень хорошо», сказать в нашем возрасте редко возможно).

В любом случае, в этом смысле, мои сердечные поздравления и пожелания.

Ваша Эллен Беккер

Г. Кнабе — Й. Вейнберг

Г.К.05.12.2000

Дорогие друзья!
Ваше письмо от 13 ноября доставило нам еще больше радости, чем обычно. В свете всех телевизионных новостей мы за Вас начали здорово беспокоиться, пытались узнать кое-что у тамошних людей, и Ваше разъяснение о том, что «ситуации напряженности имеют точечный характер», Вас не касаются, и что Вы даже умудрились в разгар событий съездить искупаться, внесли в наши смятенные души некоторое успокоение. Поэтому поступаю вполне традиционно: кладу Ваше письмо перед собой и начинаю отвечать по пунктам. —

Со здоровьем у нас лично — тьфу! тьфу! — пока всё более или менее обошлось, разумеется, как Вы выражаетесь, в пределах паспортной нормы. Хуже — не у нас. Вы знаете примету, согласно которой високосный год есть год несчастий. Уходящий год — двухтысячный, т. е. високосный четырежды, и он был (и еще не кончился) чудовищным. Мне сейчас трудно сообразить, кого из людей, им настигнутых, Вы знали, а кого уже нет. Вчера похоронили Юру Бессмертного — историка-медиевиста, который в последние годы был очень активен, вел свой семинар по историческому смыслу частной жизни, выпускал сборники этого семинара (в них печатались из людей Вам бесспорно известных Ирина Сергеевна и Мэри Абрамсон). Человек он был не из самых нам близких, но постоянный элемент того духовного и культурно-исторического пейзажа, в котором мы прожили жизнь: арбатское происхождение, довоенная школа № 9 (я учился в школе № 10), фронт, служба в Ин-те истории Академии наук, острое переживание

ветра «Анналов». Умер мой соученик по ИФЛИ и многолетний директор литературного музея Пушкина Шура Крейн, только что вернулся из больницы после третьего инфаркта Баткин, оправляется после раковой операции Гаспаров. По Вашим словам, *zu viel des guten*, а ведь перечислил я далеко не всех.

Нам пришлось задуматься над загадочной фразой о том, что «Л. А. была в состоянии предпринять трудную и прекрасную поездку по Франции». Что означает единственное число глагола — она ездила одна? Если Вы были рядом, то, путешествуя по Провансу, догадались ли Вы заехать в *Vaison-la-Romaine* — родину Тацита? Это очаровательный и хорошо сохранившийся римский городок, а Вам как античнику вдвойне важный. Догадались? Так или иначе, Л. А. поздравляем с этим подвигом от всего сердца.

Ваша фраза о том, что историки будущего ничего не поймут в нашей жизни, если будут судить о ней только по телевизионным новостям, не такая уж шутка как может показаться. Растворение истории в повседневности, в быте и субъективности, которому мы так радовались 30 и 40 лет назад, к концу века обернулось полной и последней атомизацией и, компенсаторно, напряженными поисками реидентификации и реэтнизации. Насколько можно судить отсюда, у вас эти процессы протекают очень остро.

Здесь они тоже бешуют и — что не менее важно — в растущей мере становятся предметом художественного самосознания. За последнее время нам попались три очень талантливых и значительных книги, это подтверждающих — *Буква «А»* В. Маканина (Новый мир № 4 за 2000 год), «Алтын-Толобас» человека по фамилии Чхартишвили, но который публикуется под псевдонимом Б. Акунин и в прошлом году прославил этот свой псевдоним бестселлером «Азazelль», и, наконец, роман в недавнем прошлом коммерсанта, а ныне профессионального и успешного писателя Вардвана Варжапетяна «Возвращение Ноя». Если какая-нибудь из этих книг будет в пределах Вашей досягаемости, не полнитесь.

Что же Вам еще сказать о себе? Я много печатаюсь. Больше всего из появившегося в последнее время *me tient au coeur* большая статья о постмодернистском характере современной цивилизации. Она появилась в сборнике, озаглавленном «Красные Холмы», который по выходе тут же исчез и даже, по-моему, не появлялся в магазинах. Если она Вас заинтересует, попытаюсь ксерокопировать и как-нибудь переслать. Из античных вещей написал статью в печатный лист о Нероне для электронной энциклопедии «Кирилл и Мефодий» и готовлюсь написать для них же обобщающую статью «Древний Рим». Есть и еще многое. Спасибо Вам за разъяснения по поводу ветхозаветного текста о древе познания и древе жизни — теперь, по крайней мере, есть гарантия, что я на лекциях не говорю на эту тему глупостей. Ваш «Танах» — это *quite an impression*, но об этом в следующем письме. Что такое «терминология изгнания»?

Будьте здоровы и главное — благополучны. Ревекка кланяется.
Л. А. от нас обоих сердечный поклон.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 05.01.2002

Дорогие Вейнберги!

С Новым годом! «За святой девиз «Вперед!»», как говаривал полтора столетия назад один хороший русский поэт. Уж куда этот святой девиз нас принесет, неизвестно и вряд ли в какие-нибудь обетованные места, но все-таки не назад. За последний месяц я ездил с лекциями в Констанцу, а вместе с Ритой мы ездили в город Иваново для встречи с местной общественностью, и в Переделкино, дабы принять участие в конференции по творчеству Окуджавы. Так вот — только в одном случае, в Переделкине, это движение вперед выступало как чистая утрата, и двигаться дальше вперед в этом направлении не хотелось; в другом случае, в Констанце, двигаясь вперед, попадаешь в новый

и в этом смысле чужой мир; ничего привлекательного в нем не видно, но и ничего тупикового, влекущего назад, тоже не заметно; пускай себе, пожалуйста. Наконец, в третьем случае, в Иваново, в русской провинции, ничего своего, близкого и привлекательного тоже нет, и желания попасть назад тоже не возникает, но если все-таки и возникает, то скорее — присмотреться к тому, что может быть и вырисовывается в туманном будущем. Так что — «За святой девиз «Вперед!»» и, как цитировали в Переделкине Окуджаву: «Но только в Портленд воротиться не дай нам Боже никогда».

В нашей жизни за прошлые месяцы, что мы не переписывались, ничего особо нового, пожалуй, не произошло. Я тружусь. Лекций в первом семестре у меня не бывает, с февраля надо начинать. Насчет святого девиза здесь кисло. Мир меняется так стремительно и *nos mutamur in illis* — не только *nos*, но еще стремительнее — студенты, так что старые освоенные и привычные формы преподавания и само излагаемое содержание требуют во многом нового подхода, нового поведения, новых методов. В Констанце я в этом убедился еще раз. Связная, системная, хронологически выстроенная и проблемно анализируемая картина былых эпох никого, кажется, больше не интересует. Коренные положения постмодерна: «целое — мертво, только не ставшее и отдельное истинно», «структура — подавление индивида» и «хаос всегда человечнее порядка» проникают всюду и в практику преподавания в том числе. Вот и я на старости лет — разумеется, с помощью молодых компьютерщиков — взялся за превращение своих конспектов в последовательность сидеромов. Посмотрим, что выйдет.

Рита — уж решайте сами: следует за святым девизом или хранит традицию — очень увлечена темой «Русские классики и женщины». Подсознательно, наверное, играет какую-то роль современное увлечение гендерными делами, но сама она, конечно, осознает то, чем занимается, как удовлетворение своего интереса к русской литературе, привлекавшей ее всю жизнь. Кое-что — этюды о Тургеневе, о Гоголе — напечатаны, кое-что *sur le chantier*.

Что у Вас? Сведения о Л. А., до нас доходившие, были противоречивы. С одной стороны, она болеет и плохо себя чувствует, с другой стороны — она много занимается рисованием и уже на этом основании духовно цветет. Или теперь все мы уже живем в этих обеих сторонах одновременно? Как выглядит и как переживается Ваше, И. П., пенсионное состояние? Нам эта форма жизни недоступна просто потому, что оставить работу никто из нас не может — жить на пенсию, даже по здешним масштабам немалую, очень трудно, все время приходится прирабатывать. Конечно, работать и чувствовать себя востребованным — хорошо, но строить свою работу по своей внутренней логике, по тому, куда ведет тебя исследование, в большинстве случаев не получается; чаще приходится учитывать, как эта работа будет оплачена. Что происходит вокруг Вас? Кое-что мы знаем из так называемых медиа, но как это реально выглядит и как касается Вас — неясно.

Пишите и не забывайте Ваших.

Р. С. Постмодерн пролезает в самые разные щели, в частности, в литературоведение. Мы окружены докладами и публикациями, посвященными так называемым «мотивам». Метод этот состоит в том, что в некотором тексте обнаруживается какой-то элемент, содержательный, стилистический или любой иной. Задача усматривается в том, чтобы найти, где он еще встречается, независимо от времени и места. В повести Гоголя «Нос», например, нос, как известно, отделяется от своего обладателя, а в фольклоре камчатских народов есть ряд произведений, где описывается, как отделившаяся часть тела начинает вести самостоятельное существование и злобно преследовать своего бывшего обладателя. Задача состоит в обнаружении и описании таких переключек, и этим исчерпывается. Предполагается, по-видимому, что таким образом выявляется некоторый живущий в подсознании человечества субстрат, скрытый за искусственно риторической поверхностью культуры — см. Кристеву, Деррида и мн. др. Так вот на упомянутой выше конференции по Окуджаве такие доклады были представлены весьма обильно. Один из них, в частности, был представлен некоторой дамой

из Свердловска (нынешнего и преждебывшего Екатеринбургa) по имени Раиса Шоломовна Абельская, и назывался «О еврейских мотивах в поэзии Булата Окуджавы». Там был выделен некоторый ряд таких перекличек и, в частности, говорилось что в Ветхом Завете мир иногда (так?) обозначается как «мир семи морей», что воспроизведено в очень известной песне Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы // За столом семи морей // Вы пропойте, вы пропойте // Славу женщине моей». Никаких оснований думать, что здесь перед нами сознательная цитация нет, но совпадение, действительно, есть? Напишите, пожалуйста, что обо всем этом надо думать.

Еще раз всего доброго.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 26.05.2002 Москва

Дорогой Йозель Павлович, —

спасибо за Ваше последнее, февральское, письмо, как всегда интересное и обильное сведениями. Я так долго не отвечал, потому что, к сожалению, (или к счастью) переписка моя растет, реагировать на письма немедленно по получении становится все труднее, загруженность тоже растет непропорционально возрасту и поэтому пришлось придти к системе, при которой я 2–3 раза в год делаю паузу в работе и сажусь на недельку с удовольствием отвечать на милые письма милых людей. Так что не сердитесь и простите великодушно.

То, что Вы пишете о себе, приятно, интересно, и вызывает чувства радости за Вас. Сюда относятся и многочисленные научные поездки (я надеюсь, что Л. А. ездит с Вами?), и творческая продуктивность, и удовлетворение тем, как складывается жизнь детей, внуков и даже правнуков. От души желаю Вам, чтобы все это сохранялось и росло. «Таннах» я получил сравнительно недавно и отложил чтение его до летнего отдыха (который мы, как всегда, будем проводить в Переделкине). Чув-

ство радости несколько осложняется беспокойством в связи с информацией иного рода (извините, что сую нос не в свои дела, но я, может быть, имею на это право, потому что испытываю беспокойство в этом смысле прежде всего за самого себя). Ваше полуироническое — полупрезрительное отношение к компьютеру и электронной почте, такое же отношение к сдвигам в характере и условиях вузовской работы, квалифицируемым как «постмодернистские игры вокруг науки», некая комфортность самоощущения на фоне происходящего в мире и в стране — не указывает ли всё это на некоторое снижение порога духовной и нервной чувствительности и остроты реакции, а это — говорю потому, что ощущаю в себе ту же угрозу — штука опасная. How do you feel about it?

Наши дела внешне идут по-прежнему. Р. Б. много тратит времени на быт, читать она все-таки умудряется довольно много, но на написание статей возможностей и сил остается досадно мало. Я продолжаю (немного) лекции в университете, изредка получаю приглашения в другие вузы, кое-что напечатал — у *compris* небольшую книжечку под названием «Перевернутая страница» про судьбу и исчезновение с арены истории русской интеллигенции. Попытаюсь переслать книжечку Вам, может, получится. Читаю довольно мало — текущую философскую публицистику и кое-что из мемуаров, на которые по мере погружения в старость становится все более торогато наше поколение.

Обнимаю Вас. Р. Б. кланяется Вам обоим, я присоединяюсь.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 17.11.2009 Москва

Дорогой Йозель Павлович, —

Ваше письмо от 8 сентября посвящено самому важному конфликту нашей жизни — отношению человека с временем, конфликту самому важному потому, что мы призваны постоянно его решать, и это

отчасти удастся и столь же постоянно не удастся. Мне как-то за все годы знакомства не удавалось, — а им уже без малого тридцать! — выяснить, как Вы относитесь к Гегелю. Я всю жизнь относился к нему с взволнованным и напряженным интересом, именно из-за обстоятельства только что упомянутого. Что значит: «выявить»? Выявить, как это у них получилось сохраниться в VI веке? Ведь выявить — это не значит «разгадать», как разгадывают, например, кроссворд. Выявить — это значит «сопережить», а «пережить» — значит стать и теми, и не теми — что невозможно. Но вы *должны* знать, должны нести в себе уверенность, что стали «теми» в большей мере, нежели «не теми», а это значит, что в Вас живет что-то, чем жили «те» — «они»: перелом, появление чужих, утрату земли, слом атмосферы. Так значит «живет», а Вы говорите писать ручкой, т. е. знать, что мир стабилен, а слом атмосферы, если и реален, то только во внешних, технических проявлениях, а, в общем, Вам «комфортно» (Ваше словечко!) в своей «отсталости» (Ваше словечко!), поскольку никогда ничего не менялось и не переживалось так, как менялось и переживалось у них в VI веке. Друг мой, Вы кончите академиком. (Кстати, что такое ДУ?).

Я пытаюсь объяснить себе и людям, какой слом должны были пережить те, в VI столетии, если я внутренне переживаю примерно то же, что они, глядя сегодня вокруг себя на то, как мой мир становится безграничной информационной вселенной. А Совет Европы добивается (и добьется!) объявления себя каждым принадлежащим к тому культурно-историческому национальному целому, которое ему пришло в голову счесть «своим». Вот так-то. Чувствую я себя телесно на троечку, а глобально — в соответствии с выше сказанным.

Всё-таки напишите о вещах «комфортных» и «отсталых» — как Вы живете? Как живут люди вокруг Вас? Как себя чувствуете? Сохраняется ли Ваша иерусалимская академически-пенсионная квартира? С кем общаетесь? Я обещаю и постараюсь ответить тем же. Любви Абрамовне самые сердечные пожелания.

Ваш Г. Кнабе

Г. Кнабе — М. Каган

Г. К. 17.12.2002

Глубокоуважаемый Моисей Самойлович, — большое спасибо за книгу. Я получил ее в июле, взял с собой на августовские каникулы, и рад возможности теперь поделиться с Вами впечатлениями. Книгу я прочел с великим интересом, с радостью и сожалением.

С радостью потому, что ничто не может быть сегодня значительнее и важнее сделанного Вами: ощутить «бремя стыда» за историю пережитого времени и потребность в покаянии. Такого рода потребность — особый талант. При взвешивающем и подсчитывающем чисто рациональном подходе выясняется ведь, что очень многим людям нашего поколения и круга каяться вроде бы и не в чем, а значит и незачем; он не доносил, не клеветал, не пытался погреть руки на чужом несчастье, не заискивал перед хозяевами строя и не делал большой карьеры. Подлинная, не разменивающаяся на самоутешительные расчеты потребность возникает и побуждает человека очиститься, подчиняясь лишь нравственному инстинкту, без предварительных размышлений, без подсчёта того, есть ли ему от чего очищаться и стоит ли это делать. Вы эту потребность ощутили и пережили, и это важно и радостно.

Сожаление же вызывает откровенная и более или менее полная ориентация книги на политическую сторону жизни. Мы с Вами мало знакомы, но в «Граде Петровом» запечатлен образ автора, пережившего историю города как свое личное дело, переживающего культуру экзистенциально и потому — можно предположить — несущего в себе историю, общественную жизнь, их рефлексы в искусстве, в повсед-

невном быту, в научном постижении действительности и в эмоциональном тоне, который такое постижение приносит, как главное содержание сознания. Куда же все это делось? Тридцатые годы были временем жутким, гнусным и трагическим. Но ведь у всех нас вся эта трагедия, жуть и гнусность преломлялись в сознании, уже тогда вставшем на путь поисков истины и нравственной ответственности, и они, эти поиски и эта ответственность, прокладывали себе путь, заполняли мысль и душу складывающегося человека. Так не лучше ли, исторически не точнее ли писать и об этой, в конечном счете, итоговой стороне дела?

Писать не только об одном и не только об одном рядом с другим, но об одном сквозь другое. Космополитическая кампания была не просто мерзостью, но мерзостью, рассчитанной на растление души. Если душа, в конечном счете, все-таки выстояла, то почему? Да потому, что бесконечное сидение в библиотеках и бесконечное число прочитанных книг — великих книг! — откладывались в душе, составляли устойчивый фон, постепенно, по ходу жизни сквозь последующие десятилетия затмевавший узоры, наложенные на него теми годами и теми мерзостями. «Блажен, кто ведал вдохновение высоких мыслей и стихов.» Почему же оказалось ему, этому вдохновению, так мало места в рассказе о прожитой жизни? Так, в главе об «оттепели» вскользь упоминается о возникшем у Вас в эти годы интересе к прикладному искусству и о книге, этот интерес отразившей (с. 83). Ведь этот интерес к низовым, массовым формам жизни, к культуре повседневности, сама шестидесятническая демократизация жизни и мышления была несравненно более важным событием нашей духовной биографии, чем внешние приметы времени, о которых Вы рассказываете подробно. Право же, нельзя допустить, чтобы в итоговом рассказе о жизни, прожитой «так сложно, так трудно и радостно», на первый план выступила политическая и событийная ее поверхность, выступили доносчики, чекисты, провокаторы, кеменовы и бери. Не слишком ли это большая для них честь?

Не поленились достать вышедшую в прошлом году книгу актера Михаила Козакова «Актерская книга», тоже рассказ о прожитой жизни, тоже ленинградца и тоже хлебнувшего полной мерой всех прелестей, выпавших на долю нашего поколения. Мне кажется, что ему удалось то, о чем я здесь пытаюсь сказать.

Спасибо еще раз. Поклонитесь, пожалуйста, Вашей милой жене. Моя жена Вас приветствует.

Ваш Кнабе

Г. Кнабе — А. Коряковцев

Г.К. 11.01.2005

Любозный Андрей, — культура, как и искусство, знаковы. Это значит, что они состоят из материальных объектов и из смысла, который они обретают в Вашем опыте и в котором они выходят за свои физические пределы, ибо несут еще в себе и полувнятные довербальные образы, живущие в Вашей памяти. Память же Ваша, в свою очередь, имеет содержание, и это содержание — культурно-историческое, вошедшее в Вас из исторической среды и культурной атмосферы. Только в единстве объекта и опыта, памяти, в которой они живут и пережитой истории, в которой они насыщаются обертонами, существуете Вы как атом культуры, атом же, как известно, частица целокупной материи, а Вы, как известно, индивидуализация этой совокупности.

Технические приемы — часть той же совокупности. Сочинения Гайдна, написанные для клавирина и переписанные в наши дни для рояля — это не одно и то же сочинение, лишь существующее в двух физически разных формах, а два разных сочинения, как бы ни совпали их нотные тесты. За каждым из них — другой опыт, другой мир образов, другой социум, другая история и другая культура восприятия, и, соответственно, другой человек (хотя бы он и был тем же самым по паспорту). Вы и выступаете в Вашем письме как этот другой человек, набравший на своем компьютере «интернет — это всего лишь один из многих способов донести информацию до реципиента, причем в определенном смысле *качественно* (курсив Ваш!) не отличимый от книгопечатанья». Помимо всего сказанного выше, книга — предмет, перегруженный обертонами информацией. Ее делал коллектив, по

определенным правилам для определенной аудитории, включающим ее в определенный культурно-исторический контекст. Ее бумага и ее шрифт локализуют ее в Вашей памяти. Обращаясь к ней, Вы ищете zapomнившееся Вам место, перебирая в памяти тематические пассажи. Книга мало подвижна. Она укоренена на Ваших полках в Вашей квартире и как бы слита с ними. Ее чтение входит в Ваш нарастающий и органически меняющийся внутренний опыт, и изолировать ее от этого опыта, который называется «Вы», Андрей Коряковцев, не получается. Информация — часть Вашего более глубокого «Я».

Все это включает Вас в определенную культурно-историческую среду, порождением которой Вы являетесь. У Вас есть иллюзия, что Вы можете, принадлежа к ней, в то же время жить в другой, электронно-информационной, среде и использовать только ее внешние, технические возможности. До определенного предела это возможно. Возможно до тех пор, пока Вы пользуетесь компьютером, оставаясь в Ворде, т. е. используя его как очень усовершенствованную пишущую машинку, пока не устанавливаются связи между *его* моделью мира, ориентированной на культурно-историческую реальность, отличную от Вашей. Поступая в вуз за взятку, за взятки сдавая экзамены, Ваш студент пользуется вузом как компьютером. Щелкнув по окошку «Язык», он не делает ничего, кроме смены шрифта, нажимая комбинацию клавишей, называемую «вручением», он не достигает ничего, кроме диплома и устройства на должность. На этой должности он нажимает следующую кнопку, задающую набор алгоритмов его служебной деятельности (и Вашего внутреннего мира, жившего в Ваших лекциях, не касающуюся). И т. д.

Извините, дорогой Андрей, я слишком увлекся и занял слишком много Вашего и моего времени. Тема эта поддается значительному дальнейшему развитию.

Поклонитесь Вашей жене. Р. Б. приветствует.

Г. Кнабе

Г. Кнабе — Ш. Маркиш

Ш. М. 21.12.1995

Дорогие Юра и Ревекка!

Мои самые сердечные пожелания на 1996! (Увы, никакие пожелания не уменьшают бремени лет, но надо держаться — другого выхода нет.) Спасибо за подробное письмо — как будто вновь мы сидели рядом за столиком в том парижском трактире. Хочется и самому ответить так же подробно, но, увы, оказия ждать не хочет и не может, а потому...

Вы спрашиваете о здоровье — вроде бы, и не совсем худо, но, в то же время, не дает о себе забыть ни на день: последствия операции. Так что, опять-таки вроде бы, и жаловаться грех, и хочется пожаловаться. Но — в меру отпущенных мне сил — стараюсь гнать хандру.

А так называемый постмодернизм не вызывает во мне никакого отзыва what-soever. Разумеется, о сочувствии, хотя бы минимальном, не может быть и речи. Но даже ярости не вызывает: так, разве что враждебное недоумение — зачем это? Кому нужно, кроме автора и 2–3 десятков потребителей моды? Но беда в том, что в точности так же рассуждали хулители того, что с тех пор стало классикой. Только никак не в состоянии представить себе, что имяреки (скорее *nomina sunt adiosa*) станут не то, что классикой, а хотя бы частицею культуры.

Обнимаю вас обоих, всего-всего самого лучшего!

Ваш С. М.

Ш. М. 21 марта 1997

Дорогой Юра!

Из того, что мое предыдущее письмо дошло, делаю, быть может, слишком оптимистичный вывод: дойдет ли это? Но альтернативы (т. е. оказии) нет, и вот — пишу и отправляю.

Спасибо огромное за все хлопоты вокруг книги. Если бы не Вы, ничего бы и не сдвинулось с места.

Вы спрашиваете о моих планах. Их нет. Если обломится вдруг какое-нибудь приглашение, я его, видимо, приму, но искать (в обоих смыслах) категорически не буду. Финансовой («лукративной» — цитирую Вас) триады в этом нет: несмотря на скромность (по швейцарским меркам) моей пенсии, я могу прожить более-менее безбедно, а, следовательно, искать-заискивать не вижу надобности. Страсти к перемене мест и обстоятельств давно нет, а честолюбия/тщеславия не было никогда. Вы видите, что все тянет к пребыванию в природе Женевы.

(Кстати, не помню, сообщал ли я Вам свой новый адрес...).

Публикации? Хотелось бы написать еще об одном «отце-основателе», Григории Богрове, фигуре во всех отношениях, вроде бы, второстепенной, но все же основополагающей: от него, как мне видится, пошла та часть еврейской по происхождению «творческой интеллигенции», которая приводит к Пастернаку, Лидии Гинзбург, Давиду Самойлову, а из тех, что поближе к сегодняшнему дню, скажем, к Андрею Немзеру. Но тут, мне кажется, надо бы порыться в библиотеках и, может быть, архивах в России. Может быть, и рискну, если знакомые-друзья подготовят почву.

Сережи Аверинцева новую книжку не видел, но после Вашей аттестации разыщу, как только вернусь в Европу: здесь ничего российского нет.

Еще раз спасибо!

Привет самый сердечный Ревекке Борисовне.

Обнимаю,

Ваш С.

Ш. М. 25.01.2000

Buda(Pest)

Дорогой Юра!

Спасибо за письмо, адреса, и главное — за признание сопоколенцем. Конечно, мы, как говорили в 30-е и 40-е, цитируя Киплинга, конечно, «мы одной крови». И не только хронологически, но идеологически. Ненависть к идеологии, а по сути — к мировоззрению, это еще один знак деградации, в том же ряду, что оглушительный «рок» и сексуальная революция. Так вот, независимо от моего местопребывания и выхода вон из нелюбезного отечества, мы с Вами стоим на том же фундаменте, ни минуты в этом не сомневался и не сомневаюсь.

Ваше письмо шло очень долго: через Женеву. Я ведь в Будапеште — как НЭП у Ленина: всерьез и надолго. А точнее — до середины лета. Этот «колледж» (Collegium Budapest) платит мне скромную стипендию не за преподавание, а только за честь (!) считать меня своим fellow, который, fellow? Пишет свою нетленку в полной изоляции от остальных fellows, как senior, так и junior. Стало быть, писать мне надо либо по тому адресу, что на конверте, либо домой: ...

Приглашение для Вас пока откладывается. И вообще, согласитесь ли Вы приехать не на серию лекций, а на одно выступление, т. е. на 4–5 дней максимум и без (или почти без) гонорара? Насчет серии лекций я пока и не думал, но могу (и сделаю это) поразведать в так называемом Central European University, который кормится из рук Soros'a.

За хлопоты о моей книжке спасибо, но я переживу без труда и более долгое ожидание. Кстати, книжулька, которую я Вам и Ревекке дарил в Париже, вышла в России и даже продается. Я, понятно, не получил ни экземпляра, а дама, которая хлопотала насчет издания, исчезла с моего горизонта. (Про и выход, и продажу мне сообщила жена Юрского, Наталья Тенякова.) Не надо ли Вам упомянуть в издательстве об этом обстоятельстве? (Пардон за рифму!)

Очень рад за Вас, что Вы побывали в Риме. В первый раз? Один или вместе с Рев. Бор-ной? Я Рим люблю умеренно, Остию — больше. (Там

мой сын ждал американской визы 15 лет назад, и я ездил к нему из Женевы дважды.) Прохладные чувства к Риму, видимо, связаны с отвычкой от больших городов. Я и Парижа-то не жалею, а от Лондона готов на стену залезть. Не сочтите за снобизм, скорее это страх.

Пытаюсь понять, какой механизм у зарождения ненависти к самому себе, к своей среде, культуре, традициям, предкам *ets.* Почему Пастернак так ненавидел свое происхождение (см. известное ныне письмо к Горькому 27-го года)? Мне это нужно для моего «героя», Богрова. Но, конечно, Пастернак — случай куда более интересный. Интереснее (намного!) Мандельштама. Вы когда-нибудь об этом задумывались, был бы просто несказанно рад узнать Ваше мнение.

Вы ничего не написали насчет сердца — как оно там себя ведет. Значит ли это, что жаловаться особенно не на то?

И я, дорогой брат, запоздало поздравляю Вас с Новым Годом. А век и тысячелетие обновятся только через год, смею Вас заверить.

Обнимаю Вас обоих.

Ваш С. М.

Г. К. 18.11.2000

Милый братец, —

не имел от Вас ничего с ноября прошлого (1999) года. Надеюсь, что Вы получили мое декабрьское письмо того же года с интересовавшим Вас адресом Селезнева, переводчика Ветхого Завета. Надеюсь также, что Ваше продолжительное молчание не означает ничего, кроме спокойно удовлетворяемой потребности в *dolce far niente*. Тревога по этому поводу вызвана бесконечными подтверждениями старинного суеверия, согласно которому високосный год — год несчастий. 2000 год, т. е. год как бы четырежды високосный, побил в этом смысле все рекорды. Не могу точно восстановить в памяти, кого из людей, отмеченных этим четырежды високосным, Вы знали, а кого уже нет. В моем окружении, не всегда самом близком, но и отнюдь не самом дальнем,

умерли писатель Данин, дизайнер и мой школьный соученик Женя Розенблюм, деятельница «Мемориала» и моя соученица по ИФЛИ Аня Гришина, историограф ИФЛИ Алик Коган, ифлиец и директор Пушкинского музея Шура Крейн, лежит в больнице с третьим инфарктом Баткин, только что вернулся оттуда после (надеюсь — радикально-го) удаления раковой опухоли Гаспаров. На днях я получил с оказией большое письмо из Бордо от Виктора Ярхо. Он тоже платит дань четырежды високосному — десять лет болеет раком и сейчас переживает обострение. Но и противостоит ему: он узнал от Вас о моей книжке про русскую античность, добыл ее и в этом письме прорецензировал, добросовестно и учёно, приложив несколько своих оттисков последнего времени. Оценка их по существу — *beyond me*, но «экая энергия и сила жизни», как говаривал классик. Давайте держаться и мы — писать почаще, а если писем долго нет, то не сомневаться, что это от лени *and nothing else*. Хотя «мы» здесь сомнительно — я всё-таки на десять лет Вас старше.

Впрочем, есть основания и спокойно отдать дань естественному коловращению событий. Оснований — два. Первое состоит в том, что в жизнь входят и в науке занимают свое место те идеи и методы, за которые мы так страстно боролись и ломали копыя 30 — 40 лет назад — культура повседневности, семиотика культуры (в отличие от лотмановской семиотики текста), контркультурные явления, вроде рок музыки и т. д. В составе РГГУ есть Институт Европейских культур (ИЕК) — скорее лекторий, чем учебное заведение в собственном смысле слова. Там хорошо платят и поэтому туда рвутся люди молодые, энергичные, с обостренным чувством локтя (как инструмента отталкивания ближнего). Казалось бы, это предпосылка плохого теоретического уровня. *Nothing of the kind*. — На днях они издали программы тех лекционных курсов, которые у них читаются. Как что-то само собой разумеющееся, они повторяют вещи, за которые Гуревича когда-то «возили мордой об стол», а нас, грешных, поносили со всех кафедр. Все вошло в свое русло. Можно помирать спокойно — дело сделано.

Второе основание для того, чтобы не рыпаться, а спокойно отдаться бегу времен и тем неизбежностям, которые он с собой несет — окружающая атмосфера, что там, что тут. Как говаривал некогда наш с Вами общий друг Цицерон: «Magnum tamen adfert mihi aetas ipsa solacium. Diutius enim jam in hoc desiderio esse non possum. Omnia autem brevia tolerabilia esse debent, etiamsi magna sunt» («*все-таки самый возраст мой служит для меня большим утешением. Ведь предаваться этой тоске очень долго я уже не смогу, а все кратковременное мы должны переносить, даже если оно тяжко*» — ред.). Насчет aetas ipsa (*мой возраст* — ред.) — стукнуло мне недавно, простите за натурализм, восемьдесят. Была в мою честь некая конференция, речи, подношения, застолье и тосты. Приятно, но поколебать справедливость остального цicerоновского текста не получается. Вряд ли стоит долго останавливаться на деталях и обоснованиях — Вы и так все знаете и понимаете.

О текущих делах и впечатлениях много не скажешь. Я по-прежнему работаю в РГГУ, лекции читаю мало — теорию и историю культуры и античный тип культуры (в основном, разумеется, на римском материале), пишу и печатаюсь много. В Москве выходит для учителей газета «Искусство». Я там напечатал цикл статей по римскому искусству. Основная мысль: искусства в Риме как самоценного творчества, художественного видения мира в образах нет. Оно есть форма обслуживания, прославления и укрепления res publica. Там, где оно перестает исчерпываться этой функцией, оно начинает восприниматься только альтернативно — как чистая прихоть, забава, свободная и безответственная игра фантазии, otium (*праздность* — ред.) в самом ограниченном и прямом смысле, что объясняет такие явления как вилла, помпейская настенная живопись, особенно II и IV стиля, все нуво-ришеские игры, вроде садков для хищных рыб, орнитонов и т. д. Как Вам? О том, что, на мой взгляд, происходит сегодня с русской интеллигенцией и об исчерпании ее исторической роли, я Вам кратко писал в прошлом письме, не упомянув, правда, о том, что подробнейшим образом пытался разобраться в этом в большой статье об Арбате (Ар-

батская цивилизация и арбатский миф. В кн.: Москва и «московский текст» русской культуры. — М., изд-во РГГУ, 1998). Если Вас это заинтересует, вышлю.

Для меня особенно важной была попытка разобраться в третьей эпохе бытия нашего поколения: в наступившей после первой — «реального социализма» 30-х — 50-х, после второй — альтернативно, контркультурно, молодежно — маргинальных шестидесятых (длившихся до второй половины 70ых), эпохе глобально информационной и постмодернистской. Большая статья об этом была напечатана в практически ненаходимом сборнике «Красные Холмы» (М., 1999). Опять же если заинтересует, попробую отсканировать и вышлю.

Что касается повседневного существования, то оно длится относительно и на очень невысоком уровне благополучно, пронизанное постоянным ожиданием того, когда это благополучие сорвется — по причинам как личным, так и глобальным. Значительно важнее и интереснее, как оно протекает у Вас — как Вы справляетесь с хворями, с бытом, с контактами — ближайшими и более отдаленными, посещают ли Вас впечатления и идеи и что Вы с ними делаете, видите ли кого из общих знакомых? Каковы итоги Вашего пребывания в Венгрии?

Относительно сборника Ваших статей, который третий год лежит в нашем университетском издательстве и постоянно переходит из одного официального плана в другой, писать нечего и не хочется. Я осведомлялся о нем вначале каждый месяц, потом каждые полгода, неизменно получал ответ, что, дескать, вот-вот, а поскольку ответ давали люди еще сравнительно недавно хорошие, принадлежавшие к нашему кругу и для которых Ваше имя далеко не пустой звук, то склонить, бить кулаком по столу, угрожать и не хотелось, и было бессмысленно, оставалось только махнуть рукой, что я и сделал. Насколько я понял в свое время Кораллова, Вы в этом издании тоже были не так уж заинтересованы. Последний раз я осведомлялся примерно месяц назад, услышал в очередной раз: «В первом квартале, я думаю, выйдет»

и больше спрашивать не буду — слишком противно, а Вы, я надеюсь, простите великодушно.

Обнимаю Вас крепко. Пишите.

Ваш, Кнабе

Г.К. 12.01.2002

На протяжении 15-минутного телефонного разговора нам не удалось сказать друг другу что-либо внятное о своей жизни. У меня два сильных впечатления из последних связаны с Констанцем. Одно — разноприродность античного мира и мира германских корней Европы. Не получив от тебя (здорово! наверное, надо бы так и раньше!) ответа на мое письмо, я решил утешиться поездкой в Авентикум — всё-таки поближе к твоим местам. Светлый камень, масштаб, геометрия архитектуры, вписанной в природу и противостоящие ей, голубое небо и открытые дали. На обратном пути, почти уже в самом Констанце, над самым Боденским озером — замок Мерзбург. Вечный туман над озером и окружающий лес, скрывающие даль, темный камень, деревянные полы и потолки в каморках, из которых состоит внутреннее пространство, вместо амфор медные котлы, замок — на высокой скале, и всё остальное и все остальные видно глубоко под ним, на вертикали, как с готической колокольни. Не два периода истории, а две разных истории, два переживания реальности, два духовных склада. Ты все это за двадцать пять лет прожил, пережил и впитал, я пережил вперые и особенно остро.

Второе впечатление — сам Констанцский университет и то, как там учатся и учат. Ничего цельного, последовательного, хронологически выстроенного, ничего проверенного и доказанного. Каждый преподаватель делится тем, что ему кажется интересно *par ci, par la*. Ведь наука несет в себе что-то обязательное, доказанное, верное, т. е. принудительное, т. е. насильственное, и ей лучше предпочесть свободное образование для свободных людей. Такой подход, распространяясь

далеко за пределы вузовского обучения, начинает ощущаться как суть окружающей цивилизации — на Западе давно, в России в особой форме и чем дальше, тем больше. Согласен?

Ксерокс получил. Прочел. Спасибо. Давай сойдемся на том, что, наверное, для нас обоих бесспорно. Жить значит принадлежать. Принадлежность задана человеку до рождения и поэтому в оценке ее после всего им виденного, пережитого и передуманного, т. е. став самим собой, он свободен — свободен признавать ее или нет, стыдиться за ее грехи или гордиться ее достоинствами. «Лишь были б помыслы чисты, а остальное всё приложится». И вряд ли есть право и смысл допытываться о той знаменитой мельнице, на которую он при этом льет воду.

Твой *comme toujours*.

Г. К. 24 мая 2002 г. Москва

Милый Сима, —

спасибо тебе за очень важное и хорошее письмо от 26 марта 02. Поскольку ты пишешь, что вернешься в Женеву в ноябре, то отвечать на него по существу смысла нет. До той поры и мы сами, и мир, над которым мы думаем и о котором мы пишем, станут настолько другими, что такой *volatil* жанр как письмо утратит большую часть смысла. Вот тогда, в ноябре, и спишемся.

Обнимаю тебя, Ревекка тоже.

Ш. М. 26 марта 2002 Geneve

Дорогой Юра!

Твое октябрьское (!!) письмо попало в мои руки позавчера. Во-первых, то были *fourberies de la post russe*, сомнений ни малейших, но после 20 декабря меня не было в Швейцарии три месяца. И вот результат.

Пишу немедленно, а *de facto* — пять с половиной месяцев спустя. И коммунизм тут, увы, ни при чем.

Сперва два слова о себе. Я просидел в Будапеште с женою и младшим пасынком все это время, с вычетом трех недель, которые провел с матерью в Израиле. Ей исполнилось 90, и мы, т. е. дети, внуки и прочие родичи, праздновали соответственно. Теперь снова Женева, снова с вычетами: собираюсь опять в Израиль на свидание с Сергеем Юрским, дней на 10, не больше, жду в гости внука из Бостона (25 лет, кончил MIT, поступил на работу, дед обещал покатать его по Европе), короткий визит в Лондон, к старому другу-подруге. Если выдержу, то вернусь в Будапешт в ноябре. Таковы планы. А что выйдет...

Теперь к общим вопросам, которые Вы всколыхнули 5 с половиной месяцев назад. (Прошу прощения, забыл, что мы перешли на «ты»!) Конечно, ты прав: античный мир в германскую душу не вошел. Поэтому, наверно, так трудно классику переквалифицироваться «в управдомы», сиречь в медиевисты. У германцев не только все видимые и осязаемые составные цивилизации — другие, но и неуловимые тоже. Им и лес пахнул по-другому, и солнышко согревало после купания в реке по-другому. Можно ли найти сему свидетельство в текстах? Уверен, что можно. А вот про славян — не уверен: слишком мало текстов и слишком они вторичны. Твою формулировку «Не два периода истории, а две разных истории, два переживания реальности, два духовных склада» — принимаю и усваиваю, с твоего позволения.

Что до «системы» обучения здесь, на Западе в целом, включая США, я ее знаю по Женеве наизусть. Но мне всегда казалось, что источник этой хронологической анархии — Франция. Германия же хранит традицию, если можно так выразиться, «проспективности» (от «а» до «я», от «Слова о полку...» до Фридриха Горенштейна, да будет ему пухом земля). Свои преимущества в «невыстроенности» я, грешным делом, находил, но теперь седьмой год на пенсии, начисто оторванный от преподавания, понимаю, что преимущества возможны только для лучших из лучших, для единиц-исключений, а университет ведь явление mass-культуры и mass-контингент. Возможно, что ты и здесь прав: это черта времени. Вот только, действительно ли это «свобод-

ное образование для свободных людей», хотя бы даже только в идеале, уверенности нет.

Есть ли уже планы на ближайшие полгода? Поездки, может быть? Дай знать чуть загодя. У меня ощущение, что пора использовать любую возможность увидеться со старыми друзьями — время начинает поджимать. («Время», чтобы не сказать «годы».)

Несмотря на fourberies почты, пиши, дорогой друг, я буду отвечать неопустительно!

Привет Ревекке Борисовне

Обнимаю, твой С. М.

Г. Кнабе — Н. Немцова

Н. Н. 01.01.2001

Дорогой Георгий Степанович!
Вот какие события выпали на нашу жизнь: и конец коммунизма, и новое тысячелетие! Мы — свидетели истории. И дай Бог, чтобы она с нами обходилась помягче. На днях я вам вышлю фотографии, то, что получилось. < >

С Новым Годом, с Новым Веком! Здоровья Вам и успехов во всех намеченных Вами планах.

С почтением, Ваша Н. Н.

Г. К. 31.05.2002

Дорогая Нинель Израилевна, —
большое спасибо за письмо и за сиди-ром с архитектурными съемками. Стас заходил, принес дискету и установил нужную программу. К сожалению, к съемкам нет подтекстовок, так что узнать (кроме Кельнского собора) почти ничего нельзя.

Можно ли что-нибудь сделать, чтобы исправить положение? Самые интересные съемки — дюссельдорфские. Складывается впечатление, что архитектура постмодерна после всех попыток вернуться к стилизованной уютной неупорядоченности былых времен (Hundertwasser и иже с ним), потом — к ироническому сопоставлению в пределах одного здания самых противоположных стилей (кое-что из того, что мы смотрели в Москве, берлинская Rauchstrasse и Posdammerplatz), утверждает на эстетике изысканно геометрических форм, свободных от любых историко-стилистических ассоциаций, тем самым — свободных от обжитой

национальной и человеческой истории, тем самым — в сфере каких-то космических абстракций. Кое-что из этого мы с Вами видели в Москве в районе Пречистенки и Остоженки, сейчас этого расплодилось в Москве еще больше, Дюссельдорф производит то же впечатление. Так?

Очень мы рады тому, как Вы устроились.

Ревекка Борисовна кланяется Вам обоим, а я тем более или, во всяком случае, не менее.

Г. Кнабе

Н. Н. 08.06 2002

Дорогой Георгий Степанович!

Архитектура всегда развивалась и видоизменялась в соответствии с обществом, и не только эволюция строительной техники, но и социальные и политические изменения отражались больше всего из всех видов искусства в архитектуре.

Когда Вы говорите «архитектура постмодерна», Вы подразумеваете не стиль, а эпоху. А я привыкла причислять к архитектуре постмодерна только тот, весьма кратковременный эпизод, когда в одном здании компоновали цитаты из разных исторических стилей. Архитектура после того, когда современные технологии и новые материалы позволили архитекторам осуществлять любую фантазию в формообразовании, стилистически уже не постмодерн. А как назвать этот стиль, в котором, собственно, никакого стиля нет, т. к. нет никаких объединяющих установок, правил, законов, я пока не знаю. Буду думать. Есть, правда, отдельные течения, названные то ли по принципу технологии: хай-тек, то ли по принципу формообразования: деконструктивизм, био-тек, то ли по каким-то иным критериям: минимализм, органическая архитектура. Когда мы говорим — современная архитектура, это слишком неопределенный термин. П. ч. и авангард начала XX века, и хрущевская, брежневская, и архитектура начала XXI века, все это — современная архитектура. Как назвать отдельно ту, вырвавшуюся из всех историчес-

ких стилей, и из самой истории ультрасовременную архитектуру, чтобы отделить ее от предыдущих эпох современной архитектуры, я пока не знаю. Буду думать. (А, м. б. просто — архитектура XXI века?)

В Москве как раз запоздалые интерпретации постмодерна. На пл. Дзержинского построили ужас, ужас... А Дюссельдорф крупный город, был сильно разрушен. Послевоенная застройка весьма заурядна. Но сохранился старый центр. А здания Гери на окраине города, и на его облике никак не отражаются. Там на берегу Рейна есть так называемая Медиа-гавань. Вокруг группируются здания, напоминающие корабли, а для офисов Гери построил три здания: из красного кирпича, второе с побелкой и третье обшито листами нержавеющей стали. Пластика объемов завораживает — выглядит как скульптурная группа, при этом функциональная организация интерьеров не только не страдает, но отличается изяществом простоты и удобством. Это я вам посылаю на диске, а еще там снято здание министерства, как раз то, что называется хай-тек (тоже Дюссельдорф). Это стеклянная прямоугольная коробка, навешенная на металлические конструкции (как она собрана видно в деталях), в которой внутри размещено все, что надо, независимо от ограждения, т. е. перекрытия стоят отдельно.

Позже пришлю еще фотографии. Всего Вам самого доброго, будьте здоровы.

Большой привет Ревекке Борисовне.

С уважением и почтением, Ваша Н. Н.

Г. К. 31.05.2003 г.

Dear Нинель Израилевна, —

начнем с деловой просьбы. Frankfurter Allgemeine Zeitung и парижская Libération одновременно напечатали совместную статью Деррида и Хабермаса: «Nach dem Kieg: die Wiedergeburt Europas» (*После войны. Возрождение Европы.* — Ред.) о выводах, которые Европа должна сделать из событий в Ираке. Статья далеко выходит за эти пределы и представ-

ляет собой общую декларацию европейского гуманизма после того, как он принял в себя опыт постмодернизма, социального государства, и оказался в складывающемся противостоянии с США и в уже сложившимся с исламским миром. Это требует понимания и ответа, если не внешнего, то, во всяком случае, внутреннего. Немецкие друзья прислали мне немецкий текст статьи, но не в полном виде, а в выборочном из так называемого Faz Net. Отсюда первая просьба: если Вы бываете в библиотеке, выписать соответствующий номер FAZ, найти полную версию указанной статьи и либо заказать ксерокс и прислать его мне по почте, ... либо, если есть возможность, передать его мне по электронному адресу.

Вторая. Если библиотека, в которой Вы занимаетесь, подбирает отклики на эту статью (среди них должен быть отклик Умберто Эко) и среди них есть что-либо значительное, может быть можно поступить так же?

Что касается нашего житья-бытья, то всё общее Вам известно из телевидения и газет, всё же частное и повседневно-бытовое мало меняется. ... В московской архитектуре постмодернистский импульс девяностых годов выдохся. Строят много, но в основном стандартно те же башни со шлемовидными навершиями. Буйное цветение архитектурной мысли не происходит. Лекций я читаю всё меньше, отчасти из-за перемен в менталитете студентов (посмотрите финальный абзац в *Фаустусе* Томаса Манна), отчасти из-за всё большей привлекательности не лекционной, а литературной работы. Она пока движется вполне бурно: сочинил за этот семестр пять текстов. Быт в узком смысле в Москве теперь вполне налажен, так что времени и сил не отнимает, и писать тут не о чем. Как у Вас? Прежде всего, со здоровьем. Продолжают ли Вас лечить и продолжают ли результаты быть столь же положительными, как зимой? Как Вы довольны квартирой? Как работаете? Какие доходят вести от Вашего московского семейства? Поклон Вашему мужу.

Ревекка Борисовна приветствует.

Ваш Г. Кнабе

Н. Немцова 18.04.2004

Здравствуйте, дорогой Георгий Степанович!

Дошли ли на этот раз мои письма до Вас? ...

С удовольствием прочитала Вашу статью из сборника. Она написана в такой интеллигентной и благородной интонации, от нее веет ароматом Москвы, той прежней, какой она была до всех новаций, до «братков» и лужковского строительного бума. Замечательные статьи В. Иванова (естественно), И. Кондакова да и многие другие. Но все же несколько странно, что рядом с такими авторами под одной обложкой поместили статьи, из которых, при всем владении их авторами научным способом изложения, вылезают рога мизантропических чувств и средневековых взглядов...

В среде русской интеллигенции, к сожалению, слишком много страдающих такими чувствами, что, будучи оформленными в словесную форму и объединенными в идейный «лагерь», они приносят все более обильные плоды ксенофобии. Похоже, и провокатор уже не нужен. Вот интересно, есть ли надежда дожить до ростков цивилизованных решений проблем и толерантности в России? Или то, что происходит, уже переплелось с генетикой?

Совсем другая обстановка здесь.

...На Западе толерантность стала основной составляющей культуры и возможности *разным* беседовать, не ненавидеть, а смотреть с интересом на *других*. С детства, в школе детей приучают воспринимать разнообразие человеческого состава, общества как естественную норму. Знакомят с учениями разных религий, со святыми, которых в каждой религии и конфессии почитают, и объясняют почему, с обрядами и ритуалами. И если не придет к власти новый провокатор или сумасшедший и не заразит всех эпидемией безумия, то нет оснований для ненависти к людям за то, что они разные.

Тем более радостно перечитывать других авторов и еще раз утвердиться в ряду поклонников Ваших текстов. В частности, о рецеп-

ции античного наследия в образовании дворянских детей и сравнение с системой советского образования. А оно было неплохим в сравнении! Мы еще поговорим об этом.

Спасибо Вам!

И всего доброго Вам. Р. Б. от нас привет и пожелания хорошего самочувствия. И, конечно, и Вам дай Бог здоровья и бодрости.

Р. С. Да, я купила билеты на 18 мая. Так что теперь мы побываем в Виченце, в любом случае, даже если Вы не приедете (но я очень желаю, чтобы у Вас получилось приехать). Мы были бы очень рады встретиться там с Вами. ... Желаем, чтобы здоровье помогло осуществить Ваши планы. Георгий Степанович, а Вы можете сообщить какие-нибудь телефоны, по которым можно там с Вами связаться? И мы могли бы встретить Вас сразу по приезде.

С наилучшими пожеланиями, Ваша Н. Н.

А. Н. кланяется и передает приветы.

Г. К. 15.05.2004

Dear Нинель Израилевна, —

как говорится, бедному жениться — ночь коротка. На протяжении нескольких недель я жил в угрызениях совести из-за постоянных отсрочек с ответом на Ваши мэйлы. А так хотелось ответить и на Ваше большое и важное (несмотря на несогласие) письмо от 18 апреля с рассуждениями о толерантности, и на (несмотря на невозможность скопировать) прекрасные фотографии, и на отдельные замечания в повторенных более ранних письмах. И вот — предвкушаемый день уже может состояться. Прямо завтра.

Вчера я сел за компьютер и еще раз убедился в справедливости своих более ранних рассуждений. Потребность в комфорте - двигатель прогресса. Техника, обслуживающая эту потребность, становится всё совершенней, следовательно, всё сложнее, следовательно, всё более подверженной срывам, неточностям, неполадкам.

Чем больше мы привыкаем к компьютеру, чем дальше уходим от листа бумаги и обыкновенной ручки, тем с большей тоской мы их вспоминаем, но тем менее оказываемся в состоянии к ним вернуться, а значит снова и снова подвергаем себя унижительным и раздражающим срывам, неточностям, неполадкам. Совершенно неожиданно именно вчера вечером, когда я сел, наконец, за письмо к Вам, выяснилось, что мой Internet Explorer по собственному почину или, не дай Бог, вирусу, сменил редактора, уничтожил все письма, почему-то кроме одного, хранившиеся в папке входящих, и оставил меня наедине с тающей надеждой воспользоваться им дальше для отправки писем. Единственное, что я мог придумать, состоит в том, чтобы набрать письмо к Вам в Word (что я и делаю) с тем, чтобы потом перенести его в исходящие. По крайней мере, если оно исчезнет в интернете, я смогу отправить его Вам по почте.

Задержка же объясняется просто. Дни человека, если он умудрился прожить дольше Гете или Льва Толстого, вмещают только три дела: работу (которая не может быть отложена, поскольку оплачивается), лечение и быт. Никакое четвертое (за исключением, может быть, полчаса чтения на сон грядущий) они вместить не могут. Поэтому переписка ждет просвета, дождавшись его, стремится обрести форму выражения, пока не спотыкается о порождения прогресса. Правда, остается некоторое самоценное и неподконтрольное расписанию движение мысли. Вот оно-то и привело меня к некоторым соображениям в связи с Вашими размышлениями о толерантности.

Быть вообще — нельзя. Быть всегда значит быть кем-то, или чем-то. Быть кем-то, или чем-то, однако, значит не быть другим. Быть кем-то или чем-то и тем самым не быть другим значит существовать вне другого и в противоречии с ним. Человечество выработало ряд способов снимать или смягчать это противоречие: цивилизацию, культуру, религиозную веру в терпение и добро, учет взаимных (а тем самым и собственных) интересов, разные формы идентификации, т. е. различные формы добра и, в том числе, толерантность. Но сам факт: быть чем-

то и быть в противоречии с другим в основе и в глубине своей остается неустрашимым, и там, где эта основа и эта глубина обнажаются, бытие предстает как противостояние и, в конечном счете, как несовместимость, т. е. как зло и его главный и неустрашимый источник — выше обозначенное деление на данное и иное, т. е. на освоенное, свое, привычное, и чужое, непонятное и враждебное, короче на мы и они.

Толерантность живет на этой грани, становясь формой добра и открытости другому, человеческой солидарности и/или безвольной уступкой всему враждебному и угрожающему, т. е. амнистией зла.

Она, толерантность, становится добром или злом в зависимости от того, насколько терпение (*tolerantia*) может быть понято и оценено тем, кого вы готовы терпеть. Если он к этому готов, понимает терпение как взаимную ценность и как вашу готовность, — как и его готовность — пожертвовать частью своих интересов во имя человеческой солидарности, она прокладывает путь к миру, т. е. к благополучию. Если не готов, то он воспринимает ваше терпение, вашу толерантность, как непонятную слабость, которой надо немедленно воспользоваться, чтобы вас уничтожить. Все дело, таким образом, в том, живете ли вы с ним в хотя бы приблизительно общей системе вер и ценностей, мыслите с ним на одном общем языке, или нет. Изначально христианский, а сегодня демократический Запад исходит из того, что все люди созданы Богом и стремятся к благополучию, в этом смысле всегда готовы понять друг друга, и готовы к толерантному сотрудничеству. Он, Запад, положил эту уверенность в основу общественной морали и политического действия, создав доктрину прав человека, признав эту доктрину выше национального суверенитета, провозгласив право утверждать ее как абсолютную ценность везде, где она нарушается. И вот тут-то выяснилось то, чего люди, мыслящие единой системой ценностей, единым языком и единой толерантной способностью сплотиться на основе солидарности сил добра, сегодня не могут понять. Они не могут понять, что быть кем-то значит не быть другим, что демократия росла в Европе из древнеримского корня две тысячи лет и не может быть цен-

ностью для тех, у кого этого корня и этих двух тысяч лет не было, что благополучие - абсолютная ценность для европейского потребителя и ценность случайная и преходящая для конголезца или афганца, для которых уничтожение Другого — непреложный долг, вытекающий из того, что он другой, что упорство в демократии и толерантности — цена самоуничтожения.

В сочинениях замечательного грузинского психолога Дмитрия Узнадзе (умер в 1964 г.) непреложный вывод состоит в существовании того, что он назвал установкой — довербальным подслоем сознания, выросшим генетически и закрепленным в культуре и языке. В современном космополитическом и непрестанно меняющемся мире установка может индивидуально ослабляться и упраздняться, но, вопреки всему, она сохраняется там, где бесконечно глубинная довербальная традиция жизни и культуры тлеет в глубине. Первое поколение турок, приглашенных в Германию Аденауэром и Эрхардом, приняли, хотя и не без труда, толерантность как самый общий принцип, нередко жизненной практике противоречащий. Их дети в большинстве своем этому принципу поверили и стали немцами. Но в детях детей неожиданно проснулась архаическая установка нетерпимости (как проснулась она и в немцах того же поколения), и призывать их к толерантности занятие мало реальное.

Разыщите в Интернете речь Тони Блэра 2 октября 2001 года на съезде лейбористской партии Англии. Это своего рода классика. Он твердо верит, что исламские террористы плохие люди, а все другие люди, выросшие в исламской установке и вросшие в нее — хорошие. Задача состоит в том, чтобы первых подавить, а вторых любить, ценить и воспитывать. Тот факт, что вторые смутно и далеко не всегда сознательно укоренены в такой же генетической установке, как и первые, что они другие и потому не готовы понять и оценить ту толерантность, к которой Блэр призывает, просто не приходит ему в голову. Он не знает, что, если другой не хочет принять твою систему ценностей так же как ты готов толерантно принять его систему ценностей, это значит не быть

таким, какой ты есть, т. е. не быть вообще. Ата учился в Гамбурге, его пять лет кормили, лечили и учили, результат налицо.

Я только что получил от Вас (и дублированный Стасом) текст статьи Эко из испанской *Паус*. Спасибо. Она показывает, что происходит с теми, кто не хочет смириться с изложенными аксиомами: полная растерянность, надежда, что всё как-нибудь образуется, а главное, чтобы никого ничем не обидеть, если ты останешься самим собой. Господствующее на Западе общественное мнение дважды идет по тому же пути. Во-первых: главное — никакого использования силы, т. е. не защищать себя, только толерантно уступать. Процент европейцев, осуждающих Израиль за то, что он не хочет быть уничтоженным, дошел до 59. Процент носителей антиамериканских настроений мне неизвестен, но он не может не быть столь же значительным. Посмотрите, как был воспринят в Европе антиамериканский фильм фон Триера *Догвилль*. Во-вторых, я не знаю, следите ли Вы за тем, как обсуждается в философской публицистике и как нарастает в Европе тема симулякра. Слова перестают значить то, что они значат, а тем самым и значить вообще что бы то ни было. Когда Кадафи, опираясь на атомный потенциал исламских государств, требует во имя равенства, во имя справедливости и прав человека подчинить Израиль закону о нераспространении атомного оружия, и европейцы приходят от этого в восторг, то нельзя понять, где кончается фальсификация, ложь и издевка и где начинается готовность верить любому слову, которое позволит тебе спокойно, без риска и усилия перестать быть самим собой.

В заключение не слишком приятное сообщение. У Ревекки Борисовны разыгралась сердечная аритмия. Оставлять ее в условиях повседневной жизни одну невозможно. Ставится вопрос о стимуляторе. Для решения его необходимо будет в ближайшее время на пару недель поместить ее в стационар. В этих условиях о моей командировке в Виценцу не может быть и речи. Мне очень жалко и неловко, если я Вас как-то подвел, но я с самого начала предупреждал, что перспектива такой поездки очень сомнительна.

Буду рад Вашим письмам, но не могу гарантировать быстрый ответ.

Ваш Г. Кнабе.

Р. С. Ревекка Борисовна просит передать Анатолию Николаевичу, что кроме романа Акунина *Алтын-Толабас*, который, она надеется, он уже прочитал с интересом, она советует ему прочитать (если он их не читал) романы Марка Алданова *Ключ*, *Бегство* и *Самоубийство*. Она сейчас очень увлечена этим писателем.

Н. Немцова 02.07.2004

Здравствуйте, дорогой Георгий Степанович!

Я так понимаю, у Вас сейчас трудное время, приходится делать круги в университет и в больницу. Очень сочувствую Вам и Р. Б. С обстановкой российских больниц я знакома в самых разных вариантах, и это был всегда тяжелый опыт.

И все же, как дела у Р. Б. сейчас? Есть ли у вас люди, готовые вам помочь дома и вообще? Передавайте Р. Б. теплые приветы от нас!

По поводу предыдущего письма у меня остался вопрос. То, что есть разные мировоззрения, и людей соответственно им причисляют к тому или иному лагерю, понятно. Но в России и Европе совсем непохожие явления. В России зреет нацизм. И до каких пор можно считать людей разными, но приемлемыми в цивилизованном обществе? Можно считать Куняева, Шафаревича, Дугина и т. д. просто другими, — и мириться с тем, что они несут в сознание масс, и с тем, что этими массами постепенно воплощается в действие сегодня? Когда речь идет о черни, бог с ними. Но если автор на законных основаниях использует для распространения ненависти государственные СМИ?

Дочитываем сейчас цикл позднего Нагибина, до чего же тонкий, умный, замечательный писатель. В прежние времена мы читали его

только советского периода. Особенно впечатляет дневник. Но и повести и рассказы очень хороши. «Встань и иди» — надо давать читать молодым, чтобы они представили себе из чего мы вышли и куда можем вернуться. А в дневнике, кроме прочего, меня поразили натуралистические картинки с фронта. Я всю жизнь думала, что видел мой отец за годы фронта и кучи госпиталей? И вот теперь я это узнала, и перед этим померкли все наши трудности. И тема русской интеллигенции присутствует: «Поездка на острова».

< >

Марка Алданова мы уже всего читали. Прочитали Федотова и неопубликованные ранее письма Цветаевой, а также Али Эфрон о Цветаевой. Какая невероятно трудная трагическая судьба. В какой нищете жила Марина Ивановна, но сумела сохраниться и ничуть не снизиться... Как по ним по всем прокатилась судьба! Какие они все четверо талантливые! Аля, если бы ее жизнь не сгноили в лагерях, м. б. стала бы не менее значительным писателем, чем Марина Цветаева. Я просто потрясена была, прочитав ее стихи 6-летнего возраста и дневниковые записи 6–8 лет, где она создает целые психологические портреты литературных знакомых матери, которые бывали в их доме. ...

< > А теперь прощаюсь. Желаю, чтобы все у Ревекки Борисовны кончилось благополучно, и хорошего отдыха в Переделкино. Дай Бог, чтобы он Вам обоим принес улучшение самочувствия.

Когда появится у Вас возможность, буду рада Вашим письмам.

Всего самого наилучшего,

Ваша Н. Н. А. Н. кланяется Вам обоим.

Н. Н. 30.04.2005

Дорогие Георгий Степанович и Ревекка Борисовна!

Адреса я вам выслала. Как было бы здорово, если бы вы приехали!

...В общем хоть и пишу я реже, чем бы хотелось, но вы в основном о наших событиях знаете. Хронически не хватает времени. А вы старше нас, но вы — молодцы! < >

< > В Милане мы посмотрели несколько музеев. Но на самом деле с музеем может поспорить и любой действующий храм, т. к. в качестве икон там все стены завешены произведениями самых великих художников 15–17 вв. Самое удивительное, что, несмотря на неиссякаемый поток туристов, служители храмов очень доброжелательны, приветливы и гостеприимны. Прощаясь, иногда спрашивают, понравилось ли нам здесь, а в ответ светятся счастливой гордостью. Еще невозможно не заметить одно любопытное обстоятельство: в музеях, наполненных одними шедеврами, висят, за редким исключением, работы одних итальянцев. К ним добавляются несколько экземпляров голландцев. Очевидно, они себя чувствовали столь самодостаточными (еще бы, при таком изобилии искусств всех родов), либо у них было мало частных коллекционеров, чтобы собирать еще европейскую живопись?

Были у меня и небольшие приключения, если судить по рассказам многих, весьма типичные для Италии. В автобусе в Милане две девочки пытались залезть в мою сумочку. В сфере услуги итальянцы тоже частенько обманывают или обсчитывают. Но это только дополнительная краска к общей картине. А в Генуе в районе старого города, когда я фотографировала романскую церковь со всех сторон, за мной упорно охотился мрачный араб. А. Н. ненадолго отлучился и хорошо, что вовремя вернулся. Дома здесь достаточно высокие, улица как темная щель в любое время солнечного дня и никому не видно происходящее, а выбраться из этого района не так легко, т. к. улочки там безлюдные и такие узкие, что с трудом можно поместиться в ширину вдвоем, они очень длинные и извилистые, так что убежать невозможно, просто некуда. Мы уже потом сообразили, что фотографирующий турист выглядит для нищего нелегального эмигранта как мешок с деньгами. На море мы там видели очень много марроканцев, которые навязчиво, но тщетно пытались хоть что-нибудь продать из своих мешков, наполненных всяче-

ским дешевым, но неприглядным товаром. Они живут там нелегально, у них нет никаких средств к существованию. Выглядят они жалкими или, некоторые, злыми. Но видимо дома еще хуже, п. ч. уезжать они ни за что не хотят. В Италии наплыв нелегальных эмигрантов настоящее бедствие. Они перебираются туда из Африки в южную Италию морем. Часто многие тонут у самого берега, когда им не разрешают из корабля выходить на берег. А те, что уже перебрались, попадают в лагеря для беженцев и потом вся Европа решает, что с ними делать.

А вообще межнациональная обстановка в Европе накаляется. Не знаю, известны ли вам события, которые на днях произошли в Голландии. Голландский режиссер Тео ван Гог (потомок Тео ван Гога, брата великого художника) поставил фильм «Покорность», критикующий отношение к женщине в мусульманской семье. В отместку его зарезали на улице. Гнев голландцев последовал незамедлительно. В ответ в Амстердаме сожгли мусульманскую школу. После этого начались поджоги протестантских церквей в Утрехте, Амерсфорте и Антверпене. В Роттердаме кто-то поджег мечеть и т. д. За неделю было множество нападений на мечети и церкви. Кроме того, много раненых участников и полицейских в уличных стычках. Началась религиозная война, которой давно страшат мир философы. Теперь разгорелась дискуссия о том, возможно ли вообще мирное сосуществование в мультикультурном обществе. Но дело в том, что даже если бы и пришли к мысли, что невозможно, то что же делать? Сейчас монокультурных обществ почти не осталось. В Германии теперь опасаются продолжения голландских событий на своей территории. Здесь пригрелось очень много террористических групп. И все трагические события, которые произошли за последние три года в мире, прямо или косвенно связаны с мусульманскими террористами, живущими в Германии. Многие мечети стали их явочными пунктами, а поскольку служба ведется на арабском или турецком языке, они вольны вести свою пропаганду без помех. А все началось с палестинских террористов и изобретенных Арафатом методов террора «живыми бомбами», захвата в заложники школ с детьми,

самолетов с пассажирами и т. д. И обучали этих террористов в лагерях под Москвой. Теперь бумеранг возвращается.

А в остальном в Европе общественное устройство гораздо больше похоже на коммунизм, чем тот маразм, к которому пришли государства с коммунистическим режимом. Любое мероприятие, которое намерены провести городские власти, широко освещается до того — почему, для чего, какие от этого ожидаются результаты, кто делал расчеты, сколько на это будет потрачено денег и пр. Потом устраиваются встречи с народом, отвечают на вопросы, собирают письма с мнениями и пожеланиями. Снова обсуждают, голосуют, и после подсчетов сообщают, как решил **народ**: строить или не строить, и т. д. В Милане мы тоже видели подобное мероприятие. В центре города оборудована площадка с лавками и огромным экраном, на который экспонируется видеозапись, повествующая о каком-то городском проекте, ее окружают очень красивые в дизайнерском смысле стенды с чертежами и фотографиями и всей экономической информацией. Тут же стоит ящик с бланками для голосования. Это только одна деталь, а вообще рассказать можно еще много чего...

Ну а мы живем по-прежнему. Хочется надеяться, что и у вас все более или менее благополучно. Во всяком случае, от всей души вам этого желаем.

Всего вам самого доброго, будьте благополучны.

Обнимаем вас, дорогие!

Ваши Н. Н. и А. Н.

Н. Н. 14.06.2005

Мои дорогие друзья!

Я не ответила вам сразу, но я думаю о вас все время, пытаюсь его найти для того, к чему лежит сердце. Трудно описать, как постоянно не хватает времени, чтобы моя жизнь не была существованием. Существуют вещи, которые постоянно необходимы, но они не являются

жизнью. Впрочем, мои руки все делают, а в голове продолжают витать мысли. Я теперь в Германии, но, по-прежнему, вспоминаю Москву. Впрочем, не только Москву, еще и другие города, в которых приходилось подолгу бывать и работать. Теперь началась моя четвертая жизнь. Когда-то Окуджава ответил на вопрос, — какими для него были пятидесятые, — что, конечно, пятидесятые были лучше, потому что тогда была молодость. ... Все прошло. Все всегда проходит.

Дорогие друзья! Хотелось бы знать, как вы себя чувствуете, как вам живется и отдыхается, и читается, и пишется? И что вы пишете?

Как жаль, что вы не увидите и Трир, и Мюнхен, и три здешних пинакотеки, и и и... Как жаль, что я не смогу оказать вам запоздалого гостеприимства в нашем немецком доме. Вот уже июнь на исходе, пол-лета долой, и куда оно несется, куда торопится как вечно молодой конь? Ведь мы за ним не поспеваем. «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, Daß ich so traurig bin». Встречи в Москве тоже проносятся кубарем. А пока до них доходит, возникает столько вопросов. И поскольку вам трудно писать, не всегда удается обсудить < >

< > из здешних новостей, недавно МВД Германии сделало отчет и заявление, что Германии угрожают две опасности: мусульманский и правый экстремизм. Они уже в который раз пытаются запретить партию NPD, но каждый раз натываются на запрет конституционного суда, вынесенный пару лет назад. А статистика мусульманских экстремистских организаций тоже впечатляет. Однако в будничной жизни это никак не ощущается, так же как и в Москве, пока ходишь в институты или в гости, не видишь никаких нацистов. Тем не менее, в России от них исходит гораздо большая опасность, чем здесь, где в обществе они имеют репутацию Unterschicht, где работают законы, где страной не руководят бывшие сотрудники гестапо. Мы прочитали свежую книгу Вяч. Лихачева с подробным анализом всех неонацистских группировок в России, их деятельности и перспектив развития. И выводы его весьма пессимистичны. Тем не менее, вот Фукуяма считает, что не надо бояться ни праворадикалов, ни мусульманских экстремис-

тов, т. к. главным соперником европейской цивилизации на сегодня является Восток и в наибольшей мере Китай. Его выводы базируются на теории о 4-х уровнях культуры каждого этноса и разной значимости, весомости каждого уровня. У восточных людей, считает он, самый прочный четвертый уровень, в отличие от других народов, что и дает им преимущества. Как вы к этому относитесь? Да, китайцев и японцев в Европе тоже много, самая большая в Германии японская община существует в Дюссельдорфе. Они успешны в бизнесе, но впечатление такое, что они, все же, занимают только какие-то ниши. В частности, как и турки — в торговле и в ресторанном бизнесе. Я знаю, что в России уже давно существует паника по поводу китайской угрозы на Дальнем Востоке...

...Дорогой Георгий Степанович! Я решила вам срочно отправить неоконченное письмо, получив Вашу записку.

Буду очень рада Вашему письму, спасибо! А что сейчас пишете Вы, Ревекка Борисовна?

Хорошей Вам поездки и отдыха.

Обнимаем,

Ваши Н. Н. и А. Л.

Н. Н. 15.08.2005

Дорогие друзья, это продолжение.

...Ну, вот вернулась я из Дюссельдорфа. < > Оттуда съездила в Эссен и Кельн. Кельн, наконец, удалось посмотреть полностью. И это было некоторое разочарование. Он был очень сильно разрушен (как говорят немцы, кельнский собор был хорошей мишенью) и, хотя там много новой архитектуры, он какой-то очень нескладный. Местами неплохие новые районы, где-то в центре небольшие кусочки старого города с подлинной застройкой и очень деликатными новыми вставками домиков, силуэтом и масштабом поддерживающих единство стиля и создающих впечатление достаточно неплохой сохранности це-

лого квартала. При этом там сохранилось удивительно много романских храмов. Они тоже были повреждены, о чем рассказывают стенды с фотографиями в каждом из них. Но полностью восстановлены. Однако после итальянских романских храмов они кажутся более сухими и аскетичными. Но очень интересны собственно объемные композиции. Судя по тем незначительным подлинным фрагментам архитектуры старого города, что удалось увидеть, — это был красивый город. Жаль, что он разрушен. Мы вообще-то имеем некоторые впечатления, по которым можем себе представить, как выглядели немецкие города до военных разрушений. Это, к примеру, два неплохо сохранившихся и восстановленных средневековых города (из тех, что мы посетили): Бамберг и Роттенбург ан дер Таубер. Эти два города произвели потрясающее впечатление.

Я еще тогда пыталась разобраться, как относиться к этой акции союзников, которая не помогла выиграть войну, но выглядела актом мести. Ведь они могли бы с большим смыслом бомбить лагеря или дороги к лагерям, чтобы спасти людей! ... Очень многие немцы сегодня не могут простить его американцам и англичанам.

...Что вы по этому поводу думаете?

И еще, прочитала книгу немецкого историка Гетца Али. Он объясняет — почему Гитлер так легко завоевал симпатии масс. Он подкупил их популистскими мерами: остановил кризис, инфляцию, сделал цены не только стабильными, но и постоянно понижающимися. А деньги на эти меры добывал практически грабежом: из захваченных стран и у высланных в лагеря и истребленных людей. В беседе на эту тему немецкий историк назвал такую цифру: 70 % его расходов были добыты грабежом и только 30 из бюджета страны. И народ его поддержал, закрывая глаза на сопровождающие его экономику безобразия. Ну, это, пожалуй, вообще свойственно массам. Кинь у нас сейчас клич: Выгоним этих и тех, и у вас будут и квартиры, и стабильные цены, и пенсии и т. д. — что народ, не поддержит? Достаточно посмотреть на результаты опросов ВЦИОМа. Ведь в любом народе слой самостоятельно мыс-

лящих людей очень тонок, 4–7 процента, способных не поддаваться пропаганде (у социологов читала, не помню фамилию). И не их голоса решают судьбы всяких референдумов и голосований. Немецкие историки, анализирующие этот период, называют еще одну причину успеха нацистов: они считают ключевым моментом «Хрустальную ночь», когда немцы (порядочные люди) побоялись выступить против, и промолчали — нацисты поняли, что им можно все. Не напоминает ли это многие знакомые и нам ситуации?

В связи с 60-летием освобождения Германии здесь показывали большую серию документальных фильмов. Как тут писали в газетах, Германия 60 лет каялась и искупала вину, а теперь впервые заговорила и о том, что пережили сами немцы. 12 млн. немцев было изгнано из Чехии, Венгрии и Польши (показывали документальные съемки, как они радостно встречали и приветствовали вступление в эти страны фашистских войск). Их выгнали в течение суток. По дороге в Германию, без транспорта, еды и помощи, многие погибли. А потом в Восточной Германии они жили на полулегальном положении и в бесконечном бедствии, т. к. их документы об образовании в Германии не признавались и они не могли ни учиться, ни находить работу. А сама тема немецких беженцев была в ГДР табуирована и за разговоры на эту тему могли и посадить. Правда, когда, рассказывая о немецком диссиденте зека, объектив долго крутился, показывая камеру, где он провел семь лет — в почти гостиничных условиях, вспомнились к слову условия наших тюрем: это была комната, примерно 10–11 м², с широким мягким диваном, с простынями, одеялом и подушкой, столом со стулом у широкого окна и индивидуальным умывальником. (Не нары в три ряда на 50 чел. без окна и с парашей.)

Десятки тысяч молодых женщин и девочек были изнасилованы солдатами. Многие угнаны в наши лагеря, где они прошли весь путь страданий, что и наши соотечественники. Один фильм, что сделал знаковый питерский документалист А. Гутман «Путешествие в юность», о немецких женщинах, вывезенных в ГУЛАГ и изнасилованных вохрой,

мы смотрели вместе с моей немецкой приятельницей, она художница, старше меня на 3 года. Я ждала ее реакции с некоторой тревогой. Она после просмотра сказала: «ну что ж, что сделали наши мужчины вашим женщинам, тем ответили ваши мужчины нашим женщинам». На страдания людей все равно очень тяжело смотреть, хотя ничто не сравнится с газовыми печами... Но в целом, конечно, Германия много понесла утрат, и народ принял много страданий. Зато теперь немцы очень гордятся тем, что они восстановили все города и, по возможности, памятники архитектуры, хозяйство и благополучие народа. И в этом, конечно, им нет равных.

Однако, как глубоко проникли в сознание идеи фашистской пропаганды за 12 лет, что еще и в 60-е годы встречаются рецидивы. А я-то была поражена книжечкой о Павии (я Вам рассказывала) профессора, историка архитектуры, изданной в 55 году (10 лет после войны!) и насквозь пронизанной заклинаниями о немецком величии и гениальности и ничтожности итальянцев. Эта зараза очень долго не выводится из бытового сознания.

Читая тут драгоценные залежи Баварской библиотеки, и оглядываясь вокруг, я начинаю понимать многие вещи. Например, раньше у меня вызывало недоумение такое кардинальное превращение некоторых диссидентов (поворот их мировоззрений на 180 градусов), живших в советские времена на Западе. А теперь поняла, что они, вероятно, ожидали в западной демократии встретить 100-процентно интеллигентное общество, а нашли тех же мелких буржуа, что в России назывались зажиточными мещанами. А самостоятельно мыслящих людей не более чем у нас (очевидно пропорции для всех народов примерно одинаковы), да еще и разъединенных, так как отсутствие государственного пресса не создает условий для «возьмемся за руки друзья».

На этом прощаюсь,

желаю Вам доброго самочувствия и настроения. Привет милой Р. Б.
Обнимаю Вас.

Ваша Н. Н.

Н. Н. декабрь 2005

Дорогие друзья, Ревекка Борисовна и Георгий Степанович! С Новым Годом! Пусть будет для вас легким, удачным, здоровым. Если бы мы умели молиться, то молились бы за ваше благополучие. Может у вас получится визит в Германию, тогда будем очень рады повидаться с вами. А потом когда-нибудь встретимся в Москве.

Буду рада, если смогу чем-нибудь услужить вам. Ну и, конечно, если выдастся настроение и время для весточки — это всегда радость для нас.

Будьте здоровы! Обнимаем вас,

Н. Н. и Л. А.

Г. К. 31.12.2005

Дорогие друзья!

Спасибо за поздравления и пожелания. Вам мы желаем здоровья, интересных путешествий, открытия новых изразцов и, самое главное, — по-прежнему умения видеть то, на что смотришь вокруг себя. И все это — на протяжении долгих, очень долгих лет, а для начала — в 2006 году.

Ваши Р. и Г. Кнабе

Н. Н. 03.2006

Здравствуйтесь, дорогие Ревекка Борисовна и Георгий Степанович!

Мой почтовый ящик в печали... Пишу, но последнее время в одни ворота. Что у Вас? Как Вы себя чувствуете? Я почему-то не могла дозвониться. < >

< > Теперь читаем книги по истории евреев в России и др. И как бы ни было тяжело, хоть один раз в жизни надо прочесть и о Холокосте и всех событиях тех страшных лет, и обстановке в разных местах. < >

После прочтения мемуаров А. Г. Ковнера и Г. Б. Слиозберга открылось более отчетливое понимание, что наша история (а мы все, в смысле российские евреи, рано или поздно выходцы из того самого еврейского местечка, о котором они рассказывают) это совсем другая история, чем все то, что мы на всех стадиях образования читали и слышали, и совсем ДРУГАЯ история, чем у «коренного населения». Да и о Холокосте у нас не принято было упоминать ни в одной из историй. А знакомство с этими темами открыло и многие другие. В частности — взаимовлияние немецкого и русского антисемитизма. Немецкий многое позаимствовал из царской России, а советский, как это ни парадоксально, во время войны с фашистской Германией, позаимствовал очень многое из нацистской пропаганды. Что очень сильно отразилось на взаимоотношениях во время войны повсеместно, и в армии, и в тылу, и в партизанах, где чаще всего убивали местных евреев, искавших в партизанских отрядах спасения. Курсировали слухи, что немцы высылают евреев в партизанские отряды в качестве шпионов!!? Те, кому удалось сбежать из гетто, бродили голодные по лесам, отталкиваемые (в лучшем случае) своими партизанами, или снова попадали в плен к немцам. В конце концов, начали создавать еврейские партизанские отряды. А те, кто успел эвакуироваться на восток, при попытке найти какое-то пропитание на рынке встречали тоже отпор: жидам не продаем! Все это раньше казалось мне отдельными случаями невежества. Но прочтя Костырченко, поняла, что это была стройная и последовательная система. Вот почему никакие душевные привязанности к городам, где приходилось жить, и к дружеским связям не защищали от сознания положения человека без родины.

< > После войны, поскольку их квартиры были заняты, уцелевшим евреям негде было жить, некуда возвращаться, они пытались где-нибудь найти жилье, тут-то и появились циркуляры. Сейчас вышли опубликованные документы местных НКВД. Оказывается, это были установки: не пускать(!) обратно возвращавшихся из эвакуации. Ни в квартиры,

ни на работу, ни в города. И на Украине, в 46-м!!! была серия еврейских погромов. Так что были причины скрывать от нас такую литературу.

У Ген. Костырченко две книги: «В плену у красного фараона» и «Тайная политика Сталина». Это серьезное чтение, т. к. — историческое исследование (он имел доступ к открывшимся в 90-е года архивам ГБ) с огромным научным аппаратом.

А общее впечатление от прочитанного угнетающее. Вся история до конца Сталина (а дальше мы уже и сами помним) — это непрерывная грызня и возня кучки кровожадных циников, развративших народ пропагандой, полюс которой меняется в зависимости от побеждающей сегодня группировки, а затем выметающих в процессе манипуляции и в борьбе за власть по очереди огромные массы населения, обреченного на пытки, невероятные страдания, смерть. Конечно, как общее понимание — это не ново, но изложение истории подробно, год за годом, составляет жуткую картину мрачного триллера, безнадежности и безысходности, с общим и нарастающим креном в антисемитизм, как неизменной составляющей идеологии, то, как разменная карта, то, как истинная страсть сердца.

По-другому увиделась и фигура Хрущева и его роль в XX съезде. Это тоже была игра на выживание и спасение своей шкуры. Когда же его скинули, он пришел домой, кинул портфель и сказал: «вот чего я добился, живой, дома и на пенсии». Понятны стали и настроения в среде Союза писателей, открывшиеся в пору гласности, т. к. многие правящие тогда «корифеи» были там выдвигенцами еще со сталинских времен именно благодаря удачной игре в борьбе сначала с «безродными космополитами», потом с сионистами, типа Софронова и пр.

Когда-то для меня была тяжелая минута. Обнаружив брошюру Достоевского «О еврейском вопросе» я ее взяла почитать и обнаружила совершенно геббельсовский текст. Увидев, что ее издал известный антисемит Корчагин, я не поверила и решила, что это фальшивка. Дневники Достоевского, что я читала в молодости, изданные в советское время,

были от этого подчищены, но когда я их почитала без купюр, поняла, что то — было не фальшивкой. А Достоевский много лет был любимым. Это было ударом и смятением. Вот, как прекрасно уживаются: гений и злодейство.

События, которые сейчас переживает Европа, и исламский экстремизм — это тоже расплата за антисемитизм и нечестность в отношении к арабо-израильскому конфликту...

Вспоминаю одну из последних бесед с Дмитрием Лихачевым. На вопрос, как, по его мнению, будут расставлены акценты в XXI веке, он ответил, что это будет век гуманитарной деятельности, образования и духовного роста. Увы! Журналисты уже называют происходящее: идет 3-я мировая...

А рассуждения Фукуямы о том, что, опираясь на исследование хода всемирной истории, следует вывод: наступление повсеместно демократии неизбежно, — ведь тоже относится к европейской истории. Неужели у него есть материал о развитии демократии в неевропейском мире? И сколько еще времени надо, чтобы неевропейский мир дозрел до этого! За это время они могут успеть создать ядерное оружие и вся Европа с их демократией полетит к чертям. Иногда складывается впечатление, что в Европе заинтересованы в росте террористов на Ближнем Востоке.

Но лучше отвлечься от пессимизма, веющего извне, и вернуться к своей повседневности, где все же пока не так плохо.

Мне бы очень хотелось узнать, как вы поживаете, как перенесли тяжелую зиму, как чувствуете себя весной, что делаете, пишете, что думаете. Мне бы так хотелось увидеться и поговорить.

Георгий Степанович, получилось ли написать статью о Булате Окуджаве? А если да, я была бы очень рада и благодарна получить ее по почте, ведь это времени у вас не займет, она же, наверное, все равно есть в компьютере?

В Москву приехать не получается, еще месяца полтора-два буду на костылях, а загадывать вперед не имеет смысла. Удалось ли Вам

пользоваться моей фотокамерой? ... Ревекка Борисовна, а что Вы сейчас пишете?

Есть ли у вас молодые друзья и вообще кто-то, кто мог бы вам чем-то помогать в жизни?

Желаю вам хорошего самочувствия вопреки и, несмотря на, ... и высокой продуктивности, и все же надеюсь на общение с вами ...

Ваша Н. Н.

Г. К. 25.05.2006

Дорогие друзья.

Боюсь, что письмо это окажется совсем некстати — вам перед операцией не до нас и не до наших переживаний. Но все равно напишу. Только сначала хотелось бы все же знать, какая Вам, Нинель Израилевна, предстоит операция, хорошие ли хирурги, сколько времени продлится вся эпопея и т. д. Вы ничего об этом не написали, так, упомянули вскользь, но мы беспокоимся.

Теперь напишу, что хотелось. Не надо, пожалуйста, не надо думать, будто переписка с нами — «игра в одни ворота». Вы не представляете себе, дорогие, как мы одиноки. К нам ходит довольно много народу, но все это «разнообразные не те», как выражался когда-то Евтушенко.

А вашими письмами мы очень дорожим, они всегда такие яркие, живые, волнующие. Если же частенько задерживаем ответы, то объяснение здесь очень простое: мы ведь старые и много болеем, а когда болею я, то Г. С. приходится заниматься еще и хозяйством. Работы же у него чрезвычайно много и все к сроку, он нервничает, сидит за компьютером дни и ночи и, конечно, поэтому тоже плохо себя чувствует.

Еще раз скажу: у нас мало настоящих близких друзей и такими мы считаем вас обоих. Так что не сердитесь, пишите, мы вас любим и ценим.

Ваши Р. и Г.

Н. Н. 08.04.2006

Здравствуйте, дорогие Ревекка Борисовна и Георгий Степанович!

У нас новость. Мы прилетаем 19 апреля в Москву, но ненадолго. Если вам что-то нужно, что мы могли бы привезти для вас, еще есть время написать. А там, надеюсь, увидимся и поговорим. Георгий Степанович, интересуют ли вас мои съемки Италики, или еще какие-то фотографии? Я могла бы их для Вас записать и привезти.

Всего вам наилучшего. Будьте здоровы, обнимаем вас, дорогие. До встречи.

Ваши Н. Н. и А. Н.

Н. Н. 09.05.2006

«Жажда тождества».

Здравствуйте, дорогие друзья, Георгий Степанович и Ревекка Борисовна!

Я очень рада, что мы повидались, и теперь имею добрые материальные воспоминания (в виде мр3) и Вашей книжки, которыми очень дорожу.

Острота различий Москвы и мюнхенской жизни стерлась, т. к. не ново уже ни то, ни другое, т. к. посещаем и видимся с друзьями, надо сказать, едва ли реже, чем прежде, когда, живя в Москве, не было ни времени, ни сил, ни здоровья встречаться чаще, а иногда и для телефонного звонка.

«Эвакуацию» нам увидеть так и не привелось, ее сняли с программы. Очень было жаль, но вместо нее мы в этот вечер посмотрели недавно вышедший в Германии фильм «Бункер» о последних днях Гитлера и его приближенных...

Тут самое место вспомнить, насколько актуальны вопросы, обсуждаемые в Вашей книжке.

Спасибо Вам еще раз за эту книжку. Она взволновала и вызвала у каждого потребность раздумий о себе и о своем месте. Она затрагивает

актуальные для нас сегодня проблемы, поэтому чувствительно задевает за живое. Проблема идентификации для нас не простой вопрос. И она включает в себя как минимум две составляющие: проблема места и времени.

Анатолий Николаевич всегда носил в себе гордость памяти своих крестьянских дедов, и долгое время склонен был идеализировать крестьянство в русле того, как это было свойственно советским писателям-почвенникам. Однако это душевное стремление неизменно подтачивалось и разбивалось о факты новейшей истории. И, знакомясь с ней, он не раз говорил, что сознание истории XX века приносит мизантропический взгляд на человека вообще. Кроме того, он Вам уже устно частично высказался об этом, какие сложные чувства рождаются в связи с изменившейся в нашей жизни обстановкой и полной сменой окружающего и системы взаимоотношений в нем.

Для меня же этот вопрос и раньше был труден, но прибавляется еще компонент сиротского самочувствия «ничьей». Т. к. никогда не могла найти возможности самоидентификации ни с кем, никогда не проходило ощущение раздвоенности. А то, что раньше казалось возможным и ощущалось естественным, т. е. полная слитность с русской культурой, именно свою естественность утратило в процессе переживания всех событий последних примерно 15 лет и с пришедшим пониманием принадлежности ДРУГОЙ истории. Вот ее от нас как запрятали, даже историки не все слышали о событиях 1914-15 годов. Когда обвиненных в предательстве евреев массово выгоняли с западных рубежей. 500 тысяч! В течение суток, из их домов и поселений на восток, не обеспечив ни транспортом, ни пищей, ни жильем, не позволяя жителям селений, через которые шли беженцы, передавать им еду (для этих акций были привлечены казаки, которые, выгнав жильцов на улицу, на их глазах грабили их имущество, а опустошенные дома поджигали). И дороги и поля, по которым брели сотни тысяч в неизвестное, были усеяны трупами погибших от голода и болезней, а через пару лет, в 18–20 гг. в погромах были уничтожены и те, кто жил восточнее Белоруссии

и Молдавии. А эти события в общем взгляде на историю XX века очень важны. Т. к. это не немцы были первыми в XX веке в массовых жестоко-стях, убийствах, почти поголовном изнасиловании еврейских женщин от 8-летних девочек до 70-летних старух, в массовых «захоронениях» в ямах, убитых и еще живых (перед этим обобранных донага, в прямом смысле) или сбрасывании в реку живых людей целыми деревнями. Это не чужеземных захватчиков, а своих соседей в безнадежности умоляли евреи убить их скорее, чтобы не издевались перед смертью. И это не было неожиданным спонтанным явлением — это наследие последовательного растления охлоса политикой Николая II. А «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка, созданная по заказу царской охраны, — служившие в семье Николая II семейным чтением вслух по вечерам, через 30 лет сослужили и хорошую службу гитлеровцам, которые, в отличие от русских, управлявшихся ножами и топорами, уже опирались на достижения технического прогресса, дабы увеличить эффективность, что им с успехом удалось. «Пепел стучит в мое сердце»...

Я слушала интервью с одним из крупных немецких кинорежиссеров Вимом Вендерсом (самый известный его фильм «Небо над Берлином»). Среди его ответов прозвучала такая фраза: его картины «наполнены лиризмом печали и пессимизмом, потому что у немцев нет, и никогда уже не будет оснований для оптимизма». А есть ли основания для оптимизма у России? Германию заставили покаяться, а в России о такой возможности даже речи нет, т. к. эти события не только не осознаны, но до сих пор неизвестны.

Поэтому как бы я ни была полностью ассимилирована и ощущала для себя родной русскую культуру, с самоидентификацией у меня проблемы. События последних десятилетий показали, что это было иллюзией. Но ведь и еврейской культуре я тоже не принадлежу...

Действительно, осознание себя во многом мифологизировано. Я еще в юности открыла, что каждый человек живет, как я это тогда называла, внутри своей пирамиды, смотрит на внешний мир сквозь ее призму и потому всегда не замечает части реальности. Пробиться

сквозь эту призму чрезвычайно сложно, иногда невозможно, поэтому так затруднено бывает взаимопонимание людей. Такими словами я когда-то рассказывала это А. Н. А в Вашей теории мифов (и не только в «Жаде тождества») Вы так замечательно объясняете это явление как неизменное свойство человека общественного. А вторая часть этого вопроса уже ближе к тому, что разделяет и Анатолий Николаевич, и то, о чем мы с Вами говорили. Произшедшие перемены так отдалили нас от следующих поколений, что иногда чувствуешь себя как в одной истории, которую я не помню, где прочитала: где-то в Америке из племени аборигенов остался один, последний. Его языка никто не знал. Он окопался в землянке, все время молчал, и молился каким-то своим богам, испуганно воздевая руки к небу.

Между прочим, в последних работах Александра Якимовича говорится о такой стороне культуры, которую он называет «антропологией недоверия», родившейся на фоне разочарования человека в себе, его способности действовать и добиваться успехов. Этот взгляд узнавания о себе безрадостных истин породил первые знаки разрушительного впоследствии скептицизма, иронии, возможности говорить о сомнительности человека и общества. И начался этот процесс рождения социокультурного неконформизма еще в XVI веке, в эпоху Возрождения. А с тех пор скептицизм в искусстве, чем больше философам и художникам открывалась непостижимость и «широта» (по Достоевскому) человека, вмещающего в себе в нравственном смысле весь спектр между крайними полюсами добра и зла, постепенно нарастал, приводя к сегодняшнему состоянию, когда эпатаж зачастую становится главным содержанием художественного, даже не произведения, а действия. В своей книге «Магическая вселенная» А. Якимович приводит мнение Макса Вебера о тенденции духовного развития Нового времени, которую он называл «разволшебствлением мира». Сменялось много философских теорий и художественных течений, но чем ближе к нашему времени, тем более ускорялись темпы процесса изменений именно в этом направлении. Таков путь взросления человечества, т. к. умение

видеть себя со стороны, самокритичность — свойства взрослого в отличие от невинности детства.

Прочтя Вашу книгу, А. Н. сказал о пессимистичности ее выводов. А я вспомнила слова Сергея Сергеевича Подъяпольского (о котором я Вам рассказывала): «Слава богу, что я не доживу до того времени, когда книга совсем отомрет и полностью заменится компьютером». Качественные изменения коснулись всех сфер жизни. Отмирает институт семьи. И дело не в сексуальной революции, ее уже давно пережили и отказались от ее идей, это только Россия с опозданием играет в эти игры. Главным залогом обеспеченной жизни является наличие работы, все остальное в жизни лишь попутно. Стали распространены условные семейные отношения, когда супруги работают в разных городах и даже странах, встречаясь раз в неделю по выходным или раз в месяц, в зависимости от дальности расстояний. Детей в таких условиях, естественно, не заводят. И вообще семья как таковая переживает сегодня небывалый кризис, утрачивает смысл. А на смену приходит только неприкаянность и, как выражается молодежь, — пофигизм. Основательность заменяется воздушностью, подвешенностью, постоянство отношений призрачной доступностью связи по сети или мобильнику. Сама жизнь становится виртуальной. А для многих людей моего поколения, привыкших раньше жить, как говорят, в состоянии внутренней эмиграции т. е. некоторой раздвоенности, изменившаяся социокультурная обстановка отнюдь не способствовала «возвращению» от нее.

Георгий Степанович, еще пару слов на другую тему. Не могу Вам не сказать еще о некоторой неуютности, которую я испытываю от термина «модерн» в контексте второй половины XX в. Философы употребляют его повсеместно как определение периода цивилизации. Но в русском искусствоведении прочно установилась связь этого «модерн» с искусством и архитектурой начала века, носившим также названия Jugendstil, Art Nouveau, Secession и т. д. параллельно с символизмом в литературе. Эпохой модерна принято называть все виды искусства и культуры этого периода, до 20-х, когда происходил отказ от классического на-

следия и поиск новых, неизвестных прежде форм, и эта эпоха ассоциируется с именами Шехтеля, Врубеля, А. Белого и т. д., поэтому термин «модерн» вмещает в себя более узкое понятие, имеющее отношение к стилю. В то время как модернизм означает более широкое понятие, включающее в себя разные стили. Пришедший на смену функционализм, конструктивизм и разные школы этих новых течений и стали тем новым явлением, которое и отличает XX век от всех предшествующих эпох. И это Корбюзье, Мисс Ван дер Роз, Малевич и Кандинский, Татлин и Леонидов, Маяковский и и и... Вам прекрасно весь этот ряд известен. Я понимаю, что Вы избегаете употреблять «модернизм», но и «модерн» сбивает с толку. Потому что дело не в измах, а в том, что в 20-е годы произошла та кардинальная психологическая ломка искусства и культуры, которую с полным правом можно называть культурной революцией. Я не знаю, мне кажется, единства в этом вопросе до сих пор не существует. Сарабьянов и некоторые другие искусствоведы называют эти новые течения, после 20-х годов, авангардом, историки архитектуры — рационализмом, в советскую эпоху был распространен термин модернизм. Но все эти термины не точны и расплывчаты, т. к. расплывчаты и сами художественные течения, главной особенностью которых, наверное, можно считать антитрадиционализм и дезинтеграцию, т. к. произошла замена канонического искусства универсальным и всеприемлющим. Как правильно выразить вкладываемое Вами понятие и избежать двусмысленности терминологии? Ведь и «постмодерн» стали употреблять как разговорное упрощение «постмодернизм». С термином «авангард» тоже ясности нет, т. к. его применяют и по отношению к 20-м годам, и к 60-м, и к 70-м, в разном контексте. Иногда говорят «новый авангард», но все это ясности не вносит.

Может быть, я бы не осмелилась высказывать Вам свои сомнения, которые могут быть восприняты как критика, если бы у меня не было такого полного доверия к Вам. Хотя я уделила этому фрагменту так много места просто потому, что это остается для меня вопросом, он не влияет на общее впечатление от прочитанной книжки. Я очень дорожу

ею, восхищаюсь языком изложения, Вашей эрудицией и остротой видения. Осознают ли Ваши ученики, какое они имеют счастье — быть ими? Я не раз говорила о том, как сожалею, что мне не встретились такие учителя в юности. Может быть, тогда вся моя жизнь сложилась бы по-другому.

А. Н. уже второй день сидит, обложенный записочками, сочиняет тоже свое письмо отдельно, что для него теперь не характерно, т. к. уже несколько лет никому не пишет и не отвечает. Ну, вот, наконец, принес мне черновики, чтобы я набрала. Так что его сообщение пошлю отдельным письмом.

Дорогие друзья, по-прежнему желаю вам, прежде всего, здоровья и оптимизма для его сохранения. Обнимаю вас. Сердечно,

Ваша Н. Н.

А. Леонтьев 09.05.2006
о книжке «Жажда тождества»

Дорогой Георгий Степанович!

Большое наслаждение следить за Вашей мыслью, она концентрирована и диалектична — это классика наших дней! Я читаю возвышенную апологию идентификации как необходимого условия структуризации нашего аморфного общества и вообще культурного развития. Эта социально-культурная категория оказывается важнейшей регулирующей силой в личной судьбе каждого и в истории народов.

Позвольте откликнуться на лично меня задевшее. В ранней молодости я пережил псевдокрестьянское отождествление и тайноверие, ведь больше 5 лет прожил с дедами, обличал «буржуазность» в первой моей семье, что нанесло ей вред.

Увлечшись стихописанием, я нередко писал «мы», подразумевая под этим нечто приятное и отчасти героическое. Найти свое место

и таким путем я не смог. В России самоидентификация в большой мере замешана на бедности. Этим объясняется успех классового учения, культ аскетства, непопулярность письменных людей, особенно тех «которые в шляпах».

Цеховая солидарность тоже очень поверхностна. В экспедициях я брался со многими, но собственный путь в науке представился мне как одинокое служение, чтобы расширить *свой* кругозор (альтернатива — закапывание в щель узкой специальности). К тому же и здесь нас настигают революции — на своих костях я испытал смену парадигмы в геологии и приход формалистов на место естествоиспытателей.

Ваши мысли о движении по направлению к симулякрам и постмодернизму чрезвычайно интересны, но не мне о них судить. Более любопытна мне технология построения мифа советской, якобы, действительности — песни Дунаевского до сих пор отзываются оболваниванием недостигнутого рая и одновременно досадой: опять «взяли на куклу» и заставили слезу пустить... Кто, как и зачем заставил?

А Рахманинов, к примеру, тоже создал миф? По меньшей мере, я воспринимаю его как ретроспективную модель *доброй* духовной сущности России, — ведь есть еще и злая...

И далее следует вопрос о всеми нами любимом Окуджаве — он тоже создатель мифа... Но об этом Вы прекрасно написали в «Арбатской цивилизации». И все же, и все же, и все же...

Будьте здоровы Георгий Степанович. И низкий поклон Ревекке Борисовне.

Ваш А. Леонтьев

Г. Кнабе 08.06.2006

Дорогие Н. Н и А. Н. —

прочел с волнением и впечатлением Ваши письма. Спасибо за хорошие слова о моей брошюре. Отвечать сейчас нет возможности — слишком много работы и хворей. 2 июля мы уезжаем на месяц в панси-

онат Голицыно, где я думаю пару недель отдохнуть, а остальное время посвятить ответам на письма. Тогда и вернемся к нашей переписке. Еще раз спасибо.

Ваши Р. и Г. Кнабе

Н. Н. 15.04.2008

Дорогие Георгий Степанович и Ревекка Борисовна!

Рада была Вас слышать. Уже весна, скоро будет тепло, даст Бог, Вы будете себя лучше чувствовать. Во всяком случае, я Вам этого очень, очень желаю.

Пока я вам высылаю одну из статей. Если все получится нормально, я могу прислать и другие. ... В Европе растут правые настроения. Наделал много шума фильм «Фитна» голландского политика Г. Вильдерса, посвященный убитому Тео ван Гогу. Это документальный коллаж из съемок, по большей части сделанных скрытой камерой в европейских мечетях на проповедях с агрессивными и непрерывными призывами уничтожить Европу и неверных. Но главное, что вызвало возмущение, он не только критикует фанатиков мусульман, а показывает, что этот фанатизм не извращение учения Корана, а точное следование ему, и каждое выступление этих проповедников смерти иллюстрируется переводом сур из Корана.

Голландское правительство испугалось возможности новых волнений, и фильм к показу запретило. Мусульманская же община подала на Вильдерса в суд. Но конституционный суд вынес решение, что режиссер имеет право высказывать свою точку зрения. Однако ему уже вынесена фетва, т. е. он приговорен, как Салман Рушди, и живет под охраной.

И еще один известный человек получил фетву, Магди Аллам. Это заместитель ген. директора газеты *Corriere della Sera*. Египетский араб, конвертировавшийся в марте в католичество. За это в мусульманском сообществе полагается смертная казнь. Он вместе с Орианой Фаллачи, итальянской журналисткой — очень резко критиковал радикализм ислама. И год назад написал книгу, вокруг которой тоже поднялся шум:

«Да здравствует Израиль», в которой восхваляет жизнеутверждающее начало Израиля, создавшего в пустыне цветущую страну, и критикует арабов, проживших рядом в нищете и разрухе, а все богато поступающие от мирового сообщества средства тратят на то, чтобы нести смерть. Резюмируя, что европейцы занимаются самоубийством...

Теперь я прощаюсь. В приложении моя статья о Нормане Фостере, а ниже статья Григория Померанца «Ислам Орианы Фаллачи и ислам Петера Воге».

Всего Вам самого наилучшего, будьте, пожалуйста, оба здоровы.

И если найдется минутка, буду очень рада, если Вы вышлете рассказы Ревекки Борисовны.

Обнимаю Вас

Ваша Н. Н.

Г. К. 03.05.2008

Дорогая Нинель Израилевна, —

большое спасибо за Ваше такое интересное и большое письмо от 15 апреля. Я надеюсь, что Вы получили мою реакцию и, может быть, сумеете передать мне со Стасом распечатку. Если нет, не беда, я справлюсь и перенесу текст из почтового ящика.

Выполняю Вашу просьбу и обещание Р. Б. и передаю Вам три ее рассказа. Но это, как мы надеемся, предполагает выполнение Вашего обещания переслать нам стихи Анатолия Николаевича. Ждем.

Ваш Г. Кнабе

Н. Н. 15.05.2008

Дорогой Георгий Степанович!

Вот, нашла Вам диск Вольфа Бирмана. Я не знаю, как у Стаса будет со временем. М. б. Вам все это передаст моя знакомая из Мюнхена, кот. тоже летит в Москву.

Спасибо Вам за рассказы Ревекки Борисовны. Мне они очень понравились.

Подробнее я Вам напишу позже.

По поводу Ваших вопросов и размышлений о молодежи. Я обдумывала эту тему. И как раз меня немцы спрашивали, возможно ли, что сейчас, когда настало для молодежи другое время, в России тоже будет 68-й год? Я сказала, что не думаю. Потому что в Европе они протестовали против истеблишмента. У нас же они только дорвались до возможности зарабатывать, и сейчас их вряд ли интересует что-то другое. Безусловно, есть какой-то небольшой процент молодых образованных интеллектуалов. В среде остальных сейчас новое помешательство на православии, а еще ниже на нацизме. Политически активных тоже весьма небольшой процент. Кстати, размышляя о событиях 68-го года, я почитала историю об этом, и была поражена, т. к. я увидела совсем другую картину, чем представлялось. Раньше мне казалось, что в этом протесте было только прогрессивное начало. Что они разочаровались в поколении отцов из-за предыдущих событий двух жестоких войн, что они отвергли ценности отцов именно потому, что эти ценности девальвировались итогами истории XX века, что это было осознание истории, и они восстали против ужасов и несправедливости событий войны. Оказалось все несколько иначе. В Европе поколение, разоренное войной, спешило восстановить материальное благополучие, сохраняя жесткую иерархическую систему в жизнедеятельности общества. Молодежь восстала против родителей. Они ломали стереотип общества, в котором главные — старшие, в костюмах с белыми воротничками предписывали молодым следовать их образу жизни, шкале ценностей в созданной старшими структуре общества. Поводы для протеста в разных странах были совсем разные. Никакого единства в этом движении вначале не было. Они боролись против мещанства мира отцов, за лидерство молодых и за свободу удовольствий. Именно это меня поразило. Одни начали протест из-за плохого обеда в институте, или против скучных профессоров, другие из-за того, что кого-то осадила полиция,

третьи хотели сексуальной свободы, четвертые требовали вольностей. Нет, никто истории не вспоминал, а если и вспоминал, то это наступило позже стихийного бунта, когда бунты эти стали принимать характер политических движений. Сам за себя говорит их известный лозунг «Будьте реалистами — требуйте невозможного». Это был своего рода карнавал, романтическая эпидемия, которая быстро распространилась по разным странам. Немцы, которые застали этот период, рассказывали, что по улицам ходили толпы молодежи, веселились, выпивали, весело хулиганили. Никто не учился.

Подавление беспорядков придавало постепенно их протестам политический характер. Часть из них под давлением стражей порядка утихла, а лидеры еще более обострили борьбу. В их среде зародились всякие движения, они выступали против войны во Вьетнаме, говорили о правах и приоритете в обществе именно молодежи, об экологии, о несправедности богатых перед бедными. Результаты были мощными и мир после этого действительно очень изменился. Они многого добились в изменении своих прав, в изменении подхода к учебе, облегчении нравственных норм и вообще своеволия. А в целом они побороли авторитарность мира отцов, появилось движение феминизма, зеленых и всяких неформальных объединений. По-видимому, тогда настал момент какой-то критической точки.

В России все по-другому. Российские хиппи были тоже совсем другими, чем западные, т. к. находились совсем в других условиях. И вместо наркотиков (а может и кроме) у них была религия, а нежелание подчиняться старшим, и вообще кому бы то ни было, сочеталось с тяготением к элитарности. Я знаю довольно близко нескольких русских хиппи. Их теория: хиппи должен быть высокообразованным, но без принуждения учреждением, а самостоятельно. Среди них было много детей из высокообразованных семей.

Т. е. в западных 68-х меня собственно поразило несоответствие мизерности начала и огромности итога. Ведь очень многие постулаты демократического общества были заложены тогда. Лидеры тогдашних

движений различного спектра сегодня во множестве представлены в европейских правительствах. Левые имеют очень большой вес, зеленые поменьше, но будучи постоянной оппозицией, они добиваются многого. Феминизм совершенно изменил систему взаимоотношений. Появилась параллельная философия, которую называют феминистской. И если раньше по поводу самого понятия иронизировали, то сейчас даже признают ее научной. Антиглобалисты — это следующее поколение, как ответвление леваков. И левые настроения не угасают, а растут. Критика капитализма в пока еще достаточно благополучной Европе — самое обычное и повседневное дело. Романтизация Сов. Союза, несмотря на всеобщую доступность литературы о той эпохе и отдельных публикаций журналистов или исследователей, которые хорошо разбираются в советской истории, никуда не делась, такое впечатление, что, наоборот, ширится. Потому что мода на поддержку диссидентов прошла. Вообще, конечно, в истории на самом деле разбираются единицы. Здешние обыватели, с одной стороны, лучше информированы наших обывателей, с другой в такой же степени подвержены предрассудкам, предубеждениям и внушаемости. Поэтому СМИ играют огромную роль. Но здесь они отражают взгляды разных идейных настроений, поэтому все же такого «одобрямса», как у нас, нет. Теперь молодежь в Европе спокойнее. Буйствуют только левые, антиглобалисты и реже неонацисты (они под наблюдением). К последним относятся спокойно, объясняя это малым процентом. Хотя проценты подрастают. К быстро растущей мусульманской составляющей относятся двояко. С одной стороны, после крупных терактов стали бояться, как бы это не случилось и здесь. С другой, играют в мультикульту. При этом, что не очень понятно, широко распространены антиамериканские и антиизраильские настроения.

На этом прощаюсь. Будьте здоровы! и всего Вам и Р. Б. самого доброго.

Г. К. 30.05.2008

Liebe Нинель Израилевна, —

спасибо за присланные материалы. Ваше письмо о шестидесятих годах вызывает самые серьезные возражения и по содержанию, и по общему подходу. Отложим более подробный разбор до следующего раза. Ждем появления Ваших знакомых с распечатками. Сейчас же — дело (оно же просьба).

Мы все время планируем наше лето и никак не можем остановиться на чем-то определенном. Р. Б. совершенно необходимо отдохнуть хотя бы месяц от хозяйства и прозы здешней жизни, но ее диагнозы требуют самой строгой диеты, которую нам не могут гарантировать ни московские рестораны, ни подмосковные санатории или дома отдыха. Не будет ли Вам слишком обременительно, заглянувши в Интернет или в туристические каталоги, найти координаты в Вашей части Германии гастроэнтерологического санатория и указания на условия пребывания, цены и т. д.? От себя, по-видимому, Вы могли бы добавить всё, что Вы знаете о возможностях железнодорожного пути к Вам. Всё это в высшей степени проблематично. Состояние ее меняется день ото дня. Сегодня она чувствует себя лучше, и мы готовы ехать хоть в Южную Индию, на следующий день состояние ее резко ухудшается, и нам становится совершенно ясно, что никуда из нашей квартиры с диетической готовкой и налаженными врачебными связями трогаться нельзя. Так что, если просимые сведения о гастроэнтерологических санаториях Вам добыть сколько-нибудь затруднительно, требует времени или затраты энергии, не обращайтесь на эту просьбу внимания. В последнем случае только напишите, что добыть информацию не получается. Буду ждать.

Кроме всего прочего хочется с Вами повидаться — есть много того, что хотелось бы обсудить. Поклон А. Н.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 18.07.2008

Дорогая Нинель Израилевна!

Наши повседневные дела идут своим порядком — некоторое количество недомоганий, пока умеренных, некоторое количество мероприятий для их излечения, пока не слишком обременительных, в остальном — быт. Духовное общение сосредоточено на нас двоих, изредка — с друзьями, еще реже — с DVD и газетами, которыми нас снабжают без нашей инициативы издатели. Материалом духовной жизни служат окружающие впечатления, которые проистекают в данном случае из трех источников.

Первый связан с появлением у нас одной старой нашей немецкой приятельницы. Она живет в Магдебурге, приехала в Москву, провела вечеров у нас и рассказала много интересного о немецкой жизни, коррелирующего отчасти с тем, что рассказывали о ней Вы. Складывается впечатление, что некоторое самое общее умонастроение на Западе определяется двумя импульсами, живущими в подслое общественного мнения — 1. политкорректностью и 2. настороженной неприязнью ко всякой замкнутой укорененности — традиционно исторической, национальной, религиозно-фундаменталистской. Свидетельством первого служит общий тон большинства газет и телевизионных программ (о чем рассказывали нам и Вы), свидетельством второго — отчасти те же газеты и ТВ, отчасти нередкие очень популярные кинофильмы, такие, например, как «Рассекая волны» или «Догвилль» Ларса фон Трира. Если это так, то на культурно-антропологическом уровне это означает исчезновение извечного, казалось бы, деления общественной реальности и жизни в целом на «своих» и «чужих». Все всем вроде бы и нейтрально свои и столь же нейтрально чужие, безразличные. Никакого интеллигентски-окуджавского «возьмемся за руки, друзья» и никакой леннон-маккартниевской желтой подводной лодки, никакого «So tanzt en wir in Alt Berlin». Всё на уровне тусовки. Это означает распространение в качестве преобладающей атмосферы, вежливо говоря, взаимной

независимости, а говоря прямее — взаимного безразличия. Ощущаете ли Вы что-либо подобное? Здесь, в России и в Москве это ощущается очень сильно. Взятка и взаимная выгода перестали исчерпываться своей аморальностью и беззаконием и стали нормальной формой межличностных отношений. Примерно о том же пишут американские социологи: если community стала чем-то ненужным и осуждаемым, то что же остается связью между людьми? Только деньги и то, что у них называется pull. Сюда же — исчезновение солидарности маргиналов, составлявшей атмосферу рок-групп, и распространение просто тотальной маргинальности, «союза на эту одну минуту» в анархо-панке или в сквотах.

Второй источник — архитектура 1990-х — 2010-х. Головокружительная карьера Норманна Фостера говорит не столько о его талантливости, сколько об отражении в его зданиях атмосферы общей и близкой, импонирующей всем, а, главное, — планетарной. Станция метро в Сингапуре, оперный театр в Петербурге, заполняющие пейзаж, видимый из моего окна, ребрастые скелетообразные башни возводимого Москва-Сити, музей в Лондоне, в Аравии невиданные и ранее арабам ненавистные небоскребы в Дохе, столице Катара. Никакой укорененности, традиции, никакой апелляции к национальному или культурно-историческому опыту, ничего, что узнает «свое», лепечет из глубины души и ее греет. Я еще не достал рекомендованной Вами книги Рябушина, но в Интернете мелькала в связи с ним книга идущего в том же направлении какого-то автора с арабским именем.

Наконец, третий источник — только что напечатанное в «Литературке» интервью человека по имени Олли Рен. Он является одним из высших чиновников ЕС, ведающим расширением Евросоюза. Поводом для интервью стал очередной провал проекта и утверждения европейской конституции. Оставим в стороне все шпильки, которые интервьюерша стремится вонзить в самую идею, в принцип и практику ЕС, а интервьюируемый пытается опровергнуть.

Сосредоточимся на двух вопросах.

Первый и главный (и по которому особенно важно узнать Ваше мнение) состоит в том, насколько прав Рен, говоря, что все противоречия внутри ЕС, все распри между отдельными группами европейского населения, никак не могут подорвать демократическую реальность объединенной Европы. Ведь все расхождения между иммигрантами и коренным населением, между Европарламентом и массой граждан, между исторически автономными частями национальных государств, вроде Каталонии и Испании, между Валлонией и Фландрией в Бельгии и т. д. представляют собой проявления противоречий, имманентных демократии, не разрушающих, а воплощающих ее. «Страны работают, — говорит он, — всё работает. Посмотрите вокруг. Весь чиновничий аппарат, вся машина правосудия функционируют. Это дебаты в демократической стране. В чем тут проблема?». Это очень похоже на то, что Вы мне говорили о неизбывной и постоянно ощущаемой крепости немецкого государства. О том же мне говорила наша магдебургская приятельница. Тогда атомизация общества, превращение его в совокупность индивидов друг другу «не своих и не чужих», глобализация как господствующая реальность, «фостеризация» градостроительства, превращающая города в совокупность геометрических объемов, в которых, наверное, удобно жить, но которые за пределами удобства ничего и никому не говорят, вполне укладываются в европейскую традицию, означая не ее обрыв, а ее очередной этап. «Всё работает».

Второй вопрос, возникающий из этого интервью, лежит, скорее всего, за пределами Ваших интересов, но зато очень важен для меня и, может быть, Вы сможете мне в нем как-то помочь. После опубликованного текста интервью редакция поместила свой к нему комментарий. Из него явствует, что интервью публикуется не полностью, а в опущенных частях Рен говорил о важности для современной Европы опыта античного Рима и Римской империи. В этом комментарии, в частности, сказано: «В Европе предпочитают говорить о восстановлении или возрождении Римской империи или империи Карла Великого, но, разумеется, на новых принципах и основах. О них много и красиво рассказал

в своем интервью комиссар ЕС по вопросам расширения Олли Рен». Так вот, если есть какая-либо возможность найти оригинальный и полный текст этого интервью, где «много и красиво» рассказано об актуальности для современной Европы опыта античной Римской империи, мне очень бы хотелось это сделать. Ведь должны же существовать какие-то периодические издания ЕС, в которых помещаются материалы, излагающие взгляды и заявления руководящих деятелей Союза, представленные на интернетовских сайтах. Вдруг Вы сможете их обнаружить и передать мне либо текст, либо электронный адрес. Я был бы Вам очень благодарен.

Только что обнаружил Ваше позавчерашнее письмо. Спасибо. Блюменкранц сегодня звонил и сказал, что тираж номера с моей статьей появится на этой неделе. Пусть он отдаст Вам экземпляр, а я, когда увидимся, напишу на нем всякие нежные слова.

Р. Б. обнимает. Я не смею, но передаю поклон, привет и наилучшие пожелания.

Ваш Г. Кнабе

Н. Н. 31.07.2008

Дорогой Георгий Степанович!

Наконец, появилась возможность написать. Итак, разделим вопросы в Вашем письме: 1. Мусульмане и надежность Европы. 2. Новая Римская империя. 3. Интервью Олли Рен.

По поводу первой затронутой Вами темы, у меня сложилось впечатление, что в Европе существует два слоя настроений, как бы и вовсе не пересекающихся, правительства и правительств, и не знаю, как назвать, народа, коренного населения. Первый не полностью отражает второго. В частности, в вопросах отношения к эмигрантам, и, в частности, к мусульманам. Правительства исполняют свою пьесу демократического сценария. Говорят о мультикультурализме как хорошей норме,

неизменно политкорректны, иногда до абсурдности (ниже я приведу пример). Народ, однако, то тут, то там протестует, правые медленно, но набирают вес, в том числе и радикальные правые.

Недавно в Германии разгорелись страсти из-за строительства мечети в Кельне. Немцы устроили серию протестных демонстраций. Я разговаривала с моими знакомыми немцами, культурными и демократически настроенными, которые никогда бы не примкнули ни к каким правым движениям. Они тоже говорят, что наша страна христианская и мы не хотим, чтобы города покрывались минаретами. В Кельне особый случай, на мой взгляд, еще и потому, что гигантскую мечеть (субсидируется, кстати, турецким правительством) предполагается строить в зоне видимости кельнского собора, а минареты должны быть еще выше. 3 км для доминант такого масштаба недостаточное расстояние, чтобы они не спорили между собой. Ну и, конечно, высоченные минареты сразу изменят пейзаж города в целом. Я читала беседу Вольфганга Шойбле (министр вн. дел) и Ральфа Джордано об этом. Шойбле, как и полагается государственному и публичному человеку, видит ситуацию только с положительной стороны. Джордано ставит острые вопросы об исламистской угрозе, но не получает ответов. Мечети, безусловно, оказывают давление на окружающую архитектурную среду из-за высоких минаретов. Но и не только, ведь оттуда будут 5 раз в день очень громко звать верующих на молитвы мuezдины, что может полностью изменить жизнь европейского города. Но я вижу проблему абсолютно неразрешимой. Сами немцы, которых «оминаречивание» Германии пугает, понимают, что если здесь живут группы людей, исповедующие ислам, то им нельзя отказать в возможности ходить в мечеть. Ибо они (немцы) свои завоевания свободы и демократии ценят превыше всего. Некоторые из них говорят, — надо мусульманам ставить условия, ультиматум: вы подписываетесь, что обязуетесь соблюдать европейские законы, а не законы шариата. Да? — тогда стройте мечеть. Нет? — тогда уезжайте в страну, где почитают шариат. Но это все пустые разговоры. Т. к. для верующего му-

сультанины законы шариата святы, и его свобода веры — это свобода закона шариата. А правительство и правительства, по-моему, пуще огня боятся сделать что-либо, за что их кто-нибудь может упрекнуть в притеснении национального меньшинства. Тем более никто не отважился бы предпринять нечто, следствием чего неизбежно встал бы вопрос о массовых депортациях.

И в результате, что мы имеем. В Голландии протестные настроения и против мусульман, и против мечетей очень сильны. Периодически доходят сведения о том, что в Швеции и Норвегии, Англии и Австралии бесчинствуют банды молодых мусульман по отношению к женщинам и девочкам, которые сами мусульмане не считают криминальными, а трактуют, как выражение протеста против европейских вольностей в манере женщин одеваться, а мусульманских девушек, решивших отказать от хиджаба, наказывают таким же образом. И нетрудно себе представить какой отклик рождает эти события в сердцах шведов и норвежцев. И служат отличной подкормкой для активности правых радикалов. В Швейцарии тем временем готовится закон о запрете на строительства минаретов, а до этого предполагается проведение референдума по этому вопросу, но никто не сомневается, как проголосуют швейцарцы. В Дании в городе Орхусе (второй по величине город Дании), в районе Gjellerup, где совсем нет датчан, живут только мусульмане и (теперь уже жили) гренландцы. Мусульмане долгое время терроризировали живущих по соседству (и живших здесь до возникновения эмигрантских мусульманских кварталов) гренландцев, всячески оскорбляя их, распознав, что это самый незащищенный слой населения. Мигранты, в основном арабы и сомалийцы, беспрерывно забрасывали гренландцев и их дома и дворы камнями, многих ранили, были и случаи изнасилования и ограбления. Попытки полиции защитить их оказались безуспешными. Тогда муниципалитет вывесил щиты с умиротворяющими текстами на арабском языке, что гренландцы являются датскими гражданами и живут здесь на полных правах, и мусульман просят уважать их и не обижать, а в интернете создали сайты на

арабском языке, с объяснениями, что гренландцы такие же люди, как и мусульмане, и их нельзя преследовать как диких зверей, они имеют такие же человеческие права и т. д. Но напрасно, это не помогло. И тогда правительство капитулировало, и стало предлагать гренландцам деньги, чтобы они переселились в другое место. Вместо того чтобы хоть как-то наказать бесчинства мусульман, которые, забрасывая камнями никого не трогающих гренландцев, орали им: «Убирайтесь в свою Гренландию, здесь будем жить мы, Орхус наш». Т. о. создан очень опасный прецедент, это практически факт этнической чистки. Кто-то надеется, что кто-нибудь из мусульман, способных себя таким образом вести, эту, т. наз. политкорректность оценит с благодарностью? Через некоторое время после переселения гренландцев анонимная группа датчан устроила протест в такой форме. Были вывешены плакаты, призывающие мусульман извиниться перед гренландцами, причем лично и перед каждым персонально. И лозунги: «Стоп исламский расизм, да здравствует Гренландия». А вдоль улиц и автобанов по всему району на фонарях появились куклы, изображающие повешенного на виселице Мохаммеда. На этом фоне оптимистические заверения высоких чиновников выглядят как-то не очень убедительно. Из всех этих сообщений складывается впечатление, что что-то назревает в европейских странах, что-то, неизвестно, как и когда, может взорваться. Но политики либо не видят этого, либо просто не знают, что с этим делать. А законы, да, законы пока работают. Но случаи с гренландцами и бандами насильников в Париже, которые в течение многих лет терроризировали склонных к вестернизации мусульманских девушек зверским образом (а известно это стало после книги «В кругах ада», написанной одной из пострадавших, Самирой Белил, ставшей их многократной жертвой. Урон ее здоровью был так велик, что она уже в 30 лет умерла), и присуждены к максимум 4 годам тюрьмы! — явно свидетельствуют о слабости или неподготовленности Европы к решению возникших проблем такого рода. Если рассматривать их в перспективе, то надо еще учитывать, как они будут развиваться на фоне всем известного демографического

фактора: стремительный прирост мусульманских семей и почти нулевой — европейских.

Второй вопрос.

Очевидно, в интервью с Олли Реном подразумевался так называемый «Средиземноморский союз»? Кажется, в апреле политические лидеры Европы, Северной Африки и Ближнего Востока учредили «Средиземноморский союз», в состав которого вошли 44 страны, договорившись сотрудничать в сфере энергетики, экологии, образования и инфраструктуры.

Николя Саркози назвал появление нового союза, с идеей создания которого он выступил после прихода к власти в мае 2007 года, «сбывшейся мечтой». «По мнению французского лидера, эта организация должна стать связующим звеном между Европой и Африкой, посадить за стол переговоров враждующие стороны в средиземноморском регионе — Алжир и Марокко, Израиль и арабские страны. И все это должно произойти под руководством Франции. Кроме того, в планах Саркози ряд конкретных проектов, касающихся транспортной инфраструктуры, энерго- и водоснабжения, миграции, образования, научных исследований, экологии Средиземного моря. Аналитики уже придумали громкий слоган, и называют этот проект возрождением Римской империи». А упоминаемого Вами интервью с Олли Реном я не нашла.

Кроме того, хочу с Вами поделиться, я прочла две замечательные и очень интересные книги В. Паперного «Культура два» и «Мос-Анджелес». Это архитектор, бывший москвич, а теперь американец. Необыкновенно талантливый автор. После его книги термины культура 1 и культура 2 стали общеупотребительными (классика — авангард — неоклассика и т. д.).

Я сейчас у мамы, ...записываю ее рассказы о прошлом. Это очень интересно. Все, что я читала только у историков, иллюстрируется теперь живой жизнью рода. Моего рода, из которого происходит, но история эта настолько мне незнакома, что чувством не воспринимается, не соединяются два мира: мой на 100% русский, и моих предков из еврей-

ского Витебска с их традиционными ремесленными занятиями, и почти не знавших русского языка. События гражданской и двух мировых войн, эвакуация, перипетии, в которые они попадали. Тут и раскулачивание, и аресты белыми, красными и махновцами (деда и отца), переезды и выживание в голоде, и сталинский лагерь, и гетто, и эмиграция. Целый роман почти в полтора столетия. Какое счастье, что сейчас существуют диктофоны.

Очень надеюсь (и желаю), что у Вас все благополучно.

Всего Вам и милой Ревекке Борисовне самого наилучшего.

Обнимаю Вас

Ваша Н. Н.

P. S. Вот тут о средиземноморском союзе <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,565604-2,00.html>

Н. Н. 23.01.2009

Дорогой Георгий Степанович!

Рада была Вас слышать, и застать в рабочем состоянии.

Вот, решила, если Вы сейчас названной тематикой занимаетесь, м. б. Вам будут интересны следующие статьи.

Я Вам скопировала одну, а вторую вышлю отдельным письмом, чтобы не путаться.

Блюменкранц просил меня узнать о статье от Вас в следующий номер «Второй Навигации».

Он дал нам читать несколько номеров и свою последнюю книгу. Все статьи всех авторов потрясающе интересны. Ну а сам Блюменкранц такой талантливый и умный, и так замечательно пишет!

У нас здесь по всей Европе в связи с событиями в Израиле прошли яростные мусульманские протесты, а в некоторых городах стычки со скромными митингами в поддержку Израиля. Мусульмане сжигали израильские флаги, орали «Смерть евреям», «Евреев обратно в газовые

камеры», «Namas, Namas, Juden ins Gaz» и т. д. Полицейские боятся с ними связываться. Европейцы частично в оторопи, а частично сочувствуют демонстрантам. Ведь они больше всего хотят быть толерантными и жалеть «слабых и обиженных». А теперь видят, что они чего-то недопонимают. < >

Как Вы поживаете, как Ваше самочувствие?

Всего Вам хорошего. Желаю Вам бодрости, здоровья и доброго душевного самочувствия.

Если у Вас есть какая-нибудь статья для Блюменкранца, напишите, пожалуйста.

Ваша Н. Н.

Г. К. 21.01.2009

Дорогая Нинель Израилевна!

Спасибо за письмо. Европейцы получают то, что заслужили, и то ли еще будет. Блюменкранцу напишу, как только удастся что-нибудь найти подходящее. Я до сих пор не могу понять, что происходит в Москве, это касается всего города или только нашего района? Или только меня? До сих пор мобильные проходили нормально. Если у других Ваших знакомых положение лучше, может быть стоит написать им, а мне передадут по телефону, который всё-таки примерно половину времени включен.

Очень жду Вашего появления в Москве. Поклон А. Н.

Ваш Г. Кнабе

Н. Н. 21.04.2009

Дорогой Георгий Степанович!

Я обещала Вам следом написать свои соображения о том, какими глазами смогла за эти годы увидеть Европу и, в частности, немцев. Речь

шла о нескольких вопросах, один из них касался самоидентификации европейцев, остальные о судьбах Европы в связи с растущей составляющей частью мусульман, имеющих весьма слабые потенции к интеграции, но достаточно высокий процент радикально враждебных настроений. В какой-то степени эти вопросы оказываются связанными друг с другом.

Тема ближневосточного конфликта в Германии и во всей Европе тоже имеет широкий, и я бы сказала, чрезмерный резонанс. С тем отличием, что раньше была позиция СМИ почти без исключения антиизраильская, а теперь практически сформировалось два лагеря.

Мои попытки разговоров со знакомыми немцами об их самоидентификации показали, что даже в узком кругу можно увидеть различные результаты. И различный ответ в зависимости от ситуации, в контексте которой этот вопрос рассматривается. Мои знакомые ощущают себя именно европейцами всегда. У других это больше зависит от постановки вопроса и, соответственно, от начальной позиции, откуда они на себя смотрят. Мюнхен состоит из Innenraum, внутренний город или центральная часть, и Aussenraum, что-то типа пригородов. Из 1,5 млн. населения, думаю, одна треть приходится на центральную часть. В пригороде живут многие приезжие, работающие на крупных предприятиях, и те, кто имеет собственные дома. И, хотя у всех есть машины и навык много путешествовать, живут они преимущественно достаточно замкнуто. А в маленьких городах вокруг Мюнхена живут вообще с почти консервативным сельским укладом, хотя обустроены они все в смысле комфорта именно как города, а деревни в нашем понимании здесь вообще нет. Есть фермеры, которые занимаются производством какого-то одного продукта, специализированно. Чем дальше от города, тем менее «европейского» и более «немецкого», и в частности здесь, локально, «баварского». А поскольку крупных городов в Германии немного, то в целом этого локального намного больше. В других землях баварцев недолюбливают. Что, на мой взгляд, опять свидетельствует не о едином самоопределении

«мы немцы» или «мы — европейцы», а о локальном в первую очередь «Ich bin Kileesch, Ich bin Bayrisch». «Мы немцы» поднимается сразу же, как противостояние, например, в нелюбви к Америке или Франции, или Италии (и такое бывает). В то же время, я слышала, что именно баварцы из-за сильных настроений самостийности и подавленного желания отделиться и стать самостоятельной страной, очень открыты европейской принадлежности. Т. е. в целом можно было бы сказать, что вопрос самоидентификации у каждого человека складывается из нескольких составляющих, как минимум двух. А культурные немцы и, в частности, те, которых знаю лично, гордятся своими именно «европейскими» ценностями, к ним они относят в первую очередь толерантность к другим, открытость, свободу безвизовых поездок, доступность информации. В то же время немцы с любовью относятся к традиции. Но сказать «немцы» опять будет неточно. Надо уточнить, какие. Например, здесь в Ландсхуте (1 час езды от Мюнхена) регулярно празднуют королевскую свадьбу 15 века, Георгия Виттельсбаха (самого богатого в их роду) с польской королевой Ядвигой. Оформляется праздник очень пышно — это целое костюмированное представление, с конным шествием, королевским балом. На «свадьбу» съезжается много народа, открывается праздничный специальный базар, продается много напитков и яств. В общем, если кому приходилось видеть, как празднуется по всей Германии Рождество, то можно себе примерно представить антураж и этих свадебных праздников в Ландсхуте. Еще с большим энтузиазмом проводят праздник пива «Октоберфест», на него съезжаются со всей Германии. Потом по всему городу ездят толпы пьяных в баварских трахтен (кожаных) костюмах и громко распевают свои песни. И вдруг появляется на глазах совсем другая Германия, которую не увидишь ни в кинотеатре, ни на выставке, ни в концертном зале, и даже на улицах не часто. Тогда вспоминаются сцены из фильма Фассбиндера «Александрплатц», где показана «рабочая» Германия... А те, кто ходит в театры и музеи, не ходят на эти народные праздники и не пьют пиво. Так что люди здесь, как и везде, разные.

И какую часть из них считать основой в смысле самоидентификации, если говорить о немцах в целом?

На мой вопрос на эту тему, мои знакомые, к примеру, ответили, что Германия из всех стран ЕС наиболее открыта этому ощущению принадлежности к Европе, т. к. она первая переработала свою историю и во многом отказалась от прежних ценностей. В противовес ей, Австрия, наиболее из стран немецкоязычного региона сохранила свой старый национализм, избежав радикального пересмотра своей истории, прячась за фальшивым щитом: она, мол, не виновата в нацистских преступлениях, т. к. была оккупирована Германией. (В Австрии даже, чтобы отделиться от Германии, после войны в школах был введен австрийский язык, т. е., по сути, переименован немецкий.) У Франции же на первом месте Франция, а на втором Европа, т. к. она хранит гордую память о своем первенстве, как родина «свободы, равенства, братства». А Италия по-прежнему существует в своих семейно-клановых отношениях. И среди ценностей итальянцев семья на первом месте, а Европа на последнем. Откуда, собственно, и проистекает мафиозность. Вот такие мнения.

Но я имею возможность лично наблюдать только Германию, а редкие посещения других стран не дают возможности что-либо увидеть глубже поверхности, и позволяют лишь лицезреть общность европейской культуры общения, необычайно симпатичную коммуникативность, любезность, дружелюбие и пр. ...

Многие считают (хотя об этом не принято говорить открыто) мусульманский экстремизм большой опасностью, гораздо большей даже, чем нацисты 40-х годов. И считают, что только Дания ведет правильную политику в этих вопросах. Мне рассказывали также те, кто по возрасту успел быть не только свидетелем, но и участником событий 68-го года, то же, что я смогла себе представить по публикациям, а именно, что одним из главных мотивов и поводом, инициировавшим молодежный бунт, было требование сексуальной свободы. Т. к. во всей Европе были такие же жесткие и сексотские правила, как и у нас в Сов. Союзе:

в гостиницах, общежитиях и в квартирах, где студенты снимали жилье, они не имели права принимать гостей противоположного пола, а владельцы обязаны были, в случае нарушения запрета, стучать на них в полицию (при этом на хозяев жилья этот запрет не распространялся). А потом уже, когда все взорвалось, к их протестам примешались и другие вопросы, также актуальные для них и назревшие для времени, в том числе социальные и политические. А когда все улеглось, самые активные разделились на разные группы, из которых образовались в дальнейшем разные партии и движения. Большинство из них, самых деятельных, но не самых радикальных, сейчас во власти. Например, Шмидт, министр здравоохранения, была в руководстве партии маоистов, партия «Зеленых» полностью вышла из тех бунтарских времен. Ее сначала не признавали, но постепенно, лет через 10, она стала набирать вес, и в ней объединились всякие мелкие движения. А сейчас у них есть последователи — борцы за экологию. Из самых радикальных зародились тогда и РАФ-овцы. Они так напугали Германию, что все остальное отступило на второй план: была запрещена Компартия, журналисты боялись поднимать темы, связанные со Второй мировой, чтобы не попасть случайно в категорию РАФ-овцев (это, оказывается, тоже одна из причин, почему настоящее обсуждение событий войны и преступлений Германии передвинулось аж к 90-м, т. е. почти через 2 поколения). Другие причины еще и в том, что сначала они были парализованы совокупностью фактов: полная разруха и нищета плюс информация из документальных съемок запредельных лагерных ужасов в фильмах, которые обязаны были смотреть все (американцы заставили жителей, перед тем как отоваривать продуктовые карточки, проходить через кинозалы, где демонстрировались документальные съемки); затем они были заняты строительством «немецкого чуда», а тем временем холодная война изменила приоритеты, выместила события Второй мировой в прошлое, что было весьма удобно.

А к концу 80-х назрели совсем другие события, очень бурно обсуждалось воссоединение Германии, тут и вернулись к прошлому. И с на-

чала 90-х появилось много статей и книг с анализом причин всеобщей поддержки немцами нацистов, но и одновременно поднялась большая волна в прессе о военных преступлениях советских войск и союзников. И с еще большим энтузиазмом обсуждались темы работы спецслужб в восточной Германии и СССР.

Проблемы, возникающие в связи с мусульманами, тоже обсуждаются много и горячо, и тоже в двух противоположных направлениях. Я как раз сейчас читаю книгу известного журналиста Х. Бродера «Urra, wir kapitulieren!». Остроумно и едко высмеивает политкорректность, доходящую до абсурда.

Вы как-то рассказывали о коммунах, по рассказам Ваших друзей, не помню из какой страны. У нас такого нет, в том смысле, что никто нас никуда для знакомства не приглашал. Тем не менее, в каждом районе города есть социальные службы, ориентированные в первую очередь на создание комфорта пожилым и одиноким людям (я и сама работаю в таком учреждении). Помощь, которую они оказывают, имеет универсальный спектр. Все услуги платные, но дешевле, чем во врачебных праксисах или кафе. Эти центры для пожилых очень популярны. Пожилых людей много, и среди них одиноких тоже. Они там обретают новую жизнь: занимаются рукоделием, празднуют дни рождения, вместе путешествуют, устраивают выставки, учат языки и пр., пр. И таким образом все как-то связаны, никому не дают пропасть в одиночестве. Дома для престарелых существуют платные (очень дорогие) и бесплатные (для малоимущих), и те, и другие экипированы достаточно хорошо, с нашими тоже никакого сравнения.

Когда мы общаемся с немцами, мне не раз приходилось слышать их сожаления по поводу того, что они не умеют быть такими эмоциональными, как мы, и открытыми. Хотя, откровенно говоря, я бы назвала это по-другому, а подразумеваемую ими особенность — сдержанностью, что, впрочем, вполне свойственно и многим русским культурным людям. А на многочисленных и постоянно новых каких-то митингах такие эмоциональные речи у немцев звучат, о-го-го! А если

уж где немцы ругаются, то тоже весьма и весьма эмоционально. Может быть, имеются в виду эмоциональные дружеские связи и вызывающие их интерес «кухонные разговоры». В любом случае, все наши знакомые немцы очень интересуются знакомством со всем русским и советским. А чувства по отношению к русским у них смешанные. Но об этом уже в другой раз.

У нас же тут сложилось очень симпатичное окружение из нескольких очень приятных и умных людей из Москвы и Питера, в основном как-то так подобралось, что половина из них писатели и поэты, вторая половина — физики. В общем, физики и лирики. И это защищает от скучного обывательства, как эмигрантского, так и немецкого.

Все, я у Вас отняла уйму времени таким большим письмом, извините, пожалуйста, Георгий Степанович. Я просто очень долго собиралась написать. А теперь мы уезжаем на две недели, и я хочу все Вам отправить.

Нашла несколько текстов, которые, предполагаю, Вам будут интересны. И чтобы Вам не возиться со ссылками, я их целиком скопирую и пошлю в корне письма, каждую в отдельности.

Прощаюсь и передаю Вам сердечные приветы от А. Н. и Блюменкранца. А от меня традиционное пожелание всего наилучшего, насколько возможно здорового самочувствия и бодрого духа. А. Н. присоединяется.

Обнимаю,

Ваша Н. Н.

Г. К. 16.06.2009

Дорогая Нинель Израилевна, —

в течение долгого времени от Вас не было известий, так что я уже начал беспокоиться, но, открывши сегодня свой электронный почтовый ящик, был вознагражден. Материал о выборах в Европар-

ламент оказался очень кстати для моих анализов, равно как кое что в материале о 68 годе. Детальное исследование об иммиграции в Германии в своем электронном виде оказалось мне не под силу. Если оно будет издано, и, но в книжной форме, попадет Вам в руки, может быть найдете возможность мне как-нибудь его переслать. Буду весьма благодарен.

Мое состояние оставляет желать лучшего. Не лучшим образом ведут себя, в частности, мои сосуды головного мозга, так что если я не сразу окажусь в состоянии реагировать на Ваши мэйлы, не обижайтесь. Всё естественно: через два месяца мне исполнится 89. До такого возраста не доживал никто из моих друзей, родных и вообще людей моего круга.

Еще раз спасибо. Будьте благополучны и так же бодры и активны.
Поклон А. Н.

Ihnen wie immer Г. Кнабе

Г. Кнабе 24.09.2009

Дорогая Нинель Израилевна, —
письмо от 21 апреля замечательное. В нем обретают мысли и впечатления, над которыми я непрестанно думаю, и предлагаются подходы из самых перспективных. Если думать о том, откуда и когда взялось самое понятие Европы в его двойственности: наш общий корень и то, общее, что легло поверх подлинных корней, то хорошо бы перечитать (чем я сейчас и займусь): — Новалис *Christentum oder Europa* (есть несколько русских переводов); Гоголь, отрывок «Рим»; Томас Манн *Lübeck als geistige Lebensform*. Еще раз большое спасибо. Хорошо бы, если бы Вы переделали это письмо в статью, которую, наверное, можно было бы напечатать у того же Блюменкранца.

Поклон А. Н.

Ihnen Г. Кнабе

Г. К. 21.04.2009.

РЕЗЮМЕ ПИСЬМА НИНЕЛЬ ИЗРАИЛЕВНЫ ОТ 21.04.2009

Духовное и культурно-политическое состояние сегодняшней Европы вообще и Германии в частности.

I

Внешне и фоново преобладающей в общественных разговорах, распространенной в СМИ и особенно интересующей наших эмигрантов является тема войны цивилизаций. Бесконечные активные и агрессивные выступления мусульман, более или менее полная пассивность власти и истэблишмента, перспектива к 2040 году уравнивания в Германии мусульманского и европейского населения, строительство мечетей, Кёльнский халифат и т. д. Хронологический горизонт возникновения этого процесса — 1960-е и последующие годы. Складывается впечатление, что он господствует на авансцене общественной жизни, распространяется вширь, но не вглубь, и глубоких национально-исторических корней не имеет. Его активные силы, кроме самих мусульман, — анархо-панковская бескорневая среда и левая космополитическая молодежь, привыкшая видеть главного врага в капиталистическом производстве, истэблишменте и полиции.

II

Второй слой восходит к либерализму конца XIX — начала XX века, ожившему и усилившемуся в атмосфере разоблачения гитлеризма и покаяния в нем во второй половине минувшего столетия. Его ключевое слово — толерантность. Родившийся из антифашистского и антитоталитаристского духа единой Европы, из «Pariser Rechenschaft», из пен-клубов и спортивных олимпиад, он после войны и в настоящее время полностью интериоризировался. Всякий порядочный человек —

толерантен, обижать или подозревать кого-либо на основании его принадлежности к агрессивным поползновениям неприлично. Отсюда распространенные антиизраильские настроения из-за обиженных бедных арабов, и вся политкорректность. Отсюда — вся Ориана Фаллачи, ценность культурно-национальной идеи, которую так легко и привычно ослабить как «фашизм» или «расизм». Мои попытки в 1990-е годы найти людей этого последнего типа — либералов и гуманистов, любящих свою страну и Европу в целом, потерпели полное фиаско. Нинель упоминает книгу известного (хотя мне неизвестного) журналиста Бродера «Urre, wir kapitulieren!».

На этой площадке разворачивается всё, связанное с «Liberté, Égalité, Fraternité», и дающее направление дальнейшему движению. Именно здесь выясняется, что строй жизни и общества укоренен в истории народа и поэтому не может быть просто перенесен на народы с другой историей и другим составом: «демократия и мультикультурализм несовместимы». Требования распространить условия жизни и труда на людей другой нации и другой истории просто потому, что трехкомнатная квартира лучше, чем однокомнатная, и если вы мне ее не дадите сразу, то это нарушает мои права человека и *liberté — égalité*, открывают простор для любой демагогии, а с другой — к устройству мира по Аристотелю и Гегелю, что уж в связи с данной темой объяснить совсем трудно (хотя и придется).

Так или иначе, две рассмотренных ситуации, I и II, выводят нас с поверхности проблемы к ее глубине — культурно-исторической и философской.

III

В письме Н. И. много рассказывается о возрождении (или сохранении) в Германии средневековых народных и ремесленных обычаев. В этом есть что-то игровое, реальной живой жизни постороннее, и в то же время — выражение склонности пережить свою корневую национально-культурную принадлежность. То же мы наблюдали в 1980-м году

в Дании; о том же писал мне из Голландии и из Бельгии Дима (*Хавин*). Коммунитаризм — явление того же порядка. Они обнаруживаются на глубине, несравненно большей, чем политика и интеллигентный либерализм, и ведут куда-то в трудно и не всегда осознаваемую глубину повседневных привычек и уклада жизни.

IV

То, что Н. И. пишет о привычках и об укладе, о стремлении селиться вдаль от больших городов, у меня в работе учтено, но очень важно, что Вы ощущаете это непосредственно. Мне было бы очень важно, если бы Вы или ваши собеседники могли бы рассказать об этом побольше. Собака, по-видимому, зарыта именно там, но реально все эти четыре слоя живут вместе, и понять происходящее сегодня в Европе можно только исходя из их неразложимой амальгамы

P. S.

Римский Дитрих-бернский исток европейской цивилизации, который, собственно, и составляет мою тему, прощупывается на еще большей глубине. — Читайте «Михаеля Колхааса», строки Гете, предпосланные в качестве эпитафии к «Lübeck als geistige Lebensform» и вообще Огюстена Тьерри. Все остальное и основное у меня подготовлено. Очень важна, хотя трудно доказуема связь и преемственность между п.п. I–IV и P. S., хотя ими-то именно я занимаюсь так много лет.

Н. Н. 14.05.2009

Дорогой Георгий Степанович!

Вы порадовали меня Вашей весточкой, спасибо!

На Ваши вопросы я попытаюсь сейчас быстро ответить сама, немцев пока не видела. На вопрос, почему немцы предпочитают селиться вдаль от города. Во-первых, по традиции. Основное население Герма-

нии это средний класс, на нем держится экономика. Дом для немцев имеет большое значение, я думаю: они любят надежность, комфорт, экологию и близость к природе. Снимать жилье или покупать собственный дом в городе много дороже. А поскольку у всех есть машины, лучше купить свой дом где-то в пригороде, с большим садом, а в город ездить. Правда, расстояние от города все же сдерживает от частых поездок. У меня есть знакомая семья, которая живет в громадном доме с большим садом примерно в 40 мин. езды на машине от Мюнхена, они выезжают, или кто-то один (у каждого своя машина), только собрав сразу несколько дел в городе. Иметь собственное жилье с садом или палисадником — здесь норма. Поэтому здесь, в отличие от, скажем, Москвы, первого этажа не избегают, квартиры на первом этаже почти всегда имеют веранду или палисадник. Когда я спросила у немцев (для Вас), горюют ли они об утрате «дома Будденброков», услышала в ответ, что стиль жизни настолько изменился, что сохранение «его» стало абсолютно невозможным. Основа жизни — возможность найти работу, и этим определяется все остальное. Возможности связи стали настолько быстрыми и разнообразными, что при наличии работы, а значит денег, расстояния почти ничего не значат. И только в одном вопросе присутствует негативное следствие «отсутствия дома» — когда дети уезжают учиться в другой город. Без присмотра родителей или хотя бы других родственников юноши часто не выдерживают испытания свободой и искушения удовольствиями. Девушки по большей части учатся прилежнее. Другими словами: получается, что мироустройством правит безработица. Законодательная практика здесь позволяет очень легко и быстро решать все практические вопросы перемены места жительства. Прописка ничего не стоит (хотя она здесь практикуется), снятие квартиры или покупка, как и продажа, недвижимости — никаких проблем. Существует много программ, облегчающих покупку недвижимости тем, у кого сразу нет в наличии необходимой суммы. Грубо говоря, здесь можно наметить две тенденции: люди практичные ищут то, что комфортнее, порой покупая в кредит или заключая

строительный договор при помощи банков и т. д., ближе к природе, но дешевле, поэтому выбирают пригороды или провинцию. Люди, ориентированные на доступность культуры (кино, выставки, концерты, литературные клубы и пр.), как правило, менее богатые, не хотят связывать себя с ярмом недвижимости (налоги, необходимость решать кучу практических вопросов по содержанию дома и участка) и предпочитают снимать жилье, где головную боль технической стороны имеет Vermieter — владелец дома. Такие люди хотят жить только в городе, где все возможности культуры широко представлены. Правда, я знаю и такой пример, семья бывших горожан (физик и актриса), выйдя на пенсию, купила два дома рядом в глубокой провинции, себе и дочери. Дома, по нашим понятиям, роскошные, трехэтажные, но в той земле и местности достаточно дешевые. У всех есть машины. А недостаток культуры они себе возместили таким образом: т. к. жена бывшая актриса, они оборудовали в полуподвальном этаже театр. Играют в нем сами и приглашают играть знакомых, родственников, друзей, способных к этому. Постепенно сколотилась «труппа». К ним ходят почти все жители этого крохотного городка, некоторые даже приезжают из других мест поблизости, билеты они продают, но очень дешево, так, чтобы это было доступно даже студенту. Их театр пользуется успехом, а сами они счастливы, т. к. вся жизнь занята этим театром. Вряд ли такая практика широко распространена. Но, во-первых, это все же живой пример, во-вторых, мы же, очевидно, многих других примеров не знаем. Люди творческие всегда находятся и находят себе, или сами устраивают подходящий образ жизни.

Второе, на чем бы я хотела остановить внимание: было бы ошибочно считать, что проблема исламизации Европы тревожит в основном советских эмигрантов. Очень даже тревожит самих немцев... На этой неделе по ТВ (канал NDR программа Репортер) была передача о положении в школах Берлинского района Neun-Köln, где немецкие дети стали национальным меньшинством, вплоть до того, что в некоторых классах один-два немецких ребенка. Остальные — дети из мусульманских

семей — подвергают немецких детей моббингу, оскорбляют их, бьют, называют обидными кличками, высмеивая именно их национальность и, приписываемые примитивными стереотипами, «типично» немецкие свойства. Эта тема давно известна в устных обсуждениях, но была абсолютно невозможна (неполиткорректна) на ТВ. И все же положение меняется к худшему, и эти темы все чаще выходят в круг внимания. Было несколько передач об эпизодах насилия мусульманских подростков, избивших пожилых немцев за сделанное им замечание в метро в Мюнхене. Вызванных полицейских они обозвали нацистами и, ловко увернувшись, убежали. Но сохранились съемки на видеокамерах, установленных в метро.

Хенрик Бродер — публицист и модератор (известный в Германии) — поднимает эти темы уже давно. Но его считают критиком ислама. Однако геттоизация европейских стран вызывает тревогу уже и на более высоком уровне, и правительства постепенно ужесточают иммиграционные законы. Я Вам уже рассказывала: года три назад Саркози отменил практику получения нелегальными эмигрантами гражданства после нескольких лет работы во Франции. А мы как раз тогда были в Париже, и были свидетелями накаленных митингов и огромных «черных» демонстраций протеста против Саркози — шли широкой колонной, человек в 20, больше часа, и через некоторое время видели аналогичную картину в Брюсселе. В то же время, когда нелегальные эмигранты пересекают океан, добираясь из Африки на лодках, они часто гибнут. И теперь французские правозащитники обвиняют Саркози в жесткости законов. Мне видится эта проблема о двух концах или опасностях: с ростом радикализации мусульманской общины будет расти крен вправо. Маятник...

Среди наших интеллектуалов-эмигрантов я тоже слышала высказывания, что мол, не надо утрировать, ничего страшного не будет, что желание комфортно жить перетянет исламскую молодежь на сторону Европы. Это выглядело бы правдоподобно, если бы процессы развивались естественным образом (как это было в первых поколениях). Но му-

сульманскую молодежь вербуют, намеренно политизируют и радикализируют обученные в арабских странах «учителя».

Ну, вот, на этом я заканчиваю свои дополнения.

P. S. О ссылке. Георгий Степанович, конечно! Если Вы в Ваших записках где-то ссылались на меня, я не только не против этого, это мне делает честь.

Конечно, мне тоже очень интересно Ваше мнение.

Всего Вам хорошего, дорогой Георгий Степанович. Постарайтесь быть здоровым и бодрым. И успехов Вам в Ваших планах и работах.

А. Н. кланяется и присоединяется к пожеланиям Вам всего доброго. Обнимаю Вас,

Ваша Н. Н.

Н. Н. 20.08.2009

Дорогой Георгий Степанович!

Рада была слышать Ваш бодрый голос.

Хочу еще раз поздравить Вас с прошедшим днем рождения и от всей души пожелать Вам благополучия душевного и физического, чтобы Вы нас и дальше радовали своими текстами, и жизнь не казалась бы Вам столь одинокой, ведь мы Вас так любим. И, наверное, найдется еще немало людей, которые могут так же искренне повторить эти слова.

...Продолжаю знакомиться с темой 1968.

Вчера была в гостях у моей знакомой, журналистки, она подарила мне свою статью в NZZ (Neue Zurich Zeitung) о террористке из РАФ, которая, отсидев 18 лет, была выпущена в 1999. После долгого разговора с ней, «чтобы понять, откуда это идет, что приводит к такому пути», написала большущую статью. Считает, что с ними поступили неоправданно жестоко. Этой теме посвящено много статей и несколько фильмов («Die bleierne Zeit» Margareta von Rotta, «Красный террор»,

«Третье поколение» Фассбиндера, «Осень 1978» и др.) и мне в этой истории кажутся две вещи примечательными. И в 50-е, и в 60-е, и даже еще в 70-е государство сохраняло вполне авторитарные навыки. И с членами РАФ обходились действительно жестко, но все же не сразу, а после потери доверия к возможности договориться с ними. Но ведь эти «городские партизаны» вели себя намеренно вызывающе, обманули, когда их выпустили под честное слово, продолжали убивать, взрывать и поджигать.

Почти все они (26 человек первого поколения) погибли или покончили с собой в тюрьмах. Но из-за их терактов погибло еще больше, 30 человек, и много раненых. Хотя их протесты были направлены, в том числе, и против нацистов, причастных к преступлениям и преспокойно оставшихся нетронутыми в новой послевоенной Германии (многие из них заняли ответственные посты, в том числе в судах и прокуратуре) и никто с ними, с теми, у кого руки были сильно в крови, не только с такой жестокостью, но и вообще не расправлялся. И только после того, как РАФовцев всех задавили, стали раздаваться требования общества о более гуманном отношении к заключенным. Все же, сами РАФовцы были не менее жестокими, чем поколение отцов. И второе, мне стало понятно, откуда у левых столь прочные симпатии к арабским террористам и так называемый левый антисемитизм. Те, кто вышел из бунтарского 68-го, все пропитаны левыми настроениями, и их тогдашние требования вполне созвучны деятельности РАФовцев, во всяком случае, вначале. РАФовцы называли Германию и в 60-х фашистским государством, считали, что с ним можно бороться только террором, а набираться опыта решили у арабских террористов. У них сложилось сотрудничество на долгие годы. Палестинские террористы помогали им терроризировать Германию, а в 1969 году, и по их просьбе, угнали самолет Люфтганзы с пассажирами-заложниками в Энтеббе (в Уганду), требуя выпустить руководителей РАФ. И еще несколько терактов в Германии сделали палестинские арабы по просьбе РАФ, и были еще угоны самолетов с многочисленными жерт-

вами, и поджог еврейского общежития в Мюнхене, где доживали свой век (и все в тот раз погибли) бывшие узники Освенцима. РАФовцы почему-то никак не отреагировали на войну, объявленную в 1967 арабским миром крохотному новообразованному Израилю (который на тот момент состоял на 50% из беженцев, изгнанных из мусульманских стран, и еще 30% беженцев из нацистской Европы, большинство из которых прошли лагеря), но после победы Израиля объявили его буржуазным агрессором. Причем самый первый теракт они сами сделали еще в 1969 г., заложив бомбу именно в еврейской синагоге в Берлине, 9 ноября, где собрались евреи, чтобы почтить память о «Хрустальной ночи». А когда они захватили самолет с заложниками, немецкими пассажирами, то, абсолютно так же как в недавнем прошлом, стали делать селекцию, выпустив всех пассажиров не евреев, и оставив только евреев заложниками. И эта дружба с арабскими террористами оставила глубокий след до сегодняшних дней. Генрик Бродер, чьи родители выжили после Освенцима, пишет, что после этого события он сразу же из этого студенческого движения вышел. Но не только он, многие сразу отмежевались от них, а те, кто недавно вернулся из эмиграции, кое-кто снова уехал из Германии, а кое-кто после этих событий даже покончил с собой.

Итак, арабы помогли им захватить самолет с заложниками, а РАФовцы помогли арабским террористам в 1972-м захватить израильских спортсменов, впоследствии убитых.

Вообще мне было трудно понять витиеватые логические пути молодежи тех лет (поэтому и хотелось разобраться): они хотят бороться с авторитарным поколением отцов, но поклоняются тиранам (Мао, Троцкий, Че Гевара). Они выступают против того, что бывшие нацистские функционеры остались не наказанными, некоторых из них убивают, но в партнеры себе выбирают не нацистских жертв, а арабских террористов, которые убивают не преступников, а бывших уже жертвами. И вообще, они выступают против авторитарности и тоталитаризма, но методы борьбы выбирают абсолютно тоталитарные

(в последнем пункте, надо признать, очевидно, особого выбора и не было, потому что требование мировой революции изначально абсурдно и утопично, а страсть все вокруг крушить не совмещается с мягкими методами). Как я теперь понимаю, Германия таким образом трудно, болезненно и очень долго выходила из того состояния, когда весь народ был зомбирован и умел мыслить только категориями насилия. Германии потребовалось очень много времени после окончания войны, чтобы созрели в обществе тот уровень демократии и уважения к достоинству человека, который в основном является сегодня нормой. Это все интересно и в сравнении с Россией. Но по-прежнему раскачивается лодка самых крайних: от марксизма к нацизму и обратно. После 1968 левизна прочно и надолго укоренилась в немецком обществе. Думаю, поэтому РАФ не закончился, когда были посажены первые его основатели. Сформировалось второе, а затем третье поколение. Их защищали известные адвокаты, они пользовались долгое время симпатиями в обществе. В их защиту выступал Генрих Бёлль, им посвящал стихи и песни Вольф Бирман. Их кумирами были Сартр и Годар. Но ведь их главная направленность — против капитализма, против потребления и богатства.

Прямо предшественники Аль-Каиды, с той разницей, что они хотели еще сексуальной свободы.

Последние РАФовцы самораспустились аж в 1998, несколько еще сидят, пожизненно. К ним до сих пор сохранилось, я бы сказала, весьма сочувственное отношение. К руководителю РАФ Баадеру даже приезжал в тюрьму Сартр, чтобы найти основания заступиться за него. Правда, после продолжительной встречи с ним, вернувшись, назвал его в частной беседе убудком. А вот в фильме «Немецкая осень» журналист интервьюирует одного из руководителей РАФ Хорста Малера. Его рассуждения вполне умны, он выглядит образованным интеллигентным человеком. Говорит о том, что молодежь не могла молчать о преступлениях своего государства. И о тех ошибках, которые они тогда сделали, т. к. не понимали, что их требования нереальны, потому

что не могут быть поняты народом. Еще обратила на себя внимание его камера в тюрьме: большая комната, полутораспальная кровать, большой письменный стол, книжные полки, большое окно, умывальник в комнате и отдельно душевая кабина с санузлом — лучше многих гостиниц (разумеется, опять в сравнении вспоминается Россия).

Он просидел с 1970 г. 10 лет. В 1980 его адвокат, Герхард Шредер, будущий канцлер, сумел его освободить досрочно. Х. Малер тоже был юристом, лишенным лицензии, которую ему вернули в 1988. Затем его взгляды сильно поправили, в конце концов, он стал убежденным нацистом и с 2000-го адвокатом партии НПД. Писал памфлеты с требованием запретить в Германии еврейские общины и выслать из страны всех иностранцев. В начале 2009 его, 73-летнего, судили, там он приветствовал своих сторонников гитлеровским «хайль». Прочитав обо всех перипетиях этой истории, я стала немного больше понимать направление хода мыслей сегодняшних левых, не партий, а левонастроенных. А почти все, кого я знаю, имеют, в той или иной степени, левые взгляды. Мне приходилось слышать и сожаления о том, что теперь в обществе нет никакой политики, все живут только земными заботами. (Я-то считаю, что это как раз признак здоровья общества, если люди живут земными заботами, а не стоят на баррикадах). Однако я знаю, что это не совсем так: анархисты (их меньшинство) и антиглобалисты (они борются за введение высокого налога на деньги, выигранные в биржевых играх), самое сильное движение — экологистов, это массово, экологией сейчас увлекается большинство молодежи, ну и, конечно, сексуальные меньшинства, а также антифа и неонацисты. О последних видела я недавно док. фильм 2001 года. Они, разумеется, тоже используют все достижения технического прогресса. Образовали международный союз, поддерживают связи со старыми нацистами, еще живущими сегодня. Устраивают международные слеты, собираются в баре Хофбройхаус (где гитлеровский путч был). У них функционирует такая кодированная система паролей, что никто посторонний к ним проникнуть не может. У всех дома висит портрет Адольфа. Когда они о своих убеждениях

говорят — противно слушать. Особенно мерзко выглядят доживающие нацисты старики. Но самое мощное молодежное движение — экологисты. У них есть свой комитет в Берлине, там люди работают, как в амте, на зарплате. Я как-то с одним разговаривала. Вроде бы симпатичный парень, но чего-то он в жизни не понимает. На мой вопрос, что собственно они делают, сказал, что у них есть ряд идей и проектов. Что за проекты? — слеты! Собираются и обсуждают текущие проблемы, например, против атомных электростанций бастовать, за чистое топливо в автомобилях и т. д. (Это работа?). Многие из них вегетарианцы. В реальной жизни их голоса наиболее слышны, иногда они добиваются успехов в борьбе против какого-то пункта по списку. Иногда они тоже выглядят странно.

07.09.2009

Ох, дорогой Георгий Степанович, опять вышла долгая пауза. Потому что я дочитывала библиотечную книгу (сдавать надо было) Гетца Али, в 2008 он издал книгу с ироническим названием «Unser Kampf» о движении 68–70-х. Зная, как участник, эту среду и это время изнутри, и как историк национал-социализма, он рассматривает это движение не как отдельный процесс, а в ретроспективе немецкой истории. И это настолько расходится с праздничными мифами, которыми окружили свое прошлое вышедшие из этой борьбы сегодняшние постаревшие «революционеры», что в прессе начался шквал протестов и ругательств в его адрес: «он не имеет права отнимать у нас наше прошлое», «он ограбил наши биографии», «не все было так плохо» и т. д. Г. Али пишет блестяще, просто и ясно, и сама ясность его мысли имеет большое эмоциональное воздействие. А пишет он, что революция 68-х — это наследие войны, и, в частности, такое тяжелое течение ее, как это было в Германии — наследие нацизма. Самыми агрессивными были красные бригады именно в странах нацистского лагеря: в Германии, Италии и Японии. В Германии спровоцировали

начало — Штази, убив студента Б. Онезорга при разгоне студенческой демонстрации протеста против визита в ФРГ иранского шаха в Западном Берлине. Спецслужбы соц. лагеря помогали деньгами и оружием красным бригадам в Италии. Вольфганг Краусхаар предполагает, что и Дучке (немецкий лидер 68-х) был убит агентом Штази. Г. Али революционеров 60–70-х называет «Hitlers Kinder» и объясняет, что их отцы молчали почти 15 лет после войны. Целое поколение выросло при молчащих родителях, которые никогда и ничего с ними не обсуждали. Они выросли без домашнего тепла, дезориентированные, но еще сохранившие следы тоталитарного способа мышления. Из всех вопросов, которые они написали на своих знаменах, там не было только темы истребления евреев, недаром они так легко предали Израиль. А когда он сам спрашивал Дучке, «почему вы игнорируете эти преступления», тот ответил, что нельзя одновременно делать революцию и заниматься евреями. Ну а после их альянса с арабскими террористами все левые навсегда стали их сторонниками. В Европе это время было достаточно благополучным в экономическом смысле. Дети из зажиточных семей, обделенные вниманием, возненавидели «буржуазию», «империализм» и пр., избрав первой мишенью Америку из-за вьетнамской войны. С тех пор антиамериканизм, так же как антиизраилизм, укоренились тут по сегодняшний день.

Кое-что подтверждается в разговорах с моими знакомыми немцами. Я спрашивала, что говорили у них в семье про войну — никогда ни одного слова! И все они рассказывали, что родители были авторитарными, какие-то обсуждения с ними были невозможны, только приказ: надо так и никаких дискуссий. У многих отцы были на войне или погибли. Тема войны в семье была полностью табуирована. Что могли из такой атмосферы воспринять их дети? Вокруг, даже когда шли Нюрнбергский и другие процессы, это ничему не могло научить молодежь, пишет Г. Али. Потому, что многих осуждали только условно. Те, кого судили, во многих случаях были знакомы их семьям. Дети видели, что это никакие не преступники, а приличные господа, адвока-

ты, врачи и т. д., а публичного обсуждения вообще не было. И поэтому эти процессы не имели никакого воспитательного значения. И вообще не формировалось у них осознания, какие преступления были совершены. А протест назрел именно из-за их неудовлетворенности поколением отцов. Из-за холодности. У них был лозунг «Viel Geld, wenig Nächstwärme».

У них назрел такой потенциал агрессии, что хотелось все вокруг крушить. И лозунги, и требования возникали разные, в зависимости от конкретных персон в разных группах. В конце 70–80-х, когда РАФовцев подавили, все движение разбилось на мелкие группки с совершенно разными программами. А впоследствии мелкие группы присоединились к победившему эко-движению, из которого сформировалась партия Зеленых, а мелкие другие остались на периферии, наверное, из них вышли антифа и панки, и др. В правительстве, в масс-медиа, на ТВ, в редакциях почти везде преобладают левонастроенные, сохранившие все, что они унаследовали от первоначальных идей и мировоззрений. Но сами обуржуазились, хотя не отказались от антибуржуазных лозунгов. Г. Али пишет, что смешно выглядит их декларация экономного расходования природных ресурсов, когда они живут в квартирах площадью 150 м² на человека. Ну и сами красно-зеленые и черно-зеленые альянсы в правительстве, конечно, уже давно вывели их из оппозиции. Но их постоянная поддержка мусульман привела к тому, что партия Зеленых постепенно становится турецкой. Турки уже давно их главный электорат, а теперь и руководитель партии молодой турок.

Сейчас перед выборами везде проводят митинги представители разных партий, но особых перемен от смены партий у руля на фоне кризиса не заметно.

В последнем 8-м номере «Второй Навигации» мне показалась очень интересной статья о различии менталитета немцев и шведов и того, как это различие отразилось в реакции на кризис в XX веке. Ну, Вы, наверное, читали.

30.08.2009

Вчера как раз смотрели по ТВ очень интересную передачу об истории с выставкой преступлений Вермахта. Подготовил и организовал выставку из активистов 68-х, историк Ханнес Геер (Hannes Heer). Впервые ее открыли в 1999. Она была составлена из документальных фотографий и фрагментов видеосъемок, сделанных самими военными, и других архивных материалов, относящихся не к лагерям смерти и СС, а именно к армии. Выставка вызвала такие бурные протесты населения, что ее вынуждены были закрыть. Первыми пришли митинговать неонаци, партия НПД пришла, чуть ли не всем составом. Но помимо них на площади вышло огромное количество населения вполне приличного. У них по очереди брали интервью, и все они говорили: «уже 50 лет говорят об этой войне, хватит уже», «не знаю, кто совершал преступления, но не мой дед, я горжусь моим дедом», «эта выставка — манипуляция общественным сознанием, армия на том держится, что подчиненные выполняют приказы, это не Вермахт виноват, а только эсэсовцы»... и т. д. Историки, что сделали выставку, симпатичные интеллигентные молодые люди. Они говорили и о том, что открытого обсуждения тех событий практически в Германии так и не было, и это надо когда-то сделать. И о том, приводя примеры, что хоть все и получали одинаковый приказ, все же не все его выполняли, были офицеры, которые отказывались убивать евреев (и им за это не последовало никакого наказания), а другие делали это с садистским удовольствием. И это служит доказательством того, что за эти деяния ответственны не приказы, а сами военные. Показывали съемки убийств людей офицерами и солдатами на занятых территориях, и интервью с выжившими, сумевшими в детском возрасте сбежать из мест расстрела. Группа историков говорила о необходимости об этом говорить и показывать современной молодежи, чтобы у них формировались правильные представления о событиях, и правильное понимание собственной ответственности каждого человека. По этому

поводу вспомнился документальный фильм французского режиссера Алена Рене 1946 года «Ночь и туман». Он показал лагерь смерти, горы трупов, горы одежды, обуви, очков и волос, и все эти ужасы. А потом интервью со служащими лагерей. И каждый, от охранника до начальника лагеря, говорил: «Я не виноват, я выполнял приказы». Тогда режиссер спрашивает в конце фильма: «Так кто же виноват?». Тогда Германия отказалась показывать этот фильм, и его видели здесь только на берлинском фестивале. Во Франции тоже были протесты, т. к. там показаны и французские офицеры в нацистской форме, но все же показали.

Для меня разобраться во всем этом было очень важно, т. к. теперь все, что происходит, становится более или менее понятным.

А в завершение свежая статья о Европе. Но ее я пошлю следующим письмом отдельно.

Желаю Вам хорошего самочувствия и всего доброго.

И в завершение, не сердитесь, пожалуйста, ни за долгое молчание, ни за некоторую сумбурность этого письма. Переписывать нет сил.

Всего самого доброго

Ваша Н. Н.

Г. К. 18.09.2009

Дорогая Нинель Израилевна!

Большое Вам спасибо за интереснейшее письмо о РАФовском слабаемом немецкой жизни. Ответить на него сейчас я, к сожалению, не смогу из-за нахлынувших болезней. Если мне суждено из них выбрать-ся, напишу подробно.

Ваш *wie immer*

Г. Кнабе

Г. К. 10.11.2009

Дорогая Нинель Израилевна!

Очень давно не было от Вас почты. Я надеюсь, что это не означает ничего дурного, с Вами происшедшего, а только (простите за такое «только!»), что Вы сердитесь на мое еще более длительное молчание. Основание для этого есть. Я, действительно, очень стар, действительно парадоксально много работаю и всегда к сроку, так что время всегда knapp, и, действительно, ощущаю окружающее меня время как не событийное, а как мелко-дробно-текучее и дисперсное. Пережить можно и нужно, а уловить не получается. Про это у меня в феврале выйдет статья в «Вопросах философии» — надеюсь на обмен мнениями.

Ощущаете ли Вы эту стремительно выстраивающуюся дисперсию, где атмосфера ощутима, а фактов вроде нет? Деидеологизация. Популизм. Все всем равны. «Да ведь надо заработать сколько...». Присланная Вами статья Götz'a Aly еще год тому назад была бы остра и интересна, сейчас в основном entzwichert. Естественно предположить, что дело не во времени, а во мне. Не уверен. Посмотрите любые телевизионные известия. Когда-то журналисты-международники в Брюсселе придумали слово info-tainment. 'S stimmt.

Событие — несобытие, но оставил впечатление приезд в Москву Блюменкранца. Во-первых, собрание в Солженицынском центре 15–20 человек, которые публикуются во «Второй Навигации». Полуожившая полуатмосфера того, что еще лет 20–30 назад было русской интеллигенцией. Во-вторых, привезенный им очередной номер альманаха со статьей Люкса о послеверсальской Германии. Производит глубокое впечатление. Очень жалко получилось с Вашим диском Бирмана. Во всяком случае, большое спасибо, но прослушать я его не смог. То ли моя звукотехника уж очень стара, то ли диск нефирменный, но ни на компьютере, ни на DVD ничего разобрать было невозможно. Жаль. Очень жаль. (Кстати о шестидесятых годах.)

Пишите. Право, не сердитесь, а пишите — в том числе и материалы, Вас заинтересовавшие. «Привет семье».

Ваш Г. Кнабе

Н. Н. 03.12.2009

Дорогой и уважаемый Георгий Степанович!

Простите мне долгое неписание. Месяцы пролетают в постоянной спешке, и даже часы, украденные у сна, не добавляют времени... Дорогой Георгий Степанович, я не могу на Вас сердиться, п. ч. никогда не могу поставить себя на один уровень с Вами! Не сердитесь на меня, пожалуйста. Вы для меня были и остаетесь одним из самых дорогих мне людей.

Хочу рассказать о новом документальном фильме «Die Anwälte. Eine Deutsche Geschichte» (Адвокаты. Одна немецкая история) о трех адвокатах: Отто Шили, который был два срока министром внутренних дел, Ханс-Кристиан Штрёбеле, спикер партии Зеленых, и Хорст Малер, практиковавший известный адвокат (о нем я Вам уже писала). Первые два были адвокатами на процессе последнего, участника второго поколения РАФовцев. И не только, они защищали также группу Баадер-Майнхоф. Фильм сделан замечательно интересно, немцы-документалисты в этом плане умельцы и молодцы. Весь фильм построен на интервью с ними сегодняшними, чередующимися с документальными съемками их тогдашних выступлений на студенческих демо и в залах суда или на заседаниях Бундестага, а также съемками тех событий. И показано как развивалась постепенно дистанция между ними, определившая, в конце концов, их в разные политические «лагеря»: О. Шили, особенно после 11 сентября, стал инициатором ужесточения полицейского надзора, со всеми нововведениями наблюдений и пр. контроля. Штрёбеле стал его горячим оппонентом, защищая свободу личности, как глав-

ную ценность демократии. (При этом не просто критик, но настоящий враг Израиля. После нескольких его уж очень свирепых высказываний на встречах с израильскими политиками, сама партия отставила его, где-то год назад, из спикеров). Третий же, как я уже писала, стал радикальным нацистом, сидит сейчас, на 6 лет осужден.

Вообще меня эта тема продолжает интересовать и волновать, т. к. она довольно сильно отражается в современной истории. В фильме меня поразило, с каким сочувствием и даже с болью в глазах, говорил О. Шили о РАФовцах и их судьбе. Он, который ввел столько ограничений в гражданские свободы. И там упоминалось, что в те времена в защиту РАФовцев на улицы выходили сотни тысяч демонстрантов. А наследников у них и сегодня хватает. Во-первых, левый спектр широко представлен на политической сцене Германии, во-вторых, собственно, взгляды, сформировавшиеся в той среде, исключая терроризм, имеют широкое распространение в обществе. Есть и радикальные последователи. Например, неделю назад произошло событие, совершенно, казалось бы, невозможное в современной Германии. В Гамбурге должен был состояться показ фильма известного французского режиссера Клода Ланцмана. Ему уже 83 года, он автор документального фильма, 9-ти часовой ленты «Shoa» (Холокост). Он был приглашен в Гамбург с фильмом 1973 года об Израиле, которого в Германии еще не показывали. Это представление было сорвано леворадикальной группой с названием «B5». Они забаррикадировали вход в кинотеатр железными воротами, и стояли сплошным фронтом с деревянными автоматами и палками. Пришедших зрителей они старались ударить палками, плюя в них и крича: «Вы, еврейские свиньи». Испуганные зрители с билетами разошлись. А Клод Ланцман в шоке, с ним такое не происходило ни в одной стране, и он удивлен тем, что это ведь не нацисты, а левые. И тем, что в Германии это событие не нашло почти никакого отражения в СМИ, только в интернете в некоторых газетах короткие сообщения.

Между тем я прочла книгу В. Краусхаара «Die Bombe im Jüdischen Gemeindehaus». В ней рассказывается обо всех группах 60-х и 70-х го-

дов, как они формировались, развивались, как менялись их идейные установки. Он использовал новые материалы из архивов и в том числе штази-архивов. Он сумел идентифицировать некоторые преступления, совершенные тогда, считающиеся нераскрытыми. И здесь открывается подробная картина формирования антисемитизма левых, столь широко представленных в политическом спектре и неформальном политическом фронте. Последний постоянно заявляет о себе хулиганскими выходками, как этот случай с К. Ланцманом, как беспорядки, что они сейчас устроили в Женеве, с поджогами частных машин, разбитием витрин и пр. и пр.

А тем временем, в Швейцарии правая партия добилась у правительства права на проведение народного референдума о введении закона о запрете на строительство минаретов. Проголосовали не все, но более половины избирателей, из принявших участие — 58% за введение закона. Это событие вызвало целую бурю эмоций, обсуждений в интернете, споров. Журнал Шпигель устроил онлайн голосование в Германии, и здесь результаты еще круче, 80% против минаретов. Это голосование касается только вопроса минаретов и муэдзинов, не трогая собственно ислам и мечети. Впрочем, вопрос не простой. Мы же не знаем, что для мусульман этот обряд значит. Хотя, впрочем, в бывшей нашей Средней Азии и без муэдзинов обходились. А после того, как я побывала в Стамбуле и увидела его городской пейзаж, стало понятно, что, да, только сам лес минаретов так изменяет городскую среду, что перевесит все в романской и барочной Европе, если разрешат. В Германии, в некоторых городах ведь уже по 50 мечетей стоит (а всего в Германии более 2500 мечетей, 4,5 млн. мусульман, более 5% населения, при этом в Швейцарии всего 400 тыс. мусульман с большим процентом светских).

Тем не менее, часть швейцарцев, несогласная с результатами референдума, вышла на митинги с плакатами: «Это не моя Швейцария». А некоторые решили устроить флэш-моб, и, скачав из интернета пение муэдзинов, включили в одном районе вечером в 6 часов все вместе на

полную громкость звуковые колонки с зовом муэдзина. В Германии же, кроме левых антисемитов, кажется, сторонников пения муэдзинов вообще не найдется. Правительство Швейцарии очень сопротивлялось проведению референдума. И теперь партия зеленых хочет подать в европейский суд, чтобы добиться признания его нелегитимности. Т. е. подать в суд на свой народ?

Вчера у меня собирались мои немецкие друзья. Обсуждали референдум и очень радовались его результатам: «Германия не может выступать в таких вопросах инициатором, но когда созреют другие европейские страны, то Германия скажет свое слово!». А где-то месяц назад в Германии разразился скандал из-за критического язвительного высказывания члена правления немецкого банка Тило Сарацина о турках и арабах в Берлине. Что они не учат язык, огромный процент молодежи не работает, получая соц. помощь, они в большинстве своем не имеют образования, а высшего почти никто, и умеют только «рожать девочек в платочках». Что Берлин постепенно превращается в турецко-арабское гетто. Правда, цифры, приведенные им, говорят сами за себя. Но шум поднялся немалый. На него завели уголовное дело, правда, через месяц закрыли за отсутствием состава преступления. Конечно, зеленые и левые бросились его критиковать, но постепенно стали появляться выступления и статьи в его поддержку. Поддержал его и Слотердаик.

Вот такая (полит)информация.

...Да, мы тут все посмотрели «Подстрочник» (Вы, конечно, видели?), и очарованы Лилианой Лунгиной. Где теперь такие люди? С такими чувствами, с такими человеческими отношениями? Ее слушать было просто наслаждение.

Все, написала опять целый роман. Всего хорошего, дорогой Георгий Степанович!

Дай Вам Бог здоровья

Ваша Н. Н.

Н. Н. 25.01.2010

Дорогой Георгий Степанович.

Жаль, что так получилось, и до Вас не дошло мое новогоднее поздравление...

< > Сейчас, после всего, что я прочла и узнала, мне хочется глубже познакомиться с искусством, в частности киноискусством переломных 60–70-х. Вот смотрю по очереди режиссеров «Новой волны». Из современных посмотрели несколько фильмов М. Ханеке.

Интересным событием была выставка в Мюнхене фотографий из немецких солдатских альбомов Второй мировой. Фотографии отправляли в письмах почти всегда с подписями, и в этих подписях, конечно, отражаются «сверхчеловеки» на фоне «дикарей-аборигенов». Там же выставлены письма с фронта, и видеоинтервью с сохранившимися еще стариками, воевавшими офицерами. Румяные, здоровые, окруженные добротной, даже шикарной обстановкой, они без тени смущения рассказывают о себе, о своих походах, даже стараясь найти возможность сказать что-нибудь приятное в адрес оккупированных народов. Compliments, правда, иногда выглядят глупо. К примеру, понятно, если он с благодарностью запомнил русскую женщину, которая заваривала ему, простывшему, травы, и этими отварами вылечила горло. Но иначе выглядит другой случай. Они захватили в плен русского, и он им предложил, что будет помогать носить тяжелое оборудование, и так они с ним и ходили, с рабом-носильщиком, и он носил им все время огромные тяжести. А этот говорит: «это было так мило». Не понимает, что человек, чтобы выжить, что угодно предложит. Или хвалил украинца, который сдавал им партизанов. «Вы не думайте, это не наша жестокость, партизаны нам очень много вреда делали, это была настоящая война...» Хм... Как будто партизаны войну начали и к ним пришли! А другой рассказывал, как вольготно и сытно он жил два года после 45-го в английском лагере для военнопленных, прямо как на курорте. Рассказывая обо всех событиях того времени, что мог у англичан наблюдать, он

упомянул восстание евреев на корабле «Эксокус», о котором в романе Леона Юриса. И добавил, иронически улыбаясь: «ох и разозлились же евреи в 1945 году» и заговорщически подмигнул репортеру, — «впрочем, нельзя произносить вслух, что я об этом думаю». В общем, ничего этот господин не понял. Ни-че-го!

Георгий Степанович, Вы ведь тоже воевали. Как нужно было бы записать все, где Вы были, что видели, с какими людьми были? Но, когда я приезжаю, наши разговоры как-то никогда не доходят до этих тем. А уж на развернутое письмо я и не надеюсь. Жаль. Нужно Вам написать Ваши воспоминания! Надо что-то придумать, найти Вам помощника! А я безумно жалею, что не успела расспросить папу.

Да, прошло 60 лет, но все катастрофы XX века отражаются в сегодняшнем дне, в разных проявлениях и деталях. И в какой-то мере и в искусстве. Особенно в киноискусстве. Вот посмотрели мы «Белую ленту» и «Caché» (Скрытое) Ханеке. Не знаю, приходилось ли Вам их видеть. В первом фильме строгая протестантская семья с отцом священником в маленьком австрийском городке накануне Первой мировой. Чрезмерная строгость отца, граничащая с жестокостью, постоянные унижения детей формируют ответную жестокость, доходящую до садизма в детях. Фильм с долгими тягостными сценами создает эффект если не присутствия, то достаточно острое ощущение атмосферы. Кинокритика охотно проводит обобщение и связь этого жесткого воспитания с дальнейшими склонностями к фашизму. Но я так не думаю, или не полностью. Это фильм не только о месте, но и о времени и о поколениях. Если же говорить о месте, то не думаю, что правильно ассоциировать его только с Европой. Маленькие города везде отличаются подобными свойствами, когда все у всех на виду, и людям становится душно. В какой-то степени можно провести параллель с Догвиллем Ларса фон Трира. А как живут в маленьких городах и поселках в России у меня и личный опыт, и наблюдения (весьма мрачные) есть. Второй фильм «Caché» о непроходящем и зудящем в подсознании чувстве вины ев-

ропейцев перед мусульманами. Хотя это чрезмерно и абсолютно неактуально теперь, когда пора уже европейцев спасать, и это, собственно, уже практически безнадежно поздно.

Тем временем именно в этой теме события развиваются и форсируются с обеих сторон быстрее всего и заметнее всего. В Голландии левые добились-таки суда над Вильдерсом, и процесс начался в январе.

В интернете выложена его речь на суде. В Германии после Тило Сарацина мусульманская тема стала «открытой» и в прессе, и в народе. Одновременно очень активизировались левые экстремисты. Повсюду слышны случаи агрессии. Получил продолжение и случай с Клодом Ланцманом. Во Франции вышла книга его автобиографии, сразу же ставшая бестселлером. И сразу один молодой историк в Германии написал по этому поводу статью, с обвинением, что Ланцман фальсифицирует историю, поэтому и его фильму «Шоа» нельзя доверять. По каналу Arte устроили обсуждение. Тут и вспомнили о нападении левых в Гамбурге при попытке организации просмотра его фильма. И, как обычно, мнения разделились. Одни поддерживают этого историка, другие называют устроенную травлю банальным антисемитизмом. Все варится в одном и том же бульоне.

Юмористов на ТВ в Германии очень любят, и их много. Они сейчас на все лады вышучивают, как Турция будет решать судьбу европейцев, оставит ли Рождество и Пасху праздниками, когда в нее, в Турцию, вступит Европейский Союз. Гирт Вильдерс, которого судят, считает, что Европа уже пропала (в маленькой Голландии 1 млн. мусульман, мусульманская партия есть в парламенте, министр юстиции заявил, что закон шариата, если его введение поддержат две трети населения, может стать частью голландской юридической системы). И обещает, что в свою защиту докажет, что Коран ничем не отличается от «Майн Камф». Так-то оно так, но в древних книгах любой конфессии можно найти весьма зверские тезисы. Другое дело, что христианские конфессии адекватно воспринимают их, как явления определенной

культуры и эпохи. А вот мусульмане, в лице очень многих проповедников, воспринимают их буквально как руководство к действию. Это он и запечатлел в своем фильме. Сам он живет так же, как С. Рушди, под охраной, постоянно меняя место жительства. Его сторонники воспринимают исход этого суда как решающий пункт для будущего Европы. Если его оправдают, этим, как он сам говорит, оправдают свободу слова. Если осудят, это будет карт-бланш для радикальных мусульман. Он требует вызвать из тюрьмы, как свидетелей в суд, убийц Тео Ван Гога и Пима Фортёйна, убитых также за критику ислама. Его поддерживает Аяан Хирси (родившаяся в Сомали, бывшая тоже депутатом голландского парламента), соавтор документального фильма Ван Гога «Покорность 1». Она тоже живет под охраной полиции, теперь уже в Дании. Собирается продолжить задуманное и снять «Покорность 2» о террористах в Европе.

Занимаются этой темой также гуманитарии и философы. Нобелевский лауреат Гуннар Хайнсон — немецкий социолог и демограф, в прошлом директор института им. Рафаэля Лемкина при Бременском университете, написал книгу: Gunnar Heinsohn. «Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen». Munich: Piper, 2008 (Книга Гуннара Хайнсона «Сыновья и власть над миром», в которой он предвещает великие столкновения). Петер Слотердаjk даже объявил Хайнсона родоначальником новой дисциплины — «демографического материализма».

Хайнсон пишет о т. н. «молодежном выступе» — в структуре населения на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары, и «старческого выступа» в Японии и Европе. И называет это одной из основных угроз, с которыми столкнется Запад в первой четверти XXI века, т. к.: «Избыток молодых людей — (по-немецки überzäligen) — почти всегда ведет к кровопролитию и к созданию либо разрушению империй».

Он определяет «молодежный выступ» как ситуацию, когда люди в возрасте от 15 до 24 лет составляют более 20% населения — которую нетрудно предсказать на десять лет вперед, исходя из данных о пре-

обладании детских возрастов от 0 до 15 лет. Главы книги «Новый старый враг мира» и «Где живут молодые люди?» — вопрос, на который тут же дается ответ: «В мусульманских странах». Хайнсон признает, что «молодежный выступ» полностью проявится в Африке и на Ближнем Востоке к 2025 году, но утверждает, что глобальная угроза, которую он будет создавать в течение нескольких следующих десятилетий, может сделать XXI век еще более кровавым, чем век XX.

Во-вторых, в «Сыновьях...» выдвигается идея о том, что европейский колониализм был порожден взрывообразным ростом населения, причиной которого была утрата средневековых знаний о контроле над рождаемостью. (Потому что во времена инквизиции казнили всех женщин—«ведьм», что знали медицинские секреты.) Хайнсон объясняет, что «всемирная экспансия» Европы привела к таким грандиозным успехам из-за того, что за ней стояли общества с четко определенными правами собственности, а, следовательно, с банками, кредитами и деньгами. С другой стороны, дети современного «молодежного выступления» живут в бедных странах с дефицитом образования, способного обеспечить им желаемый статус. Хайнсон считает, что «война с террором» — это долговременное наступление («в течение всей нашей жизни») на полчища недовольных молодых людей в исламском мире.

Дорогой Георгий Степанович. Пока я писала свои записки, прилетел Стас, сказал, что, наконец, Вас посетил. Все теперь в порядке с Бирманом? Как Вы пообщались с Блюменкранцами?

Дорогой Георгий Степанович, как Вы себя чувствуете? Вы по телефону сказали, что в плохом состоянии. Это о физическом самочувствии или душевном? Могу ли я чем-нибудь помочь? Хорошо ли ухаживают за Вами? Мне в этом году не захотелось ехать в морозную Москву. Не знаю, соберемся ли летом?

Что я еще могу для Вас сделать?

Извините меня за долгое молчание. Я тут пропала со своими делами... Георгий Степанович, дорогой, от всей души желаю Вам хорошего

самочувствия и легкой работоспособности. Не сердитесь, что я иногда выпадаю, это просто значит, что закрутилась со своими делами.

Если Вам что-нибудь нужно будет, сразу же мне пишите.

Обнимаю Вас. А. Н. передает приветы.

Ваша Н. Н.

Н. Н. 30.03.10

Дорогой Георгий Степанович!

Как Ваши дела?

Я так поняла, что Вас выписывали, и Вы были дома. Делали ли Вам операцию? И как, в этом случае, все прошло? Или еще будут делать?

Вчера мы весь день следили за новостями и переживали за москвичей. Хорошо хоть в интернете опубликовали списки пострадавших. Во что превратилась Москва, просто ужас!

У нас была долгая и какая-то тяжелая зима. Я много болела, просидела всю зиму дома. Потом я решила встряхнуться, и мы, как Вы уже поняли, съездили в Италию. Там тоже было холодно, но впечатления согрели. < >

Недавно в интернете выложили интересный, на мой взгляд, доклад В. Буковского <http://ru.sevenload.com/videos/PMVb001-> (если Вы нажмете на эту ссылку, она откроется в другом окне, и Вы сможете послушать, есть только видео, текста нет). Его рассуждения сводились к тому, что целью ЕС было всеобщее процветание и способность конкурировать с экономикой США. Но уже тогда Буковский заявил, что произойдет нечто противоположное. «Зарегулированная, субсидированная, глупо организованная, коррумпированная экономика Европейского Союза станет очень слабой, и люди станут всё более и более бедными и зависимыми от Соединённых Штатов...». Интересно, насколько такие прогнозы реальны?

...В интервью репортеру The Brussels Journal Полу Белину Буковский пояснил, что с опасением относится к любым структурам, кото-

рые пытаются насаждать определенную идеологию, пытаюсь стирать границы и уничтожать нации. «Вы не понимаете этого страха. Большинство людей не понимает. Но мы, воспитанные в Советском Союзе, отлично знаем, что основная цель СССР состояла в том, чтобы в конечном итоге создать социалистическую структуру, которая охватит весь земной шар. Те же цели ставит сегодня и Евросоюз. Они пытаются создать новых людей», — заявил он, предрекая Евросоюзу ту же судьбу, как бывшему Сов. Союзу. Между прочим, некоторые вещи из того, что он говорил в 2002-м, уже сбылись.

В Европе после швейцарского референдума активизировались антимусульманские движения. Недавно и у нас в Мюнхене прошли митинги, конференции и инфо-вечера. А в Голландии, где сейчас идет суд над Вильдерсом, его партия, бывшая где-то на периферии с 4–5% голов, вышла на региональных выборах в двух городах на первое место, а в парламенте на третье.

А так, во внешней жизни не чувствуется никаких изменений, кроме постоянно растущих цен. Европа пока еще по-прежнему полна очарования, той городской культурой, что здесь бытует. Мюнхен по статистике признан самым безопасным городом в Германии. Здесь самая чистая вода в мире, врачи рекомендуют пить сырую воду из-под крана, что я и делаю. Здесь такой чистый воздух, что вся зелень просто как на празднике пышно расцветает, и кругом живут в больших количествах и поют птицы.

Когда я подхожу к моему дому, где мы живем, вижу просторный аккуратно стриженный пронзительно зеленый газон, деревья с густой развесистой кроной, цветущие кусты (прямо сзади нашего дома начинается длинный сквер, растянувшийся на два-три километра). И я вспоминаю, как я в 70-х впервые увидела подобные картинки в фильмах Бергмана. Кадры невозможной красоты, окружающей жизнь богатых, благополучных и безнадежно одиноких европейцев. Которые очень страдают от одиночества, но больше всего на свете боятся сближения.

Я пересмотрела все фильмы Годара. К моему удивлению, большинство его фильмов необычайно скучны. Чего не скажешь о других режиссерах «Новой волны». (Еще у Годара обнаружился антисемитский фильм « *Ici et ailleurs*», сделанный сразу же после победы Израиля в 6-тидневной войне, где он сравнивает Голду Меир с Гитлером. С тех пор сравнение Израиля с Гитлером в левом лагере стало нормой.) А так же знакомлюсь целенаправленно с немецким кино, послевоенным, потом буду смотреть довоенное. Это очень помогает понять историю страны и настроения общества.

М. Блюменкранц очень интересовался, успеете ли Вы сделать статью к следующему номеру альманаха. И передавал Вам большой привет.

Привет и от Ан. Николаевича.

Р. S. Я иногда с грустью вспоминаю наши с Вами встречи у нас и у Вас, милую Ревекку Борисовну и наши разговоры. Удалось ли Вам выпустить сборник рассказов Ревекки Борисовны?

Дорогой Георгий Степанович, прощаюсь и желаю Вам по возможности наилучшего самочувствия.

Дайте, пожалуйста, знать, как у Вас развиваются дела. Если Вам что-нибудь нужно, тоже.

Всего Вам наилучшего.

Обнимаем Вас

Н. Н. и А. Н.

Н. Н. 03.04.2011

Дорогой и уважаемый Георгий Степанович.

Вот, наконец, я закончила начатое уже давно письмо, которое, как обычно, писала в разные дни, под разными впечатлениями. Поэтому получился целый сборник разговоров, а частично реферат на тему, т. к. мне хотелось поделиться всем, о чем прочитала. Посылаю, как обещала. И заранее прошу прощения за гигантский размер писаний, на что,

вероятно, потребуется здоровье, чтобы все прочесть. А еще прошу Вашего великодушия, если где-то проскочили повторы.

На этом я прощаюсь, оставляя Вас, с надеждой, что не будете сильно ругать меня.

Дорогой Георгий Степанович, желаю Вам легкой весны и доброго самочувствия. См. рассказ ниже.

С наилучшими пожеланиями,

Ваша Н. Н.

Февраль, после операции

<> после больницы отправили в реабилитационную клинику возле Bad Tölz. Там я познакомилась с провинциальным городком и немного с немцами.

Маленький сонный и пустынный горный курорт. Специфическая баварская архитектура.

Двухэтажные побеленные дома с островерхими двускатными красночерепичными крышами. Фасады опоясаны темными деревянными балконами с резной оградой, опирающимися на фигурные кронштейны. Треугольный щипец главного фасада часто тоже обшит потемневшим деревом с какими-нибудь еще украшениями, росписью, часто оленьими рогами, или какими-нибудь фигурками, фотографиями животных на выпуклых керамических кружках. Окна с деревянными ставнями, а островерхий щипец обшит деревом так, что средняя часть остается открытой — балконом, а по бокам образуются закрытые кладовые, где сложены аккуратные поленицы. На каждом шагу Gasthof или отель. Такое впечатление, что все население города состоит из обслуживающего персонала. Очевидно в летнее время здесь много приезжих. А сейчас горный курорт в февральской спячке. Пейзажи вокруг напоминают мне немного родные Карпаты. Невысокие горы, покрытые хвойными лесами с заснеженными верхушками. Разное уда-

ление, как всегда, создает игру плотности света и цвета голубого тумана, с удаляющимися планами перебегающих линий групп деревьев вниз. О том, что здесь не Карпаты, не дают забыть разные немецкие знаки, например, благоустроенные дорожки, ведущие глубоко в лес, и вдоль них через равные промежутки «информационные столбики»: «Уважаемые владельцы собак, будьте внимательны». Под этой надписью ящик, типа почтового с надписью «тяни пакет» с серией картинок как взять собачьи экскременты с земли в пакет, не выпачкав руки. Под этим ящиком стоит другой ящик, с отверстием для пакетов и надписью: «собачий туалет».

А с южной стороны видны в ясный день острые альпийские ослепительно белые вершины. Кругом, как в сплошном парке, клумбы с прошлогодними цветами, благополучно перезимовавшими и уже со свежими ростками. В городе и в клинике постоянная улыбка-терапия, т. к. все постоянно друг с другом здороваются, но не раз в день, а столько раз, сколько встречаются в коридоре, на улице или за обеденным столом. В городе тоже как в деревне здороваются все, с кем случайно встретишься. То есть постоянное впечатление бескрайней доброжелательности, которое, впрочем, может неожиданно кардинально измениться с противоположным знаком, если какие-нибудь правила, прописанные с педантичной подробностью, покажутся персоналу не слишком усердно выполненными или нарушенными, тогда из, только что, самого радушия вдруг выглянет непримиримый полицейский и покажет, чья тут власть.

Я совершаю ежедневные прогулки, приучая ноги ходить, и заодно испытывая свои возможности. Сегодня забрела в соседнюю деревню. Было очень любопытно познакомиться. Кроме таких же домов, как вышеописанные в городке, там много домов как в русских деревнях: низ каменный, верх деревянный. Но, конечно, немецкие отличаются и качеством: крепкие, ровные, аккуратные, — и архитектурой. Крыши у всех черепичные. Дома объединены с хозяйственным двором, некоторые метров 120 длиной, а то и больше. Передняя часть в торце

жилая, с балконами, украшенным резьбой и цветами на фасаде, к жилым комнатам примыкают гостевые, сдаваемые в наем. А дальше сзади под одной крышей идет длинный хозяйственный гигантский двор, скотный двор. Рядом сено для корма и сено с навозом, много малой техники, мини-тракторы почти возле каждого дома, еще какие-то машины, и даже маленький строительный кран возле обновляемого дома. Рядом с ним стоит древний сарай. Из тесаных, прямоугольного сечения бревен, соединенных «в лапу» как и в русских, без гвоздей (любимая тема экскурсоводов), верхние бревна сильно выступают, ступеньками, образуя кронштейны под крышей с большим выносом. Покрыт он замшелой щепой и соломой. Дом, видимо, очень старый был, теперь строят каменный второй этаж, скучный. Возле всех домов на участках кусты, деревья, клумбы, и никаких огородов, чего невозможно представить в русской деревне. Неподалеку, в полукилометре снова начинается сплошная стена соснового леса, шумный горный ручей, бегущий по камням, а наверху возле ручья отдельно стоящий дом со старой мельницей.

Продолжаю знакомиться с немецкой литературой. Прочла Клауса Манна. Теперь читаю книгу швейцарского психолога Алис Миллер. Ее книга вдохновила М. Ханеке на создание фильма «Белая лента». У Ханеке вообще тема насилия в семье и его отражение в судьбах следующих поколений есть почти в каждом фильме. Многие считают, что золотая середина так и не была найдена. Так как освобождение детей от власти родителей и наделение их равными со взрослыми правами привело отнюдь не всегда к расцвету высших побуждений: ранний секс, алкоголь, нежелание перенапрягаться в учебе, необязательность и пр. Если это не старческое брюзжание против молодых «...сейчас не то, что в наше время...», то где же она, золотая середина? Но книга Алис Миллер многое объясняет.

Алис Миллер выступала против т.н. «черной педагогики»... Ведь еще и после 60-х бить детей было обычным делом. Говорят, что в фильме Михаэля Ханеке «Белая лента» очень точно передана се-

мейная атмосфера. Недаром он имеет подзаголовок: «История детей Германии».

А я как раз недавно читала, что клиентами психоаналитиков были в основном люди из знатных дворянских домов.

Алис Миллер объясняет столь распространенную в начале века среди немцев склонность к насилию, сделавшую их легкой добычей плебеев национал-социалистов. Она считает, что немцы обязаны этим доктору Морицу Готлобу Шреберу. В Интернете есть его портрет, красивый благородный мужчина с благородной осанкой. Был необыкновенно популярен, и память о нем сохранилась во всех немецких городах и по сей день в так называемых «шребер-гартен». У немцев всегда огромным вниманием пользовался вопрос здоровья нации. Да и почти вся Германия жила в частных домах с садами, на природе. Ведь больших городов в Германии было очень мало, еще до 70-х гг. XIX в. Германия состояла из более чем 300 мелких княжеств. Так что такой провинциальный образ жизни сохранился и с появлением некоторых крупных городов и связанным с индустриализацией строительством многоэтажных домов. И хотя они и были в те поры максимум трехэтажными, в обществе возникла тревога за бедных детей, лишенных сада, так называемых «Etagen-Kinder».

Вот поэтому доктор Шребер разработал программу оздоровления детей, предложив выделить в городе небольшие недорого арендуемые участки для создания маленьких садов, которые бы в свободное время обрабатывали родители с детьми, чтобы они пребывали на свежем воздухе, имели физическую нагрузку и приучались к порядку. Практически те же садовые участки, что распространились у нас примерно с 60-х годов по другой причине, необходимости самим выращивать овощи и фрукты, которые кроме Москвы почти нигде нельзя было купить. Но в Германии это движение началось с XIX века. Однако господин Шребер заботился не только о физическом здоровье. Он создал также теорию нравственного здоровья немцев, их надо было воспитывать настоящими героями, сильными, мужественными, выносливыми и,

конечно, с королевской осанкой. Для этого надо было приучать детей сызмала к самостоятельности и терпению. Не обращать внимания, если ребенок в коляске плачет, держать в строгости и требовательности, с неукоснительным исполнением установленных отцом порядков. Кроме самой теории он разработал чертежи станков с шипами за спиной, в которые предлагалось сажать детей, дабы они просто физически не могли искривить осанку, во время выполнения домашних заданий. А, кроме того, металлические станки для мальчиков, в которых они должны были спать, чтобы их тело было недоступно рукам. Эти замечательные устройства можно увидеть на чертежах. И все эти орудия пыток он испытывал в первую очередь на своих детях. Шребер считал, что с первого дня жизни необходимо приучать младенца к безусловному подчинению. Родитель должен был стать повелителем ребёнка, чтобы впоследствии «одного лишь взгляда, одного угрожающего жеста было достаточно, чтобы полностью подчинить ребёнка себе». Если младенец плачет, его нужно заставить замолчать «любим физически доступным способом». В педагогике Шребера допускались любые наказания, в том числе и физические. К тому же, считалось, что любые проявления любви к ребёнку неизбежно приведут к избалованности и «дегенеративному слабоволию». А для воспитания такого необходимого для истинного немца качества, как самоотречение, малыша «помещали» на колени к няне, которая в это время сидит за столом, уставленным яствами, ест или пьет все, что ей по вкусу. «Как бы ни были сильны у ребенка возникающие в этой ситуации оральные потребности, их не следует удовлетворять», писал доктор.

Итак, Шребер воспитывал своих пятерых детей в согласии со своей теорией, все свои изобретения он испытывал в первую очередь на своих детях, но его проект «Идеальный человек» потерпел поражение. Оба сына Шребера стали известными юристами. Старший, Густав, в возрасте 38 лет застрелился. Его младший брат Пауль вошел в историю психо-

анализа как классический случай паранойи. Психическими заболеваниями страдала и одна из дочерей Шребера.

Его идеи оздоровления нации получили такую популярность, что вместе с ними распространились и все жестокие меры воспитания. Алис Миллер пишет, что на таких идеях и методиках выросло несколько поколений до появления национал-социалистов. Испытывая жестокость родителей в раннем детстве, дети усваивали методы насилия во взаимоотношениях людей, жестокость родителей становилась основой душевной раздвоенности (смесь любви и ненависти — основы садомазохизма) и невроза, а лишение ласки и понимания, физического контакта (когда родители жалеют ребенка, гладят его, обнимают) приводило к отмиранию и атрофии некоторых функций головного мозга, из-за чего у них не развивались полноценно чувства (что, как мы сегодня знаем, есть, пожалуй, важнейший элемент воспитания), и многие вырастали почти как дети в детдоме, с нераскрытыми чувствами и со скрытой агрессией. Именно таким воспитанием объясняет она — почему немцы всенародно с такой легкостью приняли пропаганду насилия нацистами, почему они готовы были к насилию.

Его сын Даниэль Пауль Шребер (1842–1911) — известный и успешный немецкий судья. После 40 лет у него начался психоз, диагностированный как параноидальная шизофрения. О своих ощущениях и переживаниях он написал книгу: «Воспоминания невропатологического больного». Им очень интересовался Зигмунд Фрейд. И его книга имела ключевое значение в работе Жюль Делеза и Феликса Гваттари «Анти-Эдип».

Возможно, эта теория объясняет еще одну вещь, вызывавшую вопросы. Почему высококультурные немцы, знакомые с утонченными искусствами, тоже оказались в большинстве готовыми к насилию. Перфекционизм, стремление достичь во всем высшей планки, строжайшие авторитарные, порой деспотические методы воспитания формировали также авторитарные характеры.

Алис Миллер писала, что, безусловно, идеологии, оправдывающие насилие, в разное время и в разных странах свои. Но истинные мотивы

всегда одни — подавленные негативные эмоции детства. «И в нацистской Германии, и среди американских солдат-добровольцев во Вьетнаме — утверждает Алис Миллер, изучив их биографии, — большинство лиц, совершавших самые вопиющие военные преступления, составляли те, кто подвергался жестокому обращению в детстве... Последствия подобного воспитания фатальны для отдельной личности и чудовищны для нации». В 1979 ее книга «Драма одаренного ребенка» стала бестселлером во всей Европе, она тоже оказала большое влияние на изменение методики педагогики.

...Еще одна вещь обратила на себя внимание — многие протестанты весьма свысока относятся к католикам. Считают их малокультурными, не такими старательными в работе, как протестанты, необразованными, принадлежащим к унтершихт и пр. Да и в сотрудничестве с нацистами была обвинена католическая церковь. Протестантов вроде никто не обвинял, или я что-то пропустила. Но эта строгость и деспотическое стремление к достижению детьми намеченных родителем целей свойственны в большей степени именно протестантской культуре. Об этом, собственно, и был фильм М. Ханеке «Белая лента», и некоторые другие его фильмы. Да и в безумных бунтарях движения 68-х был компонент протеста именно против таких отцов, против холода и отсутствия домашнего тепла, против безграничной власти и деспотизма отцов. Получается — против протестантской культуры, а вовсе не против нацизма?

После всех разговоров об этом, я спросила мою приятельницу, в чем заключается интерес многих немцев к русским? Теперь мне это стало немного понятнее. Она рассказывала об этапах формирования этого интереса. У нее было предварительное некое идеализированное представление о русских как о людях очень душевных, эмоциональных, склонных к философии. Это стало тягой, потребностью познакомиться лично. Она записалась на курсы русского языка в Питере и поехала туда, полная сладких ожиданий. Курсы от Смольного имели контракт с несколькими хозяевами квартир, что сдавали их для студентов этих

курсов. Моя очарованная немка попала к куркульской бабе, которая все их контакты сводила к жалобам, какая у нее трудная жизнь и как ей не хватает денег (и это в квартире, шикарно обставленной такой мебелью и бытовой техникой, какие не каждый немец может себе позволить), ныла не переставая, требуя плату за каждое движение. Например, хотя телефон по городу тогда еще не был платным, она считала минуты разговора, «т. к. во время разговора тоже тратится электричество», и требовала плату поминутно и за это. В общем, бабка успешно шокировала гостью, которая кроме этого была просто потрясена всеобщей грубостью в транспорте, в столовых (кафе тогда еще не очень развиты были), магазинах. Кроме того, на нее напали вечером на улице, и она до сих пор удивляется, как такое возможно, везде едут машины, идут прохожие, и никто ей не помог, она еле ноги унесла оттуда. В общем, разочарованию ее не было конца. И она в отчаянии думала, но где же эти люди с широкой русской душой? Где же эти философы? И только в самом конце пребывания на этих курсах она познакомилась с питерскими писателями, и была так счастлива, что все же нашла людей, соответствовавших ее поискам. Тут я спросила, а что, разве среди немцев нет людей эмоциональных, думающих, с широкой душой? Дело в том, ответила она, что немцы настолько зарегулированы, каждое движение так тщательно прописано законами и обычаями, что не остается абсолютно пространства для вольных эмоций, тем более для экспериментов. Русские же настолько свободны и непредсказуемы, что это хоть и бывает опасно, но захватывающе интересно и экзотично. «Кроме того, очень привлекательна такая повсеместная склонность к литературе у русских. Ведь русские знают немецкую литературу лучше, чем немцы! И, когда они собираются вместе за столом, они поют песни! У нас уже никто не поет песен, да мы их и не знаем, т. к. вся народная музыка была скомпрометирована нацистами. Она стала почти табуированной». (Правда, когда начинается, например, Октоберфест и на улицах возникают толпы простолюдинов, да еще и подвыпивших, я не раз слышала, что они-то очень даже и поют. Но что-то такое, маршевое).

После этого я спросила другого своего приятеля, что его привлекает в русских? Он тоже сказал, что среди русских много интеллигентных людей, они хорошо образованы, хорошо знают литературу. В отличие от мусульман, они — европейцы, то есть свои. Но вот в Россию он бы не поехал, т. к. там очень высокий индекс опасности, и экологической, и в сфере человеческих отношений. И вообще ему непонятны русские, например, в одном вопросе. Там очень высокий процент убийств в семье, привел статистику (не помню сейчас цифры). Зачем, говорит, сразу убивать? Ведь можно сесть и изложить друг другу свои претензии, и найти компромисс. А уж если не получается, тогда просто развестись. А почему сразу убивать? Русские люди очень не выдержанные и потому опасны.

И еще раз о РАФ

Мне выпал случай снова вернуться к теме революционеров 68-х. Немецкое телевидение постепенно переключило свое внимание с темы Второй мировой на более поздний этап истории. Десятилетие с 70-х по 80-е годы остается в памяти тоже их исторической раной. И они возвращаются к тем событиям снова и снова. Вышел фильм: «Кто, если не мы» (Андрес Фейель, Герд Кунен) о самом начале формирования РАФ, а точнее, о главных персонажах: Энслин Гудрун, Бернвард Веспер и Андреас Баадер. Все, что с ними происходило, как я теперь понимаю, не исключительно, а типично. Веспер был сыном известного нацистского писателя Вилля Веспера. Он очень любил отца и искал все время пути помирить в своей душе эту любовь и отвержение отцовской деятельности, считая при этом отца очень талантливым человеком. Не сумел.

Прочитала только что вышедшую биографию Ульрики Майнхоф, одной из основателей РАФ. И нашла здесь много ответов на свои вопросы. Во-первых, я по-другому ощутила насущность протеста против авторитаризма родителей как основную причину (все остальные примешивались в разной степени и в разных сочетаниях в различных группах). Во-вторых, думаю, что правительство ФРГ тогда допустило одну ошибку,

когда оно запретило компартию (из-за того, что в программе компартии был пункт о необходимости свержения государственного строя). После этого запретный плод стал сладок. Кроме того, коммунисты, прежде репрессированные нацистами, не только сами оживились, но встретили симпатию и широкую поддержку в среде либеральной интеллигенции, имевшей весьма смутное и искаженное представление о социалистическом рае в СССР, несмотря на уже известный 20-й съезд, хрущевский доклад, оттепель и снова заморозки. Да и нормальные люди, понимающие степень преступлений нацистов, отшатнулись влево, да так, что до сих пор многие считают только крайне правых опасными, не замечая, до какой степени радикализировались левые (и забывая законы маятника). А когда начались протесты студентов, Штази в момент подсуетились, и не преминули использовать их. В этой биографии приводятся ссылки на документы, появившиеся после открытия архивов ГДР, о коммуникации У. Майнхоф с Восточным Берлином и органами. Это были достаточно регулярные тайные встречи, где ее старательно обманывали, выполняя любое ее желание, в любой области, доставляя ей все, что ГДР-овским жителям было абсолютно недоступно. И эта дурочка верила им и считала, что социалистическая система на деле осуществила все свои лозунги. Она тайно вступила в компартию и вела несколько лет двойную жизнь, будучи известной журналисткой, живя с семьей в шикарной вилле с хорошо обеспеченным бытом. Что характеризует левых и сегодня: борясь за обездоленных, в первую очередь позаботиться о роскоши для себя любимых. А приведенные цитаты из ее «трудов» иллюстрируют, какая каша была в ее голове, какая она была, мягко говоря, неумная.

Примечательно еще, что самые активные революционеры и основатели РАФ происходили из таких образованных семей и были потомками таких знаменитых фамилий! Андреас Баадер потомок Франца Ксавера фон Баадера, выдающегося мюнхенского философа-идеалиста первой половины XIX века; Гудрун Энсслин — прямой потомок «самого» Гегеля; Ульрика Майнхоф — потомок великого поэта-романтика Фридриха Гёльдерлина; Ян-Карл Распе — потомок знаменитого писателя Рудоль-

фа Эриха Распе, создателя «Мюнхгаузена»; Хорст Малер — родственник великого композитора Густава Малера. Все, кроме Х. Малера, покончили с собой тогда в тюрьме Штаммхайм, а этот нацист сидит сейчас в тюрьме. Вот какую злую штуку сыграл нацизм с памятью о лучших людях, составлявших интеллектуальный цвет Германии.

Примечательно также еще одно обстоятельство, что эти люди с такими высокими порывами (они «боролись и жили во имя светлого будущего») проявили такую примитивную черствость и жестокость к собственным детям. Майнхоф отвезла своих двух малолетних дочерей в лагерь арабских боевиков в Палестине, чтобы скрыть их от отца. После этого начались ее аресты. И если бы один из РАФовцев, что поссорился с ними и вернулся в Германию, не выдал их местонахождение отцу, они бы там, в чужой среде погибли. Гудрун Энслин просто бросила своего сына, оставила его писателю Весперу, с которым жила до того, как ушла в подполье и связала личную жизнь с Андреасом Баадером. Веспер после ее ухода покончил жизнь самоубийством, ребенок тоже остался сиротой.

Они сами были вполне авторитарными, жестокими, негибкими, и сколько бы они ни кричали, что борются «с системой», называя ее фашистской, правильно Г. Али называл их «дети Гитлера». Да еще с такой кашей в голове.

А левые, выйдя из рядов тех революционеров 68-х, что прошли через лагерь арабских террористов, сохранили пламенную любовь к ним и преданно пронесли знамя антисемитизма, выражающегося сегодня среди левых членов парламента в самых неприличных формах. И если вначале у них, левых, были **идеи**, правильные ли, ошибочные ли, то потом — слаб человек — обычная **борьба за власть**. ...

...На этом прощаюсь.

Дорогой Георгий Степанович,
всего Вам самого доброго! Держитесь!

Обнимаем Вас

Ваши Н. Н. и А. Н.

Н. Н. 20.11.2011

Дорогой Георгий Степанович, дорогой друг наш!

Какие грустные известия от Вас! Мне так хотелось Вас еще увидеть. Как я горюю, что не могу сейчас приехать, чтобы повидать Вас! Тяжело заболел Анатолий Николаевич, и мы чуть не каждый день ходим с ним по врачам на обследования. И я не могу оставить его одного.

Когда я думаю о Вас, надо мной как будто возникает и вьется теплое облако, облако приязни и любви. Я вспоминаю Вас, когда слушаю Окуджаву, когда у меня возникают вопросы при чтении книг, когда рождаются интересные наблюдения о людях и событиях... Кому все это расскажешь? Большинство людей живет животом. А мне так часто не хватало встреч и разговоров с Вами. Сознание, что Вы где-то есть, всегда грело душу... Пожалуйста, дождитесь меня, я смогу, наверное, в январе выбраться хоть на неделю в Москву. Может быть Вам что-нибудь нужно? Может, чем-нибудь могу помочь? Скажите!

Обнимаю Вас! Дай Бог Вам его милосердия, чтобы берег от боли и страданий.

Ваша Нинель Израилевна

Г. Кнабе — Ольга Окуджава

Г. К. 11 сентября 2002 г.

Dear Ольга Владимировна, —
по договоренности пишу Вам, чтобы рассказать какими мне представляются дальнейшие действия для изучения, сохранения и распространения творческого наследия Б. Ш. Действия эти, по-моему, должны идти по трем направлениям: подготовка канонического издания; выработка комментария к нему; составление летописи жизни и творчества.

I

1. Двучастность. Когда Вы зашли ко мне в Переделкине вместе с Б. Б., он сказал, что на его взгляд две трети написанного Б. Ш. вообще не стоит издавать. Никак, разумеется, не соглашаясь с этим взглядом полностью в такой его формулировке, я не могу не ощущать ту истину, которая просвечивает в его основе. Б. Ш. вошел в русскую, а в немалой степени и в мировую культуру как сгусток, концентрация и ключевая фигура того умонастроения, которое владело послевоенным поколением — а в России в первую очередь интеллигентной его частью — между серединой пятидесятых и второй половиной шестидесятых годов. Суть этого настроения — тройкая. Уже полная свобода от тотального коллективизма предшествующей эры и еще живое сохранение человеческой приязни и теплоты круга как нормы человеческих отношений; приятие своего времени как времени освобождения от казенно государственного и идеологического регламентирования жизни и утверждения его как времени культуры повседневности и непосредственности духовного самовыражения каждого; удаление от искусства академического

и профессионального и утверждение искусства, рождающегося здесь и сейчас, среди нас, а потому и тяготеющего к простой музыке, нас объединяющей, т. е. песенной. Та часть написанного, прочитанного и спетого Окуджавой, воплотившая эту суть эпохи, и сделала его главной фигурой времени и поколения. Это мое ощущение подтверждается, во-первых, составом наиболее ходовых, предназначенных на широкий коммерческий сбыт компакт дисков. Все они строятся на двух — трех десятках песен 1957 — 1963 годов, наиболее соответствующих тому умонастроению, о котором я говорю. Раскупаются именно они. Во-вторых, выступления иностранных участников обеих переделкинских конференций подтверждают, что именно этот круг мотивов обеспечивает популярность Б. Ш. в Европе, в США и в Японии. «Все прочее — литература», как сказал классик. Проза и в какой-то мере поздняя лирика переводятся и издаются на уровне обычного коммерческого успеха, но не более того. В-третьих, нельзя пренебречь интуицией и нашего поколения, и нынешнего молодого: в окружающей нас атмосфере всеобщего разобщения, того, что немцы называют *Verlassenheit*, «покинутости», утраты любых объединяющих чувств и симпатий. Природно живущая в человеке потребность непосредственной близости с кругом «своих», требует компенсаторного удовлетворения, и непреходящий успех Окуджавы основан на том, что он этой потребности служит — один из очень немногих.

Практический вывод из сказанного состоит в том, что при подготовке канонического издания этот «главный Окуджава», 30, 40, много если 50 стихотворений, в большинстве ставших песнями, должен быть выделен, подан крупным планом и отделен от остального творчества. Я не издатель, и не мое дело судить, как это делать: разделив все издание на два корешка, отделив обозначенное ядро шрифтом и/или бумагой, приложив ноты, или еще как-нибудь. Важно, чтобы в него вошли в основном стихи 1957 — 1963 годов, ставшие песнями, с прибавлением некоторых более поздних, по содержанию и настроению к ним примыкающих. Отсюда, разумеется, не следует, что всё остальное чем-то «ху-

же», оно в большинстве замечательно, особенно историческая проза, но всё оно — про другое. Разумеется, над ним надо работать — отбирать лучшие тексты, комментировать и т. д., делать все то, о чем пойдет речь дальше, но литературе и истории, культуре XX века надо сохранить главный облик поэта — такого, какого, кажется, больше никогда не было.

Тексты. Создать каноническое издание, отобрав для него лучшие тексты, как это всегда делается, в данном случае невозможно: помимо сохранившихся текстов, есть слишком много магнитофонных записей, в чем-то разнящихся друг от друга, слишком часто сам Б. Ш., выступая, менял слова и выражения, слишком сомнительны тексты в большинстве публикаций. Разумеется, есть «Чаепитие на Арбате», тексты которого утверждены автором, но и в данном случае они подчас оказываются не лучшими. Наверное, надо создать небольшую группу из профессиональных текстологов и знатоков, помнящих большинство выступлений и вариантов, для согласованного отбора:

- а) публикуемых текстов.
- б) вариантов, заслуживающих включения в комментарий (см. ниже).

II

1. Информационная часть комментария должна, насколько я могу судить по опыту существующих изданий и лучших среди них, включать сводку принципиально важных более ранних публикаций и тогда же появившихся наиболее существенных откликов на них, и варианты текстов в соответствии с тем, что сказано выше. Вся эта работа на 90% техническая, и особой квалификации не требует — достаточно добросовестности.

2. Датировка. В случае Б. Ш. она очень важна и головолмно трудна. На издания в большинстве случаев полагаться не приходится (лучше других, по-моему, «Стихотворения» 1984 года), в «Чаепитии» проблема игнорирована: рубрикация по десятилетиям как бы освобождает от

датировки каждого отдельного стихотворения. Существуют ли датированные рукописи — я не знаю. Предложить что-либо я здесь не могу.

3. Толкование. Стихи Б. Ш., особенно первого периода, сложно метафоричны, и это сыграло особую роль в широком восприятии их как песен, приспособленных для пения в компаниях, в турпоходах и т. д.: содержание их воспринималось чисто лирически, интонационно, без попыток вдуматься в метафоры и раскрыть, понять их смысл, который вряд ли воспринимается подавляющим большинством читателей, не говоря уже о слушающих и поющих. Не надо ли попытаться раскрыть, там, где это не приходит в противоречие с непосредственной поэтичностью образа, философскую глубину таких метафор. Достаточный пример — «Бумажный солдатик», где в сюжете — конечно, бумажный солдатик, но главный персонаж — совсем не бумажный солдатик, а нигде не названный и лишь метафорически выступающий из поэтической глубины персонаж совсем другого масштаба и другой исторической судьбы, и стихотворение (как и соответствующая песня), разумеется, именно про него. Ревекка Борисовна давно занимается подобной работой, у нее накоплено довольно много комментариев этого рода, и если они будут признаны оправданными, она сможет передать их издателям.

4. Топонимия и реалии. Стихи Б. Ш. очень топонимичны: Арбат, Сивцев Вражек, от Таганки до Филей, ресторан Прага — это еще понятно, Смоляга — уже не очень и не всем. «Красные трамваи», упоминаемые в связи с арбатским миром, понятны уже только тем, кто помнит трамваи на Арбате, снятые еще перед войной. Само понятие и само явление «двор» требует детального комментария — дворы как архитектурное и тем более как социокультурное явление исчезли, по крайней мере, лет 30 назад. Также обстоит дело с реалиями ушедшего быта. Попробуйте спросить у обычного сегодняшнего молодого человека, что значит «... и сундучок сколочен из фанеры», спросить о всем богатстве невеселых ассоциаций, с ним связанных; вряд ли у такого молодого человека найдется ответ, а без него трагически обедняется

такое важнейшее стихотворение как «По милости судьбы...». Я — один из немногих оставшихся, проживших этот быт. Если комментарии такого рода потребуются, я готов их взять на себя.

III

Летопись жизни и творчества для понимания текстов Б. О. важнее, чем для многих других авторов. Она обязательно необходима просто потому, что стихи его, да и поздняя проза, очень «житейские», опосредованы жизненными обстоятельствами, встречами с людьми, поездками, бытом и топографией и т. д., и без учета всего этого контекста многое остается непонятым и недопонятым (или, того хуже, неправильно понятым) в стихах и в прозе. Особенно это важно для понимания произведений 1950-х — 1960-х годов. Быт, детали, фактуру, современников этих лет помнят уже немногие. Вы мне говорили, что Аня Цуркан уже занимается подготовительной работой к такой летописи. Может быть, можно как-то это всё усилить и ускорить.

Я получил свое расписание и распределение дел и поездок на наступающий учебный год. Оно не оставляет мне никакой возможности принять практическое участие во всех тех важных и интереснейших делах, о которых в этом письме идет речь. Указанные разделы комментариев — всё, на что я и Ревекка Борисовна способны. Кроме, разумеется, готовности отвечать на любые вопросы, если они мне по силам, а для этого слышать и видеть Вас.

Ваш Г. Кнабе

Г. Кнабе — М. Толмачев

Г.К.

Многоуважаемый Михаил Толмачев, — спасибо за письмо и за оттиск. Я получил их еще в августе, но никак не мог ответить: дела обстоятельства и хроническая перегрузка. Извините.

Античник, который Вас «елейно обругал», мало что понимает в предмете. Рецепция — почти всегда факт как рецепирующей, так и рецепируемой культуры, и соотношение этих двух сторон может меняться очень существенно. «Кориолан» Шекспира важен для понимания древнего Рима не меньше, а, пожалуй, и гораздо больше, нежели английской ситуации первых лет XVII века, горацянство же французской и русской поэзии державинско-пушкинской поры не имеет к Риму почти никакого отношения и представляет собой один из вариантов общеевропейской модуляции из рокайной в романтическую тональность. Серебряный век занимает крайний фланг этой дислокации: «Сатиресса» Кондратьева или «Катилина» Блока, как и вся «античная» литературная продукция этих лет, не имеют к исторической действительности античного мира никакого отношения точно так же, как рисунки Бакста или полотна Богаевского. Вы поступили совершенно правильно, отвлекшись от всей, как Вы выразились, археологической стороны дела и рассматривая свой материал в системе культуры XX века.

Но вот именно с ней, с системой и системностью, связаны возражения, которые Ваша публикация вызывает. Она строится на сопоставлении пьес Кузмина и Камю, причем близость их друг к другу, несмотря на некоторые оговорки, представляется Вам гораздо большей, чем их различия. Принцип системности не дает возможности с Вами согла-

ситься. «Калигула» — классическое порождение экзистенциалистской мысли, осложненной оккупацией и Соппротивлением (кстати: почему Вы датируете пьесу 1942 годом? Во всех доступных мне справочниках — 1944/1945. Это принципиально). Если говорить об экзистенциалистских проникновениях в человеческую душу, суть выражена репликой Калигулы: «Il n'y a pas de grande passion sans cruauté»; если говорить об отложениях в сознании художника может быть не до конца еще осознанных впечатлений от оккупации, — неизбежностью извращенной жестокости, возникающей из презрительного невнимания к «простой жизни», трактуемой как пошлая болтовня (Сципион) или тупой прагматизм (Хэреа).

Все это, простите, не имеет никакого отношения к системе образов, мыслей и представлений, в которой живет Кузмин, живет хронологически в середине 20-х годов, экзистенциально и культурно — там, где прожили жизнь его поколение и его круг, — в атмосфере русского декаданса. Вы почти не обращаете внимания на структурную ось пьесы — на постоянное дублирование Нерона Лукиным, римской действительности действительностью первых дней русской эмиграции (дата выставлена в первых же строках — 1919 год, дальше хронология расплывается, но не выходит за рамки культурно-исторического опыта самого Кузмина), хотя в конце сумасшедшая провидица прямо говорит Лукину, что он — Нерон. Отсюда и вся та палитра, с которой берутся краски для обоих образов (или, точнее, двуединого образа): капризная несерьезность в отношении даже к самым важным проблемам окружающей жизни, артистизм как воплощение и одновременно осуждение и оправдание такой несерьезности, постоянные модуляции из сферы сочувствия и добра в сферу безответственности и зла. Вы, наверное, хорошо себе представляете человеческий материал, из которого этот двуединый образ строится, — персонажи из воспоминаний сестер Герцых, весь мир ретроспективной книги кн. Волконского «Опавшие («осенние») листья» или «Козлиной песни» Вагинова, даже в какой-то мере Сашка Бальц или Александр Степанович Лососинов. Их роднят с Неро-

ном (и располагают автора в его пользу) свойства, перечисленные выше, но их радикально отличает от римского злодея-мечтателя столь для них характерное и столь для него неприемлемое заигрывание со стихией антикультурного нигилизма и бунта. Финальная картина второго действия сознательно написана так, что непонятно, относится происходящее к римской действительности или к современной, непонятно потому, что для автора нет разграничения между древними и новыми проявлениями все той же стихии. Нерон ее презирает (отсюда, в частности, его отношение к христианам) — и гибнет, Лукин с ней заигрывает, принимает участие в подготовке взрывов (ср. известные эпизоды из биографии Шкловского) — и остается бессмысленно жить. До поры, до времени, как столь многие ровесники и знакомцы Кузмина.

Вот, что мне кажется, многоуважаемый Михаил Толмачев. Во всяком случае, хорошо, что Вы еще раз обратили внимание западной публики на факты и тексты русской культуры, даже если, как представляется, эти факты и тексты стали им в последние годы совершенно безразличны.

Жму Вашу руку.

Приветствую Вас

Г. Кнабе

Г. Кнабе — Д. Хавин

Г.К. 01.05.2003

Дорогой Дима, —
Несколько дней тому назад я получил Ваше большое и интересное письмо (если не ошибаюсь, от 20 апреля). Открывши его в своем электронном почтовом ящике, я тут же сел писать на него ответ. Результат оказался плачевным. Я только сейчас учусь пользоваться интернетом вообще и электронной почтой в частности, сделал что-то не то и пропал не только мой ответ, что не так важно, но и Ваше письмо, что гораздо существеннее. Вы ведь говорили Олегу, что ничего от меня не получали. Сейчас пытаюсь понять свои ошибки, исправить их и в порядке проверки отправить Вам этот мэйл.

Мы только что смотрели Ваш фильм о путешествии с Конюховым. К сожалению после 15–20 минут просмотра он оборвался, пошел огромный рекламный блок, после чего вместо продолжения был предложен какой-то отечественный реализм. Вы поняли, в чем дело? В этих условиях судить о фильме сколько-нибудь развернуто и обосновано невозможно. Мне показалось, что это очень хорошая картина, о трудных и мужественных людях среди трудного и опасного моря, и очень хорошо (для таких условий) снятая, с хорошим и местами остроумным текстом. Неясным осталось, зачем и в какой пропорции должна пробиваться сквозь сюжет тема о коммерческой стороне дела, не столько дополняющая фабулу, сколько диссонирующая с ней. Наверное, если удалось бы досмотреть картину до конца, всё стало бы на свои места.

Выяснилось ли что-либо насчет возможности и времени Вашего появления в Москве? Видели ли Вы интервью Олега в «Известиях» от 2 апреля? Какой умный и честный человек. Спасибо Вам за него.

Р. Б. Вас приветствует, а мы оба кланяемся Вам обоим и очень хотели бы повидаться. 7 мая я иду во ВГИК на традиционную встречу ветеранов. О впечатлениях напишу. Если этот мэйл пройдет, пожалуйста, ответьте тут же, чтобы я представлял себе перспективы дальнейшей переписки.

Ваш as usual Кнабе

Г. К. 21.06.2003

Дорогой Дима. —

Появился Олег (О. Кулаков. — *ред.*) с тремя (sic!) упаковками плавика. Это позволит мне продержаться до конца сентября. Не хочу быть сентиментальным, но Ваша помощь в сущности меняет характер нашей жизни: если у нас есть плавикс, то необходимые расходы на текущую жизнь, выходящие за пределы повседневности, улаживаются. Если его нет, то от этих расходов приходится отказываться, что не трагично, но ощутимо снижает стиль и уровень существования. Ходят настойчивые слухи, что наш университет получает дополнительные источники финансирования, и это скажется на наших зарплатах. Если это произойдет, то я, естественно, в тот же момент слезу с Вашей шеи. Так что — живите надеждой.

Олег передавал, что Вы мой последний мэйл не получали. Со мной положение хуже: я Ваш последний мэйл одновременно и получал и не получал. Пришло сообщение о Вашем письме от 11 июня, но в самом письме оказалось только два слова — «11 good bye». Поди — пойми. Жаль. Я писал о впечатлении от Вашего фильма (что лишь частично удалось восполнить в ходе нашего телефонного разговора) и что я весьма благодарен Вам за Олега. Он славный, порядочный и интересный человек. Мы время от времени встречаемся и размышляем о смысле жизни. Смысл этот складывается из впечатлений, частных и общих, из работы и из повседневности. Впечатления не всегда отделимы от работы. Я в последние годы все дальше отхожу от римски-античных

дел и все больше погружаюсь в дела культурологические, которые напрямую связаны с моей должностью. В их число входят и проблемы identity, я посвятил им книжечку, которую постараюсь передать Вам с оказией. Положение с identity меня, естественно, продолжает интересовать, но становится оно все более запутанным и все менее понятным. К обретению (возвращению) национально-исторических корней стремятся все, от левых-левых антиглобалистов до правых-правых консерваторов. О Фонтейне Вы в свое время передавали материал по НТВ, в истории только что случившейся с Меллеманом понять более или менее ничего нельзя, в отличие от прошлогодних событий с Ле Пенном, где хотя бы кое-что ясно, хотя далеко не все. Когда увидимся, надеюсь, Вы мне все объясните.

Работа постепенно меняет свой характер, и центр тяжести ее всё больше смещается от студенческих семинаров и лекций к писанию статей и книжек. Обычно причины такого рода изменений (весьма распространенных) усматриваются в изменении психологии и интересов нынешних студентов. Это не лишено оснований, но главная причина носит несравненно более прозаический характер. Занятия становятся плодотворными и интересными, если перед вами сидит (как было в пору наших с Вами занятий) не более 4–6 человек, которые усваивают знания в процессе живого диалога. Но для этого надо во много раз увеличивать количество преподавателей, а это требует оплаты со всеми вытекающими последствиями. Проблема эта в известной мере международная, она обсуждается на разного рода Форумах, где и мне, грешному, приходилось и еще предстоит выступать.

О повседневных наших обстоятельствах многого не скажешь. Мы, в общем, тянем, хотя периодически возраст дает о себе знать. Интересного кругом много, приедете — расскажу. Мы славно поговорили с Наташей в пору пребывания ее в Москве.

Р. Б. и я кланяемся ей, а Вас приветствуем и ждем появления в Москве. Если наши летние планы состоятся, мы будем с 7-го до 22 июля

в пансионате, и довольно отдаленном, а со 2-го августа и до конца месяца в Переделкине (тел. — 593.23.02 — дозвониться трудно, но возможно). Привет Сокольникову.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 12.09.2003

Дорогой Дима. —

Спасибо за Ваше большое и интересное письмо. Ту часть его, где Вы пишете о микро-сообществах в современной Европе, я выпечатал и присоединил к записи Ваших замечаний, которые я от Вас слышал на Белом Озере. Получается неплохая contribution к лекциям на тему «Европа, Рим и мир». Складывается впечатление, что современная Европа и живет на колеблющейся грани между сохраняющейся традицией (микро-сообщества, переживаемые как форма идентификации, глубинка, мало задетая переселением народов, потребность в коммунитаристской солидарности, осязаемые элементы реальной демократии и устойчивой экономики, стабильность личных сбережений) и полным ее расшатыванием (превращением иммиграции в неконтролируемые миграции, превращением мусульманской диаспоры в Европе в пятую колонну, бескорневой молодежи, неприкажной отчасти из-за безработицы, отчасти из-за распространения этики и эстетики маргинальности, ножницами между ростом населения, живущего на пособия, и сокращением населения, способного своим трудом их обеспечивать). Насколько я мог уловить по Вашим репортажам, Вы острее чувствуете первую сторону этой коллизии. Это больше отражает реальное положение или Ваши симпатии и wishful thinking?

Пишите. Привет Наташе. Р. Б. кланяется

Г. Кнабе

Г. К. 18.11.2003

Дорогой Дима. —

Получил сегодня оба Ваших мэйла — от 6.11 с копией интервью А. И. Минеева, и от 8.11 с перепечаткой сообщения голландской газеты о введении турецкого и арабского языков в голландских школах (школе?). Очень, очень Вам благодарен — оба материала, действительно, крайне важны и интересны. Почему, правда, понадобилось десять дней на операцию, которая занимает тридцать минут, не до конца ясно.

По просьбе директора нашего института я написал краткую (на 5– 6) страниц свою научную биографию для передачи ее в интернет, и, по предложению «Вопросов литературы», объемистую статью о смысле столь распространившегося в современном мире обыкновения возрождать явления культуры прошлого с полным их переосмыслением в современном контексте (е. г. Ленинград — Петербург). Когда первая попадет в Интернет, я не знаю, вторая планируется в январский номер. Как только они появятся, дам Вам знать в ожидании критической реакции, естественно highly welcomed.

Олег время от времени появляется, телефонно или во плоти. Р. Б. приветствует. Наши самые сердечные приветы Наташе. Еще раз большое спасибо за газетные материалы.

Ваш as usual

Г. Кнабе

Г. Кнабе — Г. Чистяков

Г.К. 31.10.2002

Многоуважаемый Георгий Петрович. —
Наталия Павловна Белевцева сделала мне прекрасный подарок — Ваши «Римские заметки». В последние годы я редко видел книгу, в которой было бы столько мыслей и образов, мне близких и важных. Прежде всего, разлитое в книге ощущение культурного единства христианского мира поверх его конфессионального разделения. Во-вторых, постановка и переживание важнейшего для меня в последнее время вопроса о «законе и благодати». Речь не идет, разумеется, об Илларионе, а скорее об общечеловеческом равновесии между ответственностью перед целым и ответственностью перед своим «Я», между жесткостью *dura lex* и тем, что сейчас называют «толерантностью». Наиболее развернутый и волнующий прецедент — пелагианские споры и Августин. Спасибо Вам за эту прекрасную книгу.

Слышал, что Вы недомогаете. От души желаю Вам справиться.
С уважением

Г. Кнабе

Г. Кнабе — Г. Шауманн

Г. К. Москва 21.01.1962.

Дорогой товарищ Шауманн, — мне просто трудно найти слова, чтобы сказать, как я Вам благодарен за Виктора Манна. Благодаря Вам я вообще стал за последнее время обладателем целого ряда прекрасных книг, но эта — верх того, на что я мог надеяться. В оценке ее автора я с Вами согласен. Это действительно была эйне кранке идээ — писать собственную биографию там, где весь мир ждет биографии братьев. Но, тем не менее, за всем, что Виктор говорит о себе, всё время стоит семья, круг, среда, формировавшие в первую очередь Томаса и Генриха. Поэтому мы всё же получаем, пусть несколько извилистым путём, бесценные сведения о реальных жизненных истоках «Будденброков» и «Тонио Крёгер», «Йозефа» и, особенно, «Фаустуса». Первая же глава дает очень много материала, важного для понимания таких статей, вроде «Любек как форма духовной жизни», третья и четвертая — для «мюнхенских» глав «Фаустуса» и т. д. Вторую главу я сознательно пропускаю. Она связана с карикатурами и юмористическими заметками, которые оба старших брата делали в пору своего италийского путешествия 1895 — 1897 гг. В связи с ней возникает много мыслей о роли гротеска и сарказма в литературе и искусстве конца прошлого века (оба Манна, Шоу, Гарди, Г. Малер, Брамс и др.) и их значении для искусства последующего периода. Мысли эти у меня как-то еще не оформились и не созрели для письменного изложения. «Гласперленшпиль» Г. Гессе я пытался читать, т. к. к этому писателю и к этому роману, в частности, с интересом относился Т. Манн, упоминающий его в нескольких статьях. Но дело не пошло — он мне показался непонятным и нестерпимо скучным. Вообще, к сожалению, эта

неудача при попытке проникнуть в литературные вкусы Т. Манна, так сказать, изнутри, преследует меня всё время. Как Вы помните, Т. Манн высоко ценил А. Штифтера. Я попытался его читать — и ничего не вышло — скучно. Еще выше он ставил Т. Фонтане, которому посвятил две специальных статьи. Я взялся за Фонтане. «Эффи Брист» мне показалась просто литературой — добротной, хорошо сделанной, но не более того, а остальные романы — и литературой-то плохой. Вообще секрет успеха, который этот писатель сейчас переживает в ГДР, мне во многом непонятен. Поэтому я не очень удивился, когда не пошел у меня и Г. Гессе. Очевидно, надо еще подождать — повзрослеть и поумнеть.

Я никогда не знал, что Вы с интересом относитесь к Манну. Что Вас в нем привлекает? Какие его вещи Вы любите больше других? Почему?

Пластинку с голосами русских писателей я много раз видал в магазинах и один раз даже слышал в «Литературном музее». Думаю, что мне удастся Вам ее приобрести. Как только куплю — напишу.

К сожалению, ничего интересного сообщить Вам о новинках советской литературы на этот раз не могу. Всё это время шли экзамены, у меня было очень много работы, и до книг и журналов просто не доходили руки. Мне рассказывали, что в летних и осенних номерах журнала «Знамя» печатались мемуары Виктора Шкловского. Я сам их не читал и поэтому не берусь Вам их рекомендовать, но судя по положению, которое этот литератор занимал в нашей литературе в 20-ые годы, там может содержаться много материала, для Вас интересного. Посмотрите.

Ну, пожалуй, довольно на сегодня, вскоре надеюсь написать еще. Еще раз большое спасибо за книгу. Пишите.

Ваш Г. Кнабе

Г. К. 09.12.1999

Дорогой Герхард!

Наконец-то выбрался Вам написать, поблагодарить за книжки и телефонные звонки. Дело в крайней суматошности нашей жизни,

о чем немного ниже. На нас обоих произвела сильное впечатление Ваша книжка о Таутенбурге. В философской публицистике и в публикациях по теории и истории культуры сейчас много пишут о «самоидентификации», т. е. о переживании культурного или исторического явления исходя из своей к нему принадлежности — реальной или мыслимой, чаемой. Ваша книга — бесспорное свидетельство такой самоидентификации. Вы пишете о своем мирке, но пишете так, что Вашими личными вкусами дело не исчерпывается. Это книга не о привязанности Герхарда Шауманна к деревне Таутенбург, а о незыблемой сельской основе (подоснове?) немецкой истории, жизни и культуре, и о сохранении ее как ценности в культурном самосознании современного немецкого интеллигента. Поэтому Ваше рассуждение о том, что немецкая деревня как форма жизни в настоящее время исчезла и отличается от города только размерами, справедливо, очевидно, только на уровне бытовой эмпирии, но не на уровне культурного самосознания. При чтении складывается впечатление, что в сегодняшних условиях, когда в городах вообще и в больших городах в особенности всякая культурно-национальная самоидентификация исчезает, деревня как ячейка исторической жизни сознательно, бессознательно или подсознательно начинает восприниматься в качестве оплота и резерва такой духовной самоидентификации — независимо от реальных практических условий жизни в ней. Отсюда та тщательность, с которой документируются факты, та привлекательность, которую придают книге обильные и любовно подобранные иллюстрации. В то же время это самоидентификация именно духовная, без всякого налета политического консерватизма.

Мне кажется, я Вам как-то рассказывал, что приезжая на Запад по делам или с лекциями, я каждый раз обращался к лицам, ответственным за организацию программы пребывания, с одной и той же просьбой: дать мне возможность познакомиться с человеком консервативного мировоззрения, но консерватизм которого был бы формой не реакционного национализма, а формой национального самосознания

в традиционно гуманистическом смысле. Я повторял эту просьбу восемь раз, и ни разу ее не удалось удовлетворить. Даже в Англии. Вам это удалось. Прекрасная и очень важная книга, далеко выходящая за пределы своей локальной темы.

Что касается *Festschrift*, то два момента привлекли мое внимание. С одной стороны, в Вашем *curriculum* замечание о том, что членство в СЕПГ означало для Вас принадлежность не столько к определенной политической партии, сколько к марксистской традиции (авторы текста не решились добавить: «социал-демократической ориентации»). Это очень важно. Мы с Вами как-то говорили и о том, что Германия — единственная страна, где социализм — органическая составная часть национальной культурной традиции еще со времен Томаса Мюнцера и до Отто Нагеля или Вальтера Беньямина. Принадлежность к СЕПГ для многих означала скорее именно такую принадлежность, в силу чего и крушение ГДР было воспринято значительной частью интеллигенции как закат именно данной линии национального культурного развития. Во время моего последнего пребывания в Германии я опросил 22 человека, и только двое сказали, что растворение в ФРГ есть факт бесспорно положительный, пятеро не имели определенного мнения, и 15 оценили это событие отрицательно.

Мне показалось, что дело здесь не сводится к экономике, пенсиям и *einz zu einz*, а скорее к сказанному выше. Это так?

Еще в этой книге для меня была важна статья Петера Тиргена о *Даме с собачкой* Чехова. Кто это такой? Статья представляет собой такое полное воплощение постмодернистской парадигмы в литературоведении, что хотелось бы знать, насколько она типична.

Вы сказали по телефону, что у Вас, в общем, все благополучно. Слава Богу. Прочли ли Вы за последнее время или посмотрели что-нибудь значительное? У нас два сильных впечатления — Италия и Международная конференция по Окуджаве (под председательством Вашего знакомого Лео Кошута), равно как некоторые театральные импресси.

Но обо всем этом как-нибудь в следующий раз. Самый сердечный привет Вам обоим. Рита присоединяется

Ваш wie immer Г. Кнабе С Новым 2000-м Годом!

С Рождеством!

Всех благ!

Г. К. 24.04.2000

Дорогой Герхард!

Пародируя старинные риторические «Предупреждения», сообщая, что нижеследующее мое Вам послание строится по четырем рубрикам: дела; идеи; ответы; вопросы.

Дела связаны с благодарностью за присланные лекарства. Они до меня дошли вовремя и очень мне помогают. Sortis — это сейчас не только самое модное, но и одно из самых эффективных сердечных средств. Не говоря уже о том, что продающийся здесь его аналог, мевакор, стоит фантастических денег... Именно поэтому — *parlons court, mais parlons bien*: мне говорили, что былая ГДРовская практика бесплатных лекарств больше не существует; следовательно, Вы заплатили деньги, и немалые, и мне совершенно необходимо, чтобы Вы разрешили мне Вам их вернуть. В противном случае я не смогу к Вам больше обращаться, а мне это слишком важно. Пожалуйста, напишите, сколько лекарства стоили, и я найду способ Вам эти деньги переслать. *Abgemacht?*

Теперь идеи. Ваше письмо (от 13 января) замечательно интересно не только тем, что в нем сказано, но и тем, что, оставшись за текстом, в нем намечено. Намечена же проблема, едва ли не самая важная для современной культуры, для ее самосознания, — проблема создаваемых традиций.

Начнем с примеров. В библиотеке имени Ленина я провел больше лет, чем было бы приятно называть, и не без оснований был твердо

уверен, что в ее окрестностях знаю всё. Не так давно выхожу я оттуда, ко мне подходит молодая дама провинциального облика и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, где здесь Староваганьковский переулочек?». Со снисходительностью московского старожила я ей отвечаю, что Ваганьково находится далеко, в другой части города, здесь же, соответственно, такого переулочка нет и быть не может. Расстаемся. Я прохожу несколько шагов и с оторопью вижу на углу переулочка, который последние полвека назывался улицей Маркса и Энгельса, а предыдущие полтора века — Антипьевским, свеженькую надпись: Староваганьковский переулочек. Так он, наверное, мог называться — если вообще мог когда-либо — не позднее XVIII века. Сейчас в Москве не слишком много, но и не так уж мало подобных вещей: появляются старинные символы, названия, обычаи, которые были так прочно забыты, что непонятно, воссоздаются они или их никогда и не было, и они просто придумываются. Из той же оперы. Среди людей среднего достатка популярен начавший сравнительно недавно продаваться во всех магазинах торт «Причуда». На коробке — фабричное клеймо: «Фабрика «Большевик». Основана в 1855 году».

Россией дело не ограничивается. Недавно мы с Ритой переводили статью одного канадского антрополога. Он исследовал городок Труа Пистоль, расположенный на небольшом острове в устье реки Св. Лаврентия. Лет 20–30 назад жителям его неожиданно и страстно захотелось доказать всему миру и самим себе, что они не такие как все канадцы, что они особенные, ибо они... баски. Стали искать доказательства. Удалось установить, что в 16-м веке китобой-баски, завершив промысел кита в западной Атлантике, высаживались на этом острове, и от них осталось несколько печей для вытапливания китового жира. Это всё. Ни малейшего следа их поселений, никаких браков с местными женщинами, соответственно — никакого баскского потомства. Но дело было сделано. Как выражался М. С. Горбачев, «процесс пошел». Осталось «воссоздать» традицию, — которой никогда не было. В городе стали появляться вывески: «Баскская мастерская по ремонту велоси-

педов», «Кафе басков. Национальные блюда». Старые местные семьи начали искать в своих фамилиях баскские созвучия и заказывать в архивах баскские генеалогии. Спрос рождает предложение. Местное телевидение объявило программу: «Баски в истории и в жизни нашего города». Кончилось дело тем, что муниципалитет выделил большие деньги на создание Парка Басков. Открытие состоялось, если не ошибаюсь, в 1986 году. На него съехались представители баскской диаспоры all over the world, присутствовали дипломаты Канады, Испании и США, представители Квебека и Басконии, оркестр баскских народных инструментов из Испании исполнял фольклорные мелодии и т. д. Отныне никто не имел права сомневаться в исторической традиции, связавшей жителей Труа Пистоль — как все до сих пор думали: обыкновенных франкоязычных канадцев — с их предками басками. По-баски в городе не умеет говорить никто.

Недавно вернулся из командировки во французскую Бретань один московский историк. Он был в Бресте, Нанте, Лилле. Везде то же самое, что в Труа Пистоль: «Мы — бретонцы, мы — кельты, зачем нам французы». Торжественный прием делегаций из Уэльса, передачи по радио на бретонском языке (которого никто, кроме ученых филологов не понимает), в школах введено преподавание бретонского языка как иностранного.

О положении в Каталонии можно не напоминать. В Англии половина пабов обзавелись вывеской Ploughman's Breakfast («пахарей» в Англии, как известно, нет с 16-го века).

Можно ли включить в этот ряд то, что Вы пишете о heimatischen Regionen в Германии? Наверное, нет, поскольку в Германии преемственность не была так радикально прервана, как во Франции (не говоря уже о Канаде, где все вообще выдумано). И, наверное, да, поскольку импульс к такого рода генеалогиям носит уж очень универсальный

характер и должен объясняться, следовательно, причинами общими и глубокими. Правильно ли на Ваш взгляд объяснять эту глобальную тенденцию всё той же тоской по идентификации, по тому, чтобы ощутить себя «своим среди своих», как-то компенсировать атмосферу того мира, где — как звучит название знаменитого немецкого фильма — «Каждый за себя, а Бог против всех»? Я, кажется, Вам напоминал о том произведшем на меня сильное впечатление случае, когда мы с Вами шли по улице в Аренштадте, мне понадобилось купить перчатки, и Вы обратились к первому попавшемуся прохожему с просьбой указать нужный магазин. Надо было видеть, с какой широкой улыбкой, благожелательностью и добросовестностью отвечал он на Ваш вопрос! Свой среди своих. Несколькими годами позже я ехал по Гарцу в машине моего доброго знакомого, практикующего там же врача и уроженца тамошних мест. Мы сбились с дороги, и он несколько раз обращался к прохожим с просьбой указать путь. Ответы были подробные и добросовестные, но не более. В одной из деревень он перешел на диалект, и в корне изменилось даже не содержание ответов, а весь тон, ставший таким же, как у прохожего в Аренштадте. Свой среди своих.

Считать это простым и нормальным сохранением местных традиций, наверное, не приходится. Практика индустриального общества и рыночной экономики на протяжении последних века или полутора нивелировала былые различия достаточно радикально. В связи с проблемой *imagined traditions* сейчас всё оживленнее дискутируется проблема забвения, выпадения из культурной памяти — того, что Гегель называл *Furie des Verschwindens*. Самосознание культуры, насколько я могу судить, спокойно принимало такое *Verschwinden* и не испытывало по его поводу особой скорби. Разум истории и логика прогресса (а для Германии еще и логика объединения государства) были сильнее. Там, где они оборачивались своей изнанкой, протест был человеческим, культурным, эстетическим, но не локально-патриархальным.

Что отсюда следует (я всё еще пытаюсь проверить свое мнение Вашим)? Расставшись с бюргерским миром и его культурой (Томас

Манн говорил, что он не знает другой культуры, кроме бюргерской), которые получили название «модерна», человек оказался в мире «постмодерна». Он привык любить архитектуру стиля, ему близкого (т. е. с историческим миром которого он хочет и может идентифицироваться), но приехав, например, в Берлин, видит, что современна и распространена архитектура демонстративно лишенная устойчивого стиля, т. е. которую он в принципе не может ощутить своей (филармония, вся Rauchstraße, вся улица, которая ведет с востока к станции метро Zoo). Он любил живопись, которая была для него своя, и не любил ту, что была для него чужая. Но придя в модный музей (как я пришел недавно в Музей современного искусства в Хельсинки), он оказывается в мире инсталляций, которые в принципе не могут быть ни «своими», ни «чужими». Он включает телевизор, потому что узнал, что будут передавать «Фауста», а может быть и Битлз, т. е. нечто, что он знает с детства и что для него отратно, свое. Но в решающий момент это «свое» перебивается рекламой Waschmittel. Реклама не имеет коммерческого смысла — не указывается ни цена, ни адреса магазинов; зато в ней прорастает смысл метафизический: вам как бы говорят: плюньте вы на всякую идентификацию, на всю эту старомодную сентиментальность во вкусе модерна, деления на «свое» и «чужое» в современном мире нет, Фауст и Waschmittel стоят друг друга. Такие примеры можно продолжать до бесконечности: феминистки сотнями своих изданий говорят, что нет разницы между мужским и женским, и мир им верит все больше и больше; Ольстер и Косово, Чечня и Ливан говорят, что нет разницы между населением и армией, и мир склонен в это поверить; всевластные мафии практически доказывают, что разница между правовым миром как своим и миром преступления как опасным и чужим неуловима.

Человек чувствует, что вернуться в мир ясной противоположности своего и чужого он не может. Летом 1993 года я был в Тюбингене, и организаторы конференции поселили нас с Ритой в университетский пансион. Он стоял на высоком месте, и с него открывался широкий вид на

окрестные холмы, испещренные коттеджами. «Кто там живет? — спросил я у сестры-хозяйки. «Прежде, — ответила она, — жили университетские профессора, а сейчас все, кто угодно. — *Alle sind überall*».

Но жить в мире, где *alle sind überall*, всё равноправно и все друг друга стоят, жить без своего, которое отлично от чужого, человек, по видимому, тоже не может. Жажда идентификации заложена в природе *homo sapiens*, начиная с орды и племени, с античного полиса. Вот он и ищет *imagined communities*, которые одновременно и воспоминание, и выдумка, и переживание культурной традиции, и компенсация ее исчезновения. Что Вы обо всем этом думаете? Можно ли мне в случае необходимости воспроизвести для печати первый абзац Вашего письма, посвященный регионализму в современной Германии?

Теперь кратко об ответах на некоторые Ваши суждения. Не кажется ли Вам, что традиция немецкой социал-демократической левой в ее сегодняшнем состоянии прямо связана с очерченной выше ситуацией постмодерна? Связана, во-первых, потому, что, насколько я отсюда могу судить, она тоже включена в процесс стирания всех противоположностей. Если в «обществе двух третей» или даже «трех четвертей» исчезли исходные ее постулаты — классовая борьба, защита интересов трудящихся от наступления капитала, более справедливое распределение общественного богатства и т. д., если она включена в политическую борьбу за власть наравне со всеми другими партиями, короче — если она перестала быть мировоззрением, то что противопоставляет ее другим общественным силам? Какому типу человека она дает отраду самоидентификации? И она же связана с постмодерном, во-вторых, потому, что ее идеал, в той мере, в какой он сохранился, прямо работал и продолжает работать сегодня на создание мира, где *alle sind überall*. Когда-то это означало прогресс демократии, сегодня это означает мир без «моего мира», без меня как личности, свой мир избирающей, с ним идентифицирующей и в этом выборе себя реализующей, т. е. без «я».

Что касается вопросов, то наша переписка (по моей вине) стала настолько теоретичной, что в ней не остается места для самых простых вопросов, нас с Ритой очень интересующих. Как Вы проводите дни? Что удалось и что не удалось с перестройкой Вашего дома? Продолжает ли Таутенбург собственным примером доказывать, что *alle sind überall*, продолжает ли это вызывать Ваше раздражение и как оно согласуется с заповедями демократии? Что происходит с Хайнером? Давно ли Вы были в Берлине, и как он меняется, становясь столицей? Как чувствуете себя Вы, как Карин? Поддерживаете ли Вы связи с Йенским университетом, в каких формах? Прочли ли Вы мою книжицу и что Вы о ней думаете? О Тиргене в связи с постмодернистской наукой — в следующий раз.

Карин поклон, Оскару привет. Не забудьте, пожалуйста, сообщить насчет денег. Рита самым сердечным образом приветствует Вас обоих. Извините за неприличные размеры письма.

Ваш Г. Кнабе

Г. Ш. 07.10.2000

Дорогой Георгий Степанович,
сейчас я выделил время, чтобы ответить на Ваше большое письмо, в котором Вы подняли много интересных вопросов.

Это письмо, действительно, от 24.04 этого года?

Ладно, мы после этого говорили по телефону, в августе я поздравил Вас с 80-ти летием, — но до Ваших вопросов тогда дело не дошло. Когда я читаю это письмо, мне становится понятно, что их можно прояснить в беседе, в диалоге. Но это, к сожалению, невозможно. Я попытаюсь ответить на Ваши вопросы.

Начнем с проблемы, как Вы пишете, «глобальной тенденции постоянной «тоски по идентификации»», которая выступает как частная

составляющая: «свой среди своих» (прекрасная и в своем лаконизме непереводаемая формула). Примеры, что Вы приводите, Баскское в Канаде, Ploughman's Breakfast в Англии — являются бросающейся в глаза искусственностью. Вы ставите вопрос, что скрывается под этим. Это наивная и беспомощная реакция на то, что Вы, вместе с Гегелем, называли «фурией исчезновения», утрату традиционных представлений и ценностей. Это лишь частично. Обращение к забытому и прошедшему является в мире конкуренцией, в которой надо выиграть, это только рекламный ход. Использованные понятия, ключевые слова теряют свою привлекательность. Нужны новые. И тут пригождаются возвращенные из истории «архаичные» картинки и слова. В них есть что-то таинственное, они производят впечатление солидности, имеют в какой-то мере исторический вес и выглядят в то же время как «новые» в контексте массовости и нивелирования современности, в которой региональные и национальные компоненты перекрываются все больше международными и глобальными тенденциями.

Вероятно, небольшая часть людей чувствует эти потери и жалеет о них, с детства привычных и близких. Возникает чувство «дискомфорта культуры», о котором говорил в свое время Фрейд. Одни мирятся с этим, другие объединяются в кружках, клубах по интересам, сугубо немецкий феномен, в которых практикуются и поддерживаются любившиеся формы художественной самодеятельности, пения, танцев, игр, туристских походов, короче говоря, вообще совместность. В некоторых городах Северной Германии есть языковые курсы в народных университетах, в которых заново учат нижненемецкие диалекты, бытующие в Фрисланде, Шлезвиг-Гольштейне и Мекленбурге (впрочем, только в деревнях). Здесь оживляют еще имеющиеся в определенной степени, если даже и исчезающие, элементы народной культуры. Потому что корни еще сохранились, но не так, как в приведенных Вами примерах в Англии и Канаде.

Это почти трогательно, но я бы дал этим попыткам в перспективе немного шансов. Вот повара имеют совершенно неослабевающее влия-

ние в маленьких пансионах и крупных ресторанах, если они применяют дедовские рецепты и предлагают баварские или рейнские фирменные блюда. Это, разумеется, тоже формы сохранения национальной и региональной идентичности, в перспективе успешные, так как человек меняет пищевые привычки в последнюю очередь, только тогда, если он по причине недостатка компонентов привычных блюд, не может их поддерживать. (Вы припоминаете, возможно, один разговор, в котором я не разделял похвалу Макдональдсу и защищал национальную культуру питания). Совсем необязательно применять по отношению к Макдональдсу термин «культурный империализм», но нельзя не заметить, что этот концерн представляет собой один из величайших «Gleichmacher» нивелировщиков, наряду с функционирующими по всему миру Законодателями мод. С последними дело обстоит, конечно, несколько иначе, и они должны рассматриваться дифференцированно (так как в глобализации есть демократические элементы в позитивном смысле). Впрочем, возможно также в этом английском завтраке Ploughman's Breakfast несмотря на смехотворность претензии, содержится момент протеста против предложения всемирной мешанины?

Я прочел, что я сейчас написал, и должен внести исправления, или, скорее, дополнения. Проблему идентификации я рассматривал исключительно как продолжение традиции. В то же время на наших глазах формируется новый образец идентификации. Чтобы продолжить о Макдональдсе, Карин рассказывает мне, что во время школьных экскурсий каждая прогулка обязательно включает как минимум одно-разовое посещение Макдональдса. Здесь, значит, они свои среди своих. Таким образом, у Вас есть воображаемое комьюнити нашего времени, так же как, вероятно, это можно отнести к миллионам американцев. Вопрос только в том, как прочны такие новые формы идентификации, как глубоко они воздействуют. Определенно, они не выглядят столь долговечными, как многовековые формы сосуществования, как они в Германии или в другом месте сформировались внутри семьи. Они ле-

жат на поверхности. Почему, собственно, они не должны укрепляться? Относится ли это ко многим другим формам, как частного, так и общественного существования? Например, отказ от собственного мнения или сравнительно быстрые изменение его, потому что глобальные средства коммуникации задают «общественное мнение», которого, считается, нельзя избежать.

Хорошо, потребность идентификации принадлежит Homo sapiens. Понятно. Против работает только принцип размывания границы между своим и чужим, что Вы наглядно иллюстрируете примером из телевидения. Однако, как и прежде, этому не будут поддаваться те, кто различает свое и чужое. В этом смысле, я думаю, Вы можете процитировать меня, «первый абзац» моего последнего письма, хотя я его не помню наизусть. В настоящий момент это становится также темой дискуссий о Германии как стране иммиграции. Что важно, существенно, и необходимо сохранить? Должна ли Германия остаться страной немецкой культуры или она превратится в долговременной перспективе в мультикультурную страну?

Сейчас как раз остро критикуют одного ХДС(CDU)-политика (не слева), который требует: эмигранты должны равняться на немецкую культуру (deutsche Leitkultur).

Я добавлю, что годы тому назад я эту проблему по-другому видел. Тогда я думал: пусть эмигранты живут, как хотят. Часть из них ассимилируется, другая часть нет. Сегодня я добавляю к этому, это зависит от того, что за люди прибывают. Если это преимущественно турки и африканцы, то большая часть из них не ассимилируется. С этим можно жить, но, как мы сейчас видим, часть населения не согласна с этим, не только неонаци. Дружественное нормальное сосуществование выглядит трудно представимым. Но если исходить из того, что такие демографические перемены происходят в Европе по различным причинам

все настойчивее, так что возникает растущее давление, станет необходимым искать пути решения проблемы. Нельзя запретить людям идти, куда они хотят, где они надеются лучше жить, если понимать демократию как завоевание, открытое всем людям. Демократия также содержит в себе нечто, основанное на уравниловке, разумеется, другого характера, чем в диктатуре.

Интересный пример из истории — старая Австро-Венгрия перед Первой мировой войной. Тогда в Австрию переехали сотни тысяч чехов, словаков, словенцев, хорватов, сербов, поляков, евреев, украинцев, и массово в Вену. Их имена до сих пор сохранились в венских телефонных справочниках. Это привело к конфликтам, трениям, подчинениям и т. д. В конечном итоге осуществился, без насилия, принцип ассимиляции. Это было вопросом нескольких поколений. Но сегодня все они австрийцы, люди одной культуры. Возможно, это звучит оптимистически. Это всегда было **утратой** — существующей идентичности и **приобретением** — формированием новой идентичности, естественно, долгосрочным.

Вы знаете это точно так же, как я: эта тема имеет много граней, это, по Фонтане, «широкое поле». Поэтому я завершаю разговор, не найдя наилучшего решения.

Чего я заставил Вас долго ждать — это моего мнения о Вашей книге «Русская античность». Причина проста, я здесь не чувствую себя достаточно компетентным, так как мои знания здесь недостаточны. Я ее читал как любознательный дилетант, это относится в первую очередь к главе I и началу главы II. Здесь я узнал много нового. 19-й и 20-й века хорошо знакомы мне, здесь я мог совместить Ваши рассуждения со своими представлениями и обогатить их. С особым интересом я прочел эпилог. В целом оценка (по моему скромному мнению): великолепное всеобъемлющее изложение, убедительная концепция, всегда связан-

ная в деталях с конкретными историческими фактами и с обозримыми теоретическими обобщениями. Я предполагаю, впрочем, я в этом уверен, что Вы Вашей книгой дали не существовавший до сих пор в такой форме обзор того, что исследуется в монографиях. И это критически освоено и классифицировано Вами в культурно-историческом развитии. Впрочем, Вас определенно обрадует, что мой бамбергский коллега и добрый знакомый проф. Тирген высказался о Вашей книге с большим интересом.

Эпилог показался мне интересным еще и потому, что Вы, в аспекте разрыва с античностью, обращаетесь к политическим причинам, новым обстоятельствам интересов в конце 19-го — начале 20 вв. Отчетливо метки Ваши высказывания о формировании интеллигенции как слоя в России. Здесь (как, собственно, в принципе и всегда) я чувствую Ваш западнический энтузиазм. Я полностью поддерживаю Вашу оценку Югендстиля (стиль «модерн») как формы дионисийской реакции на аполлонический классицизм, это очевидно. Но так, как Вы это показали, я прочел впервые. Но Вы определенно не видите в этом никакого прямого влияния Ницше-заимствования, Ницше-чтения, но скорее проявление духа времени. Или Вы видите это по-другому, непосредственнее? (В Германии этот текст Ницше: *Рождение трагедии из духа музыки* о Вагнере сыграл такую роль.) Позже сильное влияние оказал философский роман *Так говорил Заратустра*, прежде всего на экспрессионистов, художников, как и поэтов. Об этом есть много свидетельств деятелей искусства.

Между прочим, я встретил летом в Веймаре Фрица Мирау, где он сделал блестящий доклад о Есенине. Недавно он прислал мне почти 40 страниц манускрипта, где он рассказывает о годах, проведенных им в центральном институте литературоведения Академии Наук ГДР. Суверен! Эти страницы должны позже войти в его книгу: *Мое русское*

столетие. Это должна быть очень интересная книга. Я говорил Вам уже, что он последние годы переводил также Флоренского?

Г. К. Москва 29 декабря 2001

Дорогой Герхард, —

спасибо за *italienische Rechenschaft* и за письмо. Сначала — о *Rechenschaft* (только прежде объясните, Христа ради, почему, если слово *Rechenschaft* — женского рода, Томас Манн озаглавливает свой рассказ о поездке в Париж *Pariser Rechenschaft*; неужели я тоже должен писать *italienischer Rechenschaft*?)

Ваш итальянский опыт отличается от моего: я был, в основном, на юге, Вы описываете север — Падую, Виченцу и пр. Мое впечатление состоит в том, что Италия — это как бы две страны: север — это по условиям и уровню жизни, по общей тональности почти Австрия или Швейцария, юг — почти Албания или Чечня. Неслучайно московские итальянцы, провожая меня в поездку, настойчиво рекомендовали, сойдя с самолета, прежде всего купить ладанку (т. е. мешочек из плотной ткани, который вешается на шнурке на шею под рубашку и тем становится недоступен ворами). Мой коллега, живущий в Риме и работающий в Неаполе, дважды должен был срочно менять замок в двери своей квартиры, чтобы воры, вытащившие у него ключи, пока он ехал в поезде с работы домой, не успели ограбить его квартиру до его возвращения. Проведя несколько дней в Неаполе, я сумел не поддаться ворами и *find my way* среди бесконечной грязи на улице и свалок, но так и не сумел избежать жульничества уличных торговцев. Думаю, что ничего подобного Вы на севере не испытывали. Поэтому у меня не получилось то, что, кажется, удалось Вам: охватить в общем впечатлении памятники и древность с одной стороны и живую сегодняшнюю жизнь с другой. У меня это не получилось. Я видел очень важные *Überreste* истории Европы, никак не сливающиеся между собой в единую историко-культурную панораму — то торчащие там и сям колокольни 14–15 веков, то

бюргерские палаццо конца 19-го, то полураскопанные римские древности. Профессионально они дали мне очень много — особенно Остия, были Вы там? — но по-человечески почти ничего. За пределами России (что бы там ни происходило) я чувствую себя «у себя» только в Германии (что бы там ни происходило).

Чтобы покончить с итальянской темой, один практический вопрос. Мне было бы очень важно побывать в Виченце и увидеть воочию палладианское Fortleben древнеримской традиции во всех ее превращениях. Это трудно и дорого, поскольку, если я добьюсь еще одной командировки в Италию, она будет сосредоточена в Остии и в Помпеях, откуда до Виченцы добраться нелегко. Между тем, мне говорят, что не стоит и добиваться, так как все основные и самые важные (villa Capra в первую очередь) здания, кроме двух-трех, построенных Палладио, расположены в более или менее отдаленных окрестностях Виченцы, и чтобы осмотреть их нужен автомобиль — и не на один, а на несколько дней, что, разумеется, в моем случае исключено. Есть ли у Вас впечатления, с этим связанные? Какие виллы Палладио Вам удалось повидать? Насколько сильны впечатления? Можете ли Вы что-нибудь мне посоветовать?

Теперь о Вашем письме от 29 ноября. Отложим туристические впечатления и практические вопросы до заключительной части разговора и сосредоточимся на Ваших *Mißmut und ärger*. Ключевой и всеохватной дисциплиной, дававшей теоретически целостный взгляд на человека и общество, некогда было богословие, потом философия, сегодня такую роль играет семиотика (разумеется, не семиотика текста, которую до сих пор так любят в Германии, а семиотика культуры). Никогда еще в пределах европейской традиции не было такого разрыва между знаковой поверхностью реальности (*le signe*) и «означаемым» (*le signifié*), т. е. умонастроением людей с их душевными и духовными потребностями, из которых этот знак возникает, которым он частично соответствует и которым он в то же время все более противоречит. Общественно-политические и правовые формы становятся все более

отчуждены (entfremdet), все больше превращаются в лучшем случае в театр, о котором Вы пишете, в худшем — в источник личного обогащения тех, кто этими формами ведает. Que l' univers humain soit un univers des signes доказывала Юлия Кристева еще в 70-е годы; но только с тех пор стало все яснее обнаруживаться, что эти signes не опираются ни на какие signifiés. Вера в справедливость социального мироустройства (означаемое) превращается в реальность путем выборов (знак), но выборы регулируются с помощью все более хитроумных специалистов по public relations, т. е. знак, внешний и отчужденный, сохраняется, но лежащее в его основе означаемое исчезает. Точно так же обстоит дело со здравоохранением: семиотическая полнота знака («я заболел и верю, надеюсь, что меня вылечат») опирается на традицию, на рекламу лекарств, на белые халаты врачей, но знак становится все более пустым по мере замены главного — нравственного кодекса врача — его стремлением к прибыли и т. д. То же происходит с правовой сферой, с образованием и т. д.

И здесь начинается самое главное: «...всё яснее обнаруживается...», «...означаемое исчезает...», «знак становится все более пустым...» Но не «обнаружилось», не «исчезло», не «стал пустым». Все происходящее остается в сфере, которую английские грамматисты называют Present Continuous, но не становится тем, что немецкие грамматисты называют vollendete Gegenwart. Поэтому в Вашем письме так ясно выразилась самая суть дела: Ваши такие понятные и такие реальные Mißmut und Ärger с одной стороны, и Ваше же признание, что den Deutschen geht es gut, столь же понятное и столь же реальное, с другой. Пока существуют эти «с одной стороны» и «с другой стороны», существует главное: производимые обществом товары остаются реальными знаками означаемых — уважения к труду, его квалификации и его нравственного импульса, существует великая бюргерская заповедь: связь между трудом и благополучием. До тех пор, пока разрушение связи между знаком и означаемым не стало из Present Continuous — vollendete Gegenwart, длится Европа и ее традиция. Поэтому так важно не забывать о тех

местах, где она уже исчезла, и еще важнее не забывать о нарастающей мобилизации сил ненависти и злобы, работающих над тем, чтобы разрушение семиотического соответствия между упованием европейских людей и знаковым смыслом европейской цивилизации было уничтожено окончательно, исчезло. Вам не нравится, что выборы в бундестаг превращаются в оперетту? Вам говорят: «Это так просто. Давайте уничтожим для начала Торговый Центр в Нью-Йорке, а потом и бундестаг; тогда уже никто никого не будет морочить. Вы — христиане, и вам не нравится, что люди в пуштунских племенах голодают? Так накормите их, дайте им современное образование, и тогда они смогут реализовать свою мечту, ежедневно высказываемую сотнями тысяч глоток: уничтожить подлый, лицемерный западный мир. Начнем с бундестага, а там доберемся и до Таутенбурга». И если время от времени *Mißmut und Ärger* становятся слишком острыми, попытайтесь вспомнить, что христианское чувство должно распространяться не только на пуштунов, а и на обычных немцев, которые, несмотря ни на что, еще верят в знаки своей цивилизации, в их смысл, и что это хорошо, если *den Deutschen geht es gut*. Тем более если они еще могут читать знаковые коды итальянских соборов и замков Швабской Юры, пока...

О впечатлениях от Констанца — лучше в следующий раз. Жалко, что не удалось повидаться. Если может что-то выйти из Ваших попыток в Бамберге, я мог бы получить туда официальную командировку, если это чему-то поможет. Хорошо бы поговорить о присланной мне Вами статье Тиргена, посмотреть Бамбергский собор, найти и какие-нибудь следы пребывания здесь Гегеля (if any) и поговорить с Вами о соображениях выше изложенных. Людей, с которыми можно обо всем этом говорить, становится все меньше.

Будьте здоровы. Поздравляю Вас, Карин и детей, если они нас еще помнят, с Новым годом. Действительно, очень бы хотелось, чтобы Вы оба, еще, по крайней мере, год были благополучны, здоровы и так же интересно путешествовали по европейским вестигиям, пока они еще стоят, а там продолжим еще на долгие годы. Рита присоединяет-

ся. Может, все-таки преодолеее рутину и появились бы? Официальное приглашение мы бы Вам выслали.

Ваш Кнабе

Я доел, наконец, Ваш Sortis, который продержал меня в хорошем состоянии более полугода. Если, паче чаяния, представится возможность раздобыть еще бесплатно пару — другую упаковок, не упустите. Адреса Фрумкис в Берлине и Межеричского в Кёльне еще валентны.

Еще раз Кнабе

Г. К. 16.05.2002

Дорогой Герхард. —

Поскольку я не уверен, распознает ли Ваш компьютер кириллицу, я вынужден писать по-немецки.

Последнее письмо, что я получил, было от 29 ноября 2001. Мой ответ помечен 29 декабря. После этого я не получил от Вас ни одного слова. Если это случайность, пусть так и остается. Но, поскольку у меня нет никакого объяснения столь долгому молчанию, меня это беспокоит все более. Я надеюсь, что с Вами не произошло ничего плохого, но для того, чтобы просто писать Вам дальше, я должен быть в этом уверен.

Кланяйтесь Карин. Рита тоже приветствует Вас.

Ваш, wie immer

Г. Кнабе

Герхард Шауманн Таутенбург, 17 мая 2002

Дорогой Георгий Степанович,

я уже хотел несколько раз ответить на Ваше большое письмо от 29 декабря 2001 года. Я это отодвигал только потому, что хотел сообщить как минимум хорошую новость о сортисе...

...Вы начинаете Ваше письмо с вопроса, почему называется «Pariser Rechenschaft», но «italienische Rechenschaft»? Обозначение местности, использованное в форме прилагательного, которое кончается на «-er» (Thüringer, Pariser, Schweizer, Weimarer) применяются как в мужском, так и в женском роде. Напротив, «italienischer Wein» соответственно «italienische Küche».

Вернемся к делу. Определенно отличаются северная и южная Италия. Социальные отличия севера и юга существуют. Преступность в Неаполе безусловно выше, чем в Падуе, но выше ли она, чем в Риме, еще вопрос. Негативный опыт Ваших русских коллег это одно, но остается вопрос, насколько далеко можно проводить обобщение вообще для южной Италии. Мы с Карин были два раза в Чиленто (южнее Неаполя, *провинция Салерно — прим. Н. Н.*) и привезли оттуда самые лучшие впечатления о людях. Я знаю, что сами итальянцы отрицательно отзываются о юге Италии, но придерживаюсь мнения, что здесь (так же как и в России и в Германии) бытуют региональные клише. Я всегда сопротивляюсь им там, где их встречаю.

Виченца и Палладио. Если не углубляться в архитектурные исследования, в Виченце и вокруг нее можно получить исчерпывающие представления о нем. Очень сильное впечатление: Teatro Olimpico (он построен хотя и после его смерти, но по его проекту). Его Ротонда находится за городом, в непосредственной близости. Для других построек, да, Вы правы, нужна машина и/или время (Гете не потратил его). В целом стоит в любом случае побывать в Виченце. Для Вас, разумеется, проблематично по времени (и по деньгам) остановиться в Виченце и одновременно побывать в Остии и Помпеях, не считая проблем возвращения, скорее всего через Рим.

Ваши остроумные замечания, которые мои «недовольство и раздражение» миром политики переводят в семиотику культуры, я прочел

с интересом, и они меня убеждают, если их рассматривать с точки зрения моего жизненного опыта. Мой уважаемый коллега Тирген, поистине человек равенства и толерантности, заметил в последнем письме: «у меня, впрочем, как у „homo politicus“ хуже настроение (фальсификация итогов как система федерального трудового управления, кельнский финансовый скандал клики Мюнтеферинга, дезинформатор Шарпинг! Евро как бесстыдное средство удорожания и этс...)». Я, стало быть, не единственный и не случай-Осси.

Я едва ли могу соглашаться с Вашими заключениями. Схема «добро — зло» не убеждает, поскольку столь многослойный и дифференцированный мир несправедлив. Неслучайно столь более или менее сомнительные демократы Буш и Путин так быстро нашли общий язык!

О, я только сел за компьютер, чтобы закончить письмо, и обнаружил еще одно письмо от Вас. Я сразу же Вам ответил и надеюсь, что Вы уже получили письмо. Я редко пишу таким образом, так как у меня нет партнера, поэтому я плохо тренирован. Но, может быть, на этот раз получилось.

Я должен Вам непременно написать, что два месяца назад появилась книга Фрица Мирау «Мое русское столетие». Я прочел ее с особенным интересом. Год назад он мне присылал уже одну главу, мне было очень интересно. Мирау, как я и раньше видел, выдающийся человек, собственно несравненная фигура, не только в том, что касается его роли в славистике ГДР. Как он сохранил свою духовную независимость, бескомпромиссность мышления — в этой книге еще раз пережито. И в литературном плане он своеобразен, с узнаваемым почерком. В книге есть также гофмански-булгаковские пассажи, величественная ирония, где проблескивают гениальные черты его личности. Он всегда был для меня крупным человеком, и для меня много значило иногда беседовать с ним. Я надеюсь, что у нас получится встретиться в июне

в Берлине, я, собственно, еще в мае намеревался с ним встретиться. Он посвятил Вам один симпатичный пассаж, копию которого я прикладываю к письму.

С Оскаром Тёрне я тоже хочу встретиться. Он принадлежит к знакомым, с которыми очень важно обмениваться мнениями о мире и о жизни, ибо во многих вещах наши мнения принципиально совпадают. Мы с ним, конечно, посетим некоторые выставки; в Берлине многое изменилось, что касается архитектурного оформления центра. Это не значит, однако, что для меня все, что построено, выглядит убедительным. Но это постоянно спорная тема.

Мой знакомый историк искусства, готовящий к лету выставку одного западноевропейского коллекционера, который показывает русский постмодернизм (если так можно выразиться), попросил меня о консультации, как глубоко проникает соответствующий феномен в литературу (типа московского концептуализма, соцарта). Я поинтересовался и наткнулся на такие имена, как В. Сорокин, В. Дюдченко, Сигей, В. Попов, С. Соколов, А. Великанов, В. Сахаров и т. д. Некоторые тексты я мог прочесть, но еще не начинал. Мне показалось, что часто это странно, замкнуто, искусство от и для инсайдеров, узко специально, шамански — перспектив большого искусства я здесь не увидел. Я был бы Вам благодарен за небольшое заключение об этом направлении. Что Вы думаете об этом? Кому они адресованы? Что, собственно, нового, а не только подражание какому-то явлению, формирующемуся внутри «авангардизма» или, в конце концов, субъективное бесцельное произвольное бормотание? Возможно, я слишком консервативен как ценитель искусства, который не готов идти за временем.

Недавно мне исполнилось 75 лет. Дни рождения всегда несколько выдающиеся. Это значит, что собирается больше людей, чем обычно.

Подготовка к ним (даже сами мысли об этом) возможно задержали меня с ответом Вам. Сейчас все хорошо прошло, это был очень приятный день, со многими друзьями, знакомыми, родственниками. Я бы хотел упомянуть два красивых подарка. Карин подарила мне оригинальную акварель Германа Гессе, на которой изображен швейцарский пейзаж. Мой сын Хайнер пригласил меня съездить с ним 7 августа в Байройт на постановку «Валькирии» (я не смог достать билетов, не представляю, как это удалось Хайнеру). По этому поводу я хочу спросить Вас: Эйзенштейн поставил «Валькирию» в 1940-м году в Большом театре. Есть ли об этой постановке интересные рецензии того времени или более поздние исследования?

На этом я завершаю, не без обещания, что я никогда больше не заставлю Вас так долго ждать моего ответа.

С пожеланием Вам и Рите всего хорошего и хорошего русского лета, приветствуем Вас сердечно.

Ваши Герхард и Карин

Георгий Кнабе

Москва 30 апреля 2003 г.

Дорогой Герхард, —

если я не ошибаюсь, наша переписка длится уже лет тридцать пять, и впервые, пожалуй, в ней образовался перерыв длиной почти что в год: на Ваше письмо от 17 мая 2002 я отвечаю только сегодня, 30 апреля следующего, 2003, года. Причины тут разные, локальные и глобальные. Локальные конечно же связаны с возрастом. Я уже старше Льва Толстого и если отстаю, то только от Черчилля и от немецкого философа Гадамера. Идя по стопам двух последних, я продолжаю довольно много работать; в отличие от них — довольно много болеть и лечиться и относительно много (несмотря на всё Ритино самоотвержение) возиться с бытом. Alltagsleben, как Вы бы сказали.

О недомоганиях много не скажешь. Разве что вернулся Ваш врач и может быть мог бы облагодетельствовать меня своими unverkauflische Muster (Zocor 10 mg. Wirkstoff — Simvastatin и/или Plavix 75 mg. Wirkstoff — Clopidogrel). В остальном — тянем, хотя зима и у Риты, и у меня была тяжелой.

В число локальных причин задержки писем входит и работа. Кое-что вышло, в том числе маленькая книжица об идентификации — в Риме и Западной Европе, в США и в России. Если разрешите, я бы Вам прислал. Преподаю я сейчас не много. Читаю только один спецкурс, посвященный актуальным и коренным вопросам современной культуры — семиотике культуры, национально-культурной идентификации и проблеме симулякров. Ходит немного студентов, но способных, думающих и очень хорошо слушающих. В 1992 году в Тюбингене мне говорили, что Вальтер Йенс больше не работает в университете, потому что студенты из-за его возраста не хотят ходить на его лекции. Мой опыт это не подтверждает и думаю, что причины ситуации с Йенсом надо искать ailleurs. Как он кстати — жив, здоров? Студенческих занятий мало, но приглашения прочесть лекции приходят и из-за пределов РГГУ и из-за пределов Москвы не так уж редко. Самое интересное это, конечно же, такие поездки — Вятка, Иваново. Это контраст с Москвой, и в общем — оптимистический.

Всё, что за последний год на протяжении паузы в нашей переписке произошло в мире вообще и в Европе в частности ставит с последней остротой вопрос об ответственности западной либеральной интеллигенции. Писать об этом трудно и долго, откуда и задержка.

Насколько можно судить извне, она — западная либеральная интеллигенция — приняла три заповеди: 1. Европейская цивилизация на континенте и за его пределами — white and male; она отягощена своими прошлыми и нынешними грехами, колониализмом и пр.; быть европейцем стыдно. 2. Концентрированное и самое худшее проявление европейской (по происхождению) цивилизации — США; американцы

некультурны, богаты, обладают военной мощью и не склонны терпеть, когда их взрывают и убивают; задача состоит в том, чтобы их преследовать и разоблачать. 3. Всё лучшее и человеческое противоположно Европе и требует наказать ее за ее грехи любыми способами; все эти способы оправданы, их нужно понять и принять, а носителей этого карающего протеста любить и холить, «кормить, лечить и учить», как сказала мне когда-то знакомая Вам фрау Фриденталь.

Сегодня эта тройственная вера есть то, что Бёлль когда-то назвал *Büffelsakrament*. Когда французские философы поколения Глюксмана и Фуко, сойдя с майских баррикад 68 года, теоретически разрабатывали ее основные догматы, к этому можно было относиться с вниманием — речь шла о метафизике истории. Когда сегодня Хомский требует воплотить их в жизнь, и тысячи людей выходят на улицы европейских городов, чтобы поддержать эти требования, нельзя не видеть, что они означают: уничтожить Вас с Вашими докладами о Ницше и поездками по средневековым монастырям Италии и меня с моими попытками определить, в какой мере и форме выживали в Европе нового времени ценности цивилизации Древнего Рима.

Вот эти-то *Mißmut und Ärger* — мои в отличие от Ваших — и порождают настроение, которое так долго не давало мне сесть за настоящее письмо к Вам. Не сердитесь и пишите.

Рита как всегда кланяется, и оба мы, как всегда, рады приветствовать Карин. Как она поживает, есть ли у нее какие-нибудь новые впечатления от сегодняшних школьников? У меня есть, но рассказ о них — до следующего раза.

Ваш

P. S. Кажется, я Вас уже однажды спрашивал, знаете ли Вы книгу: Ernst Jünger. *Auf den Marmorklippen* (1960) и что Вы о ней думаете?

Георгий Кнабе
Москва 8–15 марта 2004 г.

Дорогой Герхард, —

мне всегда приятно получать и интересно читать Ваши письма, и я сожалею, что давно ничего от Вас не было. Надеюсь, что это ничего не означает, кроме занятости и *dolce farniente*. Но сейчас у меня накопились к Вам вопросы, которые касаются более общих дел и которые трудно дольше откладывать.

Вы — славист и русист, автор диссертации по русскому театру 20-х годов. Вам ясен в общих чертах ход русской культуры и отразившийся в ней менталитет. Вам ясна та роль, которую в российском менталитете всегда играл духовный и общественный опыт Западной Европы. Он воспринимался критически-отрицательно в националистических и славянофильских кругах, критически-положительно в кругах интеллигентских и западнических, но всегда сохранял значение определенной вехи и эталона, точки отсчета. В настоящее время этот устойчивый западноевропейский опыт, насколько я могу судить, свое традиционное значение утрачивает, а вместе с ним видоизменяется и традиционная система интеллигентского мышления в России. Точка отсчета исчезает. Я хотел бы поделиться с Вами своими наблюдениями и выводами, просить Вас сказать, что Вы обо всем этом думаете и насколько всё это *stimmt!*

Решающий перелом определился в первые полтора-два послевоенных десятилетия, когда было признано, что права человека важнее национально-государственного суверенитета. Соответственно было признано, что человек, чьи права у него на родине нарушаются, имеет возможность переселиться туда, где они будут гарантированы и жизнь обеспечена, т. е. в одну из развитых европейских стран с демократическим устройством. Руководители европейских государств пытались — и довольно успешно — извлечь из этого нового миропорядка некоторые финансово-экономические выгоды в виде избыточной дешевой рабочей силы, сокращения военных расходов в связи с ослаблением меж-

дународной напряженности и пр. Но главный, коренной, перелом определился не в политической практике, а в культурно-исторической атмосфере: впервые в истории общественное мнение Европы прониклось убеждением, что филантропический принцип важнее принципа государственно-правовой ответственности. А поскольку в условиях послевоенной демократии общественное мнение контролирует правительство, то готовность властей утвердить правовую ответственность как исходный принцип стало встречать, встречает до сих пор растущее сопротивление общественного мнения и вынуждено уступать. Если Вам попалась очень важная книга: J. Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bde, 1981–1985, Вы могли убедиться в справедливости теоретического анализа сложившегося положения. Но так же ли видите его Вы из глубины Lebenswelt?

Непосредственным результатом описанного процесса явилась массовая инфильтрация в европейские страны ранее чужеродного населения. Из 350 миллионов, проживающих в настоящее время в Европе, 32 миллиона — люди, здесь не родившиеся, а 20 миллионов — мусульмане. Во Франции их пять миллионов. Десять лет тому назад мусульманская община Гамбурга составляла 180.000, Берлина — 140.000, сейчас эти цифры должны были бы быть увеличены почти вдвое. Уже к 1980-ому году каждое восьмое рабочее место в Дании было занято иммигрантом. Сюда же входят нелегальные иммигранты, число которых перевалило за миллион. Если все это так, то развитие Западной Европы на протяжении последних десятилетий и ее состояние в настоящее время создают новую, ранее неизвестную здесь государственно-политическую и реально жизненную систему. Эта новая система вступает во все более острое противоречие с культурно-психологическими и духовно-ценностными традициями старого континента. Практически это означает ликвидацию Европы как традиционного культурно-исторического организма и ревизию ее роли в мировой цивилизации. К такому выводу приводит множество фактов и наблюдений. Я хотел бы у Вас проверить, насколько они правильны.

На первых порах, в 1950-е годы, появившиеся здесь «люди Третьего мира» хотя бы отчасти составляли политическую иммиграцию. Они отличались определенным относительно высоким духовным уровнем и были готовы принять европейскую традицию, сделать ее своей. В результате произошла определенная интернационализация академической среды, производства и сферы обслуживания, никак не разрушавшая их европейский характер. Еще в 1970-е годы я имел дело с такими полностью европеизованными иммигрантами в Германии, в 1980-е в Дании, в 1990-е — во Франции и в Испании. Ситуация, однако, оказалась нестабильной. Если второе поколение новоприбывших обнаруживало готовность и способность и дальше европеизироваться, то третье, т. е. внуки первых переселенцев, стали явно другими. С конца 1990-х годов, а в растущей мере и сегодня, они проявили и проявляют острое стремление к своему, исконно национальному самосознанию, соответственно проявляют враждебность к *Gastland*, политическую и бытовую агрессивность (подчас криминальную), по отношению к ней и к ее порядкам. Демонстративная (и спекулятивная) мотивировка такого поведения состоит в постоянных требованиях соблюдения демократии, свободы мнений и прав человека. Они признаются нарушенными каждый раз, когда власти стремятся следовать местным государственным традициям и интересам, не совпадающим с выгодами потомков переселенцев. Коренные принципы, порожденные западной культурно-исторической традицией, другими словами, становятся поводом для ее подрыва и уничтожения. Так это по Вашим наблюдениям или не так?

В том же направлении идет реакция большей части (или: большинства?) западного общества на описанные только что процессы. Всякая попытка сохранения европейской традиции, культуры и ее духа, всякая попытка ограничить односторонние выгоды переселенцев или их потомков воспринимается лево-либеральным общественным мнением как покушение на свободу слова и права человека, короче —

как проявление «диктатуры капитала» и его злой воли. В свете постмодернистской общественной философии 1970 — 1990-х годов носителем такой злой воли признается европейская буржуазная государственность, традиции, культура, социальная организация, наука последних двух-трех столетий или их воплощение в сегодняшней западноевропейской («капиталистической») реальности.

2. Популярность Хомского all over the place и бесчисленных людей его типа подтверждают сказанное.

Главным, что все чаще делает современные западноевропейские государства и их правительства в глазах лево-либеральных кругов носителями зла, это — государственный суверенитет западных стран и основы их цивилизации — военно-экономическая мощь, сила, воля, организация, структурированность общественного бытия. Европейская традиция и ее государственно-капиталистическая реальность, таким образом, выступает в роли локализованного зла, а воплощением всего ей противоположного (и в этом смысле — добра) — весь остальной мир, страдающий от несправедливой американо-европейской силы. Примечательно, что в погоне за голосами и популярностью эту позицию всё чаще принимают и правительства ряда европейских стран. Императив противостояния силе, реабилитация всех и всего, кто ей противостоит, и любых методов такого противостояния, грозит стать универсальным. Отсюда же — массовое распространение антиамериканских, а в последнее время и антиизраильских настроений, массовые демонстрации против любого применения силы для подавления или хотя бы ограничения антиевропейских действий, и нередко пассивность правительств перед такими настроениями, такими демонстрациями, или даже поддержка их. Впечатлений, подтверждающих сказанное, у меня очень много. От популярности Хомского и иже с ним до многотысячных демонстраций в защиту Саддама, от чудовищного инцидента в Стокгольме в январе с. г. до американского фильма фактически в оправдание Хуана Эскобара — правителя международной наркомафии и садиста, которого нам предлагают жалеть, поскольку он был убит

в перестрелке с полицией, и многое другое. Последний антиамериканский фильм Ларса фон Триера «Догвилль» пользовался (и пользуется?) в Европе большим успехом. Автор сказал в одном из интервью, что он не любит Америку, потому что она не готова отказаться от атомного оружия. Если такова «критика изнутри» западноевропейской цивилизации и восприятие этой цивилизации как источника «зла», то каким видится общественному мнению положительное, желаемое направление, противостоящее «злу» в качестве «добра»? К чему должен стремиться — и в немалой мере реально стремиться — современный мир? По доступным мне материалам ответ на этот вопрос существует в двух формах. Первая — в форме консолидации антиевропейских сил вплоть до превращения их в гомогенную мощь, мобилизующую всех и вся на борьбу с западным миром зла. Сюда относится универсализация антиизраильского, а в сущности антиевропейского террора. Один из самых ярких примеров последнего времени — речь малайзийского премьер-министра с объявлением от имени «полутора миллиардов мусульман» войны евреям, а через них и Европе. Сюда же — бесчисленные примеры бытовой наглости переселенцев и оправдание ее леволиберальными силами европейских стран. Сюда же — сам принцип политкорректности, согласно которому всякое обозначение европейской традиции как ценности должно быть осуждено как оскорбительное для не-европейцев. В только что вышедшей книге профессора Нью-Йоркского университета Даяна Равича «Language Police» рассказывается, что американские издатели изымают из учебников для школ слова «Бог» и «варвар» и т. д. как оскорбительные для части читателей. Сюда же сообщение о том, что в тексте европейской конституции изъята характеристика континента как христианского.

Второе видение желаемого будущего состоит, напротив того, — в преодолении любой противоположности «свой» — «чужой», тем самым, — в устранении собственно Европы из культурного обихода современного мира путем создания единой и однородной мировой национально-цивилизационной цивилизации. Такие материалы приходится встречать

постоянно. В манифесте Деррида и Хабермаса, в свое время Вами мне присланном, мысль о том, что индивидуальный путь Европы подлежит растворению в дальнейшем ходе истории, выражен вполне внятно. Такое развитие событий не просто признается, а и приветствуется в недавнем бестселлере Негри и Хардта «Империя» и в статьях и интервью Умберто Эко.

Здесь-то и возникает неясность и вопрос, для меня самый главный. Все выше описанные процессы должны вести к ликвидации традиционных основ европейской культурно-исторической жизни и к растворению ее в мировой космополитической плазме. Именно так видят направление общественного развития наиболее популярные создатели бестселлеров — Фуко, Эко, Кребс, особенно Негри и Хардт и другие. Но человеческая реальность западной жизни, данная нам в непосредственном ощущении, прямо противоречит такому выводу, прямо отрицает описанные выше выводы из описанных выше процессов и явлений, тем не менее, очевидных и, кажется, бесспорных. Космополитизация европейской жизни — бесспорный факт. Я ехал из Гамбурга в соседний городок Букстехуде — вагон выглядел как в Нигерии или в Бирме. Мой знакомый преподает латынь в школе в предместье Парижа — в его классе 60 человек, из которых коренных французов 2. Но африканские и азиатские лица заполняют мегаполисы — Лондон, Нью-Йорк, Штутгарт; в Саутгемптоне, в Вайнгартене, в Вэзон-ля-Ромэн я их не встречал. Так космополитизация Европы — факт или видение философствующих публицистов? Дезорганизация устойчивых традиционных сообществ, с древнеримских времен составлявших основу европейской жизни — факт. Вы однажды возили нас в предместье Йены к украинскому художнику-иммигранту. Двор и корпуса, на него выходившие, представляли собой мешанину языков и рас с сильным уголовным привкусом. Сотни тысяч русских нелегалов в Германии не смешиваются с местным населением. Но бельгийские сыровары и виноделы как в средние века проводят свои ежегодные ярмарки, и когда мы с Вами остановились в Тюрингии в каком-то придорожном кабачке,

каждый вновь входивший постукивал по нашему столу в знак готовности признать в нас своих. Крупные национальные государства, в которых Европа живет, начиная с XVI века, все больше глобализируются. Но культурно-психологической реальностью на их месте становится не космополитическая плазма, а возрождающиеся средневековые диалектально-этнографические области, вроде Тюрингии или Саксонии, Валлонии или Фландрии. Беспомощность правительств против натиска исламского терроризма очевидна и бесспорна. Но на что должны будут они опираться при следующих выборах — на космополитизированные лево-либеральные слои или на те три миллиона испанцев, которые вышли на улицы Мадрида 12 марта? И смогут ли и захотят ли они еще что-то сделать, или развал зашел слишком далеко и пути назад нет?

Дорогой Герхард, — я сочинял это письмо, начиная с 8 марта до вчерашнего дня, 15 марта. Вчера пришел ответ на поставленные здесь вопросы и, в частности, на последний, насчет Мадрида. По разным газетным сведениям число демонстрантов, вышедших 12-ого числа на улицы Мадрида, колебалось от двух до одиннадцати миллионов. Складывалось впечатление или даже убеждение, согласно которому вся эта небывалая масса пресечет, наконец, антиевропейский террор, положит конец бесконечным взрывам, уносящим тысячи ни в чем не повинных жертв, поставит преграду проникновению в Европу исламских террористов. Оказалось, что такое убеждение — чистая иллюзия. Выяснилось, что все эти люди протестуют не против убийц, а против консервативного правительства, выступившего за пресечение исламского террора! Что их главное желание — не ссориться с Бен Ладеном и Алькайдой, не раздражать убийц, обещать вести себя смиренно и покорно и тогда, может быть, их простят, и не будут убивать. Когда-то их отцы и деды распевали фразу из речи Долорес Ибаррури: *mas vale morir de piè que vivir de rodillas*. Оставим на совести (if any) этих идиотов надежды, как будто фанатиков, запрограммированных на убийство и уничтожение, можно задобрить. Prolog auf Erden сформулирован достаточно ясно. Я, тем

не менее, отправлю это письмо. Может быть, у Вас найдутся (хотя я их больше не вижу) убедительные контраргументы, а главное — разъяснения. Audi et alteram, как говорили когда-то в некогда существовавшей части света.

Наша повседневная жизнь в общем виде явствует из всего изложенного или известна Вам из газет и телевидения, а в частности протекает без больших перемен. Мы стареем (Рите 28 марта, позвольте мне выдать — только Вам! — этот секрет, будет 80 лет, мне, как Вы понимаете, еще больше). Это сказывается на количестве потребляемых лекарств, но пока не сказывается на продуктивности и работоспособности. Лекции идут своим чередом, кое-что пишем и кое-что печатаем. За 2003 год у меня появилось более десяти публикаций. Из них мне по-настоящему *tient au soeur* брошюра об идентификации (о которой я писал Вам 30 апреля прошлого, 2003, года) и только что появившаяся статья «Вторая память Мнемозины» в первом номере «Вопросов литературы» за этот год. Жаль, что не получается их Вам переслать и с Вами обсудить.

В остальном нам остается только смотреть в будущее уверенно и рассчитывать на Ваши письма. Рита кланяется, а от нас обоих сердечный привет Карин, а если жива еще ее кошка, то и ей.

Ваш Кнабе

Г. К. Москва 17.02.2006 г.

Дорогой Герхард, —

за последний месяц мне пришлось себе отдать отчет в том, что означает запись в моем паспорте: «Год, число и месяц рождения — 20 августа 1920 года». Она означает, что мне 85 лет, что я старше, чем Лев Толстой или Гете. До сих пор мне это никогда не приходило в голову, а теперь пришло. Это значит, что я продолжаю свою деятельность профессора и/или главного научного сотрудника нашего университе-

та, за прошлый 2005 год я опубликовал 11 научных статей и выступал с двумя докладами (один на немецком языке — какова наглость!) на международных конференциях и т. д. Но это, кроме того, означает, что я начинаю дни с мероприятий по повышению моего давления, которое ежедневно после завтрака катастрофически падает, что врачи запрещают мне летать на самолетах, а ездить в поездах в силу их некомфортности я не решаюсь сам, что сыплющиеся на меня книги и публикации накапливаются несравненно быстрее, чем я успеваю их просматривать, *geschweige schon* читать, а это создает атмосферу раздражения — внутреннего, а, как я догадываюсь, и внешнего. Всё это, кроме того, означает, что, если не произойдет чуда, то нам уже не суждено увидеться, что очень, очень жалко после сорока лет знакомства (точно: 1966–2006), и что общение наше будет затруднено как раз тогда, когда оно мне было бы особенно важно. Стоящая у меня на полке папка, озаглавленная *Закат Европы* (как Вы догадываетесь, перевод *Untergang des Abendlandes*) очень быстро пополняется зарубежными и отечественными материалами, такое заглавие подтверждающими. Они обрисовывают проблему, важнее которой передо мной сейчас нет, и обсудить которую с Вами было бы в самую пору, но рассчитывать на это, скорее всего, не приходится. Если у Вас есть время и охота писать — в частности, и на эту тему — буду очень и очень рад. Рита кланяется, и оба мы приветствуем Карин.

Ваш Кнабе

Пишите.

P. S. На письмо Мирау от 6 октября я недавно ответил и поблагодарил за присылку книг, подводящих итог его *russisches Jahrhundert*. Насколько я мог понять из его письма, он передавал Вам какой-то материал на означенную выше тему с тем, чтобы Вы передали его мне. Или я что-то не так понял? Тогда простите великодушно.

Г. Ш. Таугенбург, 03.07.2006

Дорогой Георгий Степанович!

Передо мной лежит Ваше письмо от 17 февраля, которое я читаю не первый раз. Оно снова и снова волнует с одной стороны меня как извещение, или лучше как настроение прощания, с надеждой еще не скоро вступающего в силу, с до краев наполненной научной жизнью. С другой как подведение итога Вашей колоссальной работы, проделанной в 2005 году. Я могу только выразить Вам высшее уважение. Разумеется, Вы собираете урожай целой жизни. Ваша неустанная последовательность и железная воля, несмотря на неизбежные непрекращающиеся трудности возраста, требовать от себя производительности, достойны восхищения. Я должен еще добавить, что такое восхищение с моей стороны, это восхищение, если употребить библейское выражение, со стороны человека, который сам считал себя усердным тружеником в винограднике Господнем, не более, не менее.

Вы вспоминаете, что в этом году исполнилось 40 лет нашего знакомства. Это был счастливый случай, который нас свел вместе, и таким образом обогатил мою жизнь встречами, беседами, письмами. Я размышляю над тем, как я могу, все же, вновь с Вами и Ритой встретиться. Возможно, я решусь еще на одну поездку в Москву, где мы бы могли обсудить много вопросов, о которых Вы пишете. Ключевое слово «Закат Запада». Это «широкое поле», как сказал Фонтане устами старого Бриста. Что происходит — это преобразование, но не Закат Европы. Мы не обязаны безоговорочно принимать классическое выражение Гераклита «Все течет...». Это означает тогда также необходимость нести последствия, которые связаны с этим. Все исторические параллели — условны. Я думаю, перед европейцами этот вопрос возникает постоянно. Европа великого переселения народов была другой, чем Европа Карла Великого или Карла V. И другой, чем Европа Наполеона. Вы скажете, да, я знаю. Но отличие от сегодняшней Европы вероятно в том, что степень изменений прежней Европы не ставила под вопрос ее конститутивное,

основополагающее духовно-культурное осознание, напротив, те изменения обогатили Европу: Реформация, Просвещение, революции, и, определенно, несомненно, также иммиграция и смешение. Вопрос в том, ставят ли под вопрос Европе происходящие сегодня изменения, что по темпам, количеству и массовости происходят как глобальные процессы. Мы выросли с образом Европы, который кажется сегодня распадающимся. Если рассматривать внешние изменения (Вы часто на них указывали), можно увидеть усиливающиеся и ускоряющиеся изменения. Мы не можем, к сожалению, предсказать, как будет выглядеть Европа 2050. Я верю, однако, что изменения будут происходить медленнее, чем это кажется теперь. Кто может предвидеть хозяйственные изменения, возможности источников продуктивности (производительности?), которые исследуются сегодня. Естественно, если демографическое развитие будет идти такими же темпами, натиск на Европу будет расти. Перспективу на долгий срок можно было бы обозначить в том случае, если бы духовная Европа, (назовем ее однажды так), приняла бы такой вид музейного бытия, подобный тому, как сегодня соотносится бытие античности с настоящим.

Я прилагаю для Вас одно сочинение (оно будет опубликовано в будущем году), над которым я долго сидел. Расшифровка писем была трудной, содержание же принесло менее, чем я ожидал. Коротко: затраты и результат находятся в плохой диспропорции. Но поскольку Вы всегда проявляли определенный интерес к Таутенбургу, я позволю себе послать Вам этот текст.

Г. К. Москва 26.02.2007

Дорогой Герхард, —

Только что получил Ваше письмо от 22 января. Оно такое большое и важное, что не хочется откладывать ответ. Если не считать того, что возникающая из него картина современной европейской жизни пред-

ставляется мне очень точной, и это подтверждает многие мои умозаключения, ответ мой касается нескольких обстоятельств.

Первое — чисто техническое. Я получил Ваше письмо по почте. Значит ли это, что Вы отказались от возможности переписываться по E-mail'у, и мы можем вернуться к стародедовскому способу? Дело в том, что оба Ваши электронные адреса, которые Вы мне в свое время сообщали, были моим компьютером признаны «несуществующими». Давайте придерживаться почты, но на всякий случай напишите, пожалуйста, сохранились ли Ваши электронные адреса и как они выглядят, можно ли к ним в случае чего прибегать, и, значит, реакция моего компьютера основана на каком-то недоразумении.

Второе касается Вашего абзаца о микромножественной структуре европейского общества. Давайте его перечитаем. «Die von Ihnen so positiv betonte Vielfalt von gesellschaftlichen Organisationsformen, Vereinen, Klubs, Interessengemeinschaften ist tatsächlich ein Charakteristikum westeuropäischer Länder, inhaltlich aber tendiert ihre Wirkung immer mehr in Bereiche, die für eine tätige Teilnahme am demokratischen Leben kaum von Bedeutung sind». (*Отмеченное Вами так позитивно разнообразие общественных организационных форм, обществ, клубов по интересам это, действительно, характеристика западноевропейских стран, но по содержанию их значение тяготеет больше к области, которая едва ли имеет значение для деятельного участия в демократической жизни. — Н. Н.*). Ключевые слова здесь — inhaltlich, tätig и demokratischen. Всё дело в том, что жизнь современного общества в целом, и немецкого общества, Вами описанного, в частности, перестала выражать свой смысл в категориях политики, демократии, анти-демократии и т. д. Вы ведь неслучайно пишете о Politikverdrossenheit (*недовольство политикой — Н. Н.*). Inhaltlich смысл этой Verdrossenheit находит себе выражение в бытовых предпочтениях, повседневных привычках и ориентациях, во вкусах и отношении к моде, в контактно-человеческой сфере, т. е. в том, что сегодня стало называться культурой. До «нашего времени» культура означала совокупность достижений в области искусства, науки и просвещения. В на-

ше время это слово стало обозначать то, что Гуссерль некогда назвал *Lebenswelt*, а его последний (и лучший) ученик Альфред Шутц — «горизонтом повседневности». Регуляторы человеческого поведения и тем самым — смысла общественного процесса, становятся не столько политически и общественно-философски осознанными, сколько полуосознанными, укорененными в привычках и традициях. И вот здесь-то и приобретают весь свой смысл, я бы не сказал *Organisationsformen*, скорее — *Gemeinseinsformen*. Убеждение это высказано было совсем недавно применительно к немецкой действительности, в письме, которое я получил через Вас от Фрица Мирау (за что большое ему спасибо). Позже я получил от него большую пачку печатных материалов, полностью подтверждающих этот взгляд — союзы квартиросъемщиков, союзы потребителей, союзы, которые у нас бы назвали союзами краеведов и пр. Разве не такой же является та группа любителей таутенбургской старины, о которой Вы мне некогда писали?

Самое важное в них — не их назначение, цель, а инстинкт, я бы сказал, *freundschaftlichen Gemeinwesens*, который в них подспудно и подсознательно живет. Я когда-то Вам писал о том сильном впечатлении, которое произвел на меня мимолетный эпизод, происшедший у нас с Вами в одном немецком городке. Было довольно холодно, и мне понадобилось купить перчатки. Вы, разумеется, не знали, где это можно сделать, и обратились с вопросом к пожилому случайному прохожему. Надо было видеть, с каким участием он Вас выслушал, стал прикидывать, как лучше, проще и дешевле можно добыть перчатки, дружески простился и пошел своим путем. Этот инстинкт, кажется, единственное, что осталось от Европы, как таковой, и пока он жив, жива она. Разве нет?

Мне говорили люди, много лет прожившие в Европе, что складывается впечатление, будто именно он образует повседневно бытовую полубессознательную реальность европейской жизни. Всё, что связано с политикой, экономикой, всё глобальное, уходит «наверх» — в международные органы, в ЕС, в наднациональные законы и т. д., всё не-

посредственно бытовое осуществляется «внизу» — в вашей семейной жизни, доходах, покупках и т. д. Единственная социальная реальность, где между обоими полюсами живет, как писал один французский публицист, *l'Europe des europeens*, это здесь, в малых контактных группах. Или не так?

С этим связано еще одно обстоятельство, по которому мне важно было бы знать Ваше мнение. Я сейчас работаю над статьей — или, может быть, книжкой, — под названием «Европа и ее антично-римское наследие сегодня». Чтобы проверить предлагаемые в ней выводы, я согласился прочесть курс лекций с тем же названием, где главная проблема связана с сохранением, так сказать, римского предания в европейском повседневном массовом сознании. Каждый нормальный русский не знает толком ни когда правил Иван Грозный, ни что такое татарское иго или реформы Петра. Но на полусознательном уровне он ощущает, что Суздаль или Изборск — это что-то древнерусское, в отличие от, скажем, Петербурга или Одессы, что расстегаи — это какая-то древнерусская еда в отличие от пломбира или антрекота, и т. д. Существует что-то подобное в культурном подсознании обычного немца? Что Кёльн — это римская *colonia*, а Трир — *colonia treverorum*? Что Тевтобургский лес — это место, где германцы (т. е. будущие немцы) отстаивали свою самостоятельность от римлян? Что Дитрих Бернский (о котором рассказывали в школе в связи с «Песней о Нибелунгах») — это Теодорих, пытавшийся свести германцев и римлян в единое государство? Что архитектурный классицизм и ампир, заполняющий города Германии, — общеевропейски-антично-римский стиль, в отличие от чисто немецкого бидермайера? Что в войнах 1870–1871 и 1914–1918 годов в газетах писалось, а в 1930-е годы повторялось, что война с Францией — не просто совокупность военных действий, а столкновение исконной германско-немецкой цивилизации с онтологически чуждой римско-католической и т. д. Если это в какой-то мере так, то наступил ли в этом сознании перелом в 1960-е — 1980-е годы под влиянием постмодерна, мультикультурализма, глобализации и т. д., после какового перелома

этот римский компонент историко-культурного самосознания даже не исчез, а просто стал безразличен, растворился?

Последнее, что я хотел Вам сказать, — это благодарность за ранее присланное эссе о таутенбургских Шенках (*трактирах — Н. Н.*). Всё, что Вы о них говорите, подтверждает мои прежние мысли — во-первых, о противоположности немецких патрицианских семей, живущих культурой и несущих ее в себе, и современных им русских; во-вторых, всё, сказанное выше о постоянном, подсознательном, но и явном, присутствии в немецком духовном обиходе антично-римского компонента. С этой последней точки зрения то, что Вы делаете в архивах, очень важно. Когда работа будет завершена, не откажите в любезности прислать. Опубликована ли та часть, которую Вы мне уже присылали — мне надо бы сослаться. Цитату из Гёте я не очень понял. Что значит здесь *Enthusiasmus* и, соответственно, всё в целом? — «Самое лучшее, что есть в истории, это постоянный страстный интерес, который она в нас возбуждает». Так?

Сердечный привет Карин. Рита приветствует и кланяется.

Bau wie immer

Г. К. Москва. 30.12.2007

Дорогой Герхард, —

В сорок второй раз хочу от души поздравить Вас с Новым годом (считая и те разы, когда я это желание не реализовал, хотя неизменно его испытывал) и пожелать Вам долгих лет жизни, здоровья и неизменно здравых и глубоких размышлений о судьбах культуры и Европы. Об этих судьбах размышляю и я, о чем, надеюсь, в наступающем году дать Вам предварительный отчет, а также познакомиться и с Вашими впечатлениями.

Ревекка кланяется и приветствует. Наилучшие наши пожелания Карин.

Ваши Р. и Г. Кнабе

Г. Ш. 31.12.2008

Дорогой Георгий Степанович, милая Рита, сердечно поздравляем вас с наступлением нового 2009 года! Желаем Вам здоровья и всего самого лучшего в 2009 году!

Герхард и Карин и кошка Мышка.

Г. К. 08.01.2009

Дорогие Герхард и Карин.

Большое спасибо за Ваш мэйл и поздравления.

Что касается счастья, об этом не может быть и речи. 20 декабря в семь часов утра умерла Рита, во сне и тихо. Мы прожили вместе 48 лет не только полных любви, но и пылкого интереса ко всему, что происходит и происходило в Европе и, особенно, в Германии, не менее чем в России. Раз я тут остался, нужно что-то делать — писать и публиковать. Читать лекции, содержать в порядке жилье и т. д. наших друзей уже больше нет. Некоторые молодые друзья готовы навещать и помогать. Спасибо еще раз за все интересное и важное, что мы от Вас слышали за эти 40 лет. Покажите, пожалуйста, это письмо Оскару.

Г. Кнабе

Г. Ш. 22.05.2009

Дорогой Георгий Степанович,

в апреле наступила весна, долгожданная и все же внезапная. В считанные дни все вокруг зазеленело и зацвело. Мы наслаждались после не слишком суровой зимы нашим лесом и ездили в Тюрингию. Была замечательная экскурсия в Ильмталь поблизости от Веймара. А в последние дни мы были в Грайце, где встречались мои соученики из Геры 1939–1944 годов. Мы ехали через красивую Вогтланд и осмат-

ривали прежнюю резиденцию княжеского Ройса поздней линии. Люди в возрасте за 80, — Вы знаете это, — говорят естественно о прошлом, о приятных воспоминаниях, школе, но потом также о болезнях и плохих сегодняшних временах. Последнюю тему мы могли бы тоже обсудить. Я хочу только сказать: принимая во внимание непрозрачный международный финансовый и экономический кризис с его до сих пор трудно-обозримыми последствиями, мне показались второстепенными проблемы, которые Вы еще два года назад увидели в Германии и Европе (утрата национальной идентичности и традиций из-за более или менее сильных тенденций мультикультурализма). Так называемый «маленький человек» имеет другие заботы: сохранит ли он свое рабочее место, что будет завтра и что будет с его сбережениями, чего можно ожидать по поводу пенсии по старости. Чувство ненадежности по отношению к власти, не ощутимой и не поддающейся влиянию, растет, даже если повседневная жизнь протекает для большинства привычным образом. Естественно, есть попытки адаптации: жить скромнее, проверить свои расходы, что необходимо, а от чего можно отказаться. Это едва ли касается молодых, менее пожилых, а в основном людей 30–50 лет и семей с детьми.

Растущая безработица обостряет проблему. Наша большая коалиция (ХДС/СДПГ — CDU/SPD) уклоняется от некоторых вопросов, которые требуют незамедлительного решения, т. к. осенью будут выборы в Бундестаг. Не хотят связывать себя до этого обязательствами. На первый взгляд кажется возможной коалиция ХДС/СДП (CDU/FDP), хотя настойчиво звучат антикапиталистические настроения. Но бросается в глаза, что до сих пор писатели и интеллектуалы не выступают столь решительно, как можно было ожидать. Хотя возможно во время предвыборной борьбы будет виднее.

Немного о нас. Не считая мелких временных болезней и недомоганий, с которыми приходится жить, у нас дела идут неплохо, так же как и у детей с их семьями. Я опубликовал за последний год и др. две работы о Шенках/трактирах Таутенбурга, занимаюсь по-прежнему в нашем

обществе улучшения Таутенбурга 1880. С большим интересом прочел я книгу восточноевропейского историка Карла Шлегеля «Террор и мечта. Москва 1937». Богатая фактологическим материалом и блестяще написанная книга, в которой я обнаружил некоторые мысли, что напомнили мне о наших прежних разговорах.

Оскара Тёрне я в этом году не посещал. Он купил под Берлином домик. Мы общаемся иногда по телефону. Он здоров и живет там хорошо. Фриц Мирау стал в прошлом году членом Берлино-Бранденбургской Академии, и в этом году ему исполняется 75 лет.

Как дела у Вас? Мы очень надеемся, что Вы без Риты в Вашей ситуации справляетесь, что есть молодые люди, готовые Вам помочь и Вас защитить, там и тогда, когда это необходимо. Мы были бы очень рады иногда слышать о Вас.

Сердечный привет и всего хорошего.

Герхард и Карин

Георгий Кнабе. Москва 04.08.2009

Дорогой Герхард, —

спасибо за Ваше последнее письмо. Отвечая на Ваши вопросы, могу сказать, что жизнь моя течет по трем руслам.

Первое — повседневный быт. В этом смысле всё более или менее благополучно. Мне рекомендовали женщину, не молодую и не старую, 55 лет, которая поселилась у меня, ведет хозяйство и избавляет меня от хлопот. Она человек без образования, но умный, читающий, полностью свободный от страстей и комплексов русской бабы, с чувством юмора и с ровным, вполне уживчивым характером. Отчасти благодаря ее помощи, отчасти благодаря врачам, мне удастся поддерживать свое здоровье на относительно приличном уровне. В Университете я продолжаю числиться в качестве профессора, хотя обязанности мои сводятся не столько к чтению лекций, сколько к научным публикациям. О содержании их немного ниже.

По этой бытовой линии проблема, пока что не возникающая, но могущая возникнуть, состоит в перспективе. Мне через две недели исполнится 89 лет, т. е. почти 90. Это ставит передо мной вопрос об условиях, которые позволят мне продлиться до конца относительно спокойно. В этой связи, вот что пришло мне в голову. Не существуют ли в Германии вообще и в поле Вашего зрения в частности приличные заведения типа Altersheim, с которыми, если понадобится, можно вступить в переписку и контакт, не примут ли они иностранного клиента — на каких условиях и на каком, примерно, уровне оплаты? Я не думаю, чтобы перспектива эта встала передо мной реально и уж тем более dringend, но выяснить возможности, наверное, стоит. Если Вам это не будет стоить усилий, не оглянитесь ли Вы вокруг, дабы собрать возможную информацию, с этой проблемой связанную?

Рита все время рядом. Самое страшное в смерти — это даже не физическое исчезновение, а полная, абсолютная невозможность чем-то поделиться, что-то объяснить, выяснить, сказать и о текущих обстоятельствах и впечатлениях, и о том, что осталось недосказанным в прошлом. Такая потребность существует все время. Она стучится в дверь, она есть и — она невыполнима. Я собрал повести, рассказы, статьи и стихи, ею публиковавшиеся и оставшиеся в компьютерной рукописи, и договорился в нашем университетском издательстве о публикации получившейся небольшой книжки. Там есть очень хорошие вещи, особенно стихи. Когда появится, если захотите, пришлю.

Второе русло. Я Вам писал, что кончил небольшую книжку под условным названием «Современная Европа и ее антично-римское наследие». Она написана по плану моего института и должны была быть передана в университетское издательство, но я отдал ее параллельно в одно мюнхенское издательство, публикующее литературу на русском языке. Суть ее для меня состоит в том, что представление об исходной единице бытия как о некоторой индивидуальности, отличной от другой индивидуальности, и потому о бытии как арене взаимодействия таких индивидуальностей, отражало реальную основу европейской

жизни от античности до XX века включительно. «Довериться абсолютному различию», — писал Гегель. Вторая главная — и основная, господствующая — мысль текста состоит в том, что этот строй бытия в истории и в обществе на наших глазах иссякает, заменяясь дисперсией, где частицы утрачивают энергию индивидуальности, тем самым энергию взаимодействия, а значит и историческое измерение общественно-культурного бытия, всегда укорененное в истории.

Подтверждение этого — на каждом шагу. Сегодня по телевидению мелькал материал о проходящем сейчас в Москве международном театральном Чеховском фестивале. Интерпретация пьес Чехова происходит на языке... гимнастики. Позы и упражнения актеров предлагаются как метафоры содержания и ситуаций пьес. Определенность восприятия («то, что я вижу, и видит зрительный зал, имеет некоторый смысл, который и я, и зал видим, понимаем и воспринимаем как мысль Чехова») исчезает. Каждый волен расшифровывать эти метафоры по-своему и определять, как они отражают замысел Чехова. Jedem das seine. Глобализация предполагает уравнивание частиц и их взаимную независимость, чтобы не сказать безразличие.

Телевизионный репортаж из Берлина. Там каждую субботу собираются десятки тысяч молодых людей просто чтобы бурно, шумно и приятно провести время. Но собираются они из самых разных европейских стран. Никаких национальных традиций и национальных комплексов. Следующий репортаж. — 600 англичан решили собрать максимально возможное количество денег на лечение английских детей от каких-то (я не уловил, каких именно) опасных болезней. Для этой цели они поехали... во Францию... на велосипедах. Ехали четыре дня, с шумом на телевидении и в газетах, с интервью и пр. Собрали почти 600 тысяч евро. Вот так. Фукуяма неправ. История не кончается. Она становится другой. Наша история, где есть индивидуальность, особость, отдельность взаимодействующих величин — страна, нация, традиция, культура, римское наследие, язык, Гегель — действительно, кончилась. В России

всё это выглядит совсем по-другому, чем на Западе, но суть — одна. Ощущаете ли Вы это состояние атмосферы, и что Вы о нем думаете? Как встраиваются в нее Ваши мысли о таутенбургских Шенках?

Третье русло — вопросительное. Как Вы переносите и чем заполняете свой возраст? Вам ведь тоже за 80, и мысли о прожитой жизни и о прожитом времени поневоле возникают, волнуют, требуют ответа. Страна и Европа, в которой Вы сегодня оказались, — та же, что памятная Вам в молодости? Другая? Чужая? Чем?

Пишите и, если сможете, узнайте что-нибудь об Altersheim'e. Поклон Карин.

Ваш Г. Кнабе

P. S. У меня опять не получается отправить Вам это письмо по электронной почте. У меня записано несколько Ваших адресов, последний — q.schaumann2 web.de, но компьютер отказывается принять и этот адрес, и два предыдущих. Делать нечего, отправляю это письмо обычной стародедовской почтой.

Г. К.

Г. Ш. 11.09.2009

Дорогой Георгий Степанович, сердечный привет Вам из Таутенбурга.

Лето все еще длится. Можно сказать словами Рильке:

«Herr, es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß.

Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren und auf den Fluren lass die Winde los...».

Господь, вся ярость лета на весах, пора: ветрами насели долины и тень продли на солнечных часах. (Перевод В. Куприянова. — *Ред.*)

Мы были почти все время в Таутенбурге. Основание: мы утепляли крышу и заново покрывали ее. Это должно помочь сэкономить энергию.

Одну неделю мы провели у сестры Карин во Франконии, в маленьком симпатичном городе-резиденции Кобурге со знаменитой средневековой крепостью, где однажды останавливался Мартин Лютер. Отсюда мы совершили поездку в Нюрнберг. Однако оставим пока это и обратимся сначала к Вашим вопросам.

Вы видите развитие европейской культуры как живой и постоянно взаимно обогащающейся энергией несмешивающихся индивидуальностей формы существования в опасности. Традиционные взаимодействия ослабевают, соответствующие индивидуально выраженные носители потеряли свою силу. Следствие — распад. В качестве примера Вы приводите театр. Чехова исполняют как гимнастическое представление. Как понимать Чехова, оставлено на усмотрение зрителей. Каждому свое, пишете Вы, подразумевая под этим, как мне кажется, что ответственность перед произведением искусства замещается свободой интерпретации. Короче: коммерциализация.

В Германии была как раз по этому поводу дискуссия. Писатель Даниэль Кельман (один из его лучших романов «Die Vermessung der Welt», — «Измерение мира», с главными героями Александром Гумбольдтом и Гауссом, Вам бы он очень понравился) сделал доклад на открытии Зальцбургского фестиваля, и выступил против так называемого «режиссерского театра», который свирепствует в театре на протяжении многих лет. Режиссер считает себя умнее Гете и Шекспира и чувствует себя вправе самовластно распоряжаться текстом. При этом отчаянно и логически непонятно злоупотребляют естественным взглядом на то, что каждое время имеет собственное видение и интерпретацию произведения искусства. Широкая публика не принимает столь гротескное отчуждение текста. Однако, находится еще достаточно критиков, что защищают такие постановки. И Кельмана они обзывают скучным традиционалистом. Ваши примеры о телерепортаже из Берлина и Парижа основаны на таких же изменениях образа жизни сегодняшних людей, которые Вы видите, прежде всего, как потерю культурных традиций и ценностей. Это радикальное крушение традиций. Я это вижу так же,

как и Вы. Это отражается, естественно, и в отношении детей и подростков к истории и национальным традициям. Естественно, есть, как и раньше, в школе учебные планы по изучению истории, культуры, литературы. Однако, знания школьников скромны, потому что их интересы поглощены реальным зрелищным миром мимолетных удовольствий, доступным каждому при помощи компьютера и Интернета. Это парадокс: еще никогда мир знаний не был столь доступен каждому, кто хочет знать и усваивать — но я сильно сомневаюсь, что эта возможность будет использована. Наоборот: Интернет становится инструментом отвлечения, опрощения, манипулирования, в худшем случае — преступления.

Дальше в следующем письме.

Сердечно,

Герхард

Г. К. Москва 13.11.2009

Дорогой Герхард!

То ли у меня сдали нервы, то ли по какой другой причине, я больше не могу играть в электронную почту. Я отправил Вам письмо в июле и в начале сентября, получил от Вас письмо от 11 сентября по почтовому штемпелю — 18 сентября, потом два кратких мэйла с уточнением электронного адреса, который не совпадает с адресом, у меня записанным и т. д. Как говорили наши бабушки, *genug vom grausamen Spiel*. Какое-то количество важных для меня Ваших писем так и остались непочитанными. Я еще раз пытаюсь продолжить нашу переписку на уровне современных требований. И то, набрав его на компьютере, а потом перепечатав и вложив в конверт. Если и на этот раз ничего не получится, я пойду в зоопарк, найду там гуся, вырву у него перо и напишу Вам письмо, как писали во времена Моцарта.

В Москве уже довольно много лет выходит литературно-публицистический журнал под названием «Русский журнал». Недавно он начал публиковать приложение, которое называется *Новость недели*, и в кото-

ром печатаются отклики мировой прессы, государственных руководителей, министров и политологов по той проблеме, которую редакция сочла для данной недели актуальной. Это очень важный источник, дающий широкий обзор умонастроений времени, в первую очередь, европейских. В этом обзоре вот уже год-два господствует тема (и слово) «кризис». Пока они связывают с этой темой и с этим словом содержание финансово-экономическое, международно-политическое, гео-стратегическое и т. д., мы можем не слишком обращать на него внимание. Это их работа, они с ней, кажется, пока справляются, и слава Богу. Но за этим словом вырисовывается содержание гораздо более широкое и глубокое. За последние два-три месяца наш президент, американский, Ва-ша фрау Меркель выступили с заявлениями, которые выходят далеко за рамки политики и экономики. Они касаются современного состояния культуры, умонастроения времени, европейской цивилизации, и это уже касается нас непосредственно. Если то, что они видят и говорят, отражает мировую реальность, мы входим в мировое переустройство, более глубокое и существенное, чем все те, что нам пришлось пережить за последнее время.

Сюда относятся. — Летние выборы в Европарламент: около 60% избирателей не явились, т. е. единство Европы — голубая мечта двух предшествующих поколений, — никому не важна и не нужна. Примечателен широкий успех шведской молодежной партии «Пиратов» — требование устранить любые ограничения на всю сферу Интернета; сеть становится интернациональной бесконечностью, вошедшей в каждый компьютер, а тем самым и в каждый дом, и предъявляющей ему, этому дому, равноправие — а тем самым и безразличие — как *carte blanche*. Отсюда — деидеологизация, о которой говорят все президенты и премьер-министры и которая реально ощутима как, если не суть времени, то его атмосфера. Я вспоминаю, как Вы лет 15 назад выходили на демонстрацию против какой-то арабской страны, попытавшейся аннексировать Кувейт. Кто сегодня обратит на это внимание? Отсюда бесконечные разговоры об update-перезагрузке, о конце холодной войны,

о завершении эры Буша с его маниакальной потребностью насаждать везде демократию *coûte que coûte*. «Плевал я на демократию. Она меня не касается!». Популизм — еще одно слагаемое атмосферы. Какая часть населения, местного и пришлого, живет на пособие и как-то не мечтает жить без него? What about «протестантская этика труда» как формы человеческой и гражданской полноценности? Отсюда утрата чувства национального корня и культурной традиции. Постановление Совета ЕС 2005 года о национальности: каждый избирает себе национальность, какую хочет. Переживание своей культурной принадлежности как свидетельства своей семейной традиции?.. Allons done! Королева даровала Норманну Фостеру, сыну манчестерского рабочего, звание лорда. Ну, и правильно. Он ведь создал единую архитектуру, так что метро в Гонконге, библиотека в Катаре и Сити в Москве неразличимы и «неравнопереживаемы». А уж насчет политкорректности?..

Я пишу это, дорогой Герхард, не для того, чтобы Вы заподозрили меня в желании прочесть всё это через призму «хорошо» — «плохо». Я не так глуп и не так плохо образован. Мне просто очень важно было бы понять, что это значит и куда это идет. Может, поможете?

Ваш Кнабе

В недрах моего Интернета на минуту мелькнуло большое Ваше письмо, набранное на компьютере, по-видимому, сравнительно недавно, но прочесть его мне так и не удалось. Может, поищите, а затем обратитесь к тому самому гусю из зоопарка?

Г.Ш. 10.10.2010

Дорогой Георгий Степанович!

Прежде всего, об отрадном: Вы снова на связи! Ваше последнее письмо в мае очень тронуло нас, меня и Карин. И у Вас самого было мало надежды на улучшение. Мы сразу же ответили Вам, но не получи-

ли никакого ответа. Назад, к старинной почтовой карете! Она требует много времени, но надежнее (интернета).

Естественно, Вам интересно, что происходит в Германии. В настоящий момент горячо обсуждается тема мультикультурного общества. Спусковым механизмом послужила книга Тило Сарацина, социал-демократа, «Германия самоликвидируется», п. ч. Германия капитулирует перед наводнением иностранцами. Точнее: центральным пунктом является более миллиона турок, которые большей частью не желают интегрироваться. С ними и с детьми из таких семей много проблем. К этому присоединяется активность мусульманских религиозных деятелей. Только в Берлине 300 000 турок, район Кроцберг уже полностью турецкий. Есть школы, в которых немецкие дети стали меньшинством рядом с турецкими, арабскими и африканскими детьми. И хотя Сарацин употребил в нескольких пунктах неточные определения, но решающая и побудительная проблема сформулирована им отчетливо. При этом интересно, что Сарацин различает иммигрантов, которые готовы интегрироваться, например, русских, русских евреев, вьетнамцев, с которыми вообще никаких проблем не существует, и тех же мусульман, турок и, частично, африканских иммигрантов. Сарацина сначала резко критиковали в средствах массовой информации, теперь, так как приходится брать во внимание недовольство, уклониться от дискуссии уже невозможно. Проблемой иммиграции не занимались серьезно на протяжении десятилетий. Я не знаю, как хотят ее разрешить.

Естественно, это не только немецкая проблема, но общеевропейская. В Германии она заострилась. То, что предпринимается (требования, строгие меры, языковые курсы, экзамены), — это процесс, который длится не одно поколение. И успех не гарантирован. Да и вообще стоит вопрос, сохранятся ли европейские национальные государства в том виде, в каком они сегодня существуют. Я отношусь к нему весьма скептически. Против этого говорит многое: глобализация, мобильность людей, коэффициент рождаемости азиатских и африканских народов, и, не в последнюю очередь, пренебрежение

международными законами и традиционным образом поведения гражданского общества.

Проблемы ощутимы в крупных городах, наряду с Берлином, в Гамбурге, Кельне, Штутгарте. В восточной Германии едва ли, т. к. после 1990 года иностранцы почти не появлялись здесь, ведь индустрия здесь по большей части разрушена. Сейчас положение немного улучшается, но, как и прежде, здесь самый высокий процент безработных. Тюрингия среди так называемых новых земель находится в наилучшем положении. Йена хорошо развивалась, считается «маяком».

Хайнер и Фолькер работают здесь (впрочем, Фолькер на западно-германскую фирму).

У обоих все хорошо. И, сразу же прибавлю, у нас тоже. Таутенбург в принципе не изменился. Построили несколько новых домов. Но у нас, к сожалению, как и во многих других местах, много молодых людей после обучения и получения профессии уезжают на Запад, ибо там легче найти работу и также больше зарплаты.

В последнем году я сделал несколько докладов о региональной истории. Я посылаю Вам два опубликованных текста. Теперь я пытаюсь дополнить мою книжицу о Таутенбурге, потому что обнаружил некоторые интересные подробности из прошлого Таутенбурга.

Мои контакты с Фрицем Мирау не прервались. Я еще надеюсь увидеть его в этом году. Это относится также и к Оскару фон Терне, который уже два года живет в собственном доме в идиллическом уголке под Берлином.

Выбор чтения велик. Но, исходя из того, что летом на мне еще работа в саду и по уходу за домом, я читаю немного. Очень хороша книга одного германиста, Гюстава Зайбт, «Гете и Наполеон». Умная, со знанием дела предпринятая попытка объяснить почитание Гете Наполеона, как «его восприимчивость демонической силы необыкновенной человеческой природы», менее из восхищения историко-политическим значением Наполеона.

Фолькер Браун опубликовал свои дневники 1977–1989 годов. Как СЕГ (*SED — Sozialistische Einheitspartei Deutschlands — прим. Н. Н.*) притесняла, мучила такого сторонника гуманного социализма, такого философского, марксистски-аргументированного автора. Браун был для меня одним из авторов, кто давали надежду. Это удручает. Так обходится инквизиция с еретиками, чтобы одержать верх над ними. Очень убедительно выглядит книга Карла Шлегеля «Террор и мечта. Москва. 1937», она заслужила быть переведенной на русский. При чтении я часто вспоминал Вас и Ваши впечатления о 30-х годах. Как раз сейчас прочел: Гюнтер Грасс «Слова Гримм» (*Grimms Wörter (2010) — прим. Н. Н.*). Написано с любовью и восхищением братьями Гримм, прежде всего их жизненным вкладом, немецким словарем братьев Гримм. Он был сформирован в течение 100 лет. Увлекательно для каждого немца, элегантно, занимательно написано, если даже и не без определенного самовлюбленного кокетства. Но это такой человек как Гюнтер Грасс может себе позволить, даже если это позволило его критикам эту книгу сразу же раскритиковать.

В начале года я прочел Рикарду Хух, значительнейшую немецкую писательницу 20-го столетия. Большая поклонница Италии, написала в 20-х годах «Истории о Гарибальди». Гарибальди как бесшабашный и уволенный за негодностью солдат и политик Рисорджименто симпатичен мне. Я читал это, вспоминая наше апрельское путешествие в Неаполь. Нигде, кроме Италии, не представлена эта революция с такой любовью и столь идеалистически. В то же время я осознал, как быстро забывается даже хорошая литература. Рикарду Хух читают сегодня исключительно редко. Никто сегодня не знает ее прекрасную книгу «Романтика».

Италия — это снова было событие. Неаполь с грандиозным археологическим музеем, Помпеи, Пестум, Монтекассино, Орвието — я благодарен каждый раз, что я могу снова это пережить. В августе мы были одну неделю в Саксонии и наслаждались видами маленьких городов

и замков. Но для этих красивых и очень немецких городков в экономическом аспекте почти нет перспектив. Но, возможно, именно благодаря этому, они останутся как хорошо сохранившиеся резервации ушедшей немецкой культуры.

О современной русской литературе я не имею сейчас никакого представления. Я отказываюсь от этого. И крупные немецкие издательства тоже не предлагают никаких переводов русской литературы, кроме классиков. Может быть, Вы поделитесь Вашими впечатлениями о современной русской литературе? О каких проблемах, о каких темах идет речь? Есть ли достойные внимания дискуссии с советским временем в литературной форме? Какие произведения, какие авторы остались?

Дорогой Георгий Степанович, последние 20 лет были, наверное, для Вас еще более, чем для меня связаны с решающими политическими и общественными обрушениями. Многие, связанные с этим проблемы, будут занимать меня до конца жизни. Я уверен, эта тема не могла бы закончиться. Это были бы разговоры! О сегодняшней России и возможных перспективах я в какой-то степени информирован. Однако хотелось бы знать, что скажет об этом «маленький человек» в Москве, в Воронеже или Иркутске, как оценивает эти изменения. Есть хорошие репортажи, тем не менее, все переживается на местах по-разному.

На этом я завершаю. Мы с Карин желаем Вам оставаться в хорошей форме, сохраняйте подвижность, не перетруждайтесь. Вам 90 лет, величественный возраст. Мирау написал мне, Томас Манн сказал бы по этому случаю: это работа. Я согласен с ним.

Чтобы не забыть: Вы писали, что Рита оставила после себя хорошие стихи. Вы упоминали, что они будут изданы. Это произошло? Я бы с удовольствием прочел.

С сердечным приветом

Ваш Г. Шауманн

Г. Кнабе — В. Ярхо

В. Я. Никоторого числа

День был без числа.
Дорогой Юра!

Поглядев на дату, не подумайте, что на блаженной земле Авсония я совсем свихнулся. Нет, я пока еще в здравом уме и относительно твердой памяти, а такую дату поставил, потому что письмо пойдет к вам с оказией через Н. Л. Кацман не раньше конца сентября при совершенно неясном точном сроке. С оказией же потому, что, уезжая из Москвы, я никак не надеялся, что буду здесь работать и сумею восстановить прерванные перестройкой научные связи, и даже книжку с адресами выбросил. А пишу потому, что с подачи Симы Маркиша, которого Алла в прошлом году встретила на очередном пушкинском симпозиуме, узнал про Вашу «Русскую античность» и заказал Алле привезти из Москвы. Теперь прочитал и, пока мои чувства не остыли, решил Вам написать, а когда Вы это читаете, уже не так важно.

Итак, жутко умная книжка со строго продуманной концепцией, хорошо аргументированной... Что вы все знаете, я подозревал и раньше, но — чтобы **всё обо всем**, от исихастов до питерских особняков (да еще по какой стороне улицы, если смотреть от...), — это впечатляет. По-видимому, у нас с Вами различные творческие темпераменты: я старался всегда опубликовать работу, пусть и по частному вопросу, но как только проблема казалась мне исчерпанной. Поскольку же русская античность — проблема неисчерпаемая, то Вы, как видно, копили ее в себе, пока она не стала для Вас *umfassend*... «Потом печатает» — но на этот раз не в Лету — бух! Думаю, что к Вашей античности будут обращаться достаточно долго.

Что лично меня заинтересовало меньше всего, так это раздел 1. Во-первых, я (наверное, от недостаточной образованности) никогда не занимался неоплатонизмом и влечения к нему не испытываю и ко всяким эманациям от «Него» к нам отношусь очень скептически. Что касается исихастов, то к ним лично я никаких претензий не испытываю и даже, наоборот, уважаю их за то, что они не были мздоимцами и пытались возродить идеалы первобытного христианства. И что дальше? Ничего: *vox clamantis*.

Вот тут и начинается мой антинаучный эмоциональный всплеск: как закоренелый атеист, я ненавижу всякую религиозную догматику, и от рассуждений о богочеловеке и сущности триединыя Троицы меня воротит. Но это не самое главное. Если бы РПЦ в самом деле осуществляла идеалы первоначального христианства и в наше время делила между нуждающимися хотя бы доходы от жульнических таможенных операций, я бы не имел к ней претензий. Как Вы знаете, на это не похоже. Стало быть, сплошное лицемерие, которого не было по отношению к богам в античности.

Неприязнь к православию усиливается для меня еще почти состоявшимся смыканием его (Алексий II), самодержавия (президент) и народности (сильно отощавшей) со столь мощно раскормленным антисемитизмом («несть ни эллина, ни иудея?»).

Наконец, есть логическая неувязка. Например, рублевскую «Троицу» сравнивают с античными стелами (почему, формально непонятно: нет, кажется, ни одной стелы с преклоненными головами, да и Ваши римляне на коллективных стелах, насколько я помню, смиренно сидят каждый под своей арочкой, глядя прямо на вас и не помышляя о том, чтобы завязать отношения с изображенным рядом же родственником), признавая при этом, что Рублев их никогда не видел. Да и где он мог их видеть? Другое дело, что по содержанию они в известном отношении сходятся: и там, и здесь — умиротворение, хотя опять же, разного свойства: у греков оно уже наступило, так как смерть есть бесконечный покой, рублевские ангелы только надеются, что они принесли умиро-

творение, и как мы видим из последующих же глав Вашей книги, надеются напрасно. Стало быть, либо опять эманация, либо типологическое сходство, причина которого, в общем-то, не разгадана (может быть, оно восходит к какому-нибудь первобытному архетипу, поскольку и у неандертальца было достаточно поводов мечтать об отдыхе от охоты и мамонтов), и тогда сопоставлять такие памятники надо типологически, как всякие запреты у Гесиода и каких-нибудь камчадалов. Тогда причем здесь античность?

Дальше пошло у меня легче, поскольку материал становился все более знакомым, и у меня возникли только некоторые соображения.

1. Первое из них — Державин. Я думаю, Ваше изложение не проиграло бы, если бы Вы добавили, что в роли харит часто выступают Дашеньки, Парашеньки и т. п. (может быть, именно этих имен у Г. Р. нет, но тенденция очевидна), близость с которыми была ему, несомненно, доступнее, чем с нимфами.

2. Гражданско-патриотический идеал греков. Тут непросвещенному читателю хорошо бы объяснить, что дело, в общем, ограничивается Спартой VII в. и Афинами V в. В IV в. их войско состояло на $\frac{3}{4}$ из наемников, — какой тут, к черту, патриотизм? Конечно, они без конца талдычили о Марафоне и Саламине и не без удовольствия читали «Панегирик» Исократы (все-таки не речь тов. Жданова о наплевизме) и т. п., но на практике это их нисколько не затрагивало. Что касается понятия «народ», то оно у них, конечно, было: вспомните противопоставление *δῆμος* именно господствующим слоям в ксенофоновских «Меморабилиях».

3. Любопытно, что ваша периодизация античности у Пушкина совпала с той, которую и я вывел год тому назад, став *malgré moi* пушкинистом на час: заведующая кафедрой славистики, зная о моем здесь пребывании, попросила сделать доклад на тему «Пушкин и античность», и я легкомысленно согласился. Так как кроме алексеевского «Памятника» здесь ничего не было и нет, пришлось пойти единственным доступным мне путем — перечитать всего Пушкина, благо он у нас

дома. Конечно, естественно, что наши выводы на одном и том же материале сошлись, но все же, как говорил Несчастливцев, лестно...

4. Жаль, что вы совсем не затронули таких переводчиков, как Жуковский с его сентиментализированной «Одиссеей» или Инн. Анненский и Зелинский с их модернизированными и психологизированными Софоклом и Еврипидом. Об Анненском хорошо написал Гаспаров в статье и приписанной мне преамбуле к примечаниям последнего Еврипида в ЛП, я писал о Софокле в тех же ЛП и наскреб больше листа об «Одиссее» Жуковского в долженствующем выйти новом издании. Называю все это, не чтобы прославить наши имена, а потому что широкая масса, которая «лениво и неохотно следует за своим правительством» (с. 92), судит об античных авторах не по нашим писаниям, и тем более не по оригиналу, а именно по переводу, и какая-нибудь Федра у Анненского так же похожа на еврипидовскую, как картины Бакста — на античную Грецию.

5. Не стоило ли упомянуть о полемике Чернышевского с Дружининым по поводу античной литературы? Первый из них, правда, нередко молот чужь по конкретному поводу (не помню, где, — сравнение рока с бутылочкой для лекарства), но принципиальное различие в подходе («правда жизни» или *l'art pour art?*), по-моему, Вам бы не помешало.

6. Неясным для меня остается вопрос о месте в вашей картине классического образования. Вы затрагиваете его в связи с Уваровым, но ведь была и Деляновская реформа («хоть до утра долби греческие глаголы, лишь не расклеивай листовки»), есть некий всплеск в виде всяких лицеев, гимназий в наше время, — соотносится ли это как-то с «энтелехией античности»?

7. С Язоном через «з» я еще бы примирился, хотя это явное «латинство», но чего я Вам до конца жизни не прощу, так это **песен** «Энеиды» (Вы можете себя утешать тем, что мои *араζ* затянутся не слишком надолго). Можно еще простить песни в применении к Гомеру (тут посодествовали и *Lieder der Völker*, и Оссиан, и Кириша Данилов, и песенная теория Лахманна), хотя на самом деле 24 книги каждой из них

были выделены не раньше II в. до н. э. александрийскими грамматиками, но чтобы Вергилий писал «Энеиду», рассеянно бряцая на лире, это и в страшном сне не приснится.

8. Число папирологов хорошо бы преобразовать из единственного в двойственное, добавив имя Г. Ф. Церетели: его пятитомное издание *Papiri der russisch-georgischen Sammlung* и в свое время было событием, и сейчас его высоко ценят. Лет десять назад его полностью воспроизвели, кажется, у Ольмса в Хильдесхайме.

9. Когда будете издавать следующую книгу, постарайтесь втолковать очередной редактрисе, что события до н. э. обозначаются VI–V вв., а не наоборот. Я знаю по своему опыту, что внушить истину редактору не всегда удастся, но попытка не пытка.

Вот, кажется главное, что я успел выловить. Не сердитесь, если мои замечания покажутся Вам ядовитыми: Вы же должны знать мою вредность.

Попутно один вопрос: не знаете ли Вы, почему Мандельштам обозвал где-то Эсхила плотником, Софокла — лесорубом (или наоборот?) Над. Як. (*Надежда Яковлевна*) в каких-то воспоминаниях этого объяснить не сумела. Я понимаю, что вопрос — из числа тех, о которых сообщает М. Бессараб в книге о Ландау. У нашего будущего физического гения, безумно любившего литературу, и в том числе прозу Лермонтова, не сложились отношения с гимназическим учителем словесником. Как-то на заданный мальчику вопрос, о чем думал Лермонтов, когда писал «Героя нашего времени», тот сказал, что ответить на это мог бы только один человек — Михаил Юрьевич Лермонтов. Логически ответ безукоризненно правильный, но если ему последовать, то многие сотни литературоведов должны переквалифицироваться в управдомов или, по нынешним временам, в барменов, охранников и т. д. Положение можно исправить, если заданный вопрос начать с вводного предложения: «**Как вы думаете**, что хотел сказать...» и т. д.

Что сказать Вам о себе?..

...Что же я наработал? То, что было в ВДИ, Вы, наверное, видели. Кроме этого: комментарий во много листов к упомянутой выше «Одиссее», потом занятия мифографами занесли меня в Первого ватиканского мифографа (он вышел в СПб-ской «Алетейя», м. б. попалался Вам на глаза). От него, т. е. рубежа первого миленния, вернулся в античность, но, опять же, черт занес меня к вандалам во вторую половину V в.: натолкнулся я на одну ссылку на Драконция, он мне показался занятым, и я — что бы Вы думали? — взял и перевел гексаметром все 6 его мифологических поэм: пробный камень брошен в виде перевода самой крупной из них; м. б. уже вышел содержащий его № 3 ВДИ.

Не успел я подготовить для печати всего Драконция, как подоспел неведомый мне доселе любитель античности — директор изд-ва «Лабиринт», судя по переписке, очень порядочный и обязательный человек. Он очень охотно взял мою книжицу о папирусах, на доделку которой потребовалось 3–4 месяца, и заключил со мной, как А. Ф. Маркс с А. П. Чеховым, договор на мое творчество, «которое есть и которое будет». Пока что это вылилось в проект трехтомника моих опера *minora*, над которым я и сижу уже четвертый месяц: много пришлось переводить обратно с немецкого, многое согласовывать в пределах тома; статья об «Илиаде» была несоразмерно легкомысленна и намного короче, чем об «Одиссее», — пришлось их объединять и, в сущности, полстатьи написать заново, и т. д. Словом, только тот, кто знал..., поймет, какая это морока. Впрочем, т. 1 я уже отослал в Москву.

Здесь по радио часто передают хорошую музыку, в том числе и таких исполнителей, о которых мы в Москве и слыхом не слыхивали. Так вот, когда я слушаю среднюю часть 4-го бетховенского концерта, я думаю, что это про меня: сначала рак (не рок!) мощно наступает оркестровыми аккордами, а я противопоставляю ему жалостливую фортепианную партию, потом она понемногу усиливается, и к концу этой части мы приходим в соотношении примерно 55 к 45. Учитывая мой возраст и анамнез, по-моему, это терпимо.

А как Ваше сердечко — колотится, не мешая работе? А помните, как мы сдавали Неусыхину Средние века и ошеломили Вашу группу соревнованием в датах? *Toia fuit, fuerunt olim Troiani...*

Сердечный привет Ревекке, а Вам желаю дальнейшей успешной работы на вершине РГГУ-вского ареопага, который выгодно отличается от афинского тем, что дает людям спокойно работать дома, а не таскаться по заседаниям, где не разберешь, кто прав, а кто виноват (как, впрочем, в оценке Ивинской в устах Л. Чуковской и соответственно — Н. Я. Мандельштам в мемуарах Эммы Герштейн).

Прилагаю несколько оттисков иностранного происхождения — наверное, не для прочтения, а из почтения. Один из них показывает, куда меня занесло!

На том будьте здоровы и благополучны и не сердитесь на меня за такое длинное послание: надо же когда-то выговориться перед умным человеком.

Всю предыдущую часть я сочинил к 3.09, а утром 4-го настигли меня последствия моей химиотерапии: дикая слабость, тем. 38 с хвостиком, боли в желудке и т. д. — словом, все, чего может пожелать себе вполне благонадежный пенсионер. Сейчас понемногу прихожу в себя, но самое обидное, что эти 8 сеансов вместе с их распроклятыми последствиями (потерял для работы почти 2 недели) не дали ожидаемого результата: какой-то онкологический показатель в крови не уменьшился, а даже слегка вырос. Сегодня, 15-ого, были у моего онколога; она отпустила мою душу на 10 дней, чтобы с 25-го применить еще какой-то состав для вливания. Если два сеанса помогут, будем продолжать. А если не помогут? «Сгорну рученьки, сгорну ноженьки, тай не жив я стану». Все там будем.

Вот на этой веселой ноте я пока что вынужден закончить.

Ваш Ярхо (он же Виктор)

Г. К. 14.11.2000

Дорогой Виктор, —

боюсь, что Вам трудно будет себе представить, какой радостью стало для меня Ваше сентябрьское письмо. Цивилизация, до которой мы дожили, упорно и на тысячу голосов нас упраздняет — нас, наш ум и наш мир. Взгляд, который время от времени бросаешь на паспорт и фигурирующие в нем даты, намекает на то же. И вдруг Ваше письмо, говорящее — и как убедительно! — прямо об обратном. Я сочинил книжку, Вы в своем Бордо ее добыли, добыли потому, что Вам стало о ней известно от венгро-швейцарского Симы Маркиша, Вы ее пронизательнейшим образом прочли, вняли тому, что образует ее смысл, и сделали по ней замечания, некоторые из которых очень точны (см. ниже); мало этого — Вы приложили оттиски с Вашими текстами, свидетельствующими, помимо всего прочего, о том, сколько времени и энергии находите Вы, чтобы следить за литературой по специальности. И как бы между прочим добавили несколько слов о том, как боретесь Вы с приставшей хворью, которая никак не может с Вами справиться и — не сомневаюсь — не сможет еще очень долго. Сколько во всем этом умственной энергии и духовного здоровья! Ну, молодец! Ну, порадовали! Ну, удружили!

Я, боюсь, от Ваших *prouess'ov* далек. За годы Вашего отсутствия (Вы ведь уезжали, если не ошибаюсь, где-то в начале девяностых) я выпустил несколько книг и несколько десятков статей, в том числе по Риму, но преимущественно по теории и гносеологии культуры, по влияющим на нее современным общественно-философским процессам, по русской античности. Большинство из них и недоставаемо, и, учитывая, сколько прошло лет, наверное, Вам неинтересны. Исключения, по которым очень хотелось бы с Вами поговорить, — большая статья «Арбатская цивилизация и арбатский миф» о *grandeur et décadence* того поколения русской интеллигенции, к которому мы с Вами принадлежим (1998); «Местоимения постмодерна» (1999) — о той парадигме цивилизации

и научного познания, в которую мы с Вами *volens nolens* вписаны; цикл статей о римском искусстве с преимущественным вниманием к феномену *cultus*, т. е. к явлениям, посторонним аксиологии *civitas* и потому воспринимающимся под знаком отдыха, несерьезности, причуды, игры, как вилла или настенная живопись II и IV стиля (2000). Последний опубликован в газете для учителей, вторая — в совершенно недоставаемом сборнике, так что для пересылки все это не годится; статья об Арбате входит в небольшую книжку, которая может быть Вам выслана.

Теперь о Ваших замечаниях на «Русскую античность», за которые я Вам, естественно, искренне благодарен. Пункты 4 (перевод как форма рецепции, Анненский и Зелинский) и 8 (папирологи и Церетели) полностью справедливы; если (что вряд ли) придется переиздавать книжку, учесть надо обязательно. Вряд ли Вы правы в пункте 7 (о песнях «Энеиды»). Переводчик создает текст, который воспринимается читателем на основе его, читателя, культурного, художественного, общественно-политического и прочего опыта, а не на основе смысловых обертонов, которыми окутано то или иное слово в подлиннике, читателю неизвестном. «Книга» у людей нашего времени жестко ассоциируется с типографией, переплетом, тиражом, вообще с культурной атмосферой книжной цивилизации. Важно читателя от этих ассоциаций увести и переориентировать на некоторую историческую даль, эпос, легендарных богатырей и пр. Романтики остро ощутили эту необходимость и ввели в практику изданий средневековых эпосов слово песня. Филологи-классики, их современники, последовали их примеру. Я тоже.

Так же с «граждански-патриотическим идеалом греков» (пункт 2). Смешно и нагло, чтобы я спорил с Вами о греческой культуре, но Вы сами меня к этому вынуждаете. Гражданский патриотизм бывает разный. Одно дело Денис Давыдов или даже Роланд с его *dulce France*, и совсем другое грек или римлянин классической поры. Он, отчасти сознательно, главным же образом подсознательно, убежден в том, что принадлежит к Городу — единственному месту во вселенной, которое было изволением богов создано там, где оно создано, устроено,

снабжено стенами и законами, и связь богов с которым длится и будет длиться аере *perennius*, и жив ты до тех пор, пока все это есть, ты к нему принадлежишь и есть смысл лично сгинуть, только бы все это навсегда осталось. Внутри могут твориться любые безобразия, но это здешние безобразия, которые не в состоянии изменить строй вселенной, и если угроза разрушения возникает над ним и над ней, то это несказанный ужас. Здешние безобразия — здесь, не видеть их и не пытаться как-то от них избавиться нельзя, но они не могут изменить вечное, не ведать которого или по отношению к которому легкомысленничать — пошлая и самомнительная гадость, которая называется *hybris* или, по-нашему, *audacia*. Об этой живущей в каждом связи с вечным напоминают регулярные трагические представления (а театр есть почти в каждом городе) — иначе, кто стал бы их оплачивать и на них ходить, напоминают стелы о погибших за отечество — иначе кто стал бы их заказывать и ваять, напоминают вожди (хотя бы Перикл — *Thuc. VII, 77, 7*), и если в их случае еще можно заподозрить какую-то корысть, то какая корысть была Аристотелю писать о полисе то, что он писал, а Сципиону Младшему (*ORF, fr. 32*) говорить то, что он говорил? Всё это я и имел в виду, говоря о граждански-патриотическом идеале греков, и все это Вы знаете не хуже, а лучше меня, и знаете, что Спартой и Афинами дело не исчерпывалось — так зачем ворчать? Из Вашей, как Вы выражаетесь, «вредности»? Конечно, все это плывет в реке времени и исчезает (ваш IV век, со всеми своими наемниками, тому пример), но и как-то остается, а когда исчезает окончательно, начинается «совсем другая история».

Ну, и наконец, опять-таки обращаясь к Вашей стилистике, «чего я Вам до конца жизни не прощу» и по поводу чего переживаю, опять-таки по Вашим стопам, «эмоциональный всплеск», это первый пункт Ваших замечаний — насчет неоплатоников, исихастов и РПЦ. Оставим неоплатоников в стороне (вспомним, впрочем, слова Герцена: «Я думаю даже, что человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля... не перешедший через этот горн и этот закал — не полон, не современен»). Мы с В. С. Соловьевым думаем, что то же надо сказать и об «Эннеадах»

Плотина, если не обо всем их тексте, то об их общей идее). Но неужели Вы станете считать Конфуция подонком на том железном основании, что на него без конца ссылался великий кормчий и его подручные? Или садистами и фанатиками Габриэля Марселя и Жака Маритэна, поскольку был Торквемада и вообще все они католики? Или полагать Маркса ответственным за искусства Лаврентия Палыча и Иосифа Виссарио-ныча? Allons donc!

Вот, дорогой Виктор, мои ripostes. Они ни в коей мере не должны затмить ни мою благодарность Вам за подробный и интересный разбор, ни за само письмо, ни за все, о чем шла речь в начале. Отвечайте побыстрее. В ответе на ответ попробую кратко описать, что заслуживает внимания в московском антиковедении, хотя, впрочем, Вы, наверное, многое знаете от Н. Л. Кацман или из «Вестника». Сообщите Ваш электронный адрес, так будет проще. Мой: Knabe@mail.ru. И — вперед.

Ваш

Поклон С. М. и привет Алле, если они меня помнят.

Г. К. Москва 10.01.2001

Любезный позитивист и крохобор!

С Новым годом! В наше время большим успехом пользовались спектакли по пьесам драматурга Рощина — «Валентин и Валентина» в Современнике, «Старый Новый год» во МХАТе и другие. Недавно он опубликовал в газете (кажется, в «Известиях») некий Bekenntnis под названием «Остаюсь в двадцатом веке». Статья получилась не слишком умная и не слишком убедительная, «но идея богатая», как говорил тот священник из анекдота. Вопрос этот стоит перед каждым из нас, и каждый раз, поздравляя сверстников с Новым годом, приходится над ним задумываться. Вы называете себя позитивистом и крохобором не без кокетства, но и не без убеждения в том, что за таким обозначением стоит нечто абсолютно оправданное: стремление и умение отделять

ложь от правды, истинное от неистинного — ошибочное чтение папирусов от правильного, толковать образ Антигоны не произвольно, а исходя из всей совокупности данных, и т. д. Сегодня в мире и в науке, нас окружающих, граница между тем и другим стала настолько зыбкой, настолько субъективной, что тратить жизнь на различение в каждом отдельном случае факта и вольного его толкования, истины и неистины, оказывается бессмысленным — если вы даже их и различите, никого в этом убедить не удастся. Стоит ли в этих условиях поздравлять Вас (нас?) с модуляцией в эту атмосферу и с тем, чтобы, обоснованно или нет, называть себя — и быть — «позитивистом»? Отметки студентам ставятся все более произвольно, заключения на диссертации пишутся так же, основания, на которых строится та или иная научная концепция, возникают из умонастроений и ощущений, и это не недосмотр, недобросовестность или ошибка, а умонастроение и убеждение времени. Посмотрите книги, которые у Вас же во Франции оказали радикальное влияние на новое представление об античности — «Anti — Edipe» Делёза и Гваттари, составивший первый том их же «Капитализма и шизофрении» (1972), античные разделы «Histoire de la sexualité» (прежде всего том 2, 1984) Мишеля Фуко, по-своему блестящую статью того же Делёза «Platon et simulacre», не говоря уже о многократно перепечатанной «Pharmacie de Platon» Деррида, и вся неуместность быть или остаться «позитивистом» Вам станет окончательно ясна. Так оставаться в XX веке или нет? Ваше внимательное и сочувственное чтение моего Арбата говорит, пожалуй, о том, что нам обоим оставаться там. А вот стоит ли, неясно. К вопросу о всё той же попытке остановить перстом жернова истории?

Переходя от материй возвышенных к более жизненно практическим, напишите, пожалуйста, о Ваших делах, о здоровье Вашем и С. М., о работе, о публикациях, об атмосфере — в более узком и в широком смысле — в которой Вы живете. Наша жизнь в узком смысле течет по внешне вполне традиционному руслу — университет, заседания Совета с постоянными защитами диссертаций (написанных чаще всего

на материале недавно открывшихся советских архивов и, как правило, очень хороших), с научными конференциями, становящимися все более бессмысленными. Что же касается более широкого смысла, см. выше. Недавно я был в командировке в Констанцском университете и, соблазнившись близостью Швейцарии, попытался пообщаться с Маркишем. Личного общения не вышло — он был где-то в отъезде, но в последний день поймал меня по телефону. Он живет, насколько я понял, хорошо — на какой-то очень значительной пенсии, и много путешествует, навещая свои обильные семейства. В Москве вышел сборник статей покойного Сергея Ошерова — 16 статей по Древнему Риму, 4 по рецепциям античной поэзии в поэзии русской и 2 по теории перевода, со вступительной статьей Гаспарова, который по-прежнему занимается мандельштамовскими делами в США. Из литературных событий — новый перевод «Происхождения трагедии из духа музыки» Ницше, выполненный учеником Гаспарова Россиусом, толстенный том с учнейшими комментариями. Кажется, *c'est tout*.

Пишите, не ленитесь и не следуйте моему примеру

Ваш

Г. К. 29.06.2001

Любезный моему сердцу Виктор. —

Ваше сравнение моих непрерывных трудов с трудами Скарлатти, сочинившего, по Вашим словам, не то 500, не то 700 сонат (Вы забыли Лопе де Вегу — 4000 драм, тоже не слон на палочке!), задуманное как саркастическое, оказалось пророческим: после получения Вашего письма в конце января я погрузился — *post hoc non est propter hoc*, разумеется — в сочинение, правда, не 4000, не 700 и даже не 500 текстов, а всего лишь одного, но давшего мне с превеликим трудом, и пребывавал в нем до — *mirabile dictu* — позавчерашнего дня. Текст посвящен

выяснению причин исчезновения русской интеллигенции из социокультурной структуры современного общества; интеллигенты есть, правда, не слишком много, как пишут в некоторых медицинских документах — «один-два в поле зрения», а интеллигенции как необходимого элемента общественной структуры нет. Как Вы понимаете, я не стану отнимать Ваше время и излагать содержание этого столь меня увлекшего опуса, и упоминаю о нем только по двум поводам. Во-первых, чтобы объяснить причину моего неприличного многомесячного молчания: года к суровой прозе клонят, и просидев за компьютером четыре-пять часов, не получается еще и вечером вернуться к нему дабы сочинить сколько-нибудь осмысленное послание; — извините великодушно. Во-вторых, чтобы дать Вам представление (если Вы не заметили или недооценили) о некотором типичном — и, как мне кажется, не только отечественном, но и мировом — процессе переориентации гуманитарного знания от традиционных занятий специальными дисциплинами к прочтению и пересмотру их *sub specie* культуры. Образовавшаяся таким образом довольно расплывчатая, но актуальная и привлекательная сфера знаний расплзлась по *curriculum*ам университетов почти всех стран мира. В США она называется *cultural anthropology* (разумеется, не в этнографическом смысле), в Англии почему-то *English literature*, у нас — культурология. Обязательный курс под этим названием я читаю на 4-ом семестре историкам, после чего он развивается еще на три с половиной года по периодам. На мою долю приходится два — античность и период, затейливо называемый «постромантические модели культуры», который охватывает 1850–1950 гг. В лекциях по античности я не рискую говорить что-либо, кроме самого голодного минимума, про Грецию и сосредотачиваюсь на Риме, где, как мне кажется, удалось заметить кое-что новое. Хотелось бы Вам все это как-нибудь показать, но реальных путей к тому не вижу. В сокращенном виде эти материалы и идеи я изложил в газете для учителей «Искусство» за 2000 и начало 2001 гг., но во Франции, очевидно, эта газета недоставаема, а пересылать ее бандеролями слишком сложно.

Говорю всё это не только чтобы объяснить мое легкомысленно выглядящее обращение к непрофессиональным темам, но и для того, чтобы обратить Ваше внимание на, как мне кажется, происходящее и может быть Вам небезынтересное измельчание антиковедения в собственном смысле слова. В 80-е годы Вы, насколько я припоминаю, принимали участие в антиковедческих пиршествах духа и в Ленинграде у Фролова (10–12 конференций «Античный полис»), и в МГУ («Сергеевские чтения»), и в «Вестнике Древней истории». По этим конференциям выходили сборники, и там было немало существенного. Сейчас все это либо *est tombé en désuétude*, либо замкнулось на очень дробные, совершенно частные темы — интерпретацию отдельных надписей, конъектуры к текстам и т. д. В этой среде историософские или общетеоретические темы, когда появляются, не вызывают ничего, кроме раздражения. Иллюстрация — вчера закончившаяся очередная конференция в «Вестнике». Наблюдаете ли Вы что-либо подобное во Франции?

За «Древнегреческую литературу» спасибо. Буду летом на отдыхе в Переделкине читать. В первую очередь, конечно, «Супружеские отношения у древних афинян» и «Рок. Грех. Совесть». Нашумевшую в свое время «Была ли у греков совесть?» я хорошо помню; мы обсуждали эту статью еще с Марией Евгеньевной Грабарь.

Сборник со статьей об Арбате постараюсь выслать.

С. М. и Алле всяческие приветы. Ревекка присоединяется. Напишите немного о них и вообще о семейной повседневности, о жизни. Не сомневаюсь, что оптимистические сведения о Вашей болезни в последнем письме оправдались. Мы хвораем понемногу, но пока держимся. Пишите

Г. К. Москва 31.05.2003

Дорогой Виктор, —

не знаю насчет французских газет и телевидения, но наши здешние переполнены сообщениями о самых разнообразных катастрофах,

которые квалифицируются как «техногенные». Потребность в комфорте, удобствах и рационализации труда требует для своего удовлетворения все более изощренной техники, а чем техника совершенней, тем она сложнее, а чем сложнее, тем больше подвержена неполадкам — от боевых самолетов до персональных компьютеров. Без компьютера, электронной почты, радиотелефона обходиться всё менее возможно, справляться с ними становится все труднее, а писать ручкой на бумаге роковым образом отвыкаешь. В этом одна из причин — далеко не главная — перерыва по моей вине в нашей переписке. Другие — растущая трудность совмещения работы, службы, быта, болезней и их лечения, и, конечно, отсутствие Вашей благородной привычки отвечать на письма немедленно по их получению. Всё это не извиняет случившийся перерыв, но, по крайней мере, его объясняет.

Ваше письмо от июня 2002 исходит из той успокоительной презумпции, что наука остается наукой, университет — университетом, а студенты — студентами. То, другое и третье на Ваш взгляд развивается, но развивается во все тех же заданных рамках, остается неизменным в меняющемся мире, а сам мир, на взгляд науки, меняется лишь на поверхности, по существу остается тем же, а то, что в нем меняется, образует лишь неаппетитный налет на неизменной основе. Не знаю, к худшему или к лучшему, опыт наш с Вами, нашего поколения и нашего времени такую презумпцию не подтверждает. Мы могли оставаться всё в той же науке и в том же ее материале, не обращая внимания на происходящие вокруг события. На фоне революции и мировой войны Соболевский продолжал биться над полисемией частицы *an*, а Мария Евгеньевна на том же фоне — подсчитывать в «Илиаде» прилагательные, означающие цвет, Вы, проучившись в ИФЛИ самые ароматные годы, что-то делали (не помню точно) с поздними греческими периплами, а я в немногим лучшие годы — выяснять механизмы *brevitas latina*. Не обращать внимания на события было частью ремесла научного работника.

Но за последние 20–30 лет изменились не события. Изменился воздух, которым питаются Ваши легкие, соответственно и мозг,

а значит и те вопросы, к которым он обращается как к настоящим и главным. Французские философы, Вами названные как имеющие отношение к изучению античности, очень неравноценны. Деррида, действительно, болтун. Он одним из первых осознал суть происшедшего и только что упомянутого изменения воздуха, понял, что наука (наука об античности, в частности) не может далее иметь дело с обобщенными представлениями о явлениях культурно-исторического процесса и, соответственно, видеть свою единственную цель в формулировании доказуемых (и мной или Вами доказанных) истин. Он понял, что цель отныне состоит в обнаружении и описании того самого «воздуха», которым дышал Платон или Цицерон, т. е. цель, в рамках традиционной науки и вообще науки как таковой, недостижимая. Но отсюда он сделал вывод, что narrative, заменивший отныне классическое исследование, вообще никак не соотносен с истиной, а поэтому можно вообще болтать что угодно.

Вы несправедливы к Кристевой, которая одной из первых поняла, что означенный «воздух» проявляется в фактах трудно и мало уловимых, неадекватных рациональному анализу и раскрывающихся только в свете наших и ведомых античному человеку «означаемых», другими словами — лишь при семиотическом к ним подходе. Ее формула «человеческая вселенная — это знаковая вселенная» — один из самых глубоких и самых плодотворных принципов современного гуманитарного знания, не повторяющий изжитых истин науки 19 века, но и не санкционирующий научный нигилизм.

Наконец, Вы совсем не правы относительно покойного Жиля Делёза. Найдите и перечитайте его статью «Platon et simulacre», чтобы убедиться в том, насколько это глубокий исследователь — и образованный во вполне Вашем вкусе и в то же время плодотворно открытый проблемам «воздуха» и сегодняшнего, и невнятно, но явно веявшего в роще Академа. Tout compte fait, согласитесь с формулой наверное Вам известного по его классической книге «Сыр и черви» хорошего итальянского медиевиста Карло Гинзбурга: развитие естественных наук со времен

Галилея «поставило гуманитарные науки перед неприятной дилеммой: либо принять слабый научный статус, чтобы придти к значительным результатам, либо принять сильный научный статус, чтобы придти к результатам малозначительным» (перевод его статьи — в «Новом Литературном обозрении» № 8 1994, с. 51). По мере сил стараемся вылезти из этой апории, но не замечать ее вряд ли плодотворно.

Поросль античников процветает весьма ограничено. Их главный центр — Сектор Древней истории в Ин-те Всеобщей истории под руководством Л. П. Маринович приказал долго жить. Существовавший рядом с ними Ин-т сравнительного изучения цивилизаций, ведомый академиком Бонгард-Левиним, проглотил означенный сектор как крокодил у Чуковского — «с сапогами и с саблюю». Жалеть об этом не приходится. Из серьезных работников масштаба и типа Утченко и его коллег там не осталось почти никого, разве что Лена Ляпустина и вечно молчащий Таранян. Сам же сектор Бонгарда ориентирован вполне современно. Он укомплектован молодыми людьми, поступившими сюда по четкой договоренности, подобной той, что существовала у нас в Риме — носитель проконсульского империя давал солдатам пограбить, они голосовали за него на выборах. То же и здесь: Бонгард их посылает за границу, они выполняют его поручения «и все, что понадобится впредь», а больше всего ходят в церковь. Тут не до науки. На кафедре Фролова в Ленинграде положение еще хуже. Кажется, чуть лучше в Смоленске. Тамошний № 1, М. М. Казаков, на днях будет защищать в МГУ диссертацию «Христианизация римской империи в IV веке». В общем, античный цех не преодолел конца века — не выдержал ни испытания описанным выше методологическим кризисом, ни испытания долларом.

Пишите, не сердитесь и не мстите молчанием

Ваш *comme toujours*

Привет всем Вашим. Р. Б. кланяется.

Содержание

Часть 1. ВОСПОМИНАНИЯ друзей о Г. С. Кнабе

Вступление	4
<i>Барсова И. А.</i> Оглядываясь назад и всматриваясь в будущее.....	11
<i>Басовский Н. И.</i> Георгий Степанович Кнабе: поэзия и вокруг неё.....	23
<i>Беккер Эллен</i> Мой друг Георгий Степанович (перев. с нем. Н. Немцовой)	67
<i>Вешинский Ю. Г.</i> Воспоминания о Георгии Степановиче Кнабе	71
<i>Данилина И. В.</i> О Г. С. Кнабе	79
<i>Немцова Н. И.</i> О Г. С. Кнабе	95
<i>Поспелова Н. И.</i> Дыхание живой культуры (О Георгии Степановиче Кнабе и Ревекке Борисовне Иоффе)	106
<i>Фрумкис Т. И.</i> О Г. С. Кнабе	127
<i>Харитонов М. С.</i> Разговоры с Георгием Кнабе	136

<i>Холмянская Ф. И.</i>	
О Георгии Степановиче	158
<i>проф. Шауманн Г.</i>	
Воспоминания о Георгии Степановиче Кнабе (перев. с нем. Н. Немцовой)	170
<i>Юдельсон К.</i>	
О Г. С. Кнабе	177

Часть 2. ПЕРЕПИСКА

Г. Кнабе — М. фон Альбрехт	183
Г. Кнабе — Эллен Беккер (перев. с нем. Н. Немцовой)	195
Г. Кнабе — Й. Вейнберг	208
Г. Кнабе — М. Каган	216
Г. Кнабе — А. Коряковцев	219
Г. Кнабе — Ш. Маркиш	221
Г. Кнабе — Н. Немцова	232
Г. Кнабе — Ольга Окуджава	329
Г. Кнабе — М. Толмачев	334
Г. Кнабе — Д. Хавин	337
Г. Кнабе — Г. Чистяков	342
Г. Кнабе — Г. Шауманн (перев. с нем. Н. Немцовой)	343
Г. Кнабе — В. Ярхо	399

Літературно-художнє видання

ПАМ'ЯТИ Г. С. КНАБЕ

Книга 1

(російською мовою)

ISBN 617-7266-06-7

Відповідальний за випуск *Євген Захаров*
Редактори: *Нінель Немцова, Михайло Блюменкранц*
Коректор російського тексту *Геннадій Семьонов*
Комп'ютерна верстка *Олег Мірошниченко*

Підписано до друку 20.11.2014
Формат 60×84 1/16. Папір офсетний. Гарнітура PT Serif
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 23,60. Умов. фарб.-від. 25,53
Умов.-вид. арк. 26,04. Наклад 300 прим.

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.